

УГЛИ ВЕРЫ

БЕС

Оказавшись вдалеке от дома, в месте, где всё вокруг пытаются убить тебя, обокрасть или сожрать, главное — не выпускать из рук меч. Чтобы выжить, вложи в него все силы и мастерство, не позволив при этом другим управлять уже собой.

Но для того чтобы не выживать, а жить, необходимо нечто большее, чем клинки и клыки.

Когда твой костер догорел и вера угасла, её последний тлеющий уголь способен разжечь новое пламя.

Вложи в него душу, и оно спалит весь мир.

Вода и кровь

Королевство Дюрандаль обширно, богато и неизведанно — здесь каждый найдёт то, что ищет.

И даже не всегда будет помехой, если это уже кому-то принадлежит.

Но не всех манит богатство и слава. Дорога алчущих спокойствия тянется в глухие земли графства Ягуара, которое раскинулось в верхнем углу всевозможных карт. Но способны ли сухие страницы карт передать его душу? Ведь скупые каракули никогда не сорвут вас с места, они не метнут вас к тёплым морям, не вознесут на вершину мира, в окружение облаков, и не обрушат вместе с ними в густую траву, всегда пахнущую росой. Там, далеко на севере, между тёплыми морями и высокими горами жители графства не знают ни зим, ни войн. Но чем ярче сияет свет, тем кровожадней оказываются тени. Это же место столь сиятельно, что тени его губили как многих жителей, так и гостей.

Мало кто задумывается, есть ли у неба кровь, а если и есть, то какого она цвета? Но здесь ответ настигает даже тех, кто и не задумывался об этом вовсе. Все в графстве жили счастливо, в тени гигантских деревьев, на богатых плодородных землях, боясь лишь одного. В конце лета, в самый богатый на урожай период, в эти земли приходит мертвящий ливень. Когда на головы людям упадут первые капли грядущего кошмара, разогнув спины, побросав мотыги и серпы, они обратят взор в небеса, чтобы ужаснуться от того, во что превратилась некогда умиротворяющая голубая высь. Чтобы ужаснуться от того, что она становится бескрайним месивом, где ожившие облака звереют и пожирают друг друга.

Под тысячью глаз из их разорванных тел на землю исторгнется настоящий потоп, погружающий всё графство под воду. Ягуары спустятся с ветвей, крокодилы выползут из своих нор, а плоды и посевы будут обращены в слякоть. Вода и кровь захлестнёт всё графство...

Но люди научились противостоять стихии. Они возвели города на деревьях, что устремляются в самые небеса, подобно пикам скал, о которые в шторм разбивается беснующееся море. Творящемуся безумию остаётся лишь раз за разом разбиваться об эти маяки надежды.

Как раз в такой спасительный город по размытой в слякоть дороге гнала уставшая лошадь, неся на себе двух людей и их жалкие пожитки. Старик сжимал вожжи насквозь промокшими перчатками, а парень сидел на крупе и держал над их головами навес. И парень и старик многим отличались друг от друга, но высеченное непогодой выражение лица у них было одинаковым.

Парень закашлял. Кустарный навес, собранный из палок и натянутой между ними ткани, содрогнулся, и очередная порция воды выплеснулась на шею недовольно фыркнувшей кобыле.

— А урожай не пропадёт? Не сгниёт? — вдруг подал взволнованный голос не выдержавший монотонной поездки веснушчатый юнец, уже достаточно взрослый, чтобы не быть ребёнком, но ещё слишком юный, чтобы считаться настоящим мужчиной.

— Амбар сухой, — не менее сухим голосом ответил старик. — Крыша просмолена, да и высоко стоит он, а плавающая погань пока не научилась карабкаться по сваям. Бояться-то нечего. Я бы больше боялся наших работничков. Если эти обезьяны попортят урожай, я их

самолично закопаю!

— А воров нам не стоит бояться?

— Кого?! У нас воров не водится, мы все честные люди! Да и как ты себе это представляешь? — Старик повернул голову и окинул мальчишку взглядом из-под прищура. — Много ли на лодке можно будет утащить клубней? А? Или кто-то сейчас настолько дурной, что с телегой потащится по этой грязюке? Глупости не говори, а лучше вообще не говори. Я хочу побыть в тишине.

Поджав губу и нахмурившись, парень отвернулся от старика, обратив всё своё внимание на некогда зелёный лес. Картина была удручающей. Ливень начался только вчера, и бойня облаков пока ещё назревала, но уже сейчас лес стоял голым, а сбитая листва плавала на поверхности заполненных водой оврагов. Укрыться от ливня было уже негде. Лишь одно дерево переливалось изумрудными красками в закатных лучах солнца. Их привычный единый свет расплетался лишь на закате, когда они, неразлучные небесные странники, разделялись горизонтом, и оставленное в одиночестве серебряное сияние ненадолго укрывало мир перед наступлением мглы. Но никто не спешил перевести дух на единственной сухой поляне, под этим деревом. Ведь с его раскидистых крепких ветвей, покачиваемых ветром, свисали тела повешенных людей.

Все жители графства знали, что Древний Закон запрещал останавливаться здесь. Привал, разбитый под раскачивающимися мертвецами, не мог обернуться ничем хорошим. Но всё же сейчас кто-то нарушил это правило, и под деревом висельников сидел человек.

— Дед... — не веря глазам, протянул мальчишка. Старик не ответил. — Там под висельником человек.

— Ты меня по каждому сорвавшемуся с петли будешь дёргать?

— Нет, этот, похоже, живой...

Старик натянул поводья, лошадь нехотя остановилась. Прищурился старик, поблёл глазами, старик пригляделся. Действительно, лежавшая у дерева фигура не могла быть висельником, так как на нём всё ещё была одежда.

— Хм-м... — протянул старик. Бросив взгляд на небо из-под дрожащего навеса, он увидел, как два облака, что располагались прямо над ними, неторопливо кружили вокруг друг друга, словно ни одно не решалось приблизиться первым. — У нас в запасе есть немного времени, и, быть может, ещё успеется его спасти.

Сухая трава хрустела под ногами. Приблизившись к нарушителю, они убедились: закон один для всех. Лозы, спустившиеся с ветвей и выбравшиеся из-под земли, уже обвили путника. Крепкая походная одежда не стала им преградой — багровые шипы, прорезав её, впились в кожу.

— Не успели! Ему уже не выбраться, — сказал молодой парень, выжимая намокший край рубахи. — Зря останавливались.

— Я и говорил, что зря! — ответил скрипучим голосом старик и махнул рукой. Он собрался уходить, но вдруг остановился. Почесал бороду, скосил глаза на сумку путника, затем потёр шершавые руки и усмехнулся беззубым ртом. — Хотя почему зря? У него наверняка осталась пара ценных вещей.

— Постой! — схватив старика за рукав, парень начал озираться по сторонам. — Ты сам ведь мне рассказывал легенды и ужасы о дереве висельников! Здесь обитает зло, что будоражит умы и порождает слухи. Длань смерти, что оплетает и убивает тех редких людей, посмевших строить ночлег там, где спят вечным сном мертвецы...

По небу раскатился предсмертный рёв. Путники отвлеклись, устремили глаза к небу. Это было одно из облаков. Из его ран вырывались водопады, а само оно начало падать, разрываясь на куски. Но достичь земли ему было не суждено — окружавшие его сородичи накинудись, пожрав последнее, что от него осталось. Оборванные водопады стрелой устремились к земле, круша деревья, и с оглушительным грохотом впечатались в землю. Ливень разошёлся с новой силой.

— Мальчишка! — закатил глаза старик. — Я был среди тех, кто писал Древние Законы! Никакая это не длань мёртвых, это обычная кошмарная лоза! — Старик схватился за сплетение лозы и сорвал её с путника одним движением. — Шипы-то ядовиты, но они не убивают, а всего-то напускают кошмары и погружают в сон. И то... — Старик сплюнул и отшвырнул от себя траву, которая зацепилась за рукав шипами, будто желая обвить всю его руку, — ...не сразу.

Юноша взглянул на спящего путника. Тот сидел, опустив капюшон на глаза и сложив руки на груди.

— Значит, он всё ещё жив?

— Ну, стало быть, отчасти, — кряхтя, старик присел перед путником. — Всё одно, если он проспал тут всю ночь, то яд проник ему в разум, а там уж всё... — Старик постучал костяшками по виску, вывесил язык и закатил глаза. Небрежно скинув руки путника с груди, старик начал шарить по его карманам. — Ему уже не помочь.

Старик был прав: чем больше страхов на сердце и ошибок за спиной имела жертва, тем сильнее был яд. Этот же человек, обвитый лозами и обыскиваемый прохожим, оказался во власти самого настоящего кошмара.

Он шёл посреди туманного болота, заваленного разлагающимися трупами. На холме перед ним виднелось разрушенное поместье. Эти руины источали помутняющие рассудок образы, обрывки ужасов всплывали, подобно разбухшим утопленникам. Леденящий кровь и душу ужас проносился вокруг, проверяя закалённость нервов. Казалось, его было не сломить. Трясущийся, тяжело дышащий, он прислонился к перекрученному дереву, ещё держа себя в руках. Но только лишь растёкся по болоту хрипящий, знакомый ему голос, как нервы его натянулись, подобно старой струне. Отпрянув от дерева, он заозирался.

Неразборчивый, липкий, всепоглощающий шёпот исходил, казалось, из самого болота. Затем всё стихло. Лишь поднимающиеся пузыри газа лопались где-то рядом. Этого отравленного и смердящего воздуха стало не хватать. Он начал задыхаться, перед глазами расстилалась пелена. Он слабел, веки становились тяжелее, а ужасы, что мелькали перед ним, обрастали обыденностью. Ему очень захотелось спать. Но в один момент он встрепенулся, скинув с себя нахлынувшую болотную дрёму, а вместе с ней и коснувшуюся его руку.

— Александр! — назвал его по имени голос, звучавший совсем рядом. Путника пробила крупная дрожь. Нервы не выдержали. Он почувствовал, как что-то внутри него лопнуло. Выкатив глаза, не сопротивляясь больше страху, он бросился бежать, не разбирая дороги.

Александр не заметил, как мёртвое болото сменилось столь же мёртвым городом. Разрушенные улицы были наполнены туманом и эхом. Чем дальше он забегал, тем чернее и гуще становился туман, а по улицам медленно проплывали маслянистые тени. Дорога оборвалась, и впереди ждала лишь тьма. Взгляду не за что было зацепиться. Он остановился. Дальше бежать было некуда, ноги начали увязать в смоле, а шёпот всё приближался. Он был всё ближе и ближе, а затем воцарилась звенящая тишина.

Он остался один посреди пустоты. Руки опустились, взгляд поник, и когда казалось, что этот кошмар будет вечен, он заметил сжатый до этого в кулаке до боли знакомый клочок бумаги. Это было письмо, и оно ускользало из пальцев.

Александр распахнул глаза.

Он лежал, прислонившись к дереву, а перед ним сидел человек и, выпучив глаза, смотрел на него. В своих руках он держал другой край письма...

Рука Александра сама выхватила кинжал и вонзила его в сердце вора. Вырвав из его ослабевших рук письмо, он оттолкнул от себя умирающего человека. Тот, завалившись, упал на спину и больше не двигался. Сухая поляна оросилась кровью.

Александр взглянул на письмо. На пожелтевшем, истрёпанном клочке бумаги были нацарабаны невразумительные каракули, значения которых он не знал. Не сумев их прочесть, он сунул письмо обратно в карман, из которого его хотели похитить. Оперевшись о дерево, Александр встал. Голова раскалывалась, перед глазами всё плыло. Тело жгло, словно от тысячи укусов, голова кружилась, а в желудке было пусто. Он поднял взгляд к небу. До покачивающихся на ветру трупов было рукой подать, а над ними древо раскинуло свою изумрудную крону. Листья не намокали от воды, оставляя поляну под собой сухой, хотя повсюду были затопленные канавы, вода и слякоть.

Реальность ускользала от него, подобно письму: воспоминания перемешались. Ни как он оказался здесь, ни откуда пришёл, даже на вопрос «кто я?» он не мог найти вразумительного ответа. Единственное, что у него было, — это чёртово письмо, от которого щемило в груди. Видение это или кошмарная действительность — он не знал.

Рядом раздался шум. Александр обернулся. В нескольких метрах от него, едва сдерживая рыдания, паренёк пытался взобраться на коня. Взглянув на вора, лежащего в луже собственной крови, Александр вырвал кинжал из его груди, перехватил поудобнее и направился к парню. Тот обернулся на шаги, вскрикнул, остушился и упал на спину. Паренёк больше не ревел, он весь застыл. Александр подошёл к нему вплотную и взглянул в его остекленевшие глаза. Они смотрели не на него.

Медленно, стараясь быть почти неподвижным, Александр обернулся.

На них двоих пристально смотрели большие и холодные глаза, что мерцали всеми оттенками зелёного.

Массивная кошка спускалась вниз. Эта тварь сливалась с окружением, она была невидима среди листвы, пока сама не показалась на глаза.

Будь сейчас перед Александром волк или даже целая стая, он бы не колебался ни секунды. Но сейчас от одного вида этого зверя стыла кровь. У Александра был только кинжал против целой пасти острых клыков и мощных когтей на толстых лапах, которые удерживали эту тварь размером с телёнка на дереве.

Её грива больше походила на листву деревьев, а на пепельную шкуру были словно нанесены татуировки — неестественные узоры из закруглённых линий, которые, как и глаза, меняли цвет от голубизны неба до зелени травы.

Огромный хищник беззвучно ступил на траву.

Глаза кошки сузились, в них за клубился багровый цвет, она прижалась к земле. Узоры на шкуре вторили глазам, источая кровавое свечение. Второго шанса у него не будет. Боясь даже вздохнуть, Александр опустил руку на пояс так медленно, как это только возможно.

Недостаточно медленно.

Животное среагировало моментально, глаза твари обратились в красные огни.

Грациозно изогнувшись, за одно мгновение кошка в прыжке преодолела расстояние между ними, выпуская когти и разевая пасть. Александр застыл. Разум оцепенел и уступил власть над телом опыту и инстинктам.

Рука нырнула вниз, к ремню, и в пальцах оказалась маленькая склянка. Внутри неё клубилась миниатюрная песчаная буря. Чудовищная кошка уже нависла над ним, готовясь разорвать в лоскуты, когда Александр сорвал пробку.

Песок замер, всего на миг. Александр зажмурился. Стихия оказалась на свободе. Раздался взрыв.

Всё тело, даже через одежду, почувствовало удар. Флакон разорвало на мельчайшие осколки, которые вместе с песком, более не сдерживаемым, безжалостно обрушились на всех вокруг. Песок хлестанул, стекло впилось до крови. Оказавшиеся ближе всего пальцы особенно пострадали. Но даже изрезанные, они не дрогнули, не выпустили кинжал. Глаза не открывались, но это было и не нужно. Ему достаточно было одного лишь звука. Рядом, над самым ухом раздалось жалобное рычание. Клинок тут же впился животному в горло, потянув человека вслед за увесистой тушей.

Упав на землю, они покатались кубарем по траве, ослеплённые жаждой крови и желанием выжить. Навыки убийцы превзошли инстинкты хищника. Кинжал пронзил сердце противника раньше, чем это могли бы сделать когти и зубы. Над лесом, прорезая шум дождя, раздался долгий протяжный вой.

И вой этот принадлежал не хищнику и не человеку...

Александр, задыхаясь, без сил рухнул на землю. Всё лицо горело и жгло в сбивчивый такт колотящегося сердца. В порезы на пальцах забился песок. Не готовые к работе, остывшие мышцы ныли и тянули после длительного сна.

Он попытался открыть глаза. Не смог. Веки не слушались, лишь плотнее сжались. Дыхание ускорилось, зубы стиснулись, на них заскрипел вездесущий проклятый песок. Глубоко вдохнув и начав нарочито медленно выдыхать, он осторожно опустил ладонь себе на лицо. Боль накрыла вспышкой, но на лице ничего серьёзней мелких осколков не ощущалось, тревога прошла. С шумом выдохнув, он смахнул неглубоко впившиеся стекляшки и закашлял. Сейчас лёгкие жадно требовали воздуха, который в них уже не помещался. Медленно, подрагивая, глаза всё же открылись. Над ним всё так же раскидывало ветви проклятое дерево, разбухшие от влаги мертвецы покачивались на ветру, и всё так же шёл бесконечный дождь.

Странное чувство зародилось в нём. Подозрение, будто его, Александра, и не существовало вовсе до того самого момента, как под деревом висельника проснулся убийца. Это чувство, казалось, принадлежало не ему, но подкреплялось тем, что любое воспоминание было похожим скорее на мрачную фантазию, окутанную и отравленную тем самым болотным туманом, что заполонил его кошмары. В этих зыбких снах невозможно было найти и клочка уверенности, чтобы убедиться в их достоверности. Но их леденящая реальность и явственность запечатлённых чувств вызывали дрожь. Впрочем, сейчас это было не важно.

Где-то вдалеке повторился вой.

Отдышавшись, он повернул голову и взглянул в сторону мальчишки. Тот так и остался на месте. И вот сейчас его взгляд был всецело направлен на Александра, он не шевелился, даже не моргал. Александр скривил лицо.

Растерянно замирать и ожидать, что всё разрешится само собой... Отвратительно.

Александр встал и под тихие всхлипы едва живого от страха паренька направился к лошади. Хозяин или незнакомец — кляче было всё равно. Подойдя ближе, он положил на неё руку. На покрытых грязью, припорошённых песком пальцах имелась пара достаточно глубоких порезов. Путник нахмурился, с этим нужно было что-то делать. Старое, дешёвое и изношенное седло, как и сама лошадь, в текущих условиях воспринимались не иначе как подарок судьбы. Намокшая седельная сумка, судя по всему, ничего ценного в себе не хранила, кроме, как водится, припрятанного по хитрым обычаям свёртка с монетами. Сейчас лезть за ними он не собирался. Вместо этого Александр потянулся к действительно ценной в данный момент вещи — фляге. Выкрутив пробку, он запрокинул голову, заливая в пересохшую глотку неведь что. Как оказалось, это было пусть и не совсем вино, но хотя бы уже что-то получше грязной и опасной воды из какой-нибудь лужи.

Утерев лицо, Александр плеснул на руку из фляги и поднёс пальцы ко рту. Вытянув из ран, как мог, песок, грязь и кровь, он сплюнул и ещё раз, кривясь, плеснул на руки. Раны начало жечь и щипать, но всё же это было лучше, чем столкнуться с заражением. Переведя взгляд на седельную сумку, он, открыв её, вытянул и отрезал ножом первую попавшуюся тряпку, замотав её вокруг посечённых пальцев.

Вздыхнув, поднял флягу над головой и вылил остатки себе на лицо, слегка пройдясь по нему ногтями. Умывшись и убрав остатки стекла, он швырнул опустевшую флягу через плечо и вскочил в седло. Взяв поводья, Александр медлил.

Висельники раскачивались в последних лучах уходящего солнца. Вода затопила все овраги.

К ногам мальчишки упал окровавленный кинжал.

— Я сожалею, — сказал Александр, попытавшись выдавить из себя хоть что-то похожее на сожаление. Не получилось.

Он пнул клячу, и та тронулась с места.

Покачиваясь в такт шагу лошади, Александр осматривал свою пришедшую в негодность одежду. Мятые, изломанные сапоги утратили свою форму и были давно стоптаны. На мешковатых измаранных штанах до сих пор висели зацепившиеся куски колючей лозы. Рубаха, потемневшая, покрытая пятнами, так и молила, чтобы на неё поскорее перестали смотреть. Больше всего досталось кожаному жилету: старый, покрытый грязью и песком, он, похоже, не в первый раз принял на себя удар; шнуровка оборвалась и пропала, на правой половине имелся разрыв до бедра. Все эти лохмотья укрывал собой серый перештопанный плащ.

Самым чистым местом был глубокий карман на внутренней стороне рубахи с хранившимся там письмом. Александр нахмурился. Достав и развернув потрёпанный листок, он вновь уставился на надписи. Спешно накарябанные символы не находили в нём отклика. Это шифр? Незнакомый язык? Александр попытался припомнить, видел ли он раньше что-то подобное, но, кажется, он просто никогда не касался грамоты как таковой. Возникла занятная мысль. Почему бы просто не выбросить эту мятую бумажку и не забыть обо всём, как о страшном сне? Что вообще несли в себе эти строки? Он не знал. Он просто держал письмо в руках и не хотел его отпускать, не понимая ни его, ни себя. Письмо вернулось на место.

Он разберётся с ним. Пусть то единственное, что тянулось из запутанного прошлого, завершится. И закончив дело, он сможет двигаться дальше, не оглядываясь.

Дождь хлестал ему в спину. На небе облака сбивались в кучи. Среди вереницы мыслей

разум Александра не покидал взгляд мальчишки. В нём был отпечатан ужас, который не смогла бы вызвать даже смерть.

Александр глухо рассмеялся. Что вообще может быть страшнее смерти?

Он не задумываясь убил человека, расправился с опасным животным и без колебаний хотел зарезать мальчишку. Это не волновало Александра. Душу кровавого убийцы тревожил вопрос, ответ на который витал в воздухе, готовый сойти с языка, но этого не происходило. И Александр начинал свирепеть.

Над лесом, заглушая непогоду, раздался звериный рёв.

В небе облака сбивались в кучу, ливень не оставил ничего сухого на своём пути. Вода, не уместаясь более в оврагах, начала подниматься. Смеркалось. И тут кляча предательски остановилась. Александр занёс руку для удара, но остановился. Предательство. Это слово эхом прокатилось в голове. Александр замер, а кляча продолжила свой путь. Среди бессвязных и сомнительных воспоминаний он отчётливо вспомнил предательство.

Он — предатель.

Над лесом прокатился рёв.

Его рёв.

Город на деревьях

Вокруг путника возвышались деревья, больше похожие на скалы. Их могучие корни, покинувшие землю, подняли их высоко над землёй. Вода всё прибывала, и даже ленивая кляча ускорила шаг. Всё старалось сбежать от стихии.

Гигантский лес растворился в темноте, когда расколотая луна скрылась за рваным покрывалом туч. Дождь хлестал Александра в спину, он дрожал, но не от погоды. Мысль, что была холоднее ночи, поселилась в его голове.

Он предатель и убийца. Не самая хорошая новость, особенно когда ты только что «проснулся».

По собственной воле или нет, но он лишился своей прошлой жизни. Она осталась там, под деревом, спутанными обрывками неясных видений. Прилипшее мокрое рваньё, ночная дорога, ведущая в никуда, и он, убийца, бредущий вперёд просто потому, что ещё жив.

Так, пожираемый собственными мыслями, он выехал к городу. То, что предстало перед ним, мягко говоря, не укладывалось в привычное понимание.

Окружавший его лес был полон деревьев-исполинов, но прямо впереди, в низине, расположилась тройка настоящих титанов. Их крона упиралась в самый небосвод и разрезала бесчинствующие облака, раскинутые ветви сами походили на деревья, растущие вбок из этих гигантов. Вся низина была в их власти. Переплетения титанических корней создавали собственный ландшафт. Бесчисленные, они покрывали собой всю поверхность, мраком собственной тени скрывая от чужих глаз порабощённую ими землю.

Дорогой здесь служили те корни, что достигали холмов. Ставшие полыми под руками сотен плотников, они образовывали галереи, что извилисто возвышались над затопленной низиной. На одном из старейших корней, прямо у ствола, расположился полноценный форт.

Заворожённый, Александр не верил своим глазам. Мысли о прошлом отступили, внутри него осталось место лишь для восхищения и холода. Лошадь пустилась галопом.

Луна замелькала, перекрываемая погасшими фонарями, под копытами зазвучал камень. Изрытый заколоченными бойницами, форт имел в своём распоряжении, казалось, одного-единственного стража. Тот сидел в сторожевой будке возле ворот, укутавшись в плащ и держа возле себя тусклый фонарь. Завидев приближающегося путника, он поднялся на ноги.

Скрип ржавящего железа наполнил ночь, заглушая какофонию непогоды. Ворота приоткрылись, но не настезь: так, чтобы всадник едва мог протиснуться, не более. Проезжая мимо ворот, он заглянул в будку, откуда на него пристально уставилось обезображенное лицо сторожа с широко расставленными глазами. Фонарь светил только вперёд, и рассмотреть что-то ещё не было ни сил, ни желания. Страж бубнил что-то неразборчивое и пристально, запоминая, всматривался в лицо столь позднего гостя.

Ворота за ним закрылись, и Александр, проехав по мосту, оказался в городе. Дома здесь кольцами обвивали стволы титанических деревьев, а некоторые здания и вовсе были подвешены на ветвях. Тут не было привычной главной улицы, вокруг которой кипит жизнь. Роль торговой и транспортной артерии здесь взяли на себя канатные дороги, работающие даже в такую непогоду. Грузы на канатах сновали между домами, скрывались за ветвями, поднимались и опускались. Иногда вместо грузов на них перемещались даже люди, ловко уцепившись крюком за трос, перепрыгивая с каната на канат, как какие-нибудь обезьяны.

Благодаря тому, что грузы перемещались исключительно по воздуху, земля, если здесь

её можно было так назвать, принадлежала исключительно людям. Со всех сторон раскинулись подвесные мосты, ведущие к устойчивым площадям, а от них, в свою очередь, мосты устремлялись между деревьями дальше. Назойливый ливень, холод и усталость не позволили Александру долго всматриваться в хитросплетение дорог, нужно было отправляться искать ночлег, пусть и в таком необычном месте.

Но блуждать ему не пришлось вовсе, прямо у самых ворот имелся дом: неказистая пристройка к форту, в которой, несмотря на позднее время, горел свет и смеялись люди. Сквозь шум дождя даже доносился стук кружек. Не было сомнений — это трактир. Рядом имелся навес и коновязь, а над дверью висела качающаяся на ветру табличка. Надписи путник не смог разобрать, но изображение пенящейся кружки, стоящей на кровати, мог понять даже не обученный грамоте.

Дверь трактира распахнулась, впуская в себя холод, сырость и запоздавшего гостя. Слаженный, широкоплечий мужчина шагнул внутрь, оставив непогоду позади. На его лице виднелись следы растёртой крови и печать усталости. Нависшие над глазами тонкие брови, высокие скулы, отросшая борода, чёрные грязные волосы, свисающие космами, как и поблёкшие голубые глаза, не добавляли ему дружелюбия. Его плащ, насквозь мокрый, оставлял за собой лужи.

В этом трактире было не так много места, всё занимали трофейные шкуры, ящики, бутылки на полу и массивная лестница на второй этаж. Почти все шесть столов были уже заняты местными завсегдатаями в дешёвых мешковатых одеждах, погруженными в общение друг с другом. Они лишь изредка посматривали на вошедшего, но без особого интереса. Кажется, такие забуддыги здесь были не в новинку. За самым приличным столом возле двери на кухню в мягком обитом кожей кресле, скрестив на груди руки, мирно похрапывал мускулистый мужик с большими закрученными усами. По всей видимости, это был хозяин. Неподдалёку от него потрескивал собранный как попало камин.

При виде очага Александра затрясло, застучали зубы. Ощувив тепло, он только сейчас осознал, насколько продрог. Первым делом он направился к камину. Перед ним было достаточно места, чтобы воткнуть сюда ещё один стол, но хозяин почему-то этого не сделал. Всё здесь было из дерева, только пол перед камином был выложен камнем. Тёплый свет факелов ласкал это место, запах сухого дерева сплетался с ароматами фруктов и вина, гоня прочь плохое настроение. Александр протянул трясущиеся руки поближе к огню, ощутив новую волну дрожи, которая, впрочем, начинала отступать. Так и не просохнув, но достаточно согревшись, он направился к столу трактирщика. Под ногами не захлюпала грязь, а заскрипели сухие доски. Он почувствовал, как улыбается.

Путник постучал костяшками по столу. Трактирщик разлепил глаза. Увидев очертания посетителя, он взлохматил каштановые волосы и, кряхтя, поднялся со своего кресла. Длинные закрученные усы вздрагивали при каждом его движении. Подавляя зевоу, он попытался завязать разговор:

— Ты явно не местный, раз так промок. Что у тебя с лицом? Откуда ты?

Но в ответ получил лишь беспристрастную гримасу усталости.

— Издалека, — буркнул Александр, ответив лишь на последний вопрос.

— И как там?

— Лучше, чем здесь.

Усатый трактирщик озадачился грубостью гостя, но лишь на мгновение.

— Если там, откуда ты пришёл, лучше, то почему ты здесь? — усмехнулся хозяин и

оперся руками о стол.

Александр прикрыл лицо рукой и из последних сил натянул на него дружелюбие.

— Да вот, решил у тебя выпить, — на стол упал звонкий мешочек с монетами.

— Так ты из Даля? — заговорщицки он подмигнул путнику, говоря с таким возбуждением, будто бы что-то угадал.

— Я же уже сказал, что прибыл издалека, — тяжело вздохнул Александр.

— Хе-хе... — усмехнулся трактирщик, ничуть не растеряв задора. — Только люди из Даля кладут на стол сразу весь кошель... — Трактирщик одним ловким движением развязал туго сплетённую верёвку. Ему потребовался лишь один взгляд, чтобы оценить содержимое. — ...Далеко же тебя занесло! Но вообще, мы тут всем рады.

Трактирщик наклонился под стол и зазвенел бутылками, оставив Александра наедине с его мыслями.

Александр стиснул зубы, нахмурился и стал в нетерпении постукивать по столу пальцами. Он метался взглядом по трактиру, осматривая людей. В голове мелькнула опасная мысль — показать письмо, спросить дорогу у трактирщика. На лбу проступил пот. Он положил руку на карман с письмом, но тут же одёрнул её, покачав головой. Он не может показать его первому встречному, слишком рискованно, опасно! Александр нахмурился сильнее, чем обычно. Это слишком опасно. Он не знает содержимого письма, и это незнание может стоить ему жизни.

Однако мысли о письме не дадут ему заснуть, а он очень уж устал. От одной мысли о кровати он ощутил головокружение. Усталость прокатилась по телу и тяжким грузом легла на разум. В конце концов, он не может вечно находиться в неизвестности, свалившаяся неопределённость беспокоила его сильнее, чем всё остальное вместе взятое. Пока он только прибыл, у него есть преимущество: его никто не знает, его почти никто не видел. При первой же опасности он растворится в ночи. Почему бы ему не рискнуть и не подыграть?

— Да, далековато... Но служба есть служба!

— А что за служба? — подал голос хозяин и выпрямился. — Если это, конечно, не секрет?

Александр окинул трактирщика пристальным взглядом, ему нужны были зацепки для правильного разговора. Старый, заляпанный солдатский мундир видал и лучшие годы. На плече был грубый шов белыми нитями. На шее виднелась цепочка, наверняка держал на груди медальон. Скорей всего, что-то памятное или религиозное. А на безымянном пальце имелся след от обручального кольца. Свежий.

— Я поклялся перед всеми богами, что доставлю письмо моему брату. Это письмо его жены, — Александр выдержал паузу, склонив голову, голос его надломился. — Она умерла у меня на руках, успев лишь передать помятую бумажку, а грамоте я не обучен! — с этими словами он ударил кулаком по столу и схватился за лицо. На столе осталось письмо.

Сквозь щель между пальцами он жадно наблюдал за реакцией. Все в заведении обратили на него внимание и начали перешёптываться. Но дело было сделано. Глазатрактирщика блеснули. По его телу прошла дрожь, и, сам того не замечая, он стал потирать след от кольца.

— Благое дело. Давай взгляну, — сказал трактирщик. Его голос не дрогнул, наоборот, он стал жёстким, словно металл.

— Благодарю, — выдохнул Александр. — Если подскажешь ещё и короткий путь, выдвинуть немедленно!

Взяв письмо, трактирщик сразу перевернул его и, поднеся бумагу к лицу, вчитался в путевые метки и почтовые строки. Его брови поползли вверх.

— Короткий путь? Да ты шутишь! — рассмеялся внезапно трактирщик, но, увидев, что Александр не смеётся, и сам перестал. — Твой путь лежит в Дюран, что у Южного моря.

— А сейчас я где?

— А сейчас ты тоже у моря. Вот только это море — Северное.

Повисла пауза. Александр только и мог, что уставиться на письмо.

— Ну-ну! Не стоит печалиться. Я знаю, что тебе нужно! — Трактирщик не полез к пойлу под столом, а удалился за дверь позади.

Александр остался один на один с письмом, адресованным на край света.

Ну, теперь у него есть хотя бы цель. Пройти через всё государство и доставить письмо. Хоть что-то для человека без прошлого.

Трактирщик отсутствовал недолго. Вернувшись, он с гордым видом поставил перед Александром вытянутую прозрачную бутылку.

— Мы тут в основном довольствуемся всякими дарами природы и выпивку также на их основе гоним. Но вот эта вещь... Это особая вещь. Это пшеничный эль! — восхищённо сказал трактирщик, сглатывая слюну.

Александр заинтересованно начал рассматривать золотистую жидкость в бутылке.

— Я подозревал, что ты издалека, но, увидев эту вязь, — он кивнул на письмо, — я прозрел! Ты прибыл из совсем уж далёких мест. Так пишут в Лесном графстве, а это место славится своей пшеницей. Редкая вещь у нас, между прочим, и больше бутылки предложить не могу. Хоть это и стоит всех твоих денег, уверяю, сейчас частица дома — это именно то, что тебе требуется, — трактирщик похлопал по столу рукой и, довольный собой, отступил на шаг. — Также можешь занять дальнюю комнату наверху, считай это подарком и жестом доброй воли.

Пойло, стоящее целый мешочек денег? Почему бы и нет, всё равно деньги были не его. Александр откупорил бутылку.

Аромат пшеницы, хмеля и жаркого летнего дня ударил в голову. Он был божественен. Но недолго Александр наслаждался. Столь сильный, на цельный кошель с монетами, аромат пшеницы напомнил ему кое-что. Словно всплывший труп, холодящее душу воспоминание вынырнуло из омута памяти, и его настроение тут же скисло.

Бегство

«Оба Солнца находятся в зените и ласкают теплом земли под ними. Вокруг колосится пшеничное поле. Небо чистое, как горная река, оно не омрачено ни одним облаком. Александр лежит на земле. Его тело медленно покидает жизнь. Он не может пошевелить иссохшими руками. Каждый выдох — мучительный хрип, каждый вздох — испытание.

Так хочется пить...»

Александр распахивает глаза. Проснулся он в дурном расположении духа, за окном всё ещё хлестал дождь. Ночка выдалась отвратной. Настолько, что он даже пожалел, что не захватил с собой той кошмарной лозы с дерева висельников для более приятных сновидений. Желанная кровать не принесла покоя, сон был беспокойный и тот урывками. Ночлег стоил последних денег. Позже надо раздобыть ещё.

Александр сел на край кровати и осмотрелся.

Прямо рядом с ним, на полу, валялись окровавленная перевязка, ключья бороды и волос.

Ещё с вечера он скинул свои вещи в кучу и завалился спать, после того как побрился, постригся и поужинал. Делать это кинжалом было неудобно, но ходить заросшим он не мог себе позволить. На стуле стояла тарелка с объедками, а рядом недопитая и уже выдохшаяся бутылка. При взгляде на неё голова загудела. Наверняка та гнусная выпивка, разворошившая воспоминания, не стоила своих денег. Рядом с бутылкой был воткнут кинжал. Александр поморщился, на лезвии виднелись следы старой запёкшейся крови и местами ржавчина. На спинке стула висел его дырявый плащ и ремень с двумя ножнами. Также на ремне имелась склянка, почти такая же, как та, что спасла его от кошки. Только в этой банке не клубилась пустыня, а булькало болото, и к ней были примотаны маленькие песочные часы. С учётом того, что на поясе имелись крепления для шести таких, вопрос: «Откуда они и для чего?» — интересовал его в шесть раз сильнее. Он перевёл взгляд на плащ. Грязный, весь покрытый свежими дырами и старыми заплатками, казалось, он служил ему ещё дольше, чем этот кинжал.

Подняв перед лицом руку, он осмотрел порезы. Странное дело, будучи довольно глубокими, они вовсе исчезли, затянувшись тонкой полосой корост. Разве на нём всегда всё заживало как на собаке?

В любом случае, теперь он знал обо всём, что у него было, и его не ждали сюрпризы, как тогда, под деревом висельников.

В трактире внизу было шумно. Пора уходить, пока он не примелькался.

Он встал с кровати. Надел ремень, убрал кинжал в ножны и, накинув плащ, направился к выходу из комнаты. Александр думал, что день не может начаться гаже, но, открыв дверь, он увидел в коридоре толпу стражников, идущих в его сторону. В любой другой ситуации он захлопнул бы дверь, накинул на лицо капюшон и выскочил в окно. Но не в этот раз.

Дело в том, что среди стражников шёл урод, пустивший его в город. Сильно вытянутая накрашенная морда принадлежала обезьяне. Бабуин в набедренной повязке и ростом почти с человека держал в руках копьё и был одет в куртку стражи. Александр растерялся всего на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы бабуин оперся на своё копьё и в прыжке врезал ему ногами по лицу, забрасывая обратно в комнату. Стража вошла следом.

В лицах этих стражников он узнавал вчерашних пьяниц.

Пока Александр приходил в себя, ему на шею накинули верёвку. Петля затянулась, защемив кожу, а сзади ударили по ногам. Он упал на колени, верёвка передала горло, стало нечем дышать. Он попытался вздохнуть и закашлялся. Перед глазами повисла пелена. Верёвка ослабла, а из-за спины приказали: «Не дёргайся».

— Так-так-так... — Александр узнал знакомый голос. Стражники расступились, вперёд вышел человек в железной геральдической кирасе и шлеме с длинным пером. Его взгляд окинул комнату и остановился на бутылке.

Она была недопита.

Офицер цокнул языком и покачал головой. Он перевёл взгляд на Александра.

— Как командующий стражей, я довожу до твоего сведения: в графстве Ягуара... — он постучал кулаком по кирасе, на которой было изображено гигантское дерево, по разным сторонам от которого, готовясь вцепиться друг другу в хвосты, расположились крокодил и ягуар, — ...есть законы, как и везде. Так, только за кражу лошади ты должен был быть приговорён к смерти, не говоря уже об убийстве человека. Но ты же зашёл дальше. Говорят, ты убил священное животное. Но ведь это не так? — Трактирщик улыбнулся. Это была улыбка человека, который хочет услышать, что ему солгали. Александр прокашлялся и попытался оттянуть верёвку. Вид обезьяны, спокойно стоящей подле людей, которые, казалось, не придавали этому должного внимания, обескураживал его. Однако удавка на шее имела весьма отрезвляющий эффект.

— Ту, что ли, кошку? — процедил он сквозь зубы.

Несмотря на его дерзость, верёвка не сдавила горло, наоборот, руки душителя выпустили её. Она скользнула по плечу и шлёпнулась на пол, нарушив образовавшуюся тишину.

Комнату наполнили перешёптывания. Кто-то задрожал, кто-то уставился вперёд пустым взглядом, кто-то и вовсе от ужаса прикрыл рот ладонью. Все пребывали в замешательстве. Идеальный момент для побега, но Александр остался на месте. Слишком много вопросов в последнее время могли остаться без ответов.

— Эй! Я всего-то прикончил кровожадное животное, который вышло поохотиться на людей, и ничего священного в нём я не увидел.

Офицер прикрыл лицо ладонью, из-под неё раздался долгий выдох. Сняв шлеми утерев пот со лба, он взглянул прямо в глаза путнику.

— «Та-что-ли-кошка» — это ягуар. А в графстве Ягуара ягуары — священные животные. И смерть ягуара означает смерть тому идиоту, кто этого ягуара убил. Предсмертный рёв пометит выродка проклятием, да и пусть бы он подох, скотина, да вот только смерть настигнет и всех тех, кто просто попадётся ей по пути к этому отродью! — Офицера трясло, не то от злости, не то от страха. — Я, надеюсь, доходчиво объяснил про ягуаров?

Александр молчал, не ожидая такого напора. Командующий стражей вздохнул.

— Мне следует убить тебя на месте. Но во мне всё ещё теплится надежда, что проклятие обрушится только на тебя. Убирайся из города, и как можно быстрее.

Александр поднялся с колен. Никто не препятствовал. Стражники стояли, оцепенев.

— Ну, чего встали?! — рявкнул командующий стражей, лишаясь последней капли самообладания. — Выдайте этому идиоту самую быструю лошадь и действуйте согласно инструкции!

Сложив руки за спиной, командующий стражей размеренным шагом проследовал к обезьяне, пока остальные стражники спешно покидали комнату.

— Боюсь, нам придётся просить помощь племени, — тихим голосом сказал он, склонив голову.

— Кха" За человекус, — произнося слова на своём наречии, его язык непривычно щёлкал, перекатывая щелчки разной силы в последующий звук, — если идёт месть Уку'ра, она идёт ко всем. Племя поможет! — Обезьяна дважды ударила себя в грудь. Прыгнув к

окну, она выбила его плечом и, ухватившись хвостом за карниз, исчезла на крыше.

Офицер повернулся к Александру.

— За мной, — прорычал он сквозь зубы.

— Может, ты объяснишь, что всё-таки происходит? — спросил Александр, выходя из комнаты. Офицер остановился как вкопанный. Стражники уже разбежались кто куда, забыв даже закрыть за собой дверь. Холод и капли дождя заносило внутрь некогда тёплой таверны.

— Ты ничего не знаешь, да? — Его брови взметнулись ко лбу. — Хорошо. Я всё расскажу по пути.

Они вышли на улицу. Уже должно было быть начало дня, однако у небес был иной план. Нарушая привычное течение времени, тысячи облаков вихрем неслись по небесной тверди, врезаясь друг в друга, разрывая на части, пожирая. Офицер направился не к ближайшим воротам, а в противоположную сторону, к центру города. Александр пошёл следом.

— Древние законы писались не нами и не для нас, но мы должны всё же им подчиняться! Как подчинились ещё те, кто их создал в дремучие времена разделённых королевств, когда люди только начинали осознавать свою власть над природой, но были вынуждены мириться и прогибаться под самые её ужасные проявления. Нашим бичом, нашей карой и ужасом стал Уку'ра Ненасытный Бог Ягуар. Это неостановимая машина смерти, что считает наше графство своими охотничьими владениями. И хоть люди не входят в его интерес, мы вынуждены с ним уживаться, — офицер остановился, направив взгляд в пустоту. — Человек не способен противостоять этому чудовищу. Эта тварь ненасытна не только до крови. В наших краях обитают исключительно самки ягуара, и каждая является частью его прайда. Это было бы больше похоже на гарем, будь эта тварь разумна. Они все связаны духовно, и если самка попадает в беду, ранена или боится — то Уку'ра непременно примчится ей на выручку. Но если он не успеет прибыть, если она погибнет... то боль и тоска бога так же неиссякаема. Он пойдёт по пятам за убийцей, даже если тот успеет покинуть графство... Он найдёт его. Убивая всё живое на пути.

Командующий больше не говорил ни слова, да это было уже и ни к чему, ведь даже сам воздух пропитался страхом.

Канаты и тросы, приводящие город в движение даже в самую лютую непогоду, сейчас зависли на месте и покачивались на ветру. Ведомый офицером, Александр вышел на главную площадь. Закреплённая между деревьев самая большая и широкая платформа, даже вымощенная камнем, служила пристанищем для складов и торговцев всех мастей, которые сейчас покинули свои палатки, даже не убрав товара. И здесь же находилось остановившееся сердце города. Огромный механизм, раскинувший цепи к вершинам, был недвижим.

Все так торопились спровадить Александра, что и правда вручили ему молодого и сильного коня, забыв про клячу, так и оставшуюся привязанной у трактира. Ведя лошадь по улицам, он взглянул вверх. Ещё вчера скупые лучи светил, что пробивались через тучи, иссякали. Начиналась буря. Поверженные облака, исторгающие из своих ран воду, медленно начинали опускаться вниз, но тут же подхватывались сородичами и пожирались, отчего небеса опускались всё ниже и ниже. Надвигалась тьма.

Это повергало в ужас и трепет, но взгляды всех людей вокруг были прикованы лишь к нему самому.

Когда Александр подъехал к главным воротам города, те уже были распахнуты настежь. Подстегнув коня, он понёсся по корневой галерее. За эту беспокойную ночь мир за пределами города успел измениться. Мрачные тучи более не церемонились, не ходили

вокруг да около — они наполнили своей ожесточённой битвой небеса, погружая землю в сумрак. Сотни водопадов из дождевых потоков срывались с окружающих холмов вниз, в недра скрученных корней. Когда Александр выбрался на холм, перед его глазами предстала пугающая картина.

Вода из погибших туч десятками снарядов всюду летела вниз, сминая лес, поднимая грохот и брызги выше деревьев. Вода продолжала прибывать прямо на глазах, затягивая поверхность плёнкой мутной жижи, что стремилась к низине.

Редкая земля была вязкой и пахла морем. Обычная выложенная камнем дорога была настоящим спасением, хоть она и уводила с холма туда, где копыта коня скоро полностью погрузятся в воду, но его это не страшило.

Пока сильное животное несло путника прочь, поднимая брызги, всадник ощущал на себе взгляды целого города. Они все желали ему смерти.

* * *

На мир должен был уже излиться яркий полдень, но пелена ночи не собиралась отступать в своё далёкое подземное логово. Под покровом оживших облаков она царствовала, не страшась света, что не мог пробиться к миру сквозь жестокие небеса. Из темноты теперь доносился лишь гулкий звук капель, падающих в воду с лысых деревьев. Цокот копыт мчавшего прочь коня тонул в воде, поднявшейся уже даже на дороге по щиколотку.

Небеса, поглощённые тучами, замерли, и дождь ненадолго прекратился. Позади, со стороны города, раздался вой. Поводья натянулись, конь нехотя остановился. Александр инстинктивно оглянулся на этот леденящий душу звук.

Надежды офицера в кирасе не оправдались. Чудовище не направилось следом за убийцей, оно обрушило свою ярость на город. Александр ухмыльнулся: усач ошибся. Теперь у него достаточно времени, чтобы покинуть это место, пока оно окончательно не ушло под воду. Впереди его ждали странствия, опасности и возможности.

Конкретных целей пока не предвиделось, разве что доставка письма могла служить неким ориентиром, путеводной звездой в этом туманном море путей. Но он не тронулся с места. Что-то мешало ему погнать коня вперёд, прижаться к его шее и с огнём в глазах устремиться за горизонт. Его не волновало прошлое: если он прожил его так же, как эти дни, то он ничего не потерял. Но его волновало будущее. После встречи с кошмарной лозой под деревом висельников, а может, и задолго до этого, но его память о давно минувших днях обернулась карнавалом безумия, в котором воспоминания путались, перемешивались, перетекали из одного в другое, сливаясь воедино и разлетаясь на осколки, чтобы никогда больше не иметь между собой никакой связи. Что из этого правда? Что из этого его фантазии, страхи и мечты? Что было на самом деле, а чего не было?

Он не желал обрести об этом правду. Да, пусть всё это навек останется неясным мороком, потому как если хотя бы толика из тех кошмаров, что терзали его по ночам, происходили на самом деле, он бы вновь пожелал затеряться между правдой и вымыслом. Возможно, именно так и случилось, и сладострастная неясность была самым желанным и, возможно, единственным лекарством.

Он отринул прошлое. Но в прошлом осталось то, что он отчаянно хотел себе вернуть. Битва с кошкой не шла у него из головы. Рука легла на опустевший пояс, где когда-то

крепилась шесть склянок. Если бы не сработавшие инстинкты, если бы не его опыт, он был бы уже мёртв. Ему нужны были те отточенные движения, выверенные шаги, уверенность в своих действиях и вновь вспыхнувшее пламя в глазах. Проклиная себя, Александр уткнулся лицом в ладонь, сдавил голову пальцами и стиснул зубы. Все эти размышления, доводы, мысли, всё это было уже ни к чему, он уже давно принял решение.

Ливень возобновился с новой силой, перешёл в бурю, и небосвод содрогался. По затопленной дороге мчался всадник. Александр возвращался.

Его сердце забилося быстрее. Он боялся смерти от лап чудовища, боялся, что его новая жизнь, свободная от кошмаров, оборвётся, так и не успев начаться. Но страх заставлял его гнать лошадь назад. Страх перед тем, что, когда его жизнь обретёт смысл и цель, он не сумеет её защитить. Что он умрёт с сожалением, узнав, что он не способен её защитить.

Подъезжая к городу, Александр увидел, что главные ворота выломаны. Вся площадь была залита кровью, ливень не успевал её смывать. Везде валялись изувеченные тела людей и обезьян. Хоть разум и вопил об опасности, Александр его не слушал. На лицо лёг хищный оскал, глаза загорелись, сейчас он был одержим идеей убить чудовище. Одержим идеей узнать свои возможности, узреть свой предел.

В сторону Александра что-то метнулось. Он едва успел спрыгнуть с лошади, как ту подняли вверх. Она забилась в агонии, из глотки исторгались ужасные звуки.

Вспышка молнии осветила *его*.

Это было огромное, трёхметровое чудовище, гордо стоящее на двух ногах и очертаниями лишь напоминающее человека. Покрытое густой щетинистой шерстью, со свирепой головой ягуара на плечах, оно держало лошадь на вытянутой руке, пробив её когтями насквозь. Хвост монстра вилял из стороны в сторону, а привязанные к нему черепа стучали друг о друга и об пол. На залитой кровью шее висели ожерелья из челюстей разных животных и людей.

Оно разорвало лошадь надвое, откинуло ошмётки в сторону и шагнуло к Александру. От этого шага затряслась вся площадь, верёвки не выдерживали веса этой твари и лопались, от чего площадь начала накреняться.

Их взгляды встретились. На Александра сверху вниз уставилось шесть разъярённых, голодных глаз.

Он понял, что больше не боится. Он был готов умереть с улыбкой на устах, узнав, на что способен.

Зверь напал. Александр, ощутив небывалый прилив сил, легко отскочил в сторону. Мощные лапы обрушились на то место, где человека уже не было, проломив доски и пошатнув основание площади. Зверь издавал рёв. Тот самый рёв.

Кровь вскипала. Это уже был не азарт. Это была самая настоящая жажда крови. Взгляд приковался к цели. Противники замерли, осматривая друг друга, изучая, одинаково желая убить, следуя зову инстинктов.

Они сорвались с места в один момент. Чудовище взмахами лап крушило стены домов и оставляло глубокие раны в стволах деревьев, удары ноги прошибали насквозь мосты, а от его рёва из ушей текла кровь. Вблизи этого чудовища мелькал человек. Удары его были незаметнее комариных укусов, но его это не останавливало. Чудовище било, рвало и кусало, разрушая всё на своём пути, но не могло задеть человека. Тот самозабвенно кружил вокруг твари в танце смерти, спрыгивал с падающих платформ и укрывался за деревьями, ловя моменты, чтобы перевести дыхание.

Ни ослепляющие вспышки молний, ни леденящий ветер не отвлекали и не могли

отвлечь его даже на мгновение. Убийца самоабвенно резал и колот чудовище. Неистово, безрезультатно. Даже удары в сердце или в шею оставляли на мощном теле чудовища лишь неглубокие порезы. Это не могло продолжаться вечно.

Александр выкладывался сверх всяких сил и становился всё медленнее, теряя скорость и напор. И вот, очередной удар чудовища застал его врасплох. Он не смог отскочить, мышцы не слушались, затекли, отяжелели. Не в силах больше быть на пределе возможностей, он не заметил очередной труп, оставленный монстром. Запнулся. Оступился. И тогда чудовище достало его.

Под острыми когтями лопалась кожа и разрубались ребра. Боль пронзила Александра, он сжался и упал на колени. Чудовище зарычало и, развернувшись, взмахом хвоста швырнуло человека в ближайшее дерево. От удара об ствол его спина хрустнула, а из груди выбило последний воздух. Казалось, он ослеп. Из груди и рта струилась кровь, каждый вдох сопровождался агонией, он чувствовал, как обломки рёбер всё глубже и глубже пронзают его лёгкие.

Чудовище, увидев, что человек повержен, вскинуло лапы и издало победный рёв. Человек засмеялся из последних сил. Буря всё свирепела. Очертившая небо молния осветила изрезанную шкуру.

— Всё-таки, — Александр откашлялся, сплёвывая пузырящуюся кровь, — у тебя есть разум.

Чудовище оскалилось, это напоминало усмешку. Александр скривился, схватившись за рану на груди. Из последних сил он снял с пояса треснувшую склянку и поднял руку, но и та ослабла и упала. Склянка выкатилась прямо под ноги к чудовищу.

Тварь приближалась к Александру, по пути подхватив баночку. Это была самая обычная, пустая, потрескавшаяся склянка с этикеткой. На рисунке были изображены капля, череп и кости. Глаза монстра сузились. Он отбросил в сторону склянку и перевёл взгляд на человека.

Тот демонстративно держал в руке маленькие песочные часы.

Тварь занесла лапу, выпустила когти и вздрогнула. Последняя песчинка упала вниз.

После короткой волны дрожи, пробежавшей по всему телу, чудовище замерло. Глаза монстра остекленели. Лапы чудовища подкосились. Оно рухнуло вниз, пробивая площади и обрывая мосты, и, подняв мощный всплеск, погрузилось под воду.

На разрушенной улице, упёршись спиной в ствол могучего дерева, под дождём сидел человек. Он победил.

Он улыбался.

Он засыпал.

Расплата

Его разум терзали бесформенные сны. Чем глубже он проваливался в них, тем труднее было осознать, что происходит на самом деле и где всего лишь видение. Но, даже выиграв у кошмара это драгоценное знание, он лишь сильнее запутывался в паутине снов.

Александр открыл глаза. Перед ним сидела обезьяна и смотрела на него. У неё был большой смешной нос и добрые глаза. В своих лапах она держала письмо. То самое письмо.

Рука сама метнулась за кинжалом на пояс, но ни кинжала, ни пояса не была. Была лишь боль. Александр заскрипел зубами и закатил глаза. Ослабевшие руки безвольно упали и больше не двигались. Сухая простыня оросилась кровью.

Комната наполнилась несдержанным смехом, он заглушил шум дождя и раскаты молний. Обезьяна подскочила и вскинула руки. Она кричала обрывочными и резкими звуками, припрыгивая на месте.

— Я тебя не понимаю, — выдавил Александр сквозь слёзы боли и смеха и зашёлся в хриплом кашле.

Обезьяна замерла, смерив взглядом Александра и почесав подбородок. Она обратила внимание на его руки, которые тряслись всё сильнее и сильнее, заходясь в нарастающем треморе.

Укнув, обезьяна отскочила в сторону и принялась рыться в корзине с травами.

Взгляд Александра оторвался от обезьяны и поплыл по комнате. Неряшливые стены были по большей части связанными воедино бамбуковыми палками с неровно вырезанными дырами-окнами, завешанными промокшим тряпьем, которое не спасало хлипкую, покачивающуюся от ветра хибару от холода и дождя. В моменты, когда сильный порыв ветра ударял в хижину, тяжёлая от воды тряпка отклонялась, и Александр мог смутно видеть небо, всё так же затянутое грызущимися тучами.

— Сколько я здесь? — спросил Александр.

Обезьяна остановила свои поиски, вскинув голову к потолку и что-то промычав себе под нос. Затем она повернулась к нему.

— Ук! Ук!

— Два? Дня? — уточнил Александр.

Обезьяна растянула морду в улыбке и начала безманерно ржать. Она вернулась к поискам, перерывая корзину, пока с довольным возгласом не подняла над головой пучок листьев, стиснутый в кулаке. Эта трава приковала внимание Александра. Острые края, красные жилки и отчётливо покрытый рябью чёрных точек кончик. Листья циадинии.

— О, нет-нет-нет... это же... кха... — сквозь навалившуюся слабость он видел, как обезьяна торжественно идёт к нему.

Собрав в кулак последние силы, он сквозь боль схватил обезьяну за руку.

Обезьяна остановилась, склонив голову набок.

— Яд! — лишь мог выдавить он из себя, зайдясь в хриплом кашле.

Обезьяна отпрянула и скривила морду. Нахмурившись, она вперилась глазами в Александра и методично постучала себе по голове и изо всех сил харкнула в листву, принявшись переминать её в руках. Он не успел ничего сказать, веки сомкнулись, сознание поплыло, и он провалился обратно в кошмар.

учие травы, шатающаяся на ветру хибара и изнуряющее противостояние атрофии. Так прошёл месяц — немаленький срок, который и без того растягивался попыткой разговорить своего мохнатого лекаря или хотя бы понять, какие слова она понимает, а какие только делает вид, что не понимает. Но, в конце концов, он смог встать. Пошатываясь, спотыкаясь, придерживаясь за стенку, он выбрался из хижины на импровизированный балкон.

Отдёрнув тряпку, он зажмурил глаза от яркого света. Впервые за долгое время Александр увидел солнечный свет. Бездонное голубое небо терзало забывшие его глаза. Оно было так близко, что казалось, будто он может дотянуться рукой, словно он находится на вершине мира.

А всё именно так и было: хижина располагалась на том самом дереве, на корнях которого люди основали город. Обезьяны тоже основались здесь же, вот только они заняли крону. И отсюда до земли было дальше, чем до неба. По крайней мере, так казалось. Непослушные доселе руки Александра вдруг проявили невиданную ловкость и силу, впиваясь в хлипкие поручни на стене хижины. Он прижался к стене и закрыл бы глаза, но не мог отвести взгляд. Пугающая, захватывающая высота, на которую не решатся подняться даже птицы. Невероятное зрелище. Холма, деревья, да даже горы — всё было таким маленьким, словно игрушечным, даже неумолимый горизонт убрался подальше. Александр, замороженный, смотрел на мир с небес, прижавшись к стене хибары. Ему было этого мало. Держась за поручень, он ступил ближе к краю платформы.

И взглянул вниз.

На спину ему обрушилась рука. Крепкое дружеское похлопывание, но от него Александр вздрогнул, как испуганный ребёнок, и почувствовал, что волосы встают дыбом.

— Я хотел послать за тобой подданных, но решил сам увидеть тебя, — сказала обезьяна в два раза больше, чем те две, которых он видел прежде. Огромный, красномордый, синеносый, с развевающимся на ветру мягким мехом, перед ним не мог стоять никто иной, кроме как коронованный король обезьян. Короной же ему служил спелый, сочный ананас, в который были вдавлены самоцветы.

Сердце сжалось, а иллюзорное чувство падения всё ещё сковывало его язык и разум.

— Не только видеть, но и засвидетельствовать моё восхищение! — Обезьяна подскочила и энергично заколотила себя в грудь. — Не каждый день видишь человека, способного убить бога, прогуляться в долину мёртвых и, выйдя, вознамериться отправиться к краю, — кивнул он в сторону земли.

— Долину мёртвых? — переспросил Александр.

— Да! Ты был совсем плох. Чтобы ты не окочурился, лекарю приходилось наносить тебе свежие раны и пичкать их лекарствами, вырывая тебя из мохнатых лап смерти, ха! Но ты и сам не промах, можно определенно сказать, что у тебя просто дьявольское здоровье! Ха-ха! Но я отвлёкся.

Король обезьян с грохотом опустил руки на пол. В один момент его лицо сморщилось, глаза сузились, брови опустились, а нос стал раздуваться от чрезмерного мощного дыхания. Король оскалился. Уголки его рта поднялись, из-под губ обнажились белые зубы.

— Я не буду вдаваться в подробности... — Обезьяна повернулась к обрыву и, подойдя близко к краю, уставилась на горизонт. — Ведь если бы ты хотел знать и знал бы хоть что-то

о наших землях, ты бы не сделал того, что ты сделал. Потому я скажу просто, — король резко повернулся к Александру. — Убей правителя людей.

— Кажется, не вдаваться в подробности не получится. Я же не какое-то животное, чтобы просто так зарезать другого человека, — Александр прищурил глаза и вздёрнул бровь. Он отпустил поручень и сложил руки на груди, хоть и далось ему это не без боли.

Король в момент ощетинился, но уже в следующую секунду неистово засмеялся.

— Действительно, нужно иметь смелость, чтобы говорить такую глупость в лицо королю обезьян! Ух-ха-ха-ха! — Вытерев слёзы, брызнувшие из глаз, король мотнул головой и взглянул прямо в глаза Александру. — Глупость. И ложь.

Александр хотел было открыть рот, но не нашёл что сказать. Увидев это, король улыбнулся. Это не был звериный оскал, в этой улыбке было исключительное самодовольство и надменность, присущая цивилизованным существам. И эта улыбка была страшнее всех предыдущих.

— В тебе нет совести. Нет чести. Нет любой другой вещи, которой обычно прикрываются люди, но я знаю, что в тебе говорит, — обезьяна протянула к нему лапу. — Любопытство! — Между морщинистых пальцев было зажато письмо. — Тем парадоксальней, что ты ничего не знаешь про эти земли, если в твоём сердце живёт любопытство.

— Возможно, я и любопытный, — взмахом руки вырвав письмо, сказал Александр, — но я уж точно не книжный червь, который хочет знать всё обо всём. Я хочу знать только то, что касается меня. И я хочу знать, зачем король обезьян хочет убить человеческого правителя? Вы, как я могу судить, живете в мире и гармонии? У меня нет никакого желания развязывать войны.

Король пошатнулся и рухнул прямо на задницу, посреди балкона. Сглотнув слюни, он размял язык и подвигал челюстью. Неродная человеческая речь явно давалась ему с трудом.

— Войны у нас были. Много крови. Мы бы победили, если бы не пришли чудовища. Договор сделал из наших народов один-единый, как при опасности, так и в праздности. Но с каждым годом люди... — Король выпятил нижнюю губу и замялся. Почесав нос и взглянув на хижину, рядом с которой они были, нашёл, кажется, подходящее слово. — Оханжевели? Мы движемся прямой дорогой в рабство, и грядёт новая война, которой ещё не видывали небеса. Война на уничтожение.

Александр взглянул на небо, по которому проплывало одинокое рваное облако.

— Я так нахально говорю, потому как понимаю, что нечасто на этих высотах появляются люди, и тебе, король, интересно, о чём они думают, — начал Александр. Король обезьян приподнял уголок губ и прищурил глаза, — чего бояться, во что верят. Иначе меня давно бы заткнули или вовсе скинули вниз. Я верю, что эта война ничего не изменит. Будет лишь бессмысленная бойня, в чью бездонную глотку будут брошены жизни людей и обезьян, скованных древними законами.

— Ты прав, человек, но всё это можно предотвратить! Маленькая провокация сейчас обернётся бойней только в этом городе. И нам, победителям, остальные города, отрезанные водой, присягнут на верность!

— Но будет ли эта верность верной? Или люди, оказавшись под обезьяньей пятой, когда-нибудь так же спасут обезьяну, поручив ей убить правителя? Во имя перекоса мнимой справедливости, прикрываясь жаждой отмщения, вы лишь раскрутите веретено мести, заняв место тех, кого ненавидите, и породив тех, кем сейчас сами являетесь...

Король вскочил на задние ноги и зарычал, что было сил, колотя себя в грудь.

— Исполни свой долг! Мы спасли тебе жизнь! Теперь она — в наших руках! Таков древний закон! Оставь свою мораль в стороне и действуй!

Александр издал короткий смешок.

— Какая мораль может быть у убийцы и вора? Судя по всему, я действительно был прав, когда говорил, что королю интересны честные мысли и страхи людей. Но я не назвал самого главного страха, по крайней мере моего. Что бы ни произошло — войны не избежать. Пройдут года и столетия, и на плодородных землях нашего мира самый большой урожай будет всё так же будет собирать Госпожа Смерть... Что в сравнении с этим гибель пары человек? Так, погрешность, слегка ускоренный ход естественных событий, ведь все мы так или иначе в конце окажемся в одном месте. Так что не извольте беспокоиться, мне не придётся оставлять мораль в стороне, чтобы выполнить твою просьбу, король.

Король подскочил вплотную к Александру. В лицо ему брызнули слюни и запах короны-ананаса.

— Ты должен был уже понять, человекус, что это не просьба, а приказ! Приказ, за который тебе уже заплатили, убийца! Жизнью! Мы спасли тебя, и мы же можем забрать свой вклад. Тебе нет смысла строить из себя металл. Люди, которых ты, можно подумать вдруг, спасти захочешь, тебя казнят. Для них ты преступник! Нарушитель их запретов и игры, которой они сковали нас. Спасти обезьян — это правильно, человек! Отомсти сородичам, что предали тебя и кинули на растерзание чудовищу, которое сами и породили!

Едва король откинул пальцами тряпку и удалился, как в дом вбежали обезьяны-воины, которые подхватили Александра под руки и, протавив сквозь хижину, выволокли на улицы обезьяньего города.

Улицы эти были узкими и пустыми — местные мохнатые существа предпочитали скакать между ветвей по лианам и канатам, перекинутые мосты же были нужны здесь исключительно ради тележек. Длинномордый хозяин одной из них при приближении двух стражей и человека поспешил заскочить в ближайшую хибару, убираясь с дороги. Здешние обитатели были разнообразны и весьма любопытны. Не имея, похоже, стандартов, каждый строил своё жилище, руководствуясь исключительно собственными вкусами. Были здесь и сферические гнезда, как у птиц, и похожие на убогие человеческие дома постройки. Кто-то вовсе обходился навесом или дуплом.

— Пришли, человекус, — воины остановились и всучили Александру его оружие.

Место, где они оказались, служило чем-то вроде небесного порта. Кораблей здесь, естественно, не было, но главные атрибуты порта — кипение жизни и бурление смрада — присутствовали. Кораблями здесь служили гигантские корзины, которые цеплялись на звенья цепи, что дотягивалась сюда из центра города. Одни корзины были заполнены коробками, другие — фруктами и шкурами, но все были подвешены только на те звенья, что были выкрашены в красный. В одну из таких корзин швырнули Александра, а следом кинули маску, рваную одежду и плащ.

— Оденешься как обезьяны. Чтобы проблем не было, — рыкнул один из воинов, и они скрылись, а корзина, качнувшись, стала опускаться.

По пути вниз Александр вспоминал последние слова короля. Может, там, наверху, он и мог храбриться, но сейчас, спускаемый вниз в корзине для фруктов, которая держалась лишь на четырёх не внушающих доверия канатах, он полностью поддался страху высоты.

Месяцы, проведённые в кровати, давали о себе знать. Хоть он отчаянно, ежедневно, как

мог, напрягал каждую часть тела, оно всё ещё неохотно слушалось, болело и было слабо, будто не принадлежало ему. Обезьяны знали это, но всё равно поручили ему убийство, вероятно, самого охраняемого человека в городе. Отчаянное решение. Корзина преодолела лишь половину пути, как стали показываться первые дома людей.

Александр поднял маску и плащ, которые ему кинули в корзину. Он знал, что собирался делать.

Убийство

Корзина опустилась в люк на крыше склада в городе людей. В тусклом свете факелов люди с оружием и в доспехах лениво зевали. Цепь, проходящая через здание насквозь, вздрогнула и замерла, когда красное звено с корзиной оказалось на уровне пола. Мимо них тут же начали сновать хмурые грузчики, принявшиеся разгружать корзину. На сгорбленную, укрытую балахоном тварь в корзине люди не обращали внимания, пока та не мешала им таскать груз. Давать им повода Александр точно не хотел и потому постарался выскочить из склада, никого не побеспокоив.

Выбравшись из корзины, он тут же шарахнулся в сторону, чтобы на него не налетел поспешивший грузчик.

— Сраные макаки, — сплюнул тот.

Заковыляв к выходу, стараясь держаться поближе к стене, в тусклом свете склада Александр обратил внимание на охранников. Это были не стражники, он чётко видел разницу: полировка не могла скрыть всех вмятин на их доспехах. Ткань исполосована аккуратными швами, нити подобраны в цвет и почти не бросались в глаза. Взгляд же их был полон усталости. В городе для них было явно слишком спокойно, безопасно, слишком непривычно.

Так и не надев мантию и маску, держа их в руках, проходя мимо солдат на входе, Александр непроизвольно кивнул им головой. Ему ответили тем же.

Выйдя на улицу, он тут же нахмурился, но не от ударившего в глаза света, а от появившейся в теле усталости. Стоило ему покинуть постель, как силы, которые ему удалось скопить посильными в лечебной койке упражнениями, начали стремительно таять.

Пусть необычный город и был возведён на деревьях, всё же эту его часть строили люди, а значит, Александр знал, куда идти. Он свернул в тесную подворотню, чтобы срезать дорогу, и там же выбросил в кучу мусора плащ с маской.

Позади кто-то спрыгнул с крыши.

— Какое пренебрежительное отношение к маскировке! — зарычала обезьяна с широко расставленными глазами и расправленными плечами, ростом больше Александра. Он не обратил на неё особого внимания и продолжал идти. — И как ты собираешься выполнить задание? Люди злопамятны... — шипела она почти на ухо. — На твоих руках их кровь!

Александр остановился, переводя дыхание: одышка возникла даже после такой незначительной прогулки. Он опустил взгляд на свои руки. Их пробивала мелкая дрожь.

— Я знаю, что ты дальше будешь говорить, не утруждай своё красноречие. Это руки убийцы, на них кровь и прочий бред, так? — он обернулся и взглянул обезьяне в глаза. — А я смотрю на тебя и вижу глаза животного, не способного узреть всей глубины человеческой души. Чем высокопарней это звучит, тем лучше отражает одну простую вещь, обезьянка, — Александр усмехнулся. — Кровь на руках для человека значит лишь то, что её надо смыть.

Обезьяна переминалась с ноги на ногу. Она скосила морду в сторону, пристально смотря на Александра из-под прищуренных, нахмуренных век.

— Мне-то что? Человеки запомнили тебя, из-за тебя столько погибло!

— Глубина, о которой я говорил, — это не высокопарные сопли, это действительность. Зверю никогда не понять и не принять того, какой же мразью может стать человек и что ему будет на это плевать. Из-за меня погибли люди? Не смейся. Это они, жалкие слабаки, не смогли защитить ни свои шкуры, ни жизни ближних. Кого я действительно убил — так это то чудовище. Не тешь себя надеждами, зверушка, что я это сделал из героизма, альтруизма или ещё чего-то в этом роде, — Александр сделал шаг к обезьяне, та отступила. — Я убил чудовище просто из каприза. Из прихоти. Потому что мог, — развернувшись, Александр зашагал к выходу из переулка.

Глаза обезьяны сверкнули, лицо обезобразила улыбка от уха до уха. В один прыжок она настигла человека и развернула его за плечи.

— То, что ты сгубил Уку'ра, ничего не меняет! Бессмертный зверь лишь отправится на отдых, после чего возродится в своём храме в горах! Не строй из себя опасного человека, — сплюнув, обезьяна обнажила острые зубы. — Зверь забрал твою силу, сейчас ты не опасен, сейчас ты не убийца бога! Сейчас ты просто трус и предатель! Тебя спасли! Тебя исцелили! А ты отказываешь в ответной услуге? Да никто и не рассчитывал, что ты, калека, всерьёз убьёшь правителя! Нам нужен был лишь человек, который станет символом того, что даже люди устали от своей тирании! Это твой долг!

— Всё именно так. Но одно ты упускаешь, обезьянка, — Александр поднял голову и улыбнулся. — Мне на всё это плевать.

Обезьяна снисходительно улыбнулась, открыла рот, чтобы что-то сказать, и в этот момент Александр, скованный слабостью, медленный и дрожащий, наступил ей на босую ногу и навалился всем весом.

Обезьяна подавилась, не успев перейти с насмешки на вопль боли. Вырвав больную ногу, она отступила назад. Следующий удар последовал сразу за предыдущим — ботинок обрушился под колено здоровой ноги. Не успев опереться на отдавленную ногу, обезьяна подкосилась от боли и завалилась назад. Она закашляла и потянулась за оружием. Но оружие человека уже было наготове: он достал своё, ещё входя в переулок, по привычке. Александр шагнул обезьяне навстречу, схватил за шерсть правой рукой, а левой, не в силах сейчас нанести удар, он приставил кинжал острием к её горлу.

Они начали падать, обезьяна набрала полные лёгкие воздуха, чтобы закричать. Человек откинул голову и что было сил врезался лбом в её челюсть. Эта уловка должна была помочь Александру выиграть несколько мгновений, пока они не упадут и кинжал не войдёт под его собственным весом в обезьянье горло по рукоять, заткнув навсегда. И это сработало бы, если бы его противником был человек. Челюсть обезьяны оказалась намного крепче, и человек лишь причинил вред себе. У убийцы закружилась голова, потемнело в глазах, и в этот момент из вытянутой пасти животного раздался вопль:

— В переулке! Убивают!

А затем они упали.

Клинок вошёл в горло по рукоять. Лезвие пронзило плоть и воткнулось в деревянный пол переулка. Александр вырвал кинжал, поднялся и отшагнул в сторону, не отпуская оружие. Обезьяна начала извиваться на земле, инстинктивно схватившись за смертельную рану. Кровь, такая же красная, как у людей, хлестала меж её пальцев.

Её было не остановить. Обезьяна это понимала. Страх, обида, боль, ненависть... всё это смешалось и застыло в предсмертном взгляде, брошенном на убийцу. Знакомое и пугающе безразличное зрелище для Александра.

Обезьяна скалилась. Хрипя, она бросила взгляд на вход в переулок. Свет восходящих солнц перекрыли фигуры двух спешащих к убийце солдат. Александр демонстративно бросил кинжал на пол, поднял руки вверх и встал на колени. Возможно, именно это действие спасло ему жизнь, пусть и ненадолго.

Солдаты налетели на него, повалили на землю и принялись избивать. Затем, когда, на их взгляд, он уже не мог сопротивляться, его выволокли из подворотни на площадь.

От солдатских сапог и кулаков он поплыл сознанием, потеряв чувство времени и пространства. Законы здесь были весьма своеобразны, как мог уже убедиться Александр на собственной шкуре. Приговор выносили не в здании суда, а по месту происшествия. А в это время все кому не лень останавливались посмотреть на преступника и поглумиться. Так проносилось время, пока сквозь несвязный поток ругательств и оскорблений слух Александра не выцепил приближающийся знакомый голос:

— Разойдись!

Повторять не пришлось, и даже самые возбуждённые зеваки пропустили человека в гербовой броне, чьё перо в шлеме было видно через головы толпы. Офицер стражи встретился глазами с Александром. Он замер, прищурился и цыкнул языком.

— И кто это?

— Не знаю, какой-то бродяга. Прирезал привратника в переулке. Отрубить ему голову?

— Отрубить ему голову? — переспросил, глядя на убийцу, офицер, как будто спрашивая Александра. — Ну уж нет. Надо преподать урок всему этому сброду! Давно мы никого не вешали... Подготовьте лодку! Я лично вздёрну его!

Командующий взмахнул рукой и удалился.

— Вы слышали приговор? Выполнять! — рявкнул кто-то, и Александра снова потащили. — Сегодня у крокодилов будет пир!

Дерево висельников

Лодка бежала вперёд, она была большая, внутри помещались четыре сиденья и место для груза. Александр лежал на месте груза, посередине сидел тот самый офицер с закрученными усами, а на носовой банке работяга-гребец, который налегал на вёсла. Те равномерно погружались в воду и поднимались, создавая успокаивающую музыку. Хотя после окончания ливня прошло уже почти как три недели, но всё окружавшее их ещё было погружено под воду. Лишь некоторые холмы выглядывали из-под ровной водной глади, которую беспокоили только приплывшие из моря рыбы да время от времени показывали свои шипастые спины крокодилы.

Впереди показалось дерево висельников. Александр поднялся с лежачего места и, переступив через скамью, сел напротив офицера.

— Я не буду спрашивать, как ты выжил... — заговорил капитан, сцепив руки. — Очевидно, что это обезьяны тебя подлатали. Я даже не спрошу, почему ты убил привратника. Обезьяны спасли тебя не просто так. Они что-то потребовали взамен... но ты отказался возвращать священнейший из долгов, долг за жизнь. И так... — он наклонился вперёд. — Почему ты отказался?

Александр молчал. Обратив взгляд в сторону, он потёр подбородок, запустив пальцы в

отросшую бороду: эти кусты определенно надо будет срезать при первой же возможности. Офицер смотрел на него исподлобья, не моргая и не отводя взгляда всё это время. По виску его стекал пот, усы были влажными. Действительно, было жарко. Но несмотря на то, что Александра везли на казнь, сам он не нервничал.

Вдалеке появилось дерево висельников, а совсем рядом показался из воды сытый крокодил. Можно было подумать, что он мёртв, ведь всплыл он кверху брюхом... Но когда его оттолкнули веслом в сторону, тот возмущённо шлёпнул раздвоенным шипастым хвостом по воде, но так и не удосужился перевернуться.

— Долг... — Александр запястьем потёр подборок. Он сидел напротив офицера, слегка подавшись вперёд. — Может, во времена, когда рыцари вершили судьбу этого мира, это слово и было их священным оружием, но сейчас это всего лишь красивая крестовина кукловодов. Спасти жизнь лишь затем, чтобы потом потребовать умереть... Не кажется ли тебе это чем-то извращённым? Уж лучше я обрушусь в угли, испепелённый праведным судом небес за все свои преступления, чем отдам свою судьбу в чужие руки.

— Вот как? Понятно... — Командующий снял шлем и вытер пот со лба. Погода стояла действительно жаркая. На опустевшем небе более ничего не укрывало землю от раскалённых солнц. Лодка стукнулась о холм дерева висельников. За ним открывалась дорога, уводящая далеко вперёд, в холмы.

Офицер поднялся и вышел на берег, жестом позвав за собой Александра. Тот поднялся следом. Они оставили лодочника позади. Офицер стоял, сложив за спиной руки, и смотрел на пустое дерево висельников: только опустевшие, оборванные верёвки, обвитые жадными щупальцами лозы, свисали с ветвей.

— Ты всё сделал правильно. Начиная с ягуара и заканчивая обезьяной. Как командующий стражей, я должен казнить тебя, — капитан повернулся к пленнику лицом и протянул руку. — Но, как правитель этих земель, я, Уильям, граф Ягуара, должен поблагодарить тебя.

Александр взглянул в лицо трактирщику, офицеру и графу.

— Какая разносторонняя личность... — протянул Александр, на что Уильям усмехнулся в усы.

— Однако праведность и справедливость не всегда идут рука об руку. Единственный компромисс, который я вижу, — изгнать тебя навсегда из наших земель. И пожелать удачи в твоих странствиях. Вот, — он протянул Александру свёрток, — возьми подарок на прощание. Надеюсь, в этот раз ты не просрёшь впустую пшеничный эль.

Развернув свёрток, Александр увидел флягу с гербом, что имел одно занятное отличие от обычного — на этом гербе ягуар и крокодил сцепились друг с другом под корнями дерева. Улыбка сама собой расплзлась на его лице. Но это было не всё. К фляге было что-то примотано.

— Твоё письмо пришло совсем в негодность, и я позволил себе дать писарю обновить его для тебя в пергаменте, он прочнее и не боится влаги.

Перевернув булькнувшую флягу, Александр увидел незнакомую бумажку со знакомыми письменами. Чистая, прочная, новая.

— Куда ты теперь? Я так понимаю, ты же вроде как без памяти от наших красот?

Александр отвёл взгляд в сторону и сдавленно рассмеялся.

— Вот он я, стою перед тобой, поддерживаю разговор, делаю то, что считаю нужным и правильным. Потеря памяти ли это или, может, потеря прошлого? Загадка, которую было бы

занятно решить на досуге, но не более. И как иронично то, что больше мне нечем заняться. Может, моя память и изменила мне, но сам себе я остался верен. У меня есть одно незаконченное дело, — Александр перевёл взгляд на Уильяма и похлопал по нагрудному карману, в котором лежало письмо. — А я всегда завершаю начатое.

Александр подпёр голову кулаком и закрыл глаза. Письмо, доставшееся ему из прошлой жизни, провело его через пустыни и горы, сквозь леса и болота, и, пройдя всё королевство, Александр наивно полагал, что повидал все чудеса. Пока не попал в столицу королевства, его жемчужину — Дюран. Пять лет. Пять долгих лет он сюда добирался.

В башню, где он отдыхал после своего путешествия, ворвался прохладный морской бриз. Александр стоял у окна и смотрел вниз. Квадратная башня возвышалась над землёй на добрые пятнадцать метров, а может и больше, и была окружена рвом с водой. Единственное окно в башне выходило на торговую площадь, располагавшуюся прямо за рвом. По прекрасной узорчатой плитке под палящими солнцами шагали сонные прохожие в дорогих одеждах. По краям площади расположились палатки и телеги с выложенными рядом товарами. Одни теснились поближе к домам, а некоторые и вовсе опасно соседствовали со рвом, кажется, не боясь в него свалиться. По всей видимости, им запрещено было разбивать свои лавки на самой площади, но каждый хотел урвать кусок от жирного местечка. Обитающие в этих палатках торговаши сновали между гуляющими горожанами, бахвалясь своими товарами, зазывая народ затем лишь, чтобы выцедить из безразличной толпы ошибочно обратившего на них внимание человека. Подлетев к нему, они тут же осыпали его комплиментами и зазывали отовариться редкостями, иногда даже силком уволакивая к своему логову особо тщедушных господ.

Каждая жертва торговаши непременно уходила с «обновками». Товаром была в основном «одежда с историей». Одна такая вещь, которая прямо сейчас едва не была втюхана недостаточно доверчивому горожанину, привлекла внимание Александра. Видя, как торговец трясёт в руках плащ, расписывая, каким жестоким убийцей был обладатель этой жуткой вещи и сколько людей пало его жертвами, сам убийца расплылся в улыбке. Он и представить не мог, что его штопанный, замаранный в крови, старый плащ будут пытаться продать аж за целых тридцать шесть золотых монет.

На всё это безобразие молчаливо взирала статуя-фонтан — величественный всадник на могучем скакуне. Высеченные из камня, они возвышались над суетой и дрызгами этого мира, застыв в триумфальной позе. Фонтан не был ничем ограждён, хлещущая из-под копыт коня вода устремлялась на площадь, растекаясь вокруг фонтана и быстро покрывая узор на плитах. Опускаясь в него, несясь и стремясь ко рву, вода оживляла торговую площадь, наполняя её прохладой, свежестью и убаюкивающим журчанием, которое не могла осквернить даже стая голодных торговаши.

Оторвав взгляд от суетящихся людей на площади, Александр вновь оглядел окрестность. Дюран не был похож ни на один из городов, что он посетил, в первую очередь, из-за вездесущего богатства. Каждый человек здесь носил яркие, цветные одежды, что блестели на солнце серебряными и золотыми нитями, а пуговицы сияли самоцветами. Этот город ослеплял матерого вора. Шик и блеск свалились на Александра со всех сторон, вынуждая восхищаться каждую песчинку времени.

Здания из гладкого белого камня, заточившего в себе узор морской волны, устремлялись вверх, словно деревья, не ограничиваясь жалкой парой этажей. На их крышах цвели пышные сады, среди которых гуляли люди, с балконов, прямо на улицу, свисали шёлковые гобелены с гербами, а по стенам полз плющ.

Позади домов и дворцов возвышалась стена. Это огромное сооружение уберегало, как уже узнал Александр, город от волн и штормов. Но стена была столь огромной, что смогла бы остановить даже великанов. В городе лишь замок и соборный шпиль возвышались над этой стеной.

Отгоняя накатившую дрему, Александр покачал головой. Позади закрипела дверь. В башню вошёл крупный усатый мужчина. В руках у него была пачка бумаг, на плече висела сумка. Закрыв дверь за собой на ключ, он прошёл за стол, что стоял в центре комнаты. Положил на него бумаги, кивнул Александру на стул напротив, попутно достав из сумки чернила и перо, и затем сел сам.

Тишину башни нарушил скрип пера. Несмотря на то что его гость прятался за дорогими одеждами, Александр видел его насквозь. Каждая деталь, от резкого движения руки до шмыганья носом, выдавала в нем осевшего солдафона. Пышный, высокий, но достаточно тесный воротник периодически оттягивался толстыми пальцами, на которых красовалось кольцо с рубином, игравшим в эти моменты на солнце сотней оттенков крови и вина. Небесного цвета кафтан был расшит золотом и серебром на манер горожан, вкрапления жемчуга украшали здоровенные пуговицы.

— Руфус, — шумно вздохнув, представился стражник и тише добавил: — Рассказывай...

Сам же гость, хоть и был втиснут в роскошные одежды, оставался грубым и принципиальным слугой порядка. Об этом говорили залёгшие под глазами синяки, шрамы на пальцах и крепкие мышцы, которые отчётливым силуэтом вырисовывались под обтягивающим кафтаном, потому как куплен он был, судя по всему, ещё в более юные годы, хоть и сохраняется в превосходном состоянии.

— Хм... — Александр отошёл от окна и остановился возле стола. Положив руку на спинку стула, он бросил взгляд на Руфуса. Вошедший не обращал особого внимания на скудность помещения, ни на преступника напротив. Принципиальный, напыщенный и самовлюблённый. Несмотря на усталость, он держался терпеливо, учтиво, рассудительно. Александру стало интересно, насколько хватит его самообладания.

Прищурившись и развернув стул спинкой вперёд, Александр уселся на него.

— А я ожидал, что это ты мне что-нибудь расскажешь о вашем городе.

Капитан поставил жирную точку, заляпав бумагу, и уставился на Александра тяжёлым взглядом.

Очередной порыв ветра занёс в башню аромат цветов и свежесть моря, но всё это благоухание быстро было раздавлено повисшей между собеседниками тяжестью.

Стражник, не отпуская пера, свободной рукой ударил по столу, а затем со скоростью броска гадюки схватил Александра через стол за грудки и притянул к себе.

— Ожидал? — зашипел Руфус. Его лицо пылало жаром и злобой. — Слушай сюда, щенок. Единственное, что тебя ожидает, это петля на шее и говно в штанах. Потому что ты обосрёшься, когда поймёшь, что быть повешенным — это лучший расклад из возможных. Потому что если ты меня взбесишь, то до виселицы ты просто не доживёшь! — Руфус отшвырнул Александра на место и отдёргнул жилет. — Ты будешь открывать свою пасть только для того, чтобы отвечать на мои вопросы, иначе ты не закроешь её уже в пыточной, когда я буду дробить тебе кости и вырывать зубы.

Капитан вздохнул, отдышался и, сбросив хватку, вернулся к бумагам. Александр же изо всех сил сдерживал улыбку, это бы его добило сразу.

— Теперь, когда с прелюдией покончено... Тебя обвиняют в нападении на бана

Люберта, расскажи всё по порядку, начиная с того... — Руфус поднял взгляд на Александра, — как ты вообще здесь оказался?

Прибытие

Деревья укрывали лоно леса от солнечных лучей, погружая всё под своими кронами в сумрачную прохладу. О времени дня путник мог судить лишь в моменты, когда солнечные лучи всё же находили прореху в зелёной крыше, ниспадая вниз переливающимися струнами, лаская теплом молодые саженцы и лесные цветы. В эти редкие моменты Александр скрипел зубами и поплотнее укутывался в старый дорожный плащ, хоть это и не спасало от промозглого утреннего ветра. Конь неторопливо брёл по каменной дороге. Путник был хмур, рука стискивала до боли пустой желудок.

Когда дорога начала выходить из леса, впереди показался крутой подъем на холм. Оказавшись на его вершине, Александр прикрыл глаза от прямого света. Лес кончился. Перед ним предстало море. По водной глади неслись волны, бьющиеся о берег и рассыпающиеся пеной. Крики птиц и ритмичное шипение волн ласкали уши, солнечные блики на воде делали её похожей на россыпь самоцветов.

На берегу, огороженный частоколом, стоял портовый городок. Грязные улочки, бородатые работяги и запах тухлой рыбы, разлетающийся далеко за его пределы, — всё это было знакомо Александру. Но он впервые видел, чтобы посреди города был карьер, по серпантину которого спускались на дно телеги, люди и кареты. Они исчезали за огромными мраморными дверьми, вокруг которых встали лагерем аж несколько отрядов солдат и стражи. Как только удивление прошло, его взгляд скользнул дальше. Он нёсся по водной глади вдаль, туда, где на одиноком острове возвышались шпили белых башен, ограждённые гигантской стеной. Прекрасный белокаменный город с сияющими крышами походил на жемчуг, а раковиной ему служило само море. Смотря на всё это, Александр не мог остаться равнодушным. Впервые за эту неделю у него защемило не живот, а сердце.

Натянув поводья и пришпорив коня, он устремился вперёд.

Подъехав к деревянным воротам городка, он не застал привратников. Они оставили пост и сидели неподалёку. Четверо привратников в стёганках расположились на бочках и, жуя вяленую рыбу, увлечённо смотрели на море.

— Чего расселись?! Открывайте ворота! — обратился к ним Александр.

— Подождут твои ворота, туда смотри! — привратник указал рукой в сторону моря.

Шлёпая вёслами, лодка, набитая людьми, всё дальше удалялась от берега. Они держали курс на островной город. Лодка становилась всё меньше и меньше, и чем ближе они были к острову, тем сильнее гребли. Но вдруг лодка остановилась.

Несмотря на усилия людей, что остервенело терзали воду вёслами, лодка не двигалась. Крики и ругань были слышны даже здесь, на берегу.

— На мель сели? — спросил Александр.

— Ешли б, — ответил самый старший из стражников с кривущими, гнилыми зубами. — Ты шо, моря впервой увидел? Ш морями ведь как жаведено? Ш мелководья ушел — щитай тю-тю!

— И что теперь?

В ответ стражники лишь ядовито рассмеялись.

Из воды медленно, извиваясь, стали показываться длинные шипастые щупальца. Одни

вздыхались над лодкой, другие обвивали её экипаж. Крики стихли, щупальца замерли. А затем, взбесившись в момент, разметали плоть и дерево во все стороны. Когда ничто больше не беспокоило морскую гладь, щупальца стали погружаться под воду.

План украсть лодку и самому доплыть до города накрылся.

Чередой воспоминаний прервалась тяжёлым кашлем стражника.

— Покороче, — не отвлекаясь, макнув перо в чернила, сказал Руфус. — Что там с баном?

— Что там с баном? Ну, если вкратце, что ж... Дальше я несколько дней искал способ попасть в Дюран. Не помню, как и когда точно, но после таких расспросов в какой-то момент я очнулся в канаве, побитый целой толпой, без оружия и денег. Даже сапоги сняли, — усмехнулся Александр. — Там я и встретил этого вашего... графа?

— Бана. Ты о бане Люберте?

— Он не представлялся, — отмахнулся рукой Александр. — Это был просто хромой толстосумый толстопуз, который предложил свою помощь.

— Ты не узнал бана по вычурной и яркой одежде? — взглянул искоса на него стражник, продолжая писать.

— У вас тут что графы, что чернь одеваются одинаково, как шуты. — Александр пожал плечами, окинув Руфуса взглядом. Тот не повёл и глазом. Лишь оттянул пышный воротник, ещё раз сверкнув рубином. По лбу у него катился пот. За ношение роскошных одежд приходилось особенно дорого платить в этом жарком городе.

— Ума отличать их много не надо. Граф правит землёй, герцог правит областями и графами, бан ничем не правит, а служит первым и верным герцогу... — методично, словно читая лекцию, тихо проговорил он. — Дальше? — сказал он уже отчётливее и громче.

— Как я уже сказал, он предложил свою помощь. Говорил, что знает, кто я и зачем я здесь... Вот эту вот всю внушительно звучащую чушь. И дальше предложил мне попасть в город, минуя маленькую армию у ворот подземного хода... — Александр отклонился назад на стуле, обернувшись на окно башни. — У вас всегда так смехотворно строго или сейчас возникли какие-то проблемы?

— Это тебя не касается! — внезапно рявкнул Руфус. Осознав, что сорвался, он прокашлялся и вернулся к бумагам, обмакнув перо в чернильницу и жестом приказав продолжать рассказ. Александр постучал пальцами по столу и, улыбнувшись уголками губ, продолжил:

— Я остановился на моменте, когда мне предложили попасть в город в обмен на услугу в дальнейшем.

— И ты согласился, — подытожил стражник.

— Как видишь, — развёл руками Александр.

— И я должен в это поверить? — хмыкнув, Руфус отложил в сторону перо и сложил пальцы в замок.

— Странный, конечно, способ, согласен. — Александр выпрямился на стуле, разминая плечи и осматривая комнату. — Он вполне мог провести меня в город как наёмника или слугу, раз у вас с этим тут так строго. Мне, собственно, выбирать не предлагали.

— Действительно. И напоследок... — на стол легло письмо. Старое, пожелтевшее и измятое. — Что это? — спросил Руфус.

— Письмо, — ответил Александр, демонстративно внимательно разглядывая его.

Стражник нахмурился.

— Не заставляй меня вытаскивать из тебя подробности клещами.

— Проблема в том, что мне и сказать-то особо нечего... — Александр опёрся локтями на стол. — Письмо всегда было при мне, сколько себя помню. Знаю только, что доставить его надо было в Дюран. Кому оно и от кого — понятия не имею. Читать я не умею, да и не особо-то хочу учиться.

Руфус без особого интереса опустил взгляд на письмо. Проморгавшись, он более пристально всмотрелся в следы на бумаге, помутневшие от времени и путешествия слова, написанные уже истлевшими чернилами.

— Я всё правильно понял? Это письмо из Лесного графства? Сюда? — скосил глаза Руфус на Александра. Тот лишь пожал плечами и улыбнулся.

— Лёгкая прогулка перед обедом никому не повредит.

Поморщившись, стражник разорвал постаревшую бумагу. Извлёк письмо и развернул его.

Руфус поднял бровь и всё так же, не опуская её, он дочитал до конца.

— Ну, так что там? — Александр напрягся, его самообладание дало трещину. Любопытство вырвалось из-под напускного безразличия. Он наклонился вперёд, крепко впившись пальцами в стол.

— Тут... — Руфус медлил. Его взгляд лихорадочно бегал по письму, на лбу проступила вена. — На удивление, ничего серьёзного. Ты вернёшься в камеру, позже я решу, что с тобой делать дальше, — буркнул он, принявшись торопливо заполнять бумаги.

— Боюсь, это тебя уже не касается.

— Слушай сюда... — начал закипать стражник. Он оторвал взгляд от бумаг. Всё, что он успел увидеть, — летящий ему в лицо стул. От удара Руфус повалился на пол. Письма в руках у него уже не было. Он попытался встать, выхватить оружие, но его лицу вновь была назначена встреча, на этот раз — с ботинком. Александр с размаху пнул стражника в лицо, и он упал обратно на пол, ударившись затылком. Стоит отдать честь этому бычаре, ведь он даже не потерял сознания, а потому башня наполнилась отборной руганью.

Александр вскочил на подоконник, ещё раз окинув взглядом ров с водой и торговые палатки.

— Передавай привет Люберту! — сказал Александр и спрыгнул вниз.

Начав падать, он тут же ухватился руками за окно, чтобы хоть как-нибудь сократить расстояние до земли. Разжав пальцы, он понёсся вниз всё быстрее и быстрее. Ветер хлестал его по лицу и шумел в ушах, водная гладь приближалась с пугающей быстротой.

Собрав волю в кулак и опустошив сознание, Александр в нужный момент поджал ноги и что было силы ударил ими об стену. Не сказать, что это особо помогло замедлиться, но направление падения изменить удалось, и теперь он нёсся не в воду, а прямоком к тележке торговца одеждой.

Раздался грохот. Тележка, начав катиться, тут же пошатнулась и завалилась на бок, её колеса лопнули и разлетелись обломками спиц, и сама она едва не развалилась на части.

В глазах у беглеца поплыло, звуки стальным звоном стали впиваться в сознание. Ему потребовалась пара секунд, чтобы выбраться из этого состояния, но это были драгоценные, определяющие мгновения, которые он не мог позволить себе дальше растрчивать, если собирался сбежать.

Наспех ощупав себя и пошевелив конечностями, Александр убедился, что может двигаться. О переломах думать времени сейчас не было. Он выбрался из вороха одежды,

изрыгая проклятия. Несмотря на боль во всем теле, он был искренне рад, что в телеге не оказалось ничего острого.

Стоило ему выбраться из разрушенной повозки, как на него тут же налетел разъярённый торговец.

— Собака! Ты заплатишь мне за новую телегу! — завопил тот, с кулаками кидаясь на беглеца.

Александр без лишних слов ударил торгаша в челюсть. Тот не был привычен к подобной грубости, закатил глаза и обмяк. Александр подхватил его и, торопясь, потащил ко рву с водой, не забыв попутно сунуть руку в чужой карман и сбить с него смешную шапочку.

Раздался всплеск.

Из башни продолжали литься крики и ругань, но всё отчётливей и громче. Времени оставалось всё меньше. Александр подскочил к телеге, схватил первую попавшуюся тряпку, обернул наспех вокруг головы и накинул на плечи какой-то халат, развернулся ко рву и с интересом в него уставился. Вся площадь, напуганная произошедшим и ещё не решив, как реагировать, сейчас впилась округлившимися глазами Александру в спину, а тот не выбивался из общей картины и смотрел в том же направлении.

Из окна башни показалась окровавленная рожа стражника. Он, прикрыв разбитый нос рукой, окинул площадь взглядом, но единственное, что приковало его внимание к себе, — барахтающийся в воде человек.

— Беглец в воде! Взять его! — взревел стражник и исчез в глубине башни.

Скинув с себя тряпье, Александр было кинулся бежать с площади, но остановился. Его взгляд зацепился за одну вещь в телеге торговца. Спустя мгновения с площади исчез и беглец, и один старый разбойничий плащ.

Дверь трактира распахнулась, на гостя, хоть он и был в неприлично грязной одежде и выглядел нездешним, никто не обратил никакого внимания.

Внутри тесного помещения, набитого людьми, Александр не терял времени зря. Он снял с себя плащ и накинул его на ближайшего одиноко спящего пьянчугу. Сев напротив, он выхватил из его рук кружку и выплеснул на него содержимое. Пьянчуга сразу же вскочил.

Мокрый, с раскалывающейся головой и красными глазами, он вскочил лишь с одной целью — наказать обидчика. Мутный взгляд, не задерживаясь, скользнул по спящему человеку напротив и тут же перекинулся на хохотавшего во всю глотку мужика. Это он над ним так потешается?! Мокрый пьяница тут же кинулся с кулаками на шутника.

Александр, обнимая кружку, из-под прикрытых глаз смотрел, как в помещение врывается стража.

Этот трактир был лишь забегаловкой с целью опрокинуть пару стопок и пойти по своим делам дальше с тройкой столов, потёртыми стульями и стойкой во всю длину тесного помещения. И хотя для такой конуры здесь было многовато народу, стражники недолго искали человека в мокром плаще. Они повыхватывали дубинки, не став разбираться, кто начал эту драку, да и не разнимать они сюда пришли вовсе. Дубинки обрушились на всех, кто подвернулся под руку. Поднялся шум и крик.

Вскоре все, кто имел несчастье привлечь внимание стражников, уже жались по углам или валялись на полу, прикрыв голову руками. Последним оставшимся на ногах был тот самый пьяница. Он яростно отбивался, сражался как лев. Какие-то дубинки не могли сломить его волю, но стоило заскрежетать мечу, извлекаемому из ножен, боец тут же рухнул на колени, задрав руки вверх. Врезав ещё пару раз дубинками для верности, стражи порядка заломили ему руки за спину и выволокли на улицу.

Часть стражи осталась. Их предводитель проводил обычную разъяснительную беседу с хозяином заведения, а остальные рыскали глазами по оставшимся посетителям и похлопывали дубинками по ладоням, высматривая ещё желающих отведать правосудия. Закончив разговор с хозяином таверны, стражник выхватил протянутые ему золотые монеты. Стражи стали один за другим покидать таверну, а с ними и побитые жители, которые не желали продолжать веселиться. Заведение начало пустеть.

Но не все покинули таверну.

Прислонившись спиной к деревянной балке возле входа, пепельноволосая стражница наблюдала, как схватили и уволокли не того. А когда таверна опустела, она мягко прикрыла дверь, и взгляд её бирюзовых глаз устремился на Александра. Оттолкнувшись от стены, она плавной походкой направилась прямо к нему. Её рука скользнула к рукоятке меча. Александр вцепился в кружку, приготовившись защищаться или нападать.

Она прошла мимо и сказала:

— Не делай глупостей.

Дверь в таверну тихо отворилась. Внутри вошла фигура в плаще. Прикрыв за собой дверь, вошедший похромал к Александру и сел напротив.

— Ты выбрался быстрее, чем я ожидал, — начал незнакомец. Этот голос показался Александру знакомым. Этот голос прочно ассоциировался с канавой, рыбной вонью и чувством обиды. — Это доставило мне некоторые неприятности, но всё же я впечатлён!

— Люберт... — Александр закрипел зубами.

— Бан Люберт! — поправил его собеседник, скидывая капюшон. Он самодовольно улыбнулся, от чего отвратительно тонкие, маленькие усики привлекли больше внимания, чем заслуживали. Откинувшись на спинку стула, он провёл рукой по и без того зализанным чёрным волосам. — Я не сомневаюсь, что ты бы рад сейчас вцепиться мне в горло, однако поверь мне, — на пухлом лице улыбка расплзлась ещё шире, — это не в твоих интересах.

— А что же, — прорычал Александр, — в моих интересах?

— Не подохнуть, — прошипела стражница, склонившись к его уху. Александр вздрогнул, девушка усмехнулась. Он совсем забыл о ней, оглянулся, но сзади уже никого не было.

— Не отвлекайся на красотку Анабель! — хохотнул Люберт. Александр нахмурился и повернулся к нему. — Я постараюсь покороче. Меня зовут бан Люберт, — взмахнув ладонью, он небрежно поклонился.

Как бы невзначай, но определённо специально, из-под ворота мантии показался медальон. Прекрасно сделанная веероподобная раковина, покрытая чистейшим золотом, выточенная с абсолютной точностью редчайшего таланта ювелиром, который, несомненно, мог обитать лишь где-то во дворце. Если и не слова этого толстяка, то уж его побрякушка привлекали внимание к нему.

— Твоё имя, Александр, для меня не секрет. Для меня, в общем-то, и нет секретов. Зато есть интересы. Но я человек весьма занятой, понимаешь ли... Поэтому меня выручают друзья, — Люберт улыбнулся. — Мы часто друг другу помогаем. Они мне, я им. Тебе я уже помог — ты попал в город.

Люберт жестом окинул тесное помещение рукой, будто это был небесный дворец.

На стол опустилась бутылка и кружка. Девушка появилась так же неожиданно, как и исчезла.

Воспользовавшись моментом, Александр окинул взглядом стражницу. Несмотря на опасность, исходящую от неё, он не мог не оценить её выдающуюся фигуру. Он находил форму стражников в этом городе смешной, но не в этом случае. Высокие ноги в крепких сапогах выглядели завораживающе. Рубашка, казалось, будучи на размер меньше, чем следовало, обтягивала стройную талию, а дублёные штаны и короткая куртка не могли скрыть крепкого зада и немаленькой груди. Аккуратный нос, тонкие губы, выразительные скулы, острые брови да и все прочие детали её образа легко объединялись в мысль, что такая внешность может принадлежать лишь ангелу. Заметив на себе его взгляд, она посмотрела на Александра сверху вниз, как на пускающее слюни животное, и презрительно цыкнула. Он же ничуть не смутился.

— Полагаю, теперь моя очередь помочь? — не отводя взгляда от красотки, обратился он к толстяку.

— Как чудесно иметь таких понятливых друзей! — Люберт вскинул руки. Девушка открыла бутылку и налила в кружку вино. — Итак! Твоя задача — найти Дэви. От него получишь дальнейшие указания. Он в трущобах, туда выбрасывают всякие помои: психов, преступников, нищих, беглых слуг и прочий сброд! — брезгливо помахал руками Люберт. — Это удобно, потому что обратно они оттуда не возвращаются, а нам нет нужды держать в городе суды, ведь так или иначе их всех потом распихивать по шибеницам да темницам. — Люберт опрокинул в себя кружку с вином и вытер рот рукавом. — Что ж, покороче не получилось. Ну да и ладно! Увидимся ещё, — сказал он, и голос его огрубел. — Может быть.

Люберт поднялся и накиннул капюшон. Они со стражницей удалились, оставив Александра в пустом трактире с бутылкой наедине.

Александр прикрыл ладонью лицо и тяжело вздохнул. Не сдержав смехок, он взял в руки бутылку, закинул ногу на ногу и, откинувшись назад на стуле, залил в себя остатки пойла.

Стена

Близился полдень. Люди попрятались по домам от накатывающей жары. Даже Александр, побывавший в пустыне, устал вытирать пот со лба. Дюранская жара изнуряла. Не спасала даже тень и сырость переулков. Чем ближе он приближался к гигантской стене, тем более ущербными становились дома. Исчезали сады на крышах, белокаменные гладкие стены покрывались грязью и трещинами, а шёлковые наряды жителей сменились одеждами, сотканными из качественного, но все-таки льна. Александр шёл вдоль гигантской стены по подворотням, ища способ попасть туда, откуда, по словам Люберта, не возвращаются.

До ушей донеслись рычаще-лающие звуки. Несмотря на пекло и усталость, на лице Александра нарисовалась улыбка. Эти звуки он знал, и они были ему приятны: где-то рядом, определенно, ругались между собой стражники. Прильнув к стене, Александр выглянул из-за угла. Переулок выходил на большую улицу. Улица заканчивалась воротами, огромными, почти во всю стену. Эти страшные, громоздкие двери не распахивались так долго, что металл между ними сплавился, не оставив даже щели для светил. У основания этих ворот и расположились стражники. Покрасневшие, потные и злые, они пытались отвлечься от жгучих доспехов и бремени долга за игрой в карты на бочке. Но игра не ладилась, и они то и дело ругались, бряцая кольчугой.

Губы Александра расплылись в улыбке. Вид страдающих стражников всегда был в радость убийце и вору. Он осмотрел свои одежды. В крови и грязи, поношенные и рваные. То, что надо.

Александр вышел из переулка, пошатываясь, закрываясь рукой от солнца, и зашагал прямо к стражникам.

Не отрываясь от игры, один из них повернулся к вышедшему человеку. Сначала безучастно, но заметив, какая рвань вывалилась из переулка, он толкнул в плечо сидящего рядом стражника. Бросив игру, они поднялись.

— Кто твой хозяин, чернь?

— Воды... — пройдя пару шагов, волоча ногу, прохрипел Александр и рухнул на живот посреди дороги.

Стражники вернулись к игре.

Через какое-то время один из них, периодически поглядывая на оборванца, с отвращением спросил:

— Мы что, так и оставим мусор посреди дороги?

Остальные стражники, вздохнув, отложили карты, явно не собираясь доигрывать.

— Что ж, давайте приберёмся, — сказал один из них, и все дружно загоготали.

Александр приготовился, незаметно держа руку на поясе, где был заткнут заранее найденный в переулке здоровый ржавый плотницкий гвоздь. Если возникнет угроза жизни, даже эта железка поможет их прикончить. Но всё обошлось. Пару раз пнув его от души и не добившись никакой реакции, стражники плюнули и, взяв его за руки-ноги, потащили к

стене.

Голова трещала от жары и ударов, в глазах плыло, а пересохший рот смачивал лишь привкус крови — привычное состояние для Александра. Он рассчитывал, что его просто выбросят в трущобы, как мусор. Но вот, руки связаны за спиной, и уже длительное время его куда-то тащат по мрачным, но хотя бы холодным каменным коридорам, где впереди забрезжил свет.

Глаза не сразу привыкли к резким изменениям, но когда он прозрел, то потерял дар речи. Он увидел перед собой плаху, но не плаха ошеломила его, а место, где она располагалась. Огромная платформа из брёвен и досок была подвешена при помощи крупных, толстенных канатов на стену и нависала прямо над трущобами. У плахи сидел человек.

— Ещё один неудачник! — объявил стражник позади Александра.

— Тащи его на плаху, — не обращая внимания на Александра, человек у плахи самозабвенно точил топор, высекая в воздух снопы искр. Ему вовсе не хотелось на плаху, он находился в безвыходном положении, связанный и окружённый. Помимо него на месте казни присутствовали шестеро. Стражники вокруг загоготали. Не веселился лишь один, совсем зелёный парнишка со смазливый личиком. Он ещё не перенял всех гнусных привычек этого сброда.

— Стас, — обратился он к палачу, — а у нас точно не будет неприятностей? Он ведь, как и другие, ничего не сделал, — робко сказал мальчишка.

Палач с топором поднялся на ноги. Рослая детина, он возвышался над Александром, как скала, а его тесак был и того больше. Всё тело палача состояло из узловатых мышц, а глаза напоминали два кострища.

— Вот именно! — выплюнул палач. Выпучив глаза, он зашагал к новичку мимо стоящего у плахи Александра. — Зато мы сделаем! — зарычал он прямо тому в лицо. — Скольким из людей в этом брэнном мире повезёт оказаться внутри могучих стен Дюрана? Скольким из них удастся забыть об ужасах, голоде и грязи, что царствует за его бурными водами? Внутри высоких стен, среди жемчужно-белых домов царит возвышенная красота, возвращенная стараниями тысяч людей. А эти твари... — махнул он в сторону Александра, — они поймали в свои руки удачу. Грязерождённые, без родословных, без таланта, они оказались в этом прекрасном саду, и что они принялись делать здесь в первую очередь? — Громила навис над новичком. — Они начали срать и топтать цветы! Что они сделали для поддержания величия Дюрана? НИЧЕГО! Они, как скользкие пиявки, вгрызались в его белые камни, ничего не давая взамен! Лишь тащат сюда свою грязь и кровь.

Отойдя от перепуганного юноши, Стас вновь вернулся к заточке топора, и без того пугающе острого. Но занеся точило, он остановился.

— Это уродство... — его руки задрожали, лицо искривилось. Повернувшись к Александру, он смерил его с ног до головы брезгливым взглядом. — Уроды не должны жить в Дюране. Не в жемчужине королевства! Им всего-то и нужно было чтить порядок здешних вещей! Но им плевать на все старания, и они готовы очернить самое сердце нашего королевства! Грязь уже заполонила его улицы, и мы лишь делаем одолжение, новичок, и не только Дюрану. Мы делаем одолжение всему миру, истребляя подобных паразитов!

Александра толкнули, из-за чего он упал на колени. Голова легла на плаху. Дерево было пропитано засохшей кровью и источало запах страха и смерти. Он должен был выбраться отсюда. Взгляд метался, мысли роились, от каждого скрежета точила по лезвию сердце

начинало биться быстрее. Времени было мало. Верёвки туго впились в кожу, сзади него стоял стражник.

Точило замолкло.

Сердце стало ломиться наружу, а плана всё не было. И тут перед Александром встал тот самый зелёный стражник. Парень посмотрел ему прямо в глаза. В его лице не было больше ни капли неуверенности, ни страха, напротив, проявились грубые черты, а взгляд наполнился железом. Убедившись, что Александр смотрят прямо в глаза, он опустил взгляд на рукоять своего меча, что покоился на поясе. В его эфесе сверкала знакомая раковина, покрытая золотом. По лицу Александра пополз хищный оскал. Он попытался подняться, но в спину ему ударил сапог.

— Не дёргайся! — зашипел стражник.

— Действительно, не дёргайся, грязь, — рассмеялся палач. — Твой путь заканчивается здесь, — топор со свистом поднялся в воздух.

— Я так не думаю, — сказал Александр.

Он снова попытался встать. Нога стражника поднялась для удара, но, когда она коснулась спины Александра, он резко извернулся в сторону. Она проскользила, и стражник, удивлённо охнув, упал прямо под топор палача.

Над местом казни раздался короткий вопль. Его разрубило пополам. Палач отступил назад и вытаращил глаза, в лицо брызнула кровь товарища.

Поднявшись на ноги, Александр навалился на палача всем весом, чтобы оттолкнуть его, но тот лишь пошатнулся.

Александр кинулся к зелёному. Едва он оказался рядом, лицо парня изуродовала омерзительная, надменная ухмылка. Засвистел клинок. Одним движением он рассёк пути Александра и вложил ему в руку свой меч. Коснувшись шлема и откланявшись, юноша раскинул руки и прыгнул с платформы вниз. Александр шагнул к краю. Ещё пару секунд назад казавшийся неопытным новобранцем, парень скрывался из виду на верёвке, как дитя джунглей.

— Он толкнул его! — послышался крик и топот позади, Александр шагнул в сторону и ударил по ногам стражника наугад. С платформы полетел вниз ещё один стражник. На этот раз без спасительной верёвки.

Тем временем палач, стоявший в стороне, начал тяжело дышать.

— Безродные твари, они же просто грязь!

Александр повернулся боком к палачу и, прищурившись, осмотрел его.

— У меня нет времени развлекать мусорных крыс. Я ухожу, — сказал он и зашагал к выходу.

— Стоять! — рявкнул палач. Топор засвистел в воздухе и рассёк один из тросов, удерживающих их на стене. Вся конструкция подпрыгнула и накренилась. Александр и оставшиеся стражники пошатнулись.

Когда платформа выровнялась, палач уже загородил выход. Остальные стражники, спотыкаясь, бросились бежать.

Скрип верёвок, лопающиеся доски и опасно кренящаяся платформа, а особенно огромный противник, никак не располагали к поединку. Хотя, наверное, больше всего Александра беспокоил здоровенный тесак.

— Я не люблю, когда встают на моём пути, — Александр отмахнулся от палача. — Исчезни.

— Как страшно! — оскалился во всю ширь своего рта палач. — И что же ты сделаешь? Расплачешься? Ха! Да ты же не способное ни на что отребье, грязь у дороги. Да как ты даже думать посмел, что справишься с настоящим человеком и к тому же мастером топора?!

— О, вот значит как? — Пальцы приятно захрустели. — Такие слова обычно вылетают из уст глупцов или неженков, давно не получавших по шее. Здесь, похоже, оба случая. Пожалуй, я задержусь, чтобы преподать тебе урок. Но не рассчитывай, что грязь уделит тебе много времени. На тебя хватит и минуты.

— Я доведу начатое до конца, — сказал лысый и захрустел шеей, разминаясь.

Одно из разминочных движений палача внезапно перешло в выпад. Александр не сумел среагировать и получил обухом топора в живот. Тошнота подкатила к горлу, он упал на доски, но, тут же оттолкнувшись, откатился в сторону. На место, где секунду назад был Александр, обрушился топор, поднимая в воздух щепки. Одним движением палач вырвал топор и, крутанув его над головой, продолжил атаку.

Каждое движение массивного оружия переходило в новое. Конец одного удара был началом следующего, и топор свистел в воздухе, гоня Александра по платформе. Он едва успевал уворачиваться.

— БЕГИ, БЕГИ! — кричал палач, раскручивая топор над головой. Александр отступал назад. Внезапно он искривил лицо от боли и упал на колени. Безумные глаза палача горели, как пожарища. Топор, словно живой хищник, тут же устремился к жертве.

На лице Александра мелькнула тень улыбки.

Обхватив рукоять меча двумя руками, он устремил клинок навстречу огромному тесаку. Раздался скрежет и звон металла, меч Александра разлетелся на осколки, но в его глазах не было удивления. Топор продолжил своё движение, но уже не туда.

Александр оттолкнулся ногой и рванул в сторону. Поравнявшись с палачом, он перехватил рукоять и, развернувшись, зарычал и рубанул с размаха. Обломок меча устремился к горлу палача. Лезвие коснулось кожи, и меч в руках Александра заскрежетал об кость. Об лобовую кость. Палач подставил под атаку свою голову.

Александр не удержался на ногах после удара и покатился вперёд. Палач вырвал топор из досок и встал напротив. У него был рассечён лоб от уха до уха, и кожа лоскутом свисла на брови, а кровь заливала лицо. Его всего трясло. Но не от боли. Эта тварь упивалась происходящим.

Александр отступил назад, но упёрся спиной в канаты, что, надрываясь, удерживали их на стене.

Палач не сводил глаз с Александра. Заскрипев зубами, он схватился за лоскут кожи и, заорав, оторвал его. Окровавленный кусок кожи шмякнулся на пол, а палач залился хриплым хохотом. Александр скривил лицо.

— А ты знаешь, как я попал в этот город? Меня протащила знать. Пока, надрываясь, ты пытаешься сделать этот город чище, твои хозяева сами засирают улицы такими, как я.

Палач издал рёв, полный гнева и обиды.

— Ты думаешь, я этого не знаю?! Я убью тебя! Ме-е-едленно! Разрывая на кусочки! Грязь... — надрывая горло, орал палач. — Тебе не место в моём городе!

Кровь и ярость затуманили ему взор, но сквозь багряную пелену он всё ещё видел свою цель. Палач прыгнул. Топор, рассекая воздух, обрушился с силой на зашатавшийся эшафот.

Утерев кровь с глаз, обезумевший палач увидел, что его топор пригвоздил лишь грязный жилет к канатам, которые стремительно лопались, один за другим. Платформа задрожала,

могучие верёвки с треском разрывались одна за другой. Их больше не хватало, чтобы удерживать это строение на стене. Палач зарычал. Пусть эта рухлядь летит вниз, но он успеет! Он убьёт его одним движением. Позади раздались неторопливые шаги. Палач напряг руки и приготовился к удару. Он шагнул назад, но тут же рухнул на колени. Сухожилия на его ногах были перерезаны.

Александр подошёл к краю разрушающегося места казни.

— Кажется, всё подходит к концу, — Александр улыбнулся, бросив через плечо взгляд на палача. Рука легла на верёвку, а кинжал рубанул по противовесу. — И нам с тобой не по пути.

Он шагнул вперёд, в пропасть, сжимая верёвку изо всех сил, пока она разматывалась, устремляясь вниз. Вокруг падали доски и бревна. Палач наверху заорал. Его вопль слился с оглушительным хлопком. Последний канат лопнул. Не рассыпаясь больше на доски, вся конструкция рухнула вниз, поднимая в воздух обломки лачуг.

Александр коснулся земли и отряхнулся. Люди вокруг недолго таращились на него. Очень быстро они присоединились к толпе, мчавшейся на место крушения в поисках наживы, но ему было с ними не по пути.

Найти человека для Александра не представляло проблемы. Проблемой было место, где приходилось искать. Грязные, забитые мусором и гнилью улочки петляли и упирались в тупики. Это был настоящий муравейник, возведённый из грязи и досок. И он просто кишел людьми.

В тени мусорных куч и стремящихся вверх хибар было душно, в изредка пробивающихся золотистых лучах солнца клубилась пыль. Улица, по которой он шёл, вывела на знакомую оживлённую развилку. Отсюда он ходил и направо, и налево, и всё равно возвращался на это же самое место. Теперь он понимал, о чём говорил палач. Грязь была тут везде. На потолке, на полу, на стенах. С её помощью крепились дома, ею же были измазаны люди. Их неказистая одежда оттого казалась ещё более омерзительной, чем была сама по себе, а сама по себе она даже одеждой-то не была!

Перед ним шла пышная женщина, завёрнутая в мешанину из обрывков ткани, нанизанных на верёвку, перекинутую через плечо. В руках у неё была увесистая деревянная табличка, которой та обмахивалась на манер веера. Ей навстречу вышел смуглый мужчина без глаза, с оттопыренной вбок челюстью, в штанах при одной лишь штанине. Они остановились и начали переговариваться о жаркой погоде и последнем событии.

— Так та херабора рухнула? — кивнула она в сторону стены.

— А то! Здорово, правда? Мы ж деревяшек теперь наберём! — развёл руками одноглазый.

— Угу... теперь даже в срок уложимся. Так и запишем, — перевернув дощечку и прищурившись, женщина, не моргнув и глазом, стала что-то на ней выкорябывать.

Разрушение такой крупной конструкции, как навесной эшафот, поразивший Александра, здесь, кажется, многие восприняли по значимости как выпавший в пустыне дождь. Эти эксцентричные особы не были одиноки в отсутствии вкуса, но всё же большинство предпочитало более простые тоги, мантии, набедренные повязки, в общем, всё то, что можно легко на себя нацепить. Некоторые и вовсе довольствовались наготой, к счастью, предпочитая не покидать переулков.

Жажда начала одолевать Александра. Тогда он заметил интересную особенность, объединяющую разнящиеся одежды местных обитателей. У каждого человека здесь на поясе, пусть сделанном даже из простых верёвок, имелась фляга. Вор облизнул губы. Кажется, воздух даже стал ещё более сухим, чем ранее.

Шагнув вперёд, он вдруг споткнулся и, падая, успел схватиться за рядом идущего человека.

Тот сразу же скинул с лица капюшон мантии и, гневно осмотрев Александра, оттолкнул его, вдобавок рыкнув:

— Смотри, куда прёшь!

— Прощу прощения... — сжавшись и склонившись, Александр поспешил скрыться с его глаз, растворившись в толпе. Едва оказавшись за спинами мимо идущих людей, он выпрямил спину, вырвал пробку из фляги, бросив её через плечо, и залил себе в горло живительной воды. Живительная вода оказалась слегка затхлой и с песком, но всё же в такой палящий зной выбирать не приходилось.

До ушей вора донёсся всё тот же возмущённый голос:

— Моя фляга! Где этот урод?!

Александр тут же схватил за плечо уже прошедшего мимо человека и развернул его к себе.

— Ты уронил, друг! — улыбнувшись, сказал Александр и всучил бедолаге опустевшую флягу так, что ему пришлось её взять, чтобы та не упала.

— Эм... Спасибо, — человек был явно сконфужен и, пока, весьма признателен.

Похлопав его по плечу, Александр поспешил окончательно раствориться в толпе.

На улицах трущоб было людей в несколько раз больше, чем даже на площади со статуей в самой столице. Вначале Александра обходили стороной, смеряя недоверчивым взглядом. Но побродив по здешним улочкам, он и сам стал похож на местных. Легкомысленные люди шлёпали по грязи, забрызгивая его одежду, она рвалась об гвозди, торчавшие из стен, а из окон, которые больше походили на дыры, постоянно норовили выплеснуть какие-нибудь помои. Так что вскоре местные жители перестали обращать на Александра всякое внимание и толкались плечами, даже не думая уступать дорогу, а кто-то и вовсе бесцеремонно окрикивал его, как старого товарища.

Александр развернулся, но стоило пойти обратно, как он заблудился окончательно и оказался в совершенно незнакомом месте. Он глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. В нос ударили разом все неприятные запахи этих закоулков. Особенно воняли горбуны. Изредка встречающиеся то ли дети, то ли карлики, все как один сгорбленные и скрюченные, сновали то тут, то там, больше предпочитая прятаться ото всех остальных в особо тёмных закутках и подворотнях, где следили за проходящими мимо или же самозабвенно рылись в кучах мусора. Александру сразу бросились в глаза их руки. Маленькие, тощие, почерневшие и покрытые струпьями. На горбунах было больше одежды, чем на всех остальных. Очевидно, они старались скрывать тела и лица, замотавшись в ворох истлевающего тряпья, но свой запах скрыть они не могли.

Не желая отступать, Александр продолжал свой путь по этой вонючей улице. Чем глубже он забредал по начавшей извиваться дороге, тем меньше людей он встречал на своём пути. Сама же улица приближалась к подножию стены, и чем ближе было её основание, тем мрачнее она становилась. Груды мусора множились. Множились и горбуны, которые здесь переставали прятаться и с интересом наблюдали за Александром, собираясь в небольшие стайки. Александр остановился. Его чутьё било тревогу. Его восприятие напряглось. В ближайшей грудке мусора он различил обглоданную человеческую руку. Идти дальше он просто не отважился.

Под пристальными взглядами из-под ворохов тряпья он поспешил прочь и вышел обратно на злополучный перекрёсток. Его вновь окликнули, но ему не о чём было говорить с местным сбродом, потому он просто пошёл вперёд.

Улицы переплетались между собой не только переулками, но и мостами, которые были переброшены над расщелинами в земле, и туннелями, пробитыми прямо сквозь заброшенные и не очень дома. И подобный хаос не только не вызывал в людях отвращения, но они же его и множили. Прямо сейчас то тут, то там люди копошились и из грязи и досок лепили новые дома и заделывали выбоины в дороге.

Он уже долго блуждал. Солнца начали стремиться к закату. За это время он повстречал много людей, но все их чумазые лица сливались в его памяти в одно грязное пятно. На очередном перекрёстке его не просто окликнули, некто преградил ему путь. Александр попытался обойти, отстранив незнакомца. Однако тот и не думал отступать. Он юркнул у

Александра под рукой и вновь возник у него на пути, преградив ему дорогу и задорно прищуриваясь.

— Эй! Я понимаю, что тебе здесь нравится, и ты, конечно, можешь ходить по кругу целую вечность, но кажется, что ты здесь не ради наших красот? — Перед Александром предстал парень. Такой же грязный, как и все вокруг, только одежда отличалась. Это были не обноски, а вполне себе хорошие и крепкие вещи, на плече был моток верёвки. Его волосы были спрятаны под бандану, а лицо было местами покрыто слоями засохшей грязи и заживающими синяками. Удивительно было и то, что глаза у него были разного цвета. Обычный, карий глаз соседствовал с ярко-красным глазом, встречаемым, казалось, только у проклятых поганок.

— Возможно, — сказал Александр. — А возможно, это не твоё дело.

— Конечно-конечно, а тем временем ты возвращаешься на этот перекрёсток уже в пятый раз... — Александр уставился на паренька и вдруг осознал, что окрикивал его всё время один и тот же человек. Заметив это, парень вскинул руками и пояснил: — Я считал. И я считаю, что тебе нужна помощь.

— Хорошо, — вздохнул Александр. — Что ты хочешь взамен?

— Как и великие рыцари древности, я считаю, что помогать людям нужно из самых благих побуждений!

— Ясно. И что ты предлагаешь?

— Предлагаю идти за мной, я тебя выведу из муравейника.

Парень снял верёвку с плеча и, раскрутив, забросил её конец на крышу ближайшего дома. Затянув петлю и дёрнув верёвку пару раз для верности, взмахом пригласил следовать Александра за собой. Он схватился за верёвку и стал взбираться на крышу.

Последовав за парнем, Александр осознал свою ошибку. Он относился к этим трущобам как к самым обычным и пытался выбраться отсюда по улицам и переулкам, в то время как местный обитатель двигался между улицами... иначе. Взбираясь на крыши и опускаясь в туннели, перекидывая через крыши доски и пролетая над улицами на верёвках. Улицы, направления, всё то, к чему Александр годами развивал интуицию, здесь отсутствовало напрочь. Здесь все шло напролом. И если надо, даже сквозь жилые дома.

В конце концов, они достигли тупика. Перед ними предстала линия белокаменных домов, которые отрезали дикие части трущоб от уголка цивилизованной жизни. Эти здания были один в один как те, что стояли на каждом углу в столице. Конечно, они были не в пример в худшем состоянии, но даже так они сильно выделялись от навалившихся на них лачуг. Похоже, Александр с проводником находились на дне оврага, так как до крыши здания было около двух десятков метров. Дома стояли на скалистой породе, укреплённой балками, на каждой из которых был вырезан символ — монета и перекрещенные топор и кирка. Помимо всего прочего, бросались в глаза следы работы горняка. Здесь были также видны следы работы шахтёров, как и то, почему их работа была прервана, так и не успев начаться. Почти вся стена и одна из балок были залиты старой, запёкшейся кровью.

Александр, воспользовавшись остановкой, упёрся руками в колени и тяжело задышал. Закалённому разбойнику, обитателю тёмных переулков, было непривычно скакать по крышам. Его проводник, не подавая и вида усталости, дёрнул за едва заметную верёвку, и к ним опустилась верёвочная лестница. Он взялся за неё, поставил ногу, хотел было подняться, но стоило ему оторваться от земли, как вся конструкция словно взбесилась. Импровизированная лестница стала ходить ходуном и извиваться, как змея. Отпустив руки и

спрыгнув на землю, Александр выругался. Парень лишь рассмеялся. Он подошёл к лестнице сбоку и проворно, как обезьяна, начал взбирался по самому краю наверх, лестница же при этом не извивалась, а лишь слегка покачивалась.

— Могли бы тогда и просто канат оставить! — проворчал Александр, вздохнул полной грудью и последовал за ним.

Забравшись наверх, он увидел, что его проводник, закинув руки за голову, любит вид. Александр в отвращении скривил лицо. Как можно наслаждаться этой помойкой?! Но подойдя ближе к парню, он и сам увидел картину, которой тот любовался.

Хоть Дюран и занимал большую часть острова, за стеной, со стороны моря, оставалось множество утёсов и руин, которые обычно в подобных местах остаются необитаемыми. Но только не здесь.

Всюду, куда дотянулись человеческие руки, были возведены дома. словно ураган из досок и ткани прошёл здесь когда-то давно, разметав повсюду немыслимые и нелепые строения, сочетавшие откровенный мусор в безумных комбинациях. Дома на стене держались на верёвках. Другие стояли друг на друге, образуя своими крышами улицы, на которые выходили двери других домов, чья крыша также образовывала улицы со своими домами. И даже расщелины в скале были заполнены постройками.

Ветер трепал волосы Александра, а глаза перескакивали с одного места на другое. От увиденного кружилась голова. И посреди всего этого хаоса возвышался храм. Белокаменный, ограждённый железным забором, настоящий дворец. Он не выглядел как что-то чуждое. Он был частью общей картины, контрастируя с окружением, дополняя его, придавая аляповатости своеобразный шик и безумный лоск, как настоящий бриллиант в короне из глины.

— А отсюда всё приобретает совсем другой вид, да? Как звать-то тебя? — выбил его из созерцания вопрос.

— Александр, — коротко ответил вор.

— А меня Ян. Ну что ж, Александр, ещё удивимся! — сказал парень и спрыгнул вниз.

Александр не стал благодарить своего проводника. Он прекрасно понимал, что в какой-то момент их путешествия он лишился кошелька.

Наваждение

Когда смотришь на это место сверху, оно выглядит как картина пьяного художника. Грубо, дико, притягательно. Но когда Александр окунулся обратно вглубь трущоб, в нем не осталось места для прекрасного. Хотя здесь часто встречались дома из мрамора, да и лачуги старались следовать хоть каким-то архитектурным законам, это не меняло здешних обитателей. Грязных, грубых, вездесущих. Спасало то, что в этой части трущоб был виден шпиль храма, к которому Александр тянулся, как мотылёк к свету.

Ему никогда не нравилось находиться в настолько засранных и загромождённых хламом переулках. В них тяжело дышать, тяжело идти, и против своей воли он стал оценивать, насколько тяжело скрываться и сражаться в таких местах. В первом случае что угодно, кроме слизи, грязи и мусора, здесь будет как бельмо на глазу, а в другом — из-за ровно той же грязи, мусора и слизи легко вляпаться, оступиться или запнуться и, как следствие, быстро подохнуть. Стискивая кулаки, он наконец вышел из грязных улиц на неожиданно чистую площадь, вымощенную мраморными плитами. Он вышел к храму.

На площади, окружённой опрятными, насколько это было возможно, домами, было, как

и везде, много народу, но здесь никто никуда не торопился. Большинство делали то, что, по мнению Александра, в трущобах было невозможно и чему тут не место — люди просто гуляли и любовались окружающей красотой и чистотой. Это место было похоже на бальный зал для нищих. Бессмысленно бродя по площади, они подражали жителям столицы, и им не мешали ни гнусность их вида, ни грубость их манер. Искренность этого явления вызывала неприятное ощущение расплывающегося безумия и утраты связи с реальностью. Александр ощутил, как волосы встают у него дыбом, когда один из нищих, остановившись перед ним, снял свою шляпу-котелок. Это был настоящий котелок с чьей-то кухни. Нервно улыбнувшись ему в ответ половиной лица, Александр поспешил, протиснулся сквозь толпу веселящихся гуляк и ступил на лестницу, ведущую к массивным деревянным воротам храма.

Из-за массивных дверей доносились песнопения. Очевидно, какой-то ритуал был в самом разгаре, и пытаться сейчас поговорить со священниками было не лучшей идеей. Остаться на ступенях и стать зрителем этого карнавала он тоже не желал. Он знал, что каждый храм должен иметь сад для медитаций. Там он мог бы привести нервы в порядок и заодно дождаться окончания ритуала. Вероятно, даже в таком месте священники следуют правилам. Убрав ногу со ступени храма, Александр отправился искать сад.

Сад был, и был он наполнен постриженными кустами цветов, имелась даже пара деревьев, а зелёная травка под ногами была самым желанным зрелищем после часов блужданий по помойкам. Но несмотря на все эти красоты, внимание Александра приковала к себе сцена ссоры.

Посреди сада возле каменных скамеек стояли девушка и громила. Громила со шрамом на лысой голове и отвратительно топорщившейся бородкой держал руки на поясе, на котором покачивалась в такт его нервному притопыванию полированная дубинка. На его стёганку с кольчужным наплечником был нанесён знак — монета, кирка и топор. «Наёмник», — заметил для себя Александр. У девушки же были длинные, до пояса, жемчужные волосы с розоватым отливом нежного восхода и кукольное лицо с большими голубыми глазами. Одетая она была в чёрную мантию, что указывала на её принадлежность к храму. Непонятно почему, но её образ показался Александру знакомым. Впрочем, почти все прислужницы храма выглядели на одно лицо. Она держала руки перед собой, сомкнув их в замок, а её тонкие брови были приподняты.

В воздухе повисло напряжение, между этими двумя стремительно назревал конфликт, а внезапное появление Александра вставило в эту бурю минутное затишье. Он прошёл мимо них и развалился на скамейке, запрокинув голову. Все-таки в этом проклятом, прогнившем месте даже в саду для медитаций нельзя было найти покоя. Проводив вошедшего в сад незнакомца взглядом, они вернулись к своему разговору, нисколько его не стесняясь.

— И вообще! Ваш храм обещал моим парням исцеление! — глаза громилы выпучились, а вены на шее набухали. Его лицо багровело от гнева. — А вместо этого они валяются в бинтах у вас в подвале! Как это понимать?!

Девушка пошатнулась, едва ли не сносимая криком громилы.

— Не кричите так, пожалуйста, — дрожа, шептала она. — Вы можете отвлечь прихожан и потревожить больных, а им нужен покой...

— Моим парням нужно лечение! Покой они обретут и в могиле! — взревел громила. — Этого вы добиваетесь?! А?! Хотите загнать в могилы?! Я уже отдал деньги! Так почему вы ничего не делаете?!

— Извините, — опустила голову девушка. Она дрожала под напором наёмника и не

могла уже трезво мыслить. — Я ничем не могу вам помочь.

День был близок к своему завершению, и со стороны моря дул прохладный ветерок, а солнца собирали свои лучи обратно, погружаясь в море. И хоть до этого напряжение, повисшее в воздухе от этих двоих, не могло затмить умиротворяющего действия садика, то после слов девушки обстановка изменилась.

Лысый открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег. Он бессильно поднял могучие руки к небу. Александр собственной кожей почувствовал, как воздух в саду начинает нагреваться и тяжелеть. Наёмник кипел, словно закрытый котёл. Его начало трясти, руки сжались в кулаки. Девушка всё ещё стояла перед ним, потупив взор.

Кулак громилы раскрылся в ладонь, рука рухнула со свистом вниз. Девушка сжалась, как зверёк, загнанный в угол, но удар её не достиг.

Перед девушкой встал Александр. Он не собирался вмешиваться, но не смог остаться в стороне. Его рука стискивала кисть громилы. Тот, рыкнув, смахнул его хватку.

— Что, и тебе не терпится отхватить по роже?!

— Хотел спросить тебя о том же.

Бугай был одного роста с Александром, но раза в два шире. Они были совершенно разными, но объединяло их одно и то же. Глупая улыбка и желание подраться.

Не тратя более времени на любезности, они в один момент начали бить друг друга. Это не было похоже на драку — никто не уклонялся, не блокировал, они просто изо всех сил избивали друг друга, вкладывая в каждый удар всю накопившуюся злобу. Они жгли друг друга взглядом и градом ударов, пока руки не отказались их слушаться и безвольно не повисли, как верёвки. Отступив назад на ватных ногах, все покрытые ссадинами, они не устояли и рухнули на задницы. А затем... рассмеялись. Громко и звонко, пуская слезы от смеха, они смеялись, пока не стали задыхаться и кашлять. Когда они успокоились, из-за дерева вышла девушка.

— Простите... — робко подошла она к ним, потупив взор. Вся храбрость девушки ушла в её голос. — В нашем храме могут вам помочь. Мы не можем в момент срastить кости всех ваших людей, но вам двоим помогут! Я обещаю!

— Ха! И кто же оплатит мои старания?! — махнул в сторону Александра лысый.

— Я, — сказала девушка, подняв голову и взглянув в глаза громиле. — Ведь это я не нашла слов, чтобы унять ваш гнев.

— Хм, а ты довольно умна для храмовой крыски. Будь по-твоему!

К этому моменту песнопения в храме стихли, и на площадь хлынуло ещё больше народу. Прихожане покинули святое место, и Александр мог обсудить с образованными людьми более мирские вопросы. Покачиваясь, будто пьяные, они в сопровождении прекрасной девушки поднялись по ступеням и вошли внутрь.

В храме было светло, тепло и просторно. Но человек здесь не знал покоя. Все барельефы, картины и статуи, всё внутреннее убранство было обращено к одной идее — ничтожность человека перед смертью. Впрочем, для храма Смерти это было неудивительно.

Перед алтарём выступал священник, пугая всех оставшихся рассказами о демонах, об их когтистых лапах, острых ушах и рогах. Он проводил рукой по залу, изображая, как эти чудовища будут выпивать души грешников. Эхо от его речи устремлялось вверх до самого потолка храма, они были выкрашены под тёмное ночное небо. При взгляде наверх глазу не за

что было ухватиться, и в человека закрадывалась паника и страх. А когда глаза привыкали к мгле потолка, то глаз различал среди оттенков чёрного жуткую картину едущей по небу колесницы смерти.

Девушка позвала их в правое крыло, тихонько отворив дверь, которая больше походила на картину в золотой раме.

Александр с громилой сидели на каменной лавке у входа. В этом тесном крыле располагались больные и особо раненные — на полу, вдоль стен, для них имелись лежаки. Забинтованные, покрытые блестящими мазями, они, стоически перенося боль, находили развлечение в том, чтобы смотреть на витражные окна и следить за тем, как свет играет в разноцветных кусочках стёкол.

Запах от мазей был хоть и не резким, но отчётливым. Болотный аромат напоминал о пунцовом рогозе и его летучих семенах. Возможно, именно из-за отвара этих семян бедолаги и не кричали от боли.

Напротив скамьи, на которой они сидели, в другом конце крыла располагались роскошные двери. Наверное, единственное в этом здании место, которое воспевало не смерть, а красоту. Было приятно не просто смотреть, а рассматривать эти ворота. Хитросплетения позолоченного железа извивались змей, распуская в стороны цветы с лепестками из драгоценных камней.

Первым заговорил лысый громила.

— Вообще не понимаю, — он повернулся к Александру, — чего ты встрял? Дал бы я этой девчужке по голове, может, ума бы прибавилось.

— Каждый храм имеет не только сад и лазарет. В их подвалах расположены поражающие воображение пыточные. Там священники учатся бороться с собственным телом. Или потакать ему. — Александр оторвался от изучения ворот и, подперев голову рукой, уставился на витражи. В глазах громилы мелькнули зачатки мысли. Александр же продолжил: — А в остальное время адепты смерти предают там своей госпоже тех, кто имел глупость стать их врагом. Ударить священнослужителя — наиболее быстрый способ узнать, что груша — это не всегда еда.

В глазах громилы мысль обрела форму, и он широко их распахнул.

— Значит, тогда и моих людей... — он не закончил говорить, погружившись в раздумья. Так они и сидели молча. Александр рассматривал ценное убранство храма, а наёмник думал.

— Моё имя Каин. И я твой должник, — выдал он.

— Именно так, Каин, именно так...

Скрежет наполнил своды храма. Прекрасная золотая дверь вздрогнула и начала отворяться. Все старались заткнуть уши. Только Александр сидел с остекленевшими глазами, в которых проносились обрывки утраченного воспоминания.

Из открывающихся врат вышли две девушки. Обеими руками они несли жезлы с цепями, на них покачивались чадящие кадила. Лёгкие белоснежные одежды развевались от их шагов. Лица их были воплощением умиротворения, будто за их спинами не агонизировал металл. Пройдя пару шагов, они остановились и повернулись друг к другу, отступили на шаг и встали у дверей, подобно стражам. Их нежные руки подняли тяжёлые жезлы вверх.

— Госпожа прибыла, — сказали девушки, жезлы резко опустились вниз.

Врезавшись в пол, кадила зазвенели, подобно колоколам, и извергли из себя облако дыма, который пеленой скрыл золотые ворота, остановившие свой скрежет.

В звенящей тишине послышались шаги.

Сквозь туман прошла женщина. Её бледное лицо было холодным и строгим, будто скала, отточенная бурями. Чёрные заправленные за уши волосы были чернее крыла ворона. Размеренным шагом, надменно взирая белыми, как снег, и холодными, как лёд, глазами, она приближалась подобно грозе. Шелест её чёрной мантии напоминал отдалённые раскаты грома. Вышитый золотом узор черепа сверкал беззвучной молнией. Она приближалась к Каину и Александру. Их уже не волновали отбитые руки, они засобирались покинуть это место, но никто из них не двинулся. Эта женщина буквально заморозила всех своим величием.

— Приветствую вас, пусть чистое сердце обретёт покой в этих чертогах раньше, чем угодит в чертоги смерти, — её властный голос взлетел под самые своды храма и взорвался эхом.

— Рад вас видеть... — начал было свою речь Каин, поднимаясь на ноги, но госпожа перебила его.

— А я не рада. Мой гнев скован законами приличия, вам не ведомыми.

Каин сел обратно.

— Моё имя Лукреция, а это — храм Смерти. Здесь здоровые обретают покой, а больные — здоровье, по воле нашей Госпожи. Но те, кто прогневают слуг её, окажутся в объятьях вечной ночи быстрее положенного срока, — Лукреция перевела взгляд на Каина. Тот замер, боясь даже вздохнуть.

— Я приношу свои извинения, я...

— Твои извинения — пустой звук. Вы собирались ударить жрицу. Само провидение уберегло вас от мучительной кары за это преступление, и что вы преподносите в качестве извинений? Слова? — Лукреция обронила смешок, уголки её рта искривились в отвращении. — Вы что-нибудь знаете о чести, Каин?

— Вы хотите благородных манер от главы рыскателей?! — вскочил на ноги Каин. Возмущение вдохнуло в него уверенность, и голос его разнёсся по всему храму. — Наши руки обычно по локоть в крови, а в спину дышит смерть, нам некогда играть в благородство!

Женщина улыбнулась. Её улыбка пугала. Она возвела руки к небу, и рукава мантии сползли, в нос тут же ударил запах железа. Её руки были покрыты свежей, блестящей кровью.

— Мои руки прямо сейчас залиты кровью, а смерть стала для меня жизнью, и я дышу ей, но я не опустила до собачьего лая.

Громила стоял перед женщиной, которая была ниже его ростом. Но смотрела она на него сверху вниз. Он же взирал на неё, открыв рот.

— Сядь, — скомандовала она.

Каин сел.

— Говори, — сказала она, спрятав окровавленные руки в мантии. — Говори и думай, что ты говоришь. И кому.

— Я понимаю, что вы не станете исцелять моих людей, если я не извинюсь за эту обиду...

— «Извинюсь»? — Лукреция вздёрнула брови вверх. — О, вы заблуждаетесь, речь идёт не об извинениях. Речь идёт об искуплении.

Каин зарычал и упал на колени.

— Моя жизнь прямолинейна, как грань меча, мне всё равно: искупление, извинения или как называется ожидающее меня унижение... Ведь, как и у вас, у меня есть то, за что я готов

сложить свою жизнь. Это мои люди. И я просто хочу, чтобы эти храбрые парни остались живы! — Каин склонил голову и зажмурил глаза. Он весь дрожал. — Просто скажите, что вы хотите от меня!

Тем временем аромат кадил разлетелся всюду, заглушая все остальные запахи. Храм Смерти словно наполнился росой.

Лукреция улыбнулась, на этот раз от неё не веяло холодом. Она прищурила глаза, приложив палец к своему подбородку, и оценивающе взглянула на Каина. Она была довольна. Её ладонь, вся в крови, коснулась лысины Каина.

— Поднимись, рыскатель! Отныне ты служишь Смерти и мне. Тебе больше не придётся падать на колени, моля о жизни своих людей. Теперь они в руках Смерти. В моих руках.

— Как долго продлится моё служение? — Наёмник напрягся, в вопросах денег и времени они все всегда чувствовали себя как рыба в воде.

— Меня не интересуют рабы и кабалы, если тебя беспокоит это, — задрала она подбородок, на котором остался след от крови, и отмахнулась рукой. — Приходи в храм следующей ночью, и я назову цену вашей свободы.

Каин, пышущий силой громила, покидал храм, сжавшись и поникнув.

— Что же касается вас... — заговорила с Александром Лукреция, даже не поворачиваясь в его сторону. — Не лезьте не в своё дело.

— Я подумаю над вашим советом, — сказал Александр, покачав головой, усмехнулся и закинул ногу на ногу. Уходить он явно не собирался.

— Неужели?

— Разумеется, — Александр кивнул в сторону девушек с кадилами. — Чудесный аромат. Он так и тянет из разума самые приятные воспоминания, например, о раннем утре и свежей росе. Расслабляет и заставляет вспомнить нужные мотивы, не правда ли?

— К чему вы клоните? — Лукреция нахмурилась и обратила на него взгляд своих ледяных глаз.

— Роса пахнет не так, — улыбнулся Александр.

На секунду показалась, что женщина вздрогнула.

— Это росянка, — вскинул пальцами Александр и прищурился. — Её зовут ещё дурман-трава. Забавное её свойство — влиять на разум, которое проявляется даже в такой мелочи, как воспоминание о запахе росы. Я давно гадал, как это храмам удаётся вербовать людей в свои ряды, вытягивая на поверхность даже из самых отпетых мерзавцев остатки чести и достоинства, да ещё и делать из них потом фанатичных, зомбированных кукол... — Он окинул взглядом пространство храма. В каждом углу висели лампы, у барельефов стояли подсвечники, а в руках скульптур тлели благовония. — Жаль, но на меня давно уже не действует эта отравка.

Лукреция молчала. Она махнула рукой, и девушки с жезлами, расслабившись, послушно опустились на колени и загасили кадила.

— Вот как. Что ж, поздравляю, — прошагала в его сторону Лукреция. — Вы разгадали тайну, которая никогда не покинет эти стены. И вы знаете это, — она заглянула Александру прямо в глаза. — Но вот вы здесь, сидите и не дрожите, говоря в лицо госпоже этого храма такие вещи. Это храбрость или глупость?

— Это расчётливость.

— Вот как? И в чем же здесь расчёт? — Лукреция вздёрнула бровь.

Александр поднялся и потянулся.

— Вы отравой набираете себе подчинённых. Разумеется, для грязной работы. Но ведь есть и та работа, которую нельзя поручить ни своим, ни чужим, — Александр улыбнулся во всю ширину рта. — Работа, для которой нужен ясный ум и ловкие руки. Такую работу можно поручить мне. Я не священник, но и в тайны ваши меня посвящать уже нужды нет.

В глазах Лукреции проскочило недоумение.

— Дерзко, — сказала она, — и с чего такое рвение?

— У меня здесь своё дело, — неопределённо махнул он рукой. — Мне потребуется помощь влиятельного человека, — Александр подошёл к Лукреции. Девушки с жезлами напряглись и стиснули в руках свои инструменты. — А ему как раз требуется помощь дерзкого, способного и неглупого меня.

Лукреция хмыкнула и отвернулась. Не говоря ни слова, она стала удаляться обратно в золотые врата.

— Любопытное предложение. Если вы и впрямь не так глупы, как сами считаете, то вы уже знаете, когда должна произойти наша следующая встреча, — пройдя ещё пару шагов, Лукреция остановилась за вратами. — Кстати говоря, вы найдёте того, кого ищете, в трактире на главной улице.

Лукреция оглянулась, на её лице играла ухмылка.

— И передавайте привет Люберту. — После этих слов золотые ворота захлопнулись. Девушки в белых одеяниях тут же лишились солдатской выправки, кинулись друг к дружке и принялись шептаться и хихикать.

Александр же не оставалось ничего другого, кроме как прийти в себя после услышанного и направиться на главную улицу трущоб.

* * *

Он вышел из храма, нога ступала по гладкому, чистому камню, а на плечи не натыкались прохожие. Обычно таких вещей не замечаешь, но после половины дня, убитого в помойке, он ценил даже такие крохи цивилизации, как люди, умеющие обходить стороной, и ровная дорога, пусть местами и с выдранными плитами. Он шёл пружинящей походкой, сгорая от нетерпения. Он целый год провёл в пути, после того как остановился в портовом городке на севере, и за время, проведённое в глуши, он до чесотки в руках соскучился по старым добрым интригам.

Прохожий, не поспешивший убраться с его дороги, напоролся на Александра, из-за чего они столкнулись плечами. Александр же, не сбавляя шага и не обращая внимания на такую мелочь, пошёл дальше, решив срезать через переулок. Но вот оборванца такой расклад совсем не устроил, на его лице появился звериный оскал, и он, распалившись, двинулся следом.

С момента прибытия в Дюран Александр вновь окунулся в ситуацию, когда он всего лишь пешка в большой игре. Посыльный, убийца, вор. Неважно. Его часто недооценивали и вынуждали делать грязную работу, марать руки все те, кто считал себя выше других, и те, кто считал, что умысел его незаметен...

Александр внимательно вслушивался в приближающуюся тяжёлую поступь, в каждый шорох, каждый шаг.

...Как говорил его друг, «это всё лишь игры разума». Но если знать правила, если подгадать момент...

В руках оборванца блеснуло лезвие ножа.

...то и пешка ставит мат.

Оборванец не успел даже замахнуться, как лишился своего орудия, а бывалый убийца вложил его в пустовавшие ножны и почувствовал себя увереннее. Убийца вздохнул полной грудью, вышел на главную улицу, а бездыханный оборванец так и остался лежать, привалившись спиной к стене в переулке, с перерезанным горлом. Насвистывая портовую мелодию, Александр оперся плечом о стену ближайшего дома и предпочёл задержаться здесь, чтобы осмотреться как следует.

Сама площадь отличалась от остальных трущоб. В первую очередь, конечно же, мраморной дорогой, которую то тут, то там уже порастаскали. Удивительно, как с любовью местных жителей к мародёрству не разобрали всю дорогу вместе с храмом. Но главное, что вокруг площади стояли целые дома из мрамора. Они были потрескавшиеся, грязные, заросшие плющом, но всё-таки не слепленные из грязи, как те хибары, что роились под ними.

Как и на храмовой площади, на этой было так желюдно, но здесь уже все спешили по делам.

Вереница мраморных домов тянулась вдоль всей улицы, вплоть до самых ворот, к столице, к Дюрану. При их виде у Александра тут же занял затылок. Со стороны трущоб ворота заросли и прогнили. Их никогда не отворяли.

В центре площади имелся когда-то, кажется, пруд, но теперь это лишь очередная свалка. В эту самую свалку только что выбросили очередной ящик. Носильщики, переругиваясь, удалялись по усыпанной мелкими камешками дороге, которая тянулась к складам. А над складами возвышалось большое здание, слепленное из морского ила, из которого наружу невпопад вырывались деревянные пристройки. Работяги таскали ящики на склад и из него, выкидывая некоторые в бесчисленные мусорные кучи, которых здесь было в избытке. Где-то ниже располагался рыбацкий порт, так как смрад от рыбы поднимался даже сюда.

Александр потёр лоб. Лукреция сказала, что здесь он найдёт Дэви, но пока он не видел, где бы ему продолжить поиски. Он простоял на площади как раз достаточно времени, чтобы вдоволь насмотреться на здешние красоты и в лучах заходящих солнц начать замечать необычные вещи. И из многочисленных странных вещей, вроде меток на стенках и таких же, как он, нелюдимых наблюдателей, одна прямо-таки бросалась в глаза.

Вдоль дороги располагалось немаленькое здание, лишь наполовину состоящее из мраморных осколков плит. Всё здание утопало в плюще, и если проходить мимо, даже и не подумаешь, что зелёная стена не сплошная. Только пристальный взгляд мог разглядеть за свисающими лианами вход. У Александра вырвался смешок. Оттолкнувшись от стены и слегка размяв ноги, он направился к этому загадочному месту. Отодвинув рукой завесу плюща, как штору, Александр оказался у крепких дверей. Незваных гостей здесь явно не ждали, но и запёртыми двери не были. Даже вывеска имелась. Он убедился, что оружие на месте, и вошёл внутрь.

Обычно, заваливаясь в трактиры, он встречал смрад, перегар и пустые взгляды бездельников, но это место было чем-то волшебным, особенно если вспомнить, что оно находилось в грязных трущобах. Сразу как Александр вошёл, аромат вина стал ласкать его нос. Нет, то было не вино. Запах был намного слаще. Свежие, сочные... апельсины! Ошарашенный путник заозирался по сторонам. Внутри просторно, но мало столов и мало людей, что было неудивительно, если учесть, как сложно заметить это заведение.

Рухнув за ближайшую скамью, он хотел подозвать разносчицу, но та уже поставила ему на стол две кружки, улыбнулась и пошла дальше по своим делам. Он даже не успел в полной мере удивиться необычной внешности этой худошавой коротко стриженной девушки. Никогда ещё прежде он не видел таких утончённых, раскосых глаз...

«Я же ничего не заказывал», — пронеслось у Александра, когда он уже тянул руку к кружке.

Спохватившись, он отдёргнул руку и потряс головой. Запах прекрасного вина, чистота и загадочность этого места вышибли из него осторожность и всякие манеры, но здесь нужно быть наготове и не поддаваться на искушения.

Только сейчас он обратил внимание, что стол, за который он сел, не пустовал. Напротив располагался мужчина. Его лицо, как здание, в котором он находился, заросло и было сокрыто в пышных бакенбардах, а его волосы торчали над висками грязной копной. Зелёный жилет надет на голое тело, грудь была заросшая, как и лицо, а в стол упирался живот. Несмотря на брюхо, он был довольно крепко сложен. Ухмылка не сходила с его квадратного лица, а перед ним на столе были допиты и перевёрнуты четыре кружки, и он потянулся за пятой.

— Ну, чего пялишься, давай знакомиться, а? Я тут всех знаю, а тебя тут впервые вижу, — блеснул он зеленоватыми глазами.

— Что, прям всех?

— Обижает, Александр, — оскалился пьяница.

— Интересно, в этой дыре есть ещё люди, не знающие моего имени?..

Мужчина окинул взглядом Александра, почесал подбородок и придвинулся на лавке поближе к стене с висевшей там деревянной доской. Среди множества небрежно прикреплённых листовок он сразу отогнул самую свежую и сорвал из-под неё другую. Взглянув на содержимое этой листовки, кивнул головой и протянул листок собеседнику.

Александр посмотрел на листовку. На ней красовалась его наспех накарябанная морда. Искажённая, кривая, гипертрофированная.

— Какое уродство...

— Вылитое! — лыбился мужчина. — Ибрагим настоящий мастер рисовать!

От услышанного Александр поморщился, но каким-то образом он понимал — мужик прав. С листовки на него смотрел он сам, и никто другой. Это было словно взглянуть на отражение в пусть и мутной и зашедшейся волнами, но всё же воде.

Хоть читать он и не умел, но значение каракулей «р а з ы с к и в а е т с я» он знал превосходно. На стене висело множество листовок с разыскиваемыми стражей людьми.

— Ха! Так быстро?

— Быстро? — усмехнулся толстяк. — Ищут убийцу королевского палача, который сбежал от капитана стражи и обокрал заведение какого-то толстосума посреди города! Если ты сейчас передо мной — то, я бы сказал, совсем уж медленно.

— Последнее — ложь.

— Это уже не имеет значения, но мы, кажется, отвлеклись... — Мужчина поставил пустую кружку в ряд уже выпитых. Александр к своей кружке не притронулся.

— И вправду. Ты говорил, что знаешь тут людей. Я как раз ищу одного человека...

— Значит, ты в правильном месте! — Толстяк, видя, что напротив сидящий человек не спешит становиться его собутыльником, сам взял кружку Александра и принялся её опустошать. — Скажи, кого ты ищешь, и возможно... возможно, я смогу тебе помочь.

— Я ищу Дэви, — сказал Александр, вальяжно раскинувшись на скамье. Учитывая осведомлённость местных обитателей, ему было уже нечего скрывать от них.

Собеседник подавился. Откашлявшись, он отставил недопитую кружку в сторону.

— Ищешь Дэви, м-м-м? Я могу сказать, где его поискать...

— Если ты знаешь, где его искать, то, может, ты так же сможешь притащить его задницу сюда? — Александр, не отводя от него взгляда, швырнул на стол кошель. На кошеле была вышита символика храма Смерти.

— Так тоже можно, — завсегда заведением повеселел и забрал со стола кошель. — Я прямо сейчас посажу за этот стол Дэви!

Сказав это, он встал. Впрочем, выходить из-за стола не спешил. Немного постояв и кинув взгляд налево-направо, он сел обратно.

Александр поднял бровь.

— Приветствую! — сказал собутыльник, заулыбавшись в ответ на недоуменный вид Александра.

Александр молчал и был непоколебим, уже сталкиваясь со странным поведением людей в этих трущобах. Их странности и заскоки не могли более выбить его из колеи.

— О! Я ведь так и не назвал своё имя, где же мои манеры... Разрешите представиться, я Дэви! Как поживает старина Люберт?

Александр стиснул зубы. Брови напоззли на глаза, а кулаки закрипели. Его раздражала жизнерадостность этого алкаша. Его выводило из себя позёрство местных оборванцев. Он сам себе стал противен от того, что вновь расслабился. Но главное, что моментально привело его в ярость, — что его навыки первоклассного убийцы, шпиона и вора дали осечку. Александр закипал.

— Потихе, приятель, — улыбнулся Дэви, пододвигая полупустую кружку к Александру. — Мы же не хотим, чтобы какие-то жалкие монеты испортили нашу дружбу? Ругаться нам ни к чему, вспорем друг другу брюхи в другой раз, сейчас, кажется, у нас есть общее дело.

Огромным усилием Александр затушил огонь, только что вспыхнувший.

— Ты прав. Сейчас у нас есть дела поважнее, — процедил он сквозь зубы, — дружище.

Пустая кружка

Солнца уже едва держались за горизонт и вот-вот грозились упасть в чёрную бездну, погрузив мир в ночь, а пока дарили последние серебрящиеся лучи уходящему дню. На улице поубавилось людей, вдалеке в шалашах зажглись костры, а в небо уже взмыли ночные птицы. В таверне горели свечи. Здесь теперь остались лишь разносчица, мирно спавшая в углу, подложив руку под голову, да старик за стойкой, протирающий бокалы, казалось, до дыр. Из посетителей в таверне остались лишь Дэви с Александром.

— Ты меня слушаешь? Ик! — сказал Дэви. — Повторю вкратце. Ты пробираешься на арену, а дальше... — мужчина уставился в пустоту, нахмурился, о чём-то усиленно соображая, — ... а дальше действуешь по плану.

Ещё раз икнув, он поставил трясущейся рукой шестую кружку в пирамидку уже выпитых.

— Как я уже говорил, мне он не нравится, — сказал Александр. Рядом с ним стояла начатая кружка с вином, из которой он отхлебнул лишь глоток в начале беседы и больше не притронулся. — Озвученный тобой план весьма шаток. Если что-то пойдёт не так, у меня не будет возможности как-то выкрутиться.

— Другого не будет.

Александр тяжело вздохнул и почесал щетину.

— Зачем вообще Люберт поручил мне отыскать тебя, если эти указания он мог дать мне сам?

— Ох, дружище, я ведь не только хозяин этого трактира. — Дэви положил на стол блестящий железный ключ и растёкся в улыбке. — Я ведь ещё и хозяин арены.

— Какой ты важный человек. — Александр рефлексивно взглянул на ключ. Длинный, сложный, со множеством зубьев. Такой замок было бы сложно взломать. Что бы ни было на арене, оно очень ценно. — Может быть, тогда, для общей пользы, выручишь меня в одном деле? Я бы хотел разжиться профессиональными приятностями. Меня могли бы выручить яды, бомбы, горючее. Так как мои запасы так и остались в тайнике за городом. С ними мне было бы спокойней.

— Вот оно что, значит? Хм... — заросший трактирщик ненадолго задумался, скосив глаза. — Увы! Единственная отравка, которую я могу тебе предложить, это стряпня Карла! — Дэви мотнул головой в сторону мужчины за стойкой. Тот, слыша их разговор, усмехнулся. — Местные мастера не работают с подозрительными незнакомцами, а ты, друг мой, именно из таких! Или что, тебе они так необходимы, что ты без этих игрушек не справишься? — ухмыльнулся толстяк.

— Это просто приятное дополнение. Они вызывают у меня ностальгию и позволяют меньше напрягаться. Если не можешь их достать — не бери в голову, обойдусь и без этого.

Солнца меж тем скрылись, и трущобы погрузились в прохладный сумрак. За окном пронеслась птица, утаскивающая в когтях собаку.

— Скажи, а чего это у твоей девки с глазами?

— Моей девки? — вздёрнул бровь Дэви.

— Разносчица.

— А... Ты о Шафран? Что, никогда таких не видел? Впрочем, я тоже никогда больше не встречал девушки с такими глазами-полумесяцами. Хоть мы давно путешествуем вместе, я

так и не решился её об этом спросить. Вдруг ведь расстроится? А сам сказать затрудняюсь, — Дэви замолчал, о чём-то задумавшись. — Скажи... — начал он, развалившись на скамье, — а что привело тебя в Дюран?

Александр молчал. В руках он держал недопитую кружку и, кажется, не собирался её допивать.

— Ты что такой мрачный, всё ещё дуешься на мою шутку? — засмеялся Дэви. — Брось. Так даже лучше: я верну кошель в храм, и никто не узнает, что ты его украл, — он наклонился над столом, прикрыв рот рукой, как будто кто-то мог их подслушать. — Поймали бы тебя за руку, когда ты им расплатишься в неподходящем месте, прислужники церковников, и посетил бы ты их замечательный подвальчик.

— Вот как? Ну, тогда давай кошель, — протянул руку Александр. — Я сам его отнесу, как раз туда собирался.

Дэви замолчал.

— Что такое? — улыбнулся Александр. — Мы же так много вместе выпили, столько обсудили! Или ты до сих пор не оставил своё шутовство?

— Ты так и не ответил, — сказал Дэви, неохотно кладя обратно на стол мешочек с деньгами из храма. — Что привело тебя сюда?

Александр допил вино и рассмеялся.

— Я письмо доставлял.

— Что-о-о? Бреешь.

— Какой мне смысл? — Александр старался не улыбаться. Он и сам понимал абсурдность своих слов. Лицо Дэви, которого он вверг в замешательство, его веселило. — Проснулся я утром в лесу, в руках письмо, а вокруг никого. Ну и интересно мне стало, что за письмо это и кто мне его дал.

— Подумать только! Убийца-почтальон! И как? Узнал? — Толстяк облокотился об стол, чуть не снеся свою пирамидку из кружек. Александр вздохнул, откинулся на спинку скамьи и раскинул руки.

— Нет!

— Вот ведь бывает, ведёт тебя судьба, а потом — бац! И ты, как ты и выразился, посреди леса, а вокруг никого.

— Ну а ты? — спросил Александр, отодвигая кружку в сторону. — Что тебя привело сюда?

— В Дюран?

— Нет, в эту дыру. Я таких вин ни разу не видел, а повидал я много разного пойла, — махнул Александр рукой на стеллажи с разноцветными бутылками.

— Может, стоило их пить? — рассмеялся Дэви, но в глаза его закралась печаль.

— Ты так и не ответил, — Александр, не моргая, уставился на Дэви. — Я тебе всё сказал как есть. Что тебя держит здесь? У тебя ведь достаточно денег, чтобы вернуться в Дюран.

— Ты это верно подметил... — помедлив, Дэви уставился в кружку. — Но я сам пришёл сюда.

— Зачем? — недоумевал Александр.

— За кем! — вздохнул хозяин таверны, вертя кружку в руках. — Я повстречал девушку сказочной красоты. Что сиськи, что жопа — просто загляденье, коса до пяток, толстенная!

— Погоди, толстенная коса или она сама?

— Ну, Александр, — блаженно прикрыл глаза Дэви, — должна же быть в девушке загадка! А голос... — закатил он глаза, — как вспомню, от блаженства аж слезы на глаза наворачиваются.

— Так ты здесь ищешь её?

— Да, но никак не найду. Я уже начинаю думать, что это провидение меня низвергло в этот ад.

— Даже мне кажется, что называть эту дыру «адам» — слишком большая лесть.

Дэви посерьёзnel, будто и не выпивал бочку вина.

— А ты видел местных уродов? Сгорбленные, увечные, калечные. Они говорили с тобой? Нет. Потому что не умеют! Это форменные животные. Они живут в этих отвратных пещерах под городом, питаются помоями и на людей совсем не похожи! Но самое ужасное, что это всё же люди. Были ими, по крайней мере, раньше.

— Я думал, что это просто больные беспризорники, — Александр взял в руку опустевшую кружку. Хотя желание пить исчезло окончательно, ему стало неудобно.

— Я тоже так думал. Но когда на твоих глазах знакомые и близкие тебе люди начинают постепенно превращаться в... это! Это страшное место со страшными секретами, многим из которых следовало бы оставаться под землёй!

— А ты не боишься, что твоя красавица могла уже и превратиться?

Дэви не ответил. Он заглянул в одну кружку. Потом в другую. Пусто. Горько вздохнув, он закрыл лицо руками.

— Поздно уже. Выспись хорошенько, завтра нам предстоит много работы. На втором этаже есть койки.

— Я сперва прогуляюсь, — сказал Александр, вставая из-за стола. Он осознал, что намертво вцепился в кружку. Поставив её на стол побелевшими пальцами, он кивнул Дэви. — До встречи.

Выходя из таверны, он услышал, как от удара разлетается пирамидка из кружек.

Лунный свет

Небосвод озаряла луна и её осколки, ночь превращала трущобы в загадочное и мрачное место. На улицах не было ни души. Только в подворотнях да переулках то тут, то там сновали и мелькали горбатые фигуры с горящими глазами. Если не познакомиться с местными обитателями днём, то ночью это бы могло вызвать ужас. В свете луны на небе кружили и пикировали к морю громадные птицы, размером с быка. Хлопки их кожаных крыльев наполняли темноту особым привкусом опасности. Всё это нравилось Александру, напоминало ему о горных перевалах, полных опасностей, где ему довелось повстречать удивительных людей, считавших то погибельное место своим домом. Возможно, он был слишком суров к местным обитателям, и у них есть причины находить выход в шутковстве...

Погружённый в эти размышления, он быстро пришёл к храму, хоть и не торопился. Если он не ошибся, то он пришёл вовремя.

Храм был окружён стеной с решетчатым забором, и ворота его были заперты. Это не смутило Александра. Поднявшись по стене и перескочив во двор, он направился на встречу с госпожой.

Двери храма были тяжелы, но открыты. Навалившись на одну из них, Александр вошёл в ночной мрак и холод храма. Свечи не горели, и единственным источником освещения была

луна. Её свет столпом падал к ступеням перед алтарным камнем. В окутавшей это место тьме взгляд сразу же зацепился за тихий блеск серебряных дверей. Александр не видел их днём, хоть и не задерживался в главном зале, но припомнил, что днём это место было заставлено ширмами и о наличии двери нельзя было и догадываться. В самом же столпе света на коленях стоял Каин. Перед ним на возвышении из нескольких ступеней стояла Лукреция и тихо говорила.

Александр приблизился к ним.

— Ты всё понял?

— Да, госпожа. Я достану эту вещь, — сказал Каин. В руках у него блеснула чаша.

Лукреция положила ему руку на голову. Каин опрокинул жидкость в горло, встал, вручил Лукреции опустевшую чашу и пошёл прочь. Она же отступила в темноту. Каин с остекленевшим взглядом прошёл мимо Александра, даже не заметив того.

— А, Александр, — раздался голос Лукреции, когда тот вышел из темноты в столп лунного света. — Похоже, вы действительно не ошибались на свой счёт.

— Я и на твой счёт не ошибался, — сложил он руки на груди и окинул взглядом Лукрецию. — Ты ведь работаешь на Люберта?

Во мраке можно было различить лишь общие черты её лица. Уголки рта госпожи подскочили, а с губ сорвался смешок.

— Единственная, кому я служу, — это Смерть.

— Мне всегда казалось это излишним... — Александр замолк.

Лукреция никак не отреагировала на такую дерзость. Он всмотрелся в темноту храма, прищурив глаза. Она стояла у алтаря и что-то размешивала в чаше, периодически подбрасывая туда разные порошки.

— В конце концов, смерть и сама прекрасно справляется со своей работой и никого ещё живым не отпускала.

— Заблуждение, — небрежно махнула она рукой. — Моя Госпожа не является причиной ухода из жизни. Она лишь даёт возможность покинуть этот мир.

— Вот как? Можно подумать, что есть вариант остаться, — усмехнулся он.

— Есть... — в голосе Лукреции послышалась лукавая улыбка.

Эти слова сковали Александра. Мысли о смерти всегда были для него роковыми и давали сил сражаться даже тогда, когда шансов не было. Но эта женщина так спокойно говорит, что можно обмануть того, кому сама и служит?

— Я не буду вдаваться в подробности, ведь ты и сам ранее гордо заявил, что нет нужды посвящать тебя в наши тайны, — её властный голос был наполнен нотами насмешек. — А теперь, когда я ответила на все вопросы и дала пищу для раздумий, пришёл твой черед выполнять обязательства.

Лукреция вышла на свет с чашей в руках.

— Если ты был достаточно внимателен, то мог заметить, что главная дорога нашего города выложена мраморными плитами. Но какие-то мародёры повадились их воровать. И это меня огорчает, — склонила она голову набок и приложила палец к подбородку. — Потому иди и убей их.

— Какая великая забота об этом гнилом месте...

— Я не живу в «гнилом месте», — фыркнула Лукреция. — Я живу в храме моей Госпожи. Где жить — это личный выбор каждого. — Она протянула руки с чашей к Александру. На дне плескалась чёрная жидкость, похожая на смолу.

— Что это? — поморщился он.

— Это надо выпить, — сказала Лукреция. Александр взглянул на эту отраву, на эту женщину и на ситуацию в целом. — Это противоядие, ведь тебя там может сразить яд. К тому же, эта жидкость благословлена самой Госпожой, и она поможет тебе открыть глаза.

— Я отказываюсь, — бросил он, — у меня нет никаких причин доверять тебе, и пить эту отраву я не собираюсь.

Отмахнувшись от неё рукой, он направившись к выходу.

— Как же так, Александр? Неужели вы хотите нарушить своё слово? Неужели вы хотите меня огорчить?

Александр остановился. Он с самого начала не собирался выполнять поручение Лукреции, но любопытство всё же привело его сюда. Уж очень отличалась от остальных настоятелей храмов эта Лукреция. Было в ней что-то кроме слепой веры и алчности, некая заразительная целеустремлённость. Помимо прочего, это можно было использовать в игре Люберта, чтобы сыграть собственную партию.

— Вовсе нет. Я лишь оцениваю ситуацию.

— Тогда вы ошиблись местом. Это не базар.

— Да, действительно. Всё же это место — дом веры, — раскинув руки, Александр развернулся на месте и проследовал обратно в столп света. — Так что, полагаю, мне следует довериться тебе!

— Правильный выбор, — слова слетели с её губ, как безжалостный буран. Лукреция протянула Александру чашу на вытянутых руках.

Поморщившись, он заглянул внутрь. Чёрная субстанция булькала и пузырилась. Отвратительный аромат проникал в самый разум. От него кружилась голова и тряслись руки. Он не мог сказать, что легло в состав этого смолистого отвара, и опыт его странствий никак ему не мог помочь в этом. Александр принял чашу и поднял её над собой. Нужно поскорее с этим покончить. Чёрная гадость влилась ему в глотку. Не задерживая во рту, он моментально её проглотил. Ему сразу сделалось дурно. Годы, проведённые в трактирах и кабаках, возможно, спасли ему жизнь. Горький, режущий, отдающий тухлятиной вкус разъедал и нос, и рот. Когда эта отравка провалилась ему в желудок, от боли он рухнул на пол и скорчился. В его глазах двоилось. Очертания храма расплывались и между ними проступали видения других мест. Особенно чётким было мрачное подземелье, заполненное цепями. Всё тело забило в агонии. Он закрыл лицо руками и закричал, ничего не слыша.

На голову легла рука Лукреции. Невообразимо холодная.

От этого неожиданного прикосновения Александр моргнул и оцепенел. Он так и стоял с чашей в руках посреди тёмного храма. Никуда не падая и не крича. Всё это было лишь наваждением.

— Теперь иди, найди их логово под стеной. И убей тех, кто смел меня огорчить, — сказала Лукреция, развернулась и скрылась в тенях.

Александр неторопливо вышел из храма. Странное чувство... Картина дома, в котором находились мародёры, что беспокоили Лукрецию, всплыла в сознании ясно и чётко, хоть он и мог поклясться, что никогда не был там. Был ли это эффект пошла или воспоминания, от которых он отказался, прорвались наружу, — оставалось лишь гадать. А тем временем ноги несли его по мраморной дороге трущоб прямо к гигантской стене.

Возможность

Немного не доходя до Дюранской стены, Александр остановился. Дом, который стоял

перед ним, выглядел заброшенным. Повсюду висела паутина, двери были выломаны, внутри навалены груды мусора. Александр сразу заметил, что заброшенность эта напускная. Он находился почти возле стены, а ни одного горбуна поблизости не было видно. Более того, среди мусора виднелись ровные, крепкие доски, которые, несомненно, местные растащили бы сразу.

Проигнорировав парадный вход и пройдя сразу на задний двор, он быстро обнаружил укрытый от посторонних глаз вход в подвал. Гвозди на двери покрылись ржавчиной, а доски разбухли, но вот замок поставил Александра в тупик. Обычно на подвалы вешали навесные замки, эти же двери имели встроенный механизм, но даже это было не главное. Самым удивительным было то, что на замке не было ни единой царапины от ключа.

Сквозь незаметную смотровую щель охранник мог видеть, как в свете луны появилась незнакомая фигура. Незнакомец приблизился к двери, но открыть её не попытался, только внимательно осматривал. Охранник взялся за колокол: едва проходимец попробует вломиться или вскрыть замок, он тут же позовёт подмогу. Но всё обошлось. Оглядевшись по сторонам и выругавшись, пьяный пошатывающийся проходимец побрёл прочь. Сторож выдохнул и положил колокол на место. Но в момент, когда он это делал, раздался звон. Он донёсся с улицы, прямо из мешочка, что вылетел из кармана проходимца, когда тот в злости стукнул себя по ноге.

Он не заметил пропажи. Но её заметил сторож.

Его глаза заблестели, он облизал пересохшие губы. Затаив дыхание, он следил за каждым шагом заблудившегося пьяницы, пока тот не убрался прочь. Но отпирать дверь сторож не торопился, опасаясь несвоевременного возвращения блудного гуляки.

Пробуждение

Ночью, когда тёмные тучи затягивают небеса, становится трудно определить время. Особенно это трудно, когда душу тяготит ожидание. Всё-таки решившись, сторож отпёр дверь. Совсем чуть-чуть, чтоб вышмыгнуть и схватить деньги!

Дверь тихонько щёлкнула и отворилась. Сторож схватил свою добычу. Александр тоже. Похоже, это будет просто.

Бесшумно расправившись со сторожем, Александр уверенной походкой прошёл в подвал. Стоило ему спуститься в катакомбы и выглянуть за угол, как он обнаружил, что был бесшумным в этом подземелье не он один. Первое, что он увидел, это копьё, стремительно приближавшееся к его лицу.

Александр отпрянул в сторону, но слишком поздно. Его застали врасплох. Впервые за долгое время страх и паника слились воедино и разлились по венам, сковывая движения и ум. Алкоголь и отвлечённые мысли обвили и без того пойманного в ловушку убийцу и потянули его к неминуемой смерти. Ему оставалась лишь одно мгновение, и мгновение это тянулось целую вечность, и вечность эта оборвалась в один момент.

Его сердце словно разорвалось, так сильно оно вдруг сжалось. В то же мгновение по всем его венам растеклась иная смесь, мгновенно выжегшая все сомнения. Помогая себе руками, отталкиваясь от стены, он рванул в сторону. Копьё просвистело прямо над его ухом, оставив лишь царапину на виске. От этих резких, неестественно быстрых движений копейщик распахнул глаза и замешкал. Александр же не собирался останавливаться. Копьё ещё не успело остановиться, когда он схватил древко рукой и продолжил его ход. Не ожидавший этого охранник выпустил его из своих рук. Заполучив оружие, убийца тут же раскрутил его в руке и, совместив рывок с выпадом, пронзил горло врага.

Кровь брызнула из человека, ручьями побежав по копьё. Александр ногой сбросил с острия умирающего. Сердце неистово качало по венам будто не кровь, а первородную, жгучую ярость. Он будто снова оказался под дождём, на краю земли, один на один с чудовищем. С противником, достойным его навыков.

Он бросил взгляд на замершего человека. Пухлый, грязный, в обносках. Эти оборванцы только и могут, что прятаться по подвалам, бить исподтишка и вечно корчить из себя что-то. Неспособность принять своё место в мире, их слабость, их повиновение судьбе и року — всё это разжигало пламя в Александре. Обернувшись, он вонзил копьё в замочную скважину, превращая её в железное месиво. Теперь эти проклятые обитатели трущоб остались взаперти с ним, и им не избежать своей участи.

Он отправился по катакомбам, выдолбленным прямо в скальной породе, спускаясь всё глубже в прохладное логово мародёров. Очень скоро показались те самые камни преткновения — в местах, где проход расширялся и был облагорожен балками и кирпичной кладкой, к стенам были привалены те самые мраморные плиты, вырванные из дороги. С них даже не успели отчистить грязь.

Здесь же Александр вновь повстречал обитателей трущоб. На этот раз они даже раздобыли где-то чистые робы с капюшонами и вооружились приличными кинжалами. Однако они всё равно оставались лишь ни на что не способным отребьем! Он набросился на них из тени, скрывая своё присутствие, заглушив шаги и дыхание. Один из них сдох сразу, даже не оказав сопротивления. Второй же, увидев смерть своего товарища, не окаменел, не

оробел, он тут же бросился на Александра, выхватывая свой кинжал.

Он никак не ожидал такой стойкости духа и прыти от помойных побирушек.

Лезвие опасно приближалось к его горлу. Близость смерти взбодрила его, позволяя полностью обнажить свои клыки и навыки, а лёгкие раны и порезы обостряли их ещё сильнее. Он упивается тем, насколько сильны его способности и инстинкты, что, даже витая он в облаках, они срабатывают безукоризненно. На звуки жестокой расправы по катакомбам стал разноситься топот. К нему мчалась целая толпа. Тяжело дыша, залитый чужой кровью, Александр стоял посреди коридора. В его горящих глазах виднелась лишь жажда крови. Противники не мешкали, убийца тоже.

Его мышцы горят, его веки не моргают, он без тени пощады разит красным от крови копьём одного за другим, не позволяя им даже приблизиться к себе. Бой становится всё горячее, смерть стоит у него за спиной, ожидая, когда он оступится. В ответ же его собственные навыки становятся всё смертоносней. В этой бойне Александр, потеряв времени счёт, в какой-то момент понимает, что его тело движется само.

Великолепно! Его тело стало настоящей аватарой смерти! Рефлексы обострились и обратились в безостановочную цепь, в танец смерти! Вместе с этим ликованием Александр также почувствовал то, что отрезвило его.

Накатывающий, нарастающий холод. Происходящее перед его собственными глазами он видел всё больше издалека. Он почувствовал, как его хватают за шкурку и отбрасывают назад, во тьму и лёд.

Не понимая, что происходит, он вскочил на ноги. Это место не походило ни на подвал, ни на идущие за ним катакомбы. Но оно было ему знакомо. Это была тёмная бездна из его кошмаров. В её всепоглощающих недрах он не видел даже собственных рук. Но он всё ещё чувствовал их. Он чувствовал, как они разрывают плоть и крушат металл, что он голыми руками расправляется со всеми сбежавшимися на сигнал головорезами. Его тело действовало само, без его участия. И его участие в этом иссякало окончательно, как и его силы, и он лишался последних связей с собственным взбесившимся телом.

Теперь он был один. Совершенно один, окружённый мраком, который видел в своих кошмарах, но теперь всё было по-настоящему. Смола под ногами медленно утягивала его вниз. Он дёрнул ногу, но это не помогло, смола лишь сильнее стала затягивать его. Это был не просто конец. Это был ужас. Если это смерть, то он не напрасно её боялся. Он не раз оказывался в самых безвыходных ситуациях, но сейчас всё было хуже: его затянуло по пояс, смола сковала опущенные руки.

Не было горечи от того, что провалил задание, как это бывало ранее. Пламя, что ранее двигало им и заставляло идти дальше и снова испытывать себя, постепенно угасало. Он понимал, что поручение Лукреции его мало волновало. Как и мало волновало его письмо, из-за которого он прибыл в Дюран. Он не чувствовал горечи, нет. Чувство неизмеримо сильнее причиняло ему страдания более глубокие, чем всё то, через что он прошёл раньше.

Страх, что он зря потратил время. С самого своего пробуждения под деревом висельников он лишь шёл на поводу у своего страха перед утраченным прошлым. Он сделал так мало того, чего по-настоящему хотел, хотел всем сердцем, искренне и самоотверженно. Всё, что он делал, было лишь продиктовано обстоятельствами и возможностями. И сейчас, находясь в посмертном кошмаре, он чувствовал, как вслед за его волей угасает и его сознание, и всё, что у него осталось.

Он погрузился в смолу по самую макушку. Смола бы с хлюпаньем сомкнулась над его

головой, но здесь не было ни света, ни звуков, ни надежды. Осталась лишь пустота. И сожаления. Его темница окутала всё тело, остывала и застывала, хороня его в своей толще. Здесь было невозможно дышать. Невозможно думать. Даже сердце больше не билось. И только страх пульсировал всё сильнее и сильнее, не оставляя его даже здесь.

И перед его взором лишь пролетали скудные воспоминания последних лет. Битва с тварью в графстве Ягуара, попойка с товарищами в портовом городе, охота с графиней на чешуйчатого быка, бескрайняя пустыня и единственный оазис... Он отказался от всех этих мест, каждое из которых могло бы стать его домом, только лишь для того, чтобы продолжать бежать прочь.

Память покинула его, смола выдавливалась из него последние остатки человечности. В его разуме осталась лишь одна-единственная мысль, которая тлела в его сознании, не давая смоле и страху сковать себя окончательно.

Он ещё жив.

Он отказывается лишаться удовольствий, что изредка удавалось вырвать из жадных лап судьбы. Он не сдастся, он будет бороться, даже если это бессмысленно, пусть у него нет шансов, пусть у него нет выхода. Пока он жив, какой бы ужасной и жёсткой ни была эта жизнь, — он вырвет своё из её хищных лап!

Он распахнул глаза, они источали слабый, тусклый свет. Но это был единственный свет в этом царстве тьмы.

Рука затряслась от переполнявших его чувств. Кипящая смола обжигала, причиняя боль, словно тысяча игл, но это не останавливало его. Он поднял руку, но озеро смолы над ним уже сковалось льдом. Невзирая на боль, что следовала за каждым вздохом, за каждым движением пальца, он пытался пробиться обратно. Но лёд был слишком крепок. Не желая сдаваться, Александр принялся царапать его. Смола вокруг бурлила и обжигала, подобно магме, но лёд не таял от неё и не трескался от усилий Александра.

Очевидно, этого было недостаточно. Ничего не изменилось. Обезумевшая бездна начала затягивать на дно, сжигая его дочерна. Он закричал что было сил. Пытался всплыть. Пытался бороться. Но в тусклых лучах света его глаз исцарапанная ледяная преграда лишь дальше отдалялась.

Не моргая, он мог лишь смотреть, как всё глубже погружается в пучину. Давно пора было признать, что пора сдаться, закрыть глаза и принять свою судьбу. Но он не хотел. Не хотел отказываться от того, ради чего каждый день марал руки в грязи и крови. Он не закрыл глаза.

И тогда он увидел ответный проблеск света там, за льдом. В следующий момент лёд раскололся, разлетелся на осколки, и к Александру в смолу погрузились цепи. Они обвили его протянутые руки, и он почувствовал, как его вытягивают обратно. Мысли вновь хлынули в его разум.

* * *

Он очнулся и сразу рухнул на колени, как подкошенный, обхватывая руками голову. Он чувствовал, что продолжает погружаться обратно в смолу, проваливаясь в самое сердце бездны. Он видел, как сотни цепей пронзали его тело, и слышал, как его зовут по имени. Он только что был мёртв. Нет. Намного хуже. Он стал пленником собственного тела, запертый в нём, словно сломанная игрушка, заброшенная в старый сундук. Он чувствовал извечный

холод, зубы стучали, тело разбивала дрожь. Но кожу его что-то согревало. Сфокусировав взгляд, он оторвал руки от головы и поднёс их к глазам. Его дрожащие пальцы были залиты кровью, меж них застряли куски плоти, но сами его руки были невредимы. С отрешением сбросив с рук ошмётки, он невольно проследил за их полётом. Они упали недалеко, на изувеченные, разодранные, разорванные трупы людей в красных балахонах. Вокруг валялось расколотое и погнутое оружие и множество трупов. Люди вокруг были не просто убиты. Все они были изувечены с особой издёвкой, как после живодёров, наигравшихся с животным. Александра пугало не только то, что это было сделано его руками, но и то, что на мгновение он нашёл некое изящество, лёгкую небрежность в этих трупах, как будто тут была не битва, а игра. Желудок свело, сжало, к горлу подкатил ком, и его вырвало. Перед глазами поплыли моменты, упущенные им в этом подземелье, воспоминания, чёткие и ясные, как летний день, воспоминания, в которых он превратился в чудовище.

— Александр! — чьи-то руки вцепились в его плечи и начали трясти. Видения перемешались, он вновь не мог понять, где находится. Хлёсткий удар по щеке привёл его в чувство, прервав поток мыслей. — Это я! Ян!

Перед ним стоял человек в робе, залитой кровью. Он узнал голос мальчишки из трущоб. — Ты в порядке?

Зажмурившись изо всех сил, Александр вернул себе контроль над остальными чувствами. Ян помог ему встать. Повсюду были трупы и окровавленные мраморные плиты.

— Что... — Александр задыхался, воздуха всё ещё не хватало. — Что тут произошло? — прохрипел он.

— Ты рвал культистов голыми руками. Ясное дело, впал в боевую ярость, но меня сразу узнал. Так что не бойсь, это не бешенство.

Александр мотнул головой и взглянул в лицо паренька. Действительно, глаза разного цвета, да и ещё один из них красный, подобно рубину, встречаешь не каждый день, но он не мог поверить, что из того ада его вырвал какой-то проводник из трущоб. Это было не больше, чем совпадением.

Потерев шею, Александр сплюнул. Он и раньше в сражениях испытывал жажду крови, но находил это, как и ярость боя, чем-то, скорее, более метафорическим. Но сейчас холодок пробежал у него по спине. Он не просто потерял над собой контроль, он едва не потерял себя, превратившись во что-то дикое, бешеное, во что-то... иное.

Ян всё это время смотрел на Александра с вызовом, отвечая на его пристальный взгляд. Но спустя некоторое время всё же отвёл глаза и скрестил руки на груди:

— Мне казалось, что это для тебя привычное дело, но сейчас я вижу, что на тебя что-то нашло.

Александр огляделся, словно пытаясь убедиться, говорят ли они ещё об изувеченных трупах.

— А для тебя это, значит, привычное дело?

— А что тут такого? — Ян отпихнул оторванную ногу, присев возле обезглавленного тела, и принялся обшаривать карманы.

— Если для тебя тут нет ничего «такого», то почему ты отвёл взгляд?

— Некомфортно находиться рядом с человеком, который так резко теряет и находит себя, — сказал он, бросив короткий взгляд на Александра.

— И что ты вообще тут забыл? Ты что, один из них?

— Был. Но я пришёл в этот культ не служить, а искать ответы. Кто-то собирается

спалить муравейник. И я пытаюсь это предотвратить.

Поборов позывы желудка, Александр вновь откашлялся, в горле жутко першило и хотелось пить:

— Крупновата цель для паренька, не находишь? — спросил он, пытаясь отдышаться. Ян не ответил. Он бродил среди мёртвых тел и их ошмётков, планомерно, без отвращения запуская руку в каждую мантию в поисках своих ответов.

Александрю тоже не мешало бы найти свои собственные ответы на то, что же с ним случилось. Быть может, у него появились проблемы намного серьезней одного приступа ярости, потому как он до этого не мог представить себе, что способен рвать людей на куски одними лишь руками, гнуть и ломать оружие. Он во что бы то ни стало обязан найти эти ответы. Но не сейчас и не здесь.

— Как ты можешь так спокойно рыться среди этого фарша?

— Ну... некая оторванность от происходящего просто необходима в подобных делах. — Ян вытер руки об одежду покойника и встал, обернувшись к Александру. Ещё раз вытирая руки уже об собственную мантию, он, склонив голову слегка набок и вскинув брови, взглянул на своего собеседника. — Думаю, ты-то должен это понимать как никто. Спрошу ещё раз: ты в порядке?

— Я как будто... Как будто моё тело восстало против меня и вышвырнуло меня самого на задворки сознания, пока оно изничтожало людей вокруг себя. Это ты называешь боевым трансом? Видел или, может быть, слышал что-то подобное ранее?

— Боюсь, что это твоя личная проблема, — Ян вздохнул. — Я не знаю, как и почему ты здесь оказался, но ты здорово помог мне. Ты не похож на того, кто следовал идеалам рыцарства, но у нас, кажется, общие цели, по крайней мере сейчас. Не нам, жителям трущоб, критиковать... — он окинул взглядом изувеченные тела, ища подходящее слово, — методы, которыми ты пользуешься. Однако, если от этого страдают злодеи, то не всё ли равно?

— Боюсь... — Александр тяжело вздохнул, в нос тут же врезался смрад последствий резни. Его спасло, что желудок был пуст. Утерев пот со лба, он повернулся к Яну, — это не тот вопрос, который можно решить перебрасыванием парой слов.

Ян молча и долго, оценивая слова Александра, смотрел на него. В руке у парня звякнул мешочек.

— Держи, ты, кажется, это обронил при нашей прошлой встрече.

Он, звякнув мешочком ещё раз, подкинул его Александру. Тот поймал и молча взял свои деньги обратно. Кошель был ощутимо легче, чем он помнил, но ему это было безразлично.

— Мне пора, — сказал Ян. — И, если, конечно, ты не хочешь здесь задержаться, то иди за мной, я выведу нас через тайный проход, он здесь неподалёку.

Александр кивнул и поспешил последовать за странным юнцом, не оглядываясь на разорванные куски человеческих тел. Ян завёл его в библиотеку, где все книжные шкафы были пусты, потому как книги раскрытыми валялись на полу. В дальнем углу комнаты виднелась деревянная лестница. Она вела, казалось, в тупик, но Ян налёг на одну из стен всем весом, и незакреплённая стена рухнула на улицу. Испуганный облезлый помойный кот, зашипев, бросил недоеденную мышь и исчез в тени. Ян и Александр выбрались на поверхность, под яркий лунный свет. На небе не было ни облака. Не говоря ни слова, они кивнули друг другу, и здесь их пути разошлись.

Александр брёл по мраморной дороге обратно к храму, ни о чём не думая и стараясь успокоить нервы. Когда он вышел на прихрамовую площадь, он остановился. Ночью здесь

было закономерно безлюдно. Не было того карнавала, где люди гуляли и танцевали посреди трущоб. Сейчас это было тихое и красивое место. Тени скрывали беспорядок, а луна, роняя свой серебристый свет на металлические детали, наполняла это место мистическим блеском.

Убийца задрал голову к небу, обратив свой взор на расколотую луну. Его беспокоили последние события. Что это вообще было? Наваждение? Нет, всё было на самом деле. Почему паренёк-проводник был так пугающе спокоен? Причастна ли Лукреция и её чёрное зелье к тому, в какое место он попал? Стоит ли поделиться с госпожой храма недавними событиями? Или же втереться к ней в доверие, заявив, что он со всем справился? Но что, если это повторится?.. Может ли он ей доверять? Всё это кружилось в его голове вокруг главного вопроса. Может ли он доверять... себе?

Он отчётливо осознал, что в следующий раз, потеряй он над собой контроль, поддайся ярости, доверься инстинктам, ему не вернуть себе озверевшее тело. Ему стоит сдерживать пыл или, ещё лучше, не сражаться вовсе, пока он не разберётся с этим.

Вырваться из лап смерти мучительно, но ещё более мучительно принять решение, что же с этими лапами делать дальше.

Массивные двери храма отворились сами собой. Лукреция сидела на мягком кресле, которого раньше здесь не было, перед алтарём и была недвижима. В полночь лунный свет вырывал из тьмы лицо главной статуи в храме Смерти, скрытое в другое время тенью от капюшона. Женское худое исстрадавшееся лицо с глазами, в которых удалось запечатлеть вселенскую тоску в камне.

— По вашему лицу, погружённому в смятение, я вижу, моё поручение выполнено, — властный голос Лукреции волной прокатился по пустому залу.

— Чем ты опоила меня, ведьма?! — рявкнул охрипшим голосом Александр.

— Как я и сказала изначально, это было противоядием. Небольшая предосторожность. И судя по всему, вполне оправданная.

— Значит, всё это было из-за яда... — вырвалось у Александра.

— Что именно? — Лукреция сложила пальцы вместе и прижала указательные к подбородку, слегка подавшись вперёд.

Александр медлил с ответом, тщательно прицениваясь и выбирая, что ему следует сказать, а о чём лучше умолчать.

— Там, в подземелье, я впал в ярость и с особой жестокостью расправился с мародёрами. Вот только это были не совсем обычные мародёры. Это были служители какого-то культа. Они были организованны и хорошо обучены.

— Я знаю, — быстро и коротко ответила Лукреция, совершенно не удивлённая словам Александра. Она встала с кресла и проследовала прямо к нему, спустившись с пьедестала. — В лазарете тебя ждут, можешь воспользоваться благодарностями храма. Думаю, мы ещё не раз друг другу пригодимся. Благодарю за оказанную услугу.

Она поклонилась ему, но так коротко, что это больше походило на кивок. Развернувшись, она засобиралась уходить, когда Александр, кашлянув, сказал:

— Помимо прочего, я встретил в катакомбах парня по имени Ян. Он также сражался вместе со мной против этих культистов.

— Ян? — Лукреция остановилась. — Так, значит, ты убил не всех?

— Я прикончил всех мародёров, — поправил её убийца. — Парень говорил о том, что кто-то собирается устроить пожар и что он пытается найти зачинщиков и предотвратить это.

— Этому мальцу следовало бы знать своё место и не лезть в серьёзные дела. Возможно, было бы лучше, чтобы он там и остался, среди трупов...

Александр хранил молчание. Возможно, раньше он бы с ней и согласился. Но последние события отняли у него желание легко и непринуждённо рассуждать о высоких и сложных вещах.

Неподалёку от Александра скрипнула и приоткрылась дверь.

— Ночь близится к концу. Вам следует набраться сил перед завтрашними делами, — сказала госпожа и неторопливо направилась к серебряным вратам. Перемявшись с ноги на ногу, Александр зашагал к приоткрывшейся двери.

Внутри было светло, горели свечи. Эта комната напоминала те, что сдают в тавернах, если бы они только были чистыми. Его там ждали. У окна стояла молодая девушка с волосами цвета жемчуга и разминала в ступке травы.

— Госпожа повелела мне позаботиться о ваших ранах... — голос её был чист и нежен,

но он дрожал, — ...и о ваших потребностях.

Девушка повела плечом, одеяние, не удержавшись, соскользнуло, оголив спину. Она развернулась, держа в руках миску с мазью, и, не поднимая взгляда, направилась к Александру.

— Привет, — улыбнулся Александр. Девушка подняла обречённые глаза. Это была та самая послушница, которую он спас от бугая. — Наставница обмолвилась, что я могу... «воспользоваться благодарностями храма», — сказал Александр, вернув сползшую одежду обратно на плечо. — Не разъяснишь ли мне, что это значит?

Глаза девушки метнулись за спину Александра. Она секунду помолчала, а затем, отстранив его рукой, прошла к двери и закрыла её, уперевшись в неё спиной.

— Некоторые наёмники теряют остатки рассудка, стоит лишь появиться некой недосказанности и женскому телу. С такими людьми опасно работать, так как они не думают головой, а... — девушка покраснела, — лишь слепо идут за своими желаниями.

Она потупила взор.

— Я не должна была этого рассказывать.

— Не переживай, я это и так знал. Хотел просто убедиться, что здесь у вас такие же фокусы, как и в других храмах, — усмехнулся Александр.

Садясь на скамью, он резко зашипел от боли. В те моменты, когда тело его не слушалось, и уже после, шокированный произошедшим, он не обращал внимания на раны. Теперь же, когда кровь остывала, они заявили о себе со всей силой.

— Сейчас всё будет готово! — воскликнула девушка и принялась измельчать травы с удвоенной силой.

Она была опытной, лечить ей было не впервой. Не отвлекаясь ни на что, она обрабатывала и зашивала раны. Время двигалось издевательски медленно, не вовремя вернувшаяся чувствительность позволила Александру прочувствовать каждый шов, каждую припарку.

Она наклонилась к нему, сконцентрированная на зашивании последней раны, и её воротник отогнулся. Александр не собирался лишать себя удовольствия лицезреть девичьи прелести. Тогда-то ему и попала на глаза припрятанная ею безделушка. Кулон с искусно вырезанным на нём потерявшим цвет цветком ириса. Это изображение, этот цветок отчётливо выделялся среди всех хитросплетений его воспоминаний.

— Какой интересный у тебя кулон... — протянул Александр. Девушка подняла глаза. — У простой служительницы храма такого быть не может. Откуда он у тебя?

— О... — улыбнулась девушка, вынимая кулон и поднимая его на ладони. — Красивый, правда? Не знаю, он со мной с самого детства.

— Вот, значит, как... — сказал Александр разочарованно. В конце концов, это могло быть простым совпадением.

— Всё готово, — сказала девушка и вытерла пот со лба.

Александр опустил взгляд на свою руку. Такого ровного шва он не видел никогда в жизни.

— Как твоё имя? — выдохнул Александр, не отводя взгляда от мастерски выполненной работы.

— Моё имя Нура, — сказала она и улыбнулась.

Мастер

Александр проснулся рано, ещё до рассвета. Пара часов сна — этого вполне хватило, чтобы вернуть тело в рабочее состояние. Конечно же, ни о каком комфорте или хорошем самочувствии речи не могло и идти. Однако это его не остановит. После этой ночи ему казалось, что больше ничто не способно его остановить. Надев полученную от храма одежду вместо собственной, залитой кровью, он направился к выходу, у которого его догнал молодой послушник. Он, запыхавшись, передал ему кинжал вместе с пожеланиями удачного дня от госпожи. Забрав кинжал, Александр мимоходом поблагодарил, а сам осмотрел оружие. Сносная вещь, которой следовало бы поскорей найти замену. Убрав оружие в ножны, он распахнул ворота храма и вышел. Ему предстоял тяжёлый день. Он держал путь на арену. Сегодняшний бой будет незабываем.

Он остановился на главной улице трущоб, выложенной мраморными плитами. Теперь он знал, чего стоит сохранять их в таком месте. Он встал в то же место, что и вчера, но сегодня он уже никого не искал. Сегодня он, от души зевнув, собирался с мыслями и силами. Люди единым потоком, словно прилив, шли в сторону гигантских ворот Дюрана, несмотря на то что они никогда не отворялись. Не доходя до самих врат, люди разделялись и разбредались, кто по проходам вглубь трущоб, а кто по мраморным домам. Они заходили и выходили в эти дома, не задерживаясь, чтобы после либо пойти обратно, наперекор всей толпе, либо слиться с ней.

Имея немного времени в запасе, Александр чувствовал разгоравшийся зов любопытства, особенно учитывая, что он сам стоял, оперевшись как раз на угол такого здания. Немного отойдя от него, он окинул его взглядом, пытаясь найти вывески и опознавательные знаки. Ничего такого. Обычный изношенный мраморный дом. Широкий, двухэтажный, с небольшой башенкой и плющом, облепившим угол. Ему следовало бы располагаться за стеной, в Дюране, пусть и в его самых злчных уголках. Вся эта мраморная аллея совершенно не вписывалась в прочий хаос этого места. И это интриговало ещё больше. Он был не в силах больше терпеть.

Но с главной улицы входов не наблюдалось. Тем не менее несколько человек, направлявшиеся, очевидно, в это же здание, уверенно вошли во внутренний двор, пройдя по узкому переулку между домами. Александр последовал за ними. Здесь, на удивление, было достаточно просторно и чисто, а посреди двора даже кто-то пытался посадить дерево, жаль, не прижилось.

Засмотревшись на дерево, продолжая идти, Александр чуть не налетел на группу идущих обратно людей. В руках у них были кирки, лопаты и железные фонари. Отойдя немного в сторону от потока людей, он обратил взгляд на тот дом, в который стремился попасть. С дворовой стороны он выглядел более плачевно: с дырами в стенах, которые были заколочены досками и залиты копотью и грязью. Однако, у порога толпились люди, что-то увлечённо обсуждая. Двери у здания не было, лишь свисающая тряпка отделяла улицу от шумного помещения. Александр уверенно направился туда.

Зайдя внутрь, он оказался в сильной давке. В тесном помещении было набито по меньшей мере человек десять. Чтобы не толкаться, он отошёл к стене. Люди здесь были зачастую немного ниже его по росту, потому он смог видеть происходящее поверх их голов, а посмотреть было на что. Комната была отгорожена от остального помещения каменной стеной до пояса, а выше железной решёткой. Посередине имелось окно и стойка, за которой девушка с толстенной косой серебряного цвета по одному выдёргивала из протянутых ей рук бумаги и внимательно их изучала. Судя по её толстому кожаному фартуку и запачканному

сажей лицу, это была помощница кузнеца или, возможно, даже сам мастер. Положив бумагу на бочку позади себя и сделав там отметку, она наколола её на здоровенное кожевническое шило. Утерев лоб предплечьем, она наклонилась, исчезая на мгновение за каменной перегородкой, чтобы затем появиться с разнообразными инструментами, которые она выкладывала на стойку.

В какой-то момент она замерла, а затем резко вырвала шило из бочки и с размаху вонзила его в стойку. Стоящий впереди человек завопил от боли и вырвал кровоточащую руку. В воздух взмыла куча проколотых бумажек.

— Это не твоё! — рявкнула она грубым голосом, перекрикивая толпу. — Ну вот, из-за вас, дебилов, все векселя разлетелись...

Пока девушка неторопливо собирала бумаги, среди людей началась давка и драка.

Александр усмехнулся и поспешил покинуть это заведение. Он вновь окинул взглядом внутренний дворик. На главной улице, всего в паре десятков шагов, люди галдящей толпой шли по своим делам, но здесь царил покой. Это были самые необычные трущобы, которые он посещал. За царящим здесь беспорядком скрывалось чёткая организованность и необычная сплочённость. И Лукреция определенно приложила к этому руку. А это было на руку уже Александру. Люберт оплёл паутиной целый город, но оказывается, он здесь не единственный паук.

В прохладный утренний воздух, наполненный топотом и гомоном бредущих куда-то людей, ворвались оглушительные фанфары. Разворошив монотонность, они заставили всех повернуться.

Триумфальные звуки рвались из большого здания, возвышающегося над складами. Насколько Александр знал законы, все арены после войны давно уже попали под запрет как символ варварства тех лет. Однако вкусы людей перековать не так легко, и во многих местах тайно, подпольно любители кровавых забав всё же находили себе пристанище. Однако здесь никто и не думал прятаться. Конечно, без привычных великим аренам прошлого огромных флагов с трезубцем и без костров из ароматного соснового дерева, но всё же эта арена стояла на главной улице, пусть и трущоб.

Александр вышел из двора мастерской и направился прямо к арене. Он остановился перед её большими отворёнными дверьми. Внутри неспешно направлялись люди, а некоторые даже восседали на диковинных паланкинах, мода на которые начала распространяться в последние годы среди знати всё сильнее вместе с укреплением торговых отношений с западными пустынными королевствами.

Александр медлил. Отвлекаясь и любопытствуя впустую, он лишь пытался отложить предстоящую работу. Раньше он рванул бы в бой немедля, стремясь оказаться в гуще битвы, с удовольствием наблюдая, как растёт его навык, опыт... и кровожадность. По плану Дэви, они должны были встретиться у главного входа, внутри арены, а после Александру предстояло выступить как одному из гладиаторов. У него не было сомнений, что он бы победил. Но теперь он не решался даже сделать шаг. Если он победит, то какой ценой?

Он опустил взгляд на руку и, скривив лицо, обнаружил, что его пальцы дрожат. Он стиснул их в кулак, чтобы унять тремор. Ему нужно держать себя в руках больше, чем когда-либо. Он обязательно найдёт объяснение тому, что с ним происходит, но сперва он должен покончить с заданием, да и с Любертом в целом. А до той поры ему лучше действовать скрытно, не ввязываясь в открытый бой. Стоящий посреди идущей мимо толпы убийца, уняв дрожь в руках, в мгновение ока испарился.

Помещение для охраны, как это обычно принято, располагалось немного в стороне, на периферии, поближе к чёрному входу и подальше от глаз щепетильной публики, и больше походило на сарай. Меж тем дверь не была надёжно заперта. Щелчки замка не разбудили спящих здесь перед сменой охранников. Хорошо. Теперь в этом подобии казармы их больше ничего не разбудит. К обеду сюда зайдёт патруль и обнаружит уснувших навек охранников, и никто не заметит, как из шкафа исчез один из их зелёных плащей вместе с кольчугой и мечом.

* * *

Как и говорил Дэви, это была самая настоящая арена: котлован для сражений с рыжим от засохшей крови песком, ступенеобразные ряды, забитые беснующейся толпой, и балконы для возвышенной знати и богачей. Воздух здесь был наполнен запахом пота и крови. Сверху помещение было укрыто тряпками, погружая это место в полумрак. Сквозь дыры в ткани пробивались лишь редкие лучи, в которых танцевала пыль.

Скрываясь под плащом охраны, Александр стал продвигаться мимо рядов, нарочито побрякивая кольчугой и попутно осматриваясь. Никто не возражал, что их толкал охранник арены. По крайней мере, никто не пытался скандалить. Внимание Александра привлекли недостижимые балконы. Там в дорогих одеждах, скрывая свои лица за вычурными масками, собрались знатные жители Дюрана, пробравшиеся в трущобы лишь ради одной цели — посмотреть, как люди убивают друг друга.

На одном из этих балконов в удобном кресле в окружении продажных и невольных женщин сейчас сидит один конкретный граф. Он наверняка не может дожидаться начала боя, ведь он поставил огромную сумму денег на своего любимчика, и кому об этом не знать лучше, как хозяину арены.

Александр задрал голову, всматриваясь в морды рассеявшихся на балконах и выискивая свою цель. На лбу у него выступил пот, ком подступал к горлу. В голове пульсировало описание искомого человека, но дыхание только учащалось. Взгляд его метался от одного богатея к другому, но наткнулся лишь на одинаковые безликие маски. Все как один спрятали свои лица, прикрываясь зловеще ухмыляющейся маской, выкрашенной в золотистый цвет. Мотнув головой, он потупил взгляд. О маскараде не было ни слова! Дэви ничего об этом не говорил! Он оперся о стену рукой, стряхнув другой со лба холодный пот. Вернув руку на лоб и проведя ей по лицу, он прикрыл рот и глубоко вздохнул.

Трубы вновь взвыли, барабаны подняли в воздух дробь, и публика затихла. Сейчас они все получают то, зачем пришли сюда. Зрители обратились в предвкушение. Удар в гонг окончательно похоронил шум толпы.

— Бой первый! — перекрикивая эхо гонга, кричал оратор. — Непробиваемый! Обвинённый в растрате! Бывший интендат! Потерявший честь, но сохранивший доспех! Встречайте! Первый боец!.. Железный воин!!!

Стены котлована были усеяны воротами со всех сторон, и одни из них стали открываться. На песок ступил полностью закованный в доспехи человек. Он ударил себя по нагрудной пластине и закричал. Толпа вторила ему. Его доспех был помят, грязен и заляпан в крови. Хотя состоявший из отдельных пластин, местами накрывающих друг друга, доспех и выглядел неказисто, Александр сразу же оценил его серьёзность и, едва увидев, нахмурился и стал в порыве любопытства выискивать слабые места, до которых нужно было ещё добраться. За спиной у бойца висел крупный щит, а в руках он держал полуторный меч. Станный выбор для пешего воина...

Александр мотнул головой. Ему некогда смотреть на бой, он должен его сорвать. Любимчик графа не должен победить. Следовать плану Дэви у Александра не было ни малейшего желания.

— Второй боец! Горячая! Смертоносная! Обворожительная! Звезда нашей арены, не нуждающаяся в представлении! Все вы здесь ради неё! Возможно! Неважно! Встречайте же На арене — Кровавая Бестия!

Оторвав взгляд от арены, Александр остановил его на зрителях, что не восседали на высоких балконах и были без охраны. Этим людям нельзя было назвать богачами, но раз уж они были здесь, бедняками их назвать тоже было нельзя. Зажиточные горожане, ремесленники, писари и прочие, что вынуждены тащить ярмо приличий и правил их безбедного круга, сейчас в экстазе сбрасывали его. В их глазах пробуждался животный азарт, они махали руками, толкались, кричали. Ждали, что сейчас произойдёт резня. Они теряли на глазах все те надменные и возвышенные аспекты жизни, которыми упивались. И вместе с этим эти небедные люди, сами создающие давку, лишались и внимания.

Александр пробежался глазами по зрителям и внимательно взглянул на будку, стоящую в дальнем конце арены, из которой надрывался парнишка-глашатай, объявляющий бойцов. Не в силах сдержать оскала, Александр отстранился от стены и направился к этой самой будке, разумеется, размяв по пути пальцы.

Представление

Пройдя сквозь давку, помятый, сгорбившийся и запыхавшийся, он приблизился к кабинке. Возле неё стоял бородатый мужик с безумным взглядом и здоровенной дубинкой на поясе, из которой торчали гвозди. Этот человек отвлекся от собственных мыслей лишь на мгновение, чтобы чиркнуть взглядом по плащу Александра, а дальше, кажется, он перестал для него существовать, как и вся арена, вероятно, тоже.

Миновав ограждения и войдя в кабинку служебного помещения, Александр почувствовал, как ему на плечо опустилась тяжёлая рука. Высокий покрытый шрамами мужик с хмурым взглядом открыл было рот, но, увидев нашивку охраны, тут же кивнул и, отступив, продолжил подпирать стену.

Помимо громилы в будке, неподалёку от здоровенной извилистой трубы, предназначенной усиливать голос, расположился на стуле возле небольшого столика тощий парень со здоровенным кадыком и веснушками по всему лицу. Он полоскал горло после надрывного ора. Увидев, что вошедший стражник не собирается уходить, он сплюнул на пол, поставил кувшин и, кашлянув, прохрипел:

— Ну, чего тебе надо?

— Меня послали... Вообще... Ну... — замялся Александр, отводя глаза в сторону, сгорбившись, потирая затылок, пытаясь походить на подручных доходяг.

— Ближе к сути, — заткнул его жестом глашатай. Александр глупо улыбнулся. Его улыбка едва не переросла в оскал.

— Наши зажавшиеся гости хотят не обычного шоу, а чтобы оба бойца проиграли.

Лицо парня скривилось в недоумении.

— Они щедро все просят, чтобы дуэль превратилась в... бойню, — Александр извлёк из-под плаща мешочек с деньгами. Ещё. И ещё один. И ещё один. Количество кошелек на столике начинало переходить все разумные пределы. После шестого мешка на пол упал и разбился глиняный кувшин, а следом и сами кошельки начали валиться со стола, а Александр всё доставал и доставал.

Двадцать три туго набитых тяжёлыми монетами кошелька предстали перед потерявшими самообладание охранником и глашатаем. Их глаза округлились, под стать монетам, а сами они немного подались вперёд.

— А это от меня, — добавил Александр и, выудив из кармана погнутый медяк, кинул его в грудь денег.

Стол не выдержал, и его тонкие ножки надломились под весом монет. Глаза парня заблестели. Громила у двери поспешил присесть на табурет у стены.

— О, и ещё, как я мог забыть... Если что, то и Дэви просил сказать, чтобы ты с этим поторопился.

— Это не по плану... — парнишка направил взгляд на бугая.

— Да к чёрту! — ответил тот, не отводя глаз от десятков мешочков. — Да и опять, Дэви, похоже, не против...

— Ну, привратники разберутся...

— Мне пора возвращаться на пост, — изобразив что-то невразумительное, наподобие оборванного и неуверенного отдавания чести, Александр махнул рукой и покинул будку. На него уже не обращали никакого внимания.

Битва была в самом разгаре. Александр сделал всё, что мог, теперь дело делали деньги, и у него выдалась свободная минута, чтобы насладиться боем со стороны.

Латник двигался, словно на пружинах, каждый его взмах был полон сил, будто он и не уставал. Под тяжёлым доспехом воин шипел и рычал, как дикий зверь в клетке.

Александр оценивающе покивал головой. Но он не мог понять, с кем он сражается, ведь представление противника он пропустил. Интересно взглянуть на эту «Кровавую Бестию», которую ещё эта махина не превратила в кровавую лужу.

Бой проходил прямо возле стены, и пока он видел лишь «Железного воина». И вот он увидел её. Брови у Александра поползли вверх. Он ожидал равную по мощи воину боевую бабищу, орудующую каким-нибудь обломком скалы или бревном. Вместо этого по рингу скакала удивительная реальность. Едва одетая девушка двигалась с поразительной скоростью и орудовала парой коротких мечей. Единственная одежда, которая на ней была, — набедренная тряпка, перевязка, стягивающая грудь, и шлем, скрывающий лицо. Вид оголённой красавицы в момент вскипятил кровь Александра.

Девушка двигалась красиво, отточено, смертоносно. Её движения были полны грациозности и скорости. Наверняка воин на арене тоже бы по достоинству оценил гладкую и загорелую кожу находящейся перед ним женщины, если бы только она не пыталась его убить.

Оба воина были мастерами своего дела и не уступали друг другу, превращая бой в настоящий танец смерти.

Наблюдая за схваткой, Александр заметил, как настроение его начинает портиться. Выходя из кабинки, он был доволен собой: ещё бы, он выполнил поручение, всего лишь обокрав отвлечённых зевак. Его задача выполнена. Но теперь он смотрит на арену и видит, как девушка выжимает из себя поразительные возможности. Одно неверное движение — и она погибнет, но это её не останавливало.

Она укорачивалась и заходила за спину, а её клинки лязгали и плевались искрами, раз за разом вгрызаясь в прочный доспех. Воин же отгонял её взмахами меча, каждый из которых мог оказаться для неё фатальным, но пока она избегала смерти, проскальзывая под клинком, отскакивая и отводя его в сторону собственным оружием. Её кожа блестела от пота, мускулы были напряжены. Несмотря на то что её лицо было закрыто шлемом, и ей, очевидно, было сложнее дышать, её соперник уже выдохся. Его броня представляла из себя жалкое зрелище и вот-вот готова была развалиться. И хоть она и была всего лишь покрыта царапинами и несерьёзными вмятинами, следы от мечей вели к стыкам доспехов, к спрятанным застёжкам и ремням. Александр отчётливо видел эти нюансы и, потирая подбородок, одобрительно кивал.

С бронированными противниками всегда была сплошная головная боль. Весьма проблематично выстоять против их напора, подкреплённого определенной долей неуязвимости. Но если пережить этот этап, то затем одоспешанный враг выдохнется быстрее и можно попытаться просунуть кинжал в стык его лат. Шея была бы великолепной целью, но бедро и плечо тоже могли гарантировать победу. Хотя намного лучше было бы просто убежать. У этой девушки такой возможности не было. Как и шанса поразить уязвимое место доспеха, ведь они бились на равных. Так могло показаться, но правда была в том, что Бестия уже победила.

Наблюдая за этим боем пристально, с пристрастием оценивая каждый взмах меча, будто это кисть художника, Александр остался поражён в самое сердце.

Мысль, что можно попытаться разрезать ремни и заставить врага сбросить панцирь, Александру в голову не приходила. Точнее говоря, не приходило мысли о том, что это возможно и оправданно в открытом бою. Он не поверил своим глазам, когда воин в возникшей паузе после очередного разрыва дистанции девушкой как бы невзначай поиграл плечами. Он, конечно, хотел, чтобы это выглядело как бахвальство, разминка, но на самом деле его наплечник уже едва держался, если не сказать болтался.

Достаточно одного сильного удара — и его шея в момент оголится, как у варёного рака. А значит, следующий после этого выпад станет для него роковым.

Александр всегда испытывал глубокое уважение к мастерам боя: наёмникам, солдатам, но в особенности к гладиаторам, тем более после того, как ему самому довелось побывать на одной из этих рыжих песчаных арен. Сейчас же уважение смешивалось с восхищением этой девушкой, и мысль о её возможной смерти камнем легла на его душу.

Проклятие, да он впервые по-настоящему болеет за бойца на арене!

Меж тем воин прекрасно понимал своё положение, хоть и специально не подавал вида. Гладиаторы двигались по кругу в полушаге от дистанции выпада. Воин так и не прикоснулся к щиту, оставив его на своей спине. Держа полуторник двумя руками, а колени полусогнутыми, он вдруг изменил траекторию, направившись навстречу девушке, ожидая сбить её с ритма, но она была непоколебима. В этом манёвре она узрела возможность для атаки. Рванув вперёд, она не скрывала, что метит в наплечник. Воин, не готовый к такому резкому нападению, который больше свойственен животному, цепляющемуся за мельчайший просвет и ошибку, попытался ударить эфесом, но понимал, что не успеет.

Полуторный меч упал на песок, пустая рука без оружия рванула к девушке. Его перчатка сомкнула воздух с громким лязгом, который толпа встретила разочарованными возгласами. Это был его последний шанс, он не успеет поднять оружие.

— Настало время оживить бой! — раздался крик глашатая, и одна из решёток где-то под Александром заскрежетала. Заскрежетало и у него на сердце. — Ого! Самое время обострить ситуацию, как вы того и хотели! Нежданный гость! Вольный наёмник в поисках славы! Встречайте! Браконьер!

На арену под скрип решётки и людской гул вальяжно вышел молодой парень с луком. Толпа взорвалась криками, а он же самодовольно помахал всем рукой. Латник и девушка не остановили свой бой, ведь стоило отвлечься одному, как другой тут же бы прикончил его, но нападать никто из них не решался.

Лучник это понимал лучше всех. Воздух пронзил визг стрелы.

Девушка едва успела отскочить, но её тут же её протаранил плечом сорвавшийся с места воин. Ему были не страшны стрелы, и он знал, в кого станет стрелять лучник. Он был готов и обрушил на неё вес стальных доспехов.

Девушка застонала, Александр стиснул зубы.

Не давая уйти, воин схватил её за руки и, скрутив, поднял её в воздух. Арена наполнилась криками зрителей, но Александр не слышал их. Он провалился в раздумья, но разум его был пуст. Девушка извивалась, била ногами, пыталась вырваться из стальной хватки, но смогла лишь сбить наплечник, а в остальном железный доспех сводил на нет все её старания. Лучник тем временем вскинул руки, подогревая толпу, и стал неторопливо вкладывать следующую стрелу, попутно обходя арену по её краю, чтобы занять лучшее место для выстрела.

Александр чувствовал, как тяжело забилося его сердце. Он своими собственными

руками создал ситуацию, в которой эту поразительную воительницу застрелят, как трофейного зверя. Но даже если бы он сам вышел на арену, как того хотел Дэви, им бы пришлось сойтись в бою. Так или иначе ей предстояло умереть. Это было неизбежным и единственным логичным исходом.

Но он не мог остаться в стороне.

Сделав шаг, он спрыгнул на арену, коснувшись земли, перекатился и подскочил прямо к оказавшемуся рядом лучнику. Заметив его, тот на мгновение замешкался. Убийце хватило этого момента.

Александр схватился за лук и дёрнул его в сторону. В этот момент тетива вздрогнула, и стрела устремилась в кого-то из зрителей. Лучник не успел даже опустить руку на кинжал, как его же лук вонзился ему в подбородок. Рука, мгновение назад тянувшаяся к кинжалу, тут же переметнулась к окровавленному горлу, а следом за ней к горлу лучника метнулась и чужая рука, сжимающая меч.

Раздался хруст и чавканье, глаза лучника блеснули и помутнели, он стал заваливаться назад. Меч застрял в его шее, и Александр даже не попытался его вырвать. Он со всех ног рванул к девушке. Вся арена погрузилась в тишину. Никто не понимал, что именно происходит, и в первую очередь Александр. С каждым шагом в нём пробуждался огонь. Что дальше? Каков его план? Когда он потеряет над собой контроль? Все эти и другие похожие мысли вспыхивали, как искры, и тут же гасли, оставляя в нём лишь пылающее стремление. Его не волновал план, плевать, что будет дальше! Сейчас он сделает то, что хочет и считает должным! Он приблизился к гладиаторам.

Чувствуя заминку, воин начинал терять терпение, а девушка всё больше грозила вырваться. Не дождавшись лучника, воин взвыл, поднял девушку заломом ещё выше, отчего та закричала, и что было сил швырнул её на землю. Именно в этот момент Александр оказался рядом.

Его действия были точны и быстры. На ходу сорвав с себя плащ, он раскинул его навстречу падающей девушке. Она была брошена с такой силой, что едва коснувшись рук Александра, как того пошатнуло, оторвав ногу от земли. Его руки готовы были оторваться, дыхание сбилось, но он, не дыша, нашёл в себе силы не упасть. Удержаться. Извернувшись, он опустил ногу, переступил на неё, перенося вес, он закружил девушку в пируэте, запутывая смертельно опасного бойца в плаще. Вместе с тем он выхватил с ноги кинжал и, закончив оборот и встретившись лицом к лицу с гладиатором в доспехах, с размаху вогнал тому кинжал в плечо. Острие скользнуло по вмятине, глубоко войдя в стык. Воин взвыл и сперва упал на колени, а после того, как его в лицо ударило колено Александра, и вовсе рухнул на спину.

Сам Александр всё же потерял равновесие и начал падать, вместе с девушкой. Рефлекторно прижав её к себе, успел опуститься на колени, чтобы не упасть. Он оказался с ней лицом к лицу.

Он чувствовал, как кружится голова, как жгут лёгкие и мышцы. Он упивался своим вмешательством, своей победой. Ему не хотелось останавливаться, он хотел убивать больше! Изящней! Быстрее! Кровь кипела, туманя взор, жажда битвы поглощала его. Но вместе с тем он чувствовал жар, исходящий от её загорелой кожи. Редкие шрамы на теле её не уродовали, а придавали некую изысканность, но лицо девушки всё же было скрыто шлемом. Быть может, он сможет унять пожирающее его безумие, сумеет отвлечься?

Одним движением он сорвал с неё шлем-маску и впился в её губы поцелуем.

— Вот это да! Незнакомец, скрываясь под плащом охраны, вмешался в поединок и вышел победителем! — надрываясь, ликовал оратор. — Вы ведь этого ждали, не правда ли? Самая необычная развязка!

Толпа, впрочем, не разделяла его мнение, ведь большинство здесь сделали ставки. Потихоньку шок зрителей начал сменяться неистовством, и они принялись выть и орать. Александра это не волновало, огонь внутри него рвался наружу. В чувство его привёл только появившийся во рту вкус крови.

Он открыл глаза. Девушка смотрела на него глазами, полными ненависти, а её зубы впились в его губу до крови. Недолго думая, Александр тоже вцепился ей в губу. На мгновение девушка вздрогнула, будто от возмущения, и уже собиралась, подобно дикому зверю, по-настоящему вгрызться в него зубами, как Александр отпустил её, и она, запутанная в длинный плащ, опустилась на песок.

Отойдя от девушки, полной желания распутаться и убить его, Александр, наконец, вынужден был оценить ситуацию.

Лучник мёртв. Девушка обезврежена. Воин также не может продолжать бой.

Кто бы ни ставил на этот бой, как и объявил глашатай, сам того не подозревая, — проиграли все. Ощущая нависшую опасность, Александр инстинктивно отступил на шаг назад и осмотрелся. Когда-то он уже видел толпу людей, которые смотрели на него с такой жгучей ненавистью. Каждый из них хотел лично его убить, желательно под пытками. Навевало воспоминания.

— Стража! Взять самозванца! — взревел знакомый голос, перекрывающий разбушевавшуюся толпу. Это был разъярённый больше всех остальных хозяин арены.

Абсолютно все решётки на арене поднялись, но никто не спешил из них появиться. Об этом Александр позаботился заранее, на всякий случай.

Предусмотрительностью он выкроил себе у смерти несколько минут, оставалось лишь кинуться в любой из открывшихся путей и рухнуть в обманчивые когти удачи... В любом случае, он не собирался умирать посреди арены, растерзанный толпой.

Помощь ему в этот момент могла прийти только сверху. И она пришла. С одного из балконов, нависшего прямо над ареной, сбросили канат. Спасительная верёвка неслась к песку, и Александр, подгоняемый желанием выжить, мчался ей навстречу.

Меж тем в коридорах арены всё же нашлась ещё стража, которая рванула прямо к нему. Они настигали его, и, уже почти коснувшись каната, он упал. Что-то схватило его за обувь. Песок закрипел на зубах, его единственный шанс начинали сматывать.

Зарывав, Александр всё же ухватился рукой за канат и вцепился в него даже зубами. Скрип кожи и верёвки слились в один-единственный звук надежды. Вместе с тем он чувствовал, как его ногу начинает затягивать под песок. Что было сил он стал бить ногой сапог, пытаясь освободиться, невзирая на содранную кожу и приближающихся стражников. Они были уже близко, когда повидавший многое сапог не пережил такого обращения и буквально развалился на части. Тут же канат с хлопком натянулся, и его стали стремительно поднимать. Подоспевшим стражникам только и оставалось, что задрать головы, изрыгать проклятия и бессильно взмахивать оружием.

Пускай его тянут вверх хоть в западню, хоть в самую преисподнюю — всё лучше, чем быть разорванным толпой. С зажавшимся графом и парой его доверенных лиц он уж как-нибудь разберётся.

Пролетая мимо этажей, полных людей, которые потратили кучу денег, Александр не

удержался и, отпустив одну руку, показал им неприличный жест. Некоторые из людей стали орать и трястись от такой наглости, едва не лопааясь.

Канат тащил его наверх, в балкон знати.

План Дэви

Александр уже готовился сражаться за свою жизнь до последнего со «спасителем», который решил лично убить его за его выходку на арене, но, когда верёвка поднялась наверх, вся его готовность растворилась. Он увидел знакомое лицо.

— Люберт?!

— Ха-ха! Не надо имён! — сказал он, затягивая Александра на свой балкон.

Лицо Люберта не было закрыто маской, хотя эти мерзкие усики и следовало бы скрыть и вне арены. Впрочем, увидеть Люберта снизу не представлялось возможным. Но Люберт видел всё: половина его балкона, который снизу выглядел самым обычным, оказалась прозрачной.

— Когда я передавал указание «сорвать бой», я и думать не смел, что ты всё обернёшь так! — не имея больше сил сдерживаться, Люберт расхохотался, обхватив руками трясущийся живот.

К Александру приблизились слуги в строгих одеяниях. Они проводили его вглубь балкона, к мягким креслам, а на его место поставили какого-то связанного человека с мешком на голове. Он был одет в то же самое, что и Александр. Даже сапога на ноге не хватало.

— Разве ты не проиграл крупную сумму, как и все? Ведь такой исход, по твоим словам, не мог предположить даже ты. В конечном счёте деньги лишь инструмент, подчас даже мусор! Само это зрелище, — Люберт, вытирая слёзы, обвёл руками арену, наполненную расвирепевшими зрителями, — бесценно! Но это ещё не конец шоу!

На Александра сзади накинули чёрный плащ и усадили в мягкое кресло. Люберт же подошёл к краю балкона вместе с пленником.

— Вот он, герой дня! — крикнул Люберт, срывая с него мешок. Внизу все притихли. Сотни голодных глаз уставились на бедолагу. — Если вы так его полюбили, спускаю его вам, друзья! — сказал Люберт и хлопнул связанного человека по спине.

Перевалившись через перегородку, пленник закричал.

Он кричал, пока падал вниз.

Он кричал, когда упал и не разбился насмерть. Его схватила жаждущая расправы толпа. И когда толпа приступила к расправе, он уже не кричал. Он издавал столь ужасные вопли, что у Александра кровь стыла в жилах. Он просто не мог выдержать этого зрелища. Человек, привыкший резать плетки и смотреть в лицо смерти, не выдержал того, как толпа разрывает человека, как бедняки кусок хлеба. Он перевёл взгляд на Люберта. Тот неотрывно наблюдал за происходящим. Его глаза сверкали, он упивался зрелищем.

* * *

Вчера, перед тем как Александр вмешался в исход боя, они с Дэви обсуждали сложный план, в котором ему отводилась не последняя роль.

Солнца уже улеглись за горизонт, и последние гуляки спешили по домам. На полу валялась уже не одна кружка, тарелки опустели и даже кости были обглоданы, а Дэви всё продолжал посвящать убийцу в свой хитроумный и витиеватый план.

— Всё, что тебе надо сделать, — сорвать бой. Плевать как. Этот бой заказной, и если

хоть что-то пойдёт не так, — Дэви ударил кружкой по столу, — граф будет взбешён!

Сейчас же граф стоял и смотрел на то, как толпа сдирает плоть и ломает кости уже бездыханного тела. Он потерял деньги. Он потерял возможность отомстить — виновник уже мёртв, и даже над трупом глумиться уже поздно.

— Вы опечалены, мой граф? — спросила одна из рабынь и тут же получила пощёчину.

— Опечален ли я? Опечален?! Я поставил на каждого из бойцов по состоянию! — он вновь ударил рабыню. — ОПЕЧАЛЕН?! ДА Я ВЗБЕШЕН!

— ...Он тут же покинет арену и, по обыкновению, помчится в карете по заготовленной для него улице, с которой, как обычно, его охрана уберёт весь мусор. Тот, что лежит, и тот, который ходит, — Дэви посмеялся в себя, закрыв глаза. — Там его будет ждать неприятный сюрприз.

Граф выглянул из своей кареты, и его глаза наполнились кровью.

Дорога была завалена. Один из домов рухнул набок и изрыгнул из себя всё содержимое. Стражники графа отчаянно, сбивая руки в кровь, расчищали завал, но до его приезда они не успели.

— ЭТОТ ДЕНЬ ПРОКЛЯТ! — завопил граф и разразился потоком брани. — А ВАС ЧТОБ БОЛЬШЕ НЕ ВИДЕЛ! Я в ваших проклятых услугах не нуждаюсь! Вы ни на что и способны! НИ НА ЧТО!!! — брызгал слюной граф.

— Тогда ему придётся свернуть на другую улицу, — Дэви прочертил пальцем линию на столе. — Не подготовленную к приезду его сиятельства и переполненную «мусором». Нарываясь на кочки и ожидая, пока неторопливая толпа расступится... Ах... Избалованный граф не выдержит таких неудобств, и его нездоровый рассудок будет подорван окончательно!

Граф, ругаясь на каждой кочке, избивал одного раба за другим, пока его карета тащилась сквозь тесные улочки.

— И возвратившись в усадьбу, за которой должны следить днём и ночью, он явно не будет ожидать, что на пороге из самого дорогого дерева попросту вступит в кучу самого тривиального свежего дерьма! Он тут же, в своей вспльчивой манере, прогонит всю свою стражу, не способную обеспечить безопасность своего господина и его отдыха, и даже чистоты его порога! А утром должны будут прийти отобранные дворецким люди...

Граф испуганно положил дрожащую руку на меч. Дверь его имения сотрясалась от ударов тарана.

— Но утра граф уже не увидит.

— Охрана! ОХРАНА! — вопил граф.

— Господин, вы распустили всех до единого, да и мне пора. Приятного вечера, — дворецкий учтиво поклонился, неторопливо подошёл к золотому канделябру и, вырвав его из стены, зажал под мышкой и неспешно удалился.

Граф не успел вновь выругаться. Двери его имения распахнулись от ударов. Внутрь ворвались грабители.

Граф так и не обнажил клинок.

— И когда всё это подойдёт к концу, — в таверне уже оставалось мало посетителей, вечерело, стол не вмещал выпитых кружек, и те уже ставились друг на друга, формируя пирамидку, но у Дэви не было и признака опьянения, — ты получишь мешок с золотом и пойдёшь, куда пожелаешь. Хоть в высший город, хоть к самому чёрту.

— Мне не нравится этот план, — сказал Александр. — Мне нужно знать больше. Что

это вообще за граф?

— Ох, это нас не касается. По правде говоря, я даже не уверен, что это вообще граф!

Доля Александра

Граф был мёртв, и теперь начиналась самая приятная и опасная часть плана — грабёж и делёжка. Но безумные крики и волна вандализма прекратились, как только в дверях показался подручный Люберта.

Наклонившийся, чтобы протиснуться в дверной проем, детина с чёрной как смоль кожей. Огромный нос, пухлые губищи и ручищи этого человека были исполосованы грубыми, рваными шрамами. На груди у него болтался знакомый медальон — золотая раковина. В общем, он сразу привлёк к себе внимание. Его же внимание привлекла обыденная поножовщина, естественно, возникшая между парой разбойников за особо привлекательную тарелку. Взгляд одного-единственного целого глаза обринулся на них.

— Отставить потасовку! — рявкнул он и немедля сорвал с пояса два мешочка и швырнул их в сцепившихся противников.

Не сказать, что мешочки были большие, но стоило им врезаться в разбойников, как раздался звон, оханье, и оба повалились на землю, как подкошенные.

Чернокожий громила задышал часто и тяжело. Выпучив глаз, он окинул им остальных собравшихся.

— Доли разделены и готовы к выдаче, так что никаких разборок, пока я здесь! Салаги! Стройся по одному, и так же заходить! — гулкий, слегка гнусавый голос достиг всех без исключения ушей. Разномастный сброд послушно, не без ругани, конечно, но стал сбиваться в линию, не переставая при этом угрожать друг другу и пытаться влезть вперёд очереди. Но в присутствии помощника Люберта ничего серьёзней больше не случилось, и он, поднявшись по лестнице, удалился в комнату, бывшую для графа одним из кабинетов. Наёмники заходили туда по одному. Настала очередь Александра.

Он зашёл внутрь. За столом сидел одноглазый исполин. Было забавно смотреть, как грозный бугай, бушевавший ещё некоторое время назад, которому удалось приструнить отъявленных головорезов, корпел над журналом, ведя учёт. Позади него в десятках наваленных друг на друга мешков и сундуков сияло в тусклом свете свечей золото.

Александр захлопнул за собой дверь. Одноглазый поднял взгляд.

— Это твоя доля, — протянул он мешок с золотом. Александр взялся за мешок, но поднять его не сумел. Одноглазый всё ещё держал его.

— Скажи-ка, Ал, а Бестия действительно так горяча, как говорят?

— Обжигаете, — процедил сквозь зубы Александр и вырвал из рук одноглазого свои деньги. Прокушенная губа заныла, то ли от боли, то ли от неутолимого желания снова прильнуть к телу той смертоносной и грациозной женщины.

Одноглазый рассмеялся. В его единственном глазу сверкала зависть.

— Ответь-ка, дружище... — Александр подбросил мешочек с золотом, прицениваясь. — Раз уж мы разговорились. Ты откуда такой будешь?

— Ты о моей коже? — улыбнулся во всю ширину большого рта чернокожий и, приподняв руку, напряг мышцы и сделал жест, будто выпустил когти. — Разрази меня дьявол, согласись, шкура прям как у пантеры! Родом я из...

Александр отмахнулся свободной рукой.

— Твой говор. Ты, определенно, военный, но что-то в нём мне не знакомо...

— Ах, это, — рассмеялся громила и гордо выпятил грудь. — Я моряк!

— Вот оно что, — Александр подбросил и поймал свой мешочек. — Но зачем вообще лезть в воду, кишашую тварями, что обдирают кожу до костей и крушат хлипкие лодки.

— Да... — протянул моряк. — Сухопутным не понять, — на лице его появилась снисходительная улыбка. — Не трать время попусту, проваливай уже, — сказал здоровяк и поставил крестик в журнале. — На прощание я должен сказать: часть твоего гонорара была изъята и положена на депозит в наш банк. Ты всегда можешь забрать остаток и проценты, когда в следующий раз будешь с нами работать... А теперь вали!

Крепко держа свои мешочки с драгоценной добычей, убираясь из поместья, разбойники всё же не стеснялись срывать со стен картины и даже выдирать из пола доски. Гогоча и треплясь обо всём подряд, они двинулись из усадьбы.

Сердце Александра колотилось размеренно и мощно. Он не пошёл со всеми. Незамеченным, он скрылся в глубинах особняка, насколько вообще может незаметно скрыться человек с мешком чистого золота.

Побродив по богатому имению «графа», он вышел на балкон. Покойный граф определенно имел вкус, как в архитектуре, так же, наверное, и в вине, которое Александр стянул из буфета по пути. Балкон был выложен гладкой белой плиткой, весь обвит плющом, а в углу расположился небольшой столик и плетёное кресло. Он рухнул в него и поднял бутылку вина на просвет луны. Подозрительно багровое. Александр взболтнул напиток, склонил голову набок, рука беззвучно вынула кинжал.

Если бы Александр организовывал налёт, он бы позаботился, чтоб ни одна монетка не попала в чужой карман. Именно поэтому он так опасался Люберта и всей этой авантюры, он ожидал в конце битву не только за поместье, но и за собственную жизнь. Хоть Александр жил на широкую ногу и не считал деньги, что он крадёт, предпочитая расплачиваться целыми кошельками, даже такой безграмотный бродяга, как он, знал, что золотые монеты под запретом и что они в ходу исключительно между знатью. Этого маленького мешочка обычному бродяге хватит на всю оставшуюся жизнь.

Потому он стоял, застыв с оружием в руке, готовый ко всему. Подождав ещё, сжимая кинжал крепче, чем было необходимо, он всё же вынул им пробку. По балкону тут же разнеслись ароматы томатов и спирта. Попивая прямо из бутылки в кресле, с балкона он смотрел, как золото в мешках разбредается во все стороны. Ему становилось не по себе. Томатное вино, конечно, имело специфический вкус, но ему было сейчас не до него. Ему было бы спокойней, если б прямо сейчас к его горлу приставили нож. Но он был один, никто не подкрадывался сзади, не выцеливал его из лука, а поток людей заканчивался.

Руки поникли, бутылка звякнула о каменный пол. Он растёкся в кресле, задрал голову вверх. Прямо над ним, нависая над особняком, в ночное небо устремлялась стена.

Граф, судя по всему, использовал этот дом как перевалочный пункт. Отсюда легко попасть из Дюрана в трущобы незаметно, а потом смыть с себя усталость и грязь на пути назад. Поместье было отлично замаскировано. С балкона было прекрасно видно, что здания, укрывающие двор особняка от трущоб, были фальшивыми и плоскими. С той стороны эти дома выглядели так отвратно, что даже местные уроды побрезговали бы приближаться к ним. Изнутри же они были расписаны дорогими красками, повествуя о великих деяниях графа. Скорее всего, выдуманных.

Александр вспоминал свои приключения, те, что не причиняли ему боль. И ни в один миг, даже в самый тёмный час, он не чувствовал себя так паршиво. Не способный больше усидеть на месте, он встал. Подошёл к ограждению балкона и взглянул вниз.

План, так элегантно слепленный Дэви, трещал по швам. Люберт могущественный человек. Его знают и уважают. Его боятся. Он может заткнуть рот любому, но не опускается до этого — за него всё это делают деньги и их слуги. Такие состояния не зарабатываются грабежом поместий, такие деньги можно получить, только запуская руку по локоть в казну города. Ему незачем опускаться до банального грабежа.

«Так зачем ты всё это затеял, толстяк?» — подумал Александр и развернулся. Его взгляд упирался в бескрайнюю стену, которая отрезала трущобы от всего остального мира, оставляя своим обитателям лишь отбросы и ненависть.

Вихрь его воспоминаний пронёсся мимо недавних событий. Он вспомнил слова Люберта, оброненные на арене: «Деньги — мусор, а это зрелище бесценно».

И тут руки убийцы покрылись мурашками. «Кто-то хочет спалить муравейник», — вспомнил он слова Яна.

Какое зрелище может быть бесценней, чем зверства обезумевшей толпы? Зверства обезумевшего города! Достаточно лишь, чтобы стена, разделившая людей, пала. Достаточно всего лишь пробить в ней брешь, и когда трущобы вспыхнут в пламени, то стоит лишь пустить слух, что это всё дело рук зазнавшихся жителей столицы, и тогда та самая брешь станет мостом над рекой смерти, что унесёт сонмы душ прямо в ад. У Александра закружилась голова. Перед его глазами отдельные нити сплетались в общую картину. Ужасная резня меж двумя мирами, которые едины лишь в ненависти друг к другу.

Ему удалось расплести ловушку паука! Весь план Люберта предстал перед ним как на ладони! Осталось лишь вырваться из этого города — и он сохранит не только свою жизнь, но и полученные деньги. А город пускай хоть на воздух взлетит! Теперь в этой игре он на шаг ближе. Он готов был прокатить над трущобами, укрытыми утренними сумерками, свой раскатистый, залиvistый смех, но с его губ сорвался лишь тщедушный смешок.

Он облокотился о поручни и попытался улыбнуться, но не смог. На шаг ближе куда?

Александр повернул голову набок, устремляя взгляд за океан. Он мог бы успеть уйти, остепениться, зажить, как в самых алчных мечтах. Но он не хотел.

Что-то в нём изменилось. Будто часть его самого пропала без следа.

Не раз рискуя жизнью, он кидался в объятия опасности и смерти, оставаясь стоять на ногах, пусть и истекая кровью, но лишь затем, чтобы двигаться вперёд. Не желая признаться себе в том, что ведут его не желания, а только лишь страх. Страх перед прошлым, перед будущим, перед самим собой. Намного проще потакать сиюминутным интересам и желаниям, не поднимая взгляда от грязи под ногами, чем встретиться глазами с горизонтом и слепящим из-за него восходящим солнцем. Ослепительная дорога, от которой, зажмурив глаза, остаётся лишь отвернуться, оставив себе только боль.

Он не заметил, как достал письмо, и сейчас оно было сжато у него в руке. Александр опустил на него взгляд и вздохнул. Он не раз отрекался от прошлого, убеждая себя в том, что ему незачем в него возвращаться. Но вместе с этим он равнозначно боялся взглянуть ему прямо в глаза и столкнуться с давно, как ему казалось, зарытыми и забытыми горем, обидой и ошибками.

Будто часть его самого пропала без следа... А может, наоборот, вернулась?

Он выдохнул.

Пальцы выпустили письмо.

Шипы прошлой жизни

С тех пор как проклятое письмо перестало быть его путеводной звездой, с каждым мгновением ему становилось лучше. Это оказалось сложнее, чем он представлял, особенно если учесть, что он сам себя уверял в том, что расстался с этим пять лет назад. Но он продолжал носить при себе эту бумажку. В сознании вновь вспыхнул преследовавший его образ. Дерево висельников, ускользающее письмо и кошмарная лоза, которая обвивает его и утаскивает в лоно ужаса. Это редкое растение овеяно и окутано разными мифами и слухами. Но среди прочих ядовитых трав у неё было ещё одно малоизвестное свойство. Те немногие, что переживали оплетение, теряли память...

В мире, где столько удивительных вещей, легко можно счесть, что твоя боль вызвана проклятием, ядом, родовой болячкой, плохим воспитанием, неудачной компанией или вовсе внутренними демонами. Признать ту тривиальную вещь, что от этих воспоминаний идёт кругом голова и сердце оказывается сдавленным в жестоких тисках эмоций только лишь потому, что как бы ты себя ни заверял, но это имеет для тебя значение, кажется подчас невозможным. Александр сперва даже хотел думать, что Люберт всё-таки послал убийц. Но нет. Эта боль была намного сильнее, чем от удара дубины по голове, и даже пронзённое стрелой сердце никогда не испытает тех мучений, как напоминание о совершённых неисправимых ошибках.

Вздыхнув полной грудью, Александр вдруг рассмеялся, чисто и звонко. На мгновение в его голове вдруг исчезла пульсирующая боль, с которой он успел породниться за пять последних лет и даже не замечал её. Он даже успел блаженно вздохнуть, наконец-то этот валун свалился с его души. Но следом за этим на поверхность всплыло то, что этот валун придавливал.

Он ничего не забывал.

Угли

Огонь плясал в глазах мальчишки, но лицо его искажил ужас. Языки пламени пожирали родной дом. Огонь охватил всё, полыхала даже крыша и стены. Этой тёмной ночью было необычайно ярко, искры стремились в небеса, древесина чернела и трещала.

Сквозь треск пожара раздался крик. Дымящийся мужчина вывалился из огненного плена. На нём не осталось волос, вся одежда истлела, а руки, которыми он закрывал лицо, обуглились. Но стихия не позволила ему сбежать. Стоны разваливающегося дома заглушили крик мужчины. Прямо над его головой лопнуло бревно. Слетев с крыши, оно разбило человеку голову, и тот упал на траву, забрызгав пепел своей кровью.

Таким мальчишка запомнил своего отца.

Эта ужасная ночь осталась позади. Как давно он остался один, мальчишка не помнил, но прекрасно помнил тот момент, который отнял у него жизнь и продолжал теперь красть сны, оживая в кошмарах. Всё это время он жил в сарае: это было единственное, что не забрал у него огонь. Стиснув покрепче волчьи шкуры, ребёнок уже не мог плакать, он лишь пялился в пустоту, изредка вздрагивая и не желая засыпать, не желая переживать всё это вновь.

В дверь постучали.

— Кто там? — парень давно не говорил, и голос его охрип.

— Твой сосед! — отозвался гость. Не дожидаясь приглашения, он отворил дверь небольшого сарая, в который едва поместился. Ударившись головой об потолок, он охнул. Осмотревшись, он сел на коробки перед мальчишкой и потёр ушиб.

— Печально всё это... — начал гость. — Ещё более печально, что твои родители... мда. Отец сгорел заживо, а мать никто так и не нашёл. Наверное, это даже к лучшему, могло ведь стать и хуже...

Мальчишка смотрел на него и ничего не говорил.

— Но ты не отчаивайся! Жизнь продолжается, впереди у тебя ещё столько дел! У-у-у-х! — гость взмахнул перед собой рукой и улыбнулся. Ни одна мышца на лице ребёнка не двинулась. — Кто знает, может, ты станешь великим кузнецом или храбрым рыцарем, и тебя заметит сам король?! А пока поговорим о делах текущих, — гость встал, едва не ударившись головой снова. — Видишь ли, твой родитель, покойся он с миром, задолжал мне. И как мы оба знаем, вернуть свой должок он, увы, уже не сможет. Именно поэтому я здесь.

— Чего ты хочешь?

— Дай-ка подумать, — гость почесал подбородок. — Да всё! Если не хочешь, чтобы о грязных делишках твоего папаши узнал весь белый свет, выметайся и не возвращайся на МОЮ землю!

— Куда же я пойду?

— А вот это, щенок, меня совершенно не волнует.

Пшеничный эль

Вдоль шумящего колосьями пшеничного поля шла дорога. По этой дороге каждый день именно в это время, когда солнца опускаются к горизонту, проходит обоз. Сегодня его не предвиделось. Вместо обоза в лучах заходящих светил двигались двое всадников, на крупы их лошадей были взвалены мешки.

Небритые хмурые всадники устали и совсем не обрадовались, когда дорогу на узкий мост через овраг им преградил грязный мальчишка, развалившийся прямо на дороге.

Копыта лошади опустились рядом с головой ребёнка, но дальше животное идти отказывалось. Выругавшись, всадник хлестнул коня кнутом. Но вместо того чтобы пройтись по ребёнку, конь встал на дыбы, и уставший мужчина выпал из седла.

Позади раздалось ржание второго всадника.

Скрипя зубами и потирая ушибленную спину, всадник направился к мальчишке. Ребёнок был слаб. Он явно не ел несколько дней. Всадник осмотрел его одежду. Достойного ночлега у парня тоже не было.

— Поднимайся! — Нога врезалась в плечо парня, и тот перевернулся на спину. Его лицо было бесстрастным, на нём запеклась кровь. — Брысь отсюда, кому говорят! — всадник толкнул мальчишку ногой в рёбра, но тот продолжал лежать, не шевелясь.

— А не подох ли он? — наклонился вперёд второй всадник.

— Нет, он, конечно, смердит, но пока не помер, — последовал новый удар ногой, на этот раз сильнее. — Но явно торопится на тот свет!

— Мда, Виль... Бить умирающих — понимаю. Бить детей — поддерживаю. Но бить умирающих детей? — изо рта всадника вырвался смешок. — Ты падаешь всё глубже, Вильверет!

Нога Вильверета взлетела высоко и сокрушительно обрушилась на дорогу. Поднялось

облако пыли, путник закашлял.

— Нет, вы поглядите! Разбойник другому разбойнику втирает про высоты морали!

— Говоря о тебе, скорее бездна, — второй всадник почесал подбородок и нахмурил лоб. — Козлина ты безбородая, вот что.

Несмотря на обидные слова, Вильверет расхохотался. Наклонившись, он схватил ребёнка за шиворот и потащил с дороги. Опустив его на кочку, он разогнул спину. Та захрустела. Охнув, он взглянул на парнишку.

«Совсем ему дерьмово, видать...» — вздохнув, разбойник снял с пояса флягу с водой, сорвал с неё крышку и плеснул на ребёнка.

— Батюшки! — не унимался второй всадник. — Вильверет благословенный, защитник жаждущих детишек. Смотрите все! — поднявшись в стремянах, всадник стал кричать во все стороны. — Плешивый воду разбазаривает!

— Чтоб ты сдох, Френсис, — Вильверет провёл рукой по редующим волосам и нахмурился сильнее прежнего.

Тем временем парень очнулся. Безжизненные прежде глаза широко распахнулись, рот стал жадно хватать воздух. Парень вцепился рукой в грязную рубаху в области лёгких.

— Благодарю! — уже отвернувшись, Вильверет швырнул мальчишке флягу. Звякнув о камень, она упала в траву, и вода тонкой струйкой зажурчала. Журчала недолго.словно голодная собака, парень бросился на флягу и присосался к её узкому горлышку.

— Смотрю я на такие вот кошмары, — указал на обезумевшего парня ленивым движением разбойник, — и задумываюсь. А вдруг у нас война идёт? А мы и не знаем.

— С чего вдруг такие мысли?

— Да где это видано, чтоб детишки шастали по полям, припекались да на дорогах дошли.

— Ты и сам, кажется, знатно припёкся. Оглянись! — Вильверет окинул руками поле и лес. — Мы в такой заднице королевства, что толстозадые баны даже знать не знают, что тут не только зверьё, но и люди живут.

— Да уж, — сложив руки на гриве лошади, Френсис опустил голову вниз. — Знали бы, они бы дошли в их покоях.

— И что ж лучше по-твоему? — кивнул в сторону паренька Виль.

— Чтобы дошли баны, графья и прочая мразь, что даже жопу себе сами подтереть не способны! — поднял ладонь кверху Френсис.

Вильверет кивнул и, отряхнув штаны, запрыгнул обратно в седло.

Тем временем парнишка допил флягу до конца, не оставив и капли. Поднявшись на шатающиеся ноги, он приблизился к Вильверету и протянул флягу. На недоуменный взгляд разбойника мальчишка поклонился и сипло выдавил:

— Спасибо.

— И что с ним делать? — спросил Вильверет, полуобернувшись к Френсису.

— Ты меня с грязными банами не путай, паскуда!

— Идиот... — Вильверет закатил глаза. — Моралист недобитый, бросишь ребёнка подыхать? — лицо Вильверета расплылось в улыбке и, хлестанув лошадь, он поехал дальше.

С парнем поравнялся Френсис.

— Ничего я не моралист, во мне просто человекости больше, пень облезлый! Плевать мне на него. Если на ногах да при голове — не пропадёт. Но я бы на его месте, не имея ничего за спиной, подыхая на дороге, обязательно бы стал рыцарем дорог! — Френсис

повернулся к парню. Поманив его жестом, он приложил палец к губам. Шикнул и подмигнул.

— Кем, лярва?

— Разбойником, фурункул неграмотный! — хлестнув свою лошадь, Френсис помчался на мост вслед за своим приятелем.

Парень остался стоять в смятении.

Всадники давно скрылись за однообразными деревьями, но Александр мог поклясться, что они повернули именно за вот этот дуб. Ему пришлось долго бежать, чтобы не потерять из виду разбойников, и сейчас, тяжело дыша, он положил руку на дерево. Истощенные ноги уже не болели, они ничего больше не чувствовали, и ему приходилось прилагать усилие, чтобы передвигать их. Тяжёлые веки, смыкаясь, не желали шевелиться, а руки дрожали. Сил уже не осталось. Заскрипев зубами, мальчишка нашёл в себе последние крохи воли и обогнул ствол дуба.

— Стой на месте, — в глаза парню смотрела острая стрела. Её сверкающий на солнце кончик торчал из пещеры. — Кого вы притащили?

— Эй! Этот дурень сам за нами попёрся.

— Ничего об этом не знаю. Бродяга...

— Тогда и разговору конец, — тетива лука заскрипела — и ему тоже. Метчий стрелок по ту сторону короны, Тетива, смотрите, сейчас вышибет ему глаз!

— Угомонись, Тетива.

— Да, заткнись, Титька!

— Сам ты титька! Правильно говорить «те-ти-ва»!

— Что за слово такое «тети»?

— А ну, все заткнулись!

Наступила тишина. Александр боялся даже шелохнуться, а его сердце колотилось всё сильнее и сильнее. Лучше бы они продолжали разговаривать, тишина давила на него.

— Кто там? — раздался другой голос, более спокойный.

— Бродяга какой-то...

— Сам за нами увязался, ничего не знаем.

— Застрелить?

— Успокойтесь, — стрела пропала. Из тьмы пещеры на свет вышел человек. Крупный мужчина в чёрной рубахе, хмурый лоб перетягивала повязка. На поясе висело аж два меча. Сложив бугристые руки на груди, он навис над мальчишкой, как скала.

— Ты что тут забыл?

Мальчишка не смог выдавить из себя ни слова, его колени затряслись. Он открыл рот, но слов не последовало. Мужик повернул голову вбок, и вся шея захрустела. От этих звуков мальчишка упал на колени. В пещере кто-то расхохотался.

— Слава? Деньги? Месть? Зачем ты пришёл к разбойникам?

Глаза ребёнка налились слезами.

— Я просто хочу жить! — закричал мальчишка и тут же расплакался. Мужчина улыбнулся.

Искры

Искры. Скрежет металла. Два меча встретились, клинки взвыли. Железо плюнуло

искрами прямо в глаза парню. Не привыкшая к мечу рука отпустила рукоять и принялась тереть обожжённые глаза. Вздох облегчения прервал удар в живот. Парень стал хватать воздух ртом и опустился на колени. Не успел он толком раздышаться, как на спину ему обрушился очередной удар. Он упал на землю, и, прежде чем встал, к земле его прижал ногой соперник. Соперник вдавливал его в землю, грудь никак не наполнялась воздухом. Глаза метались во все стороны, а рот судорожно и шумно втягивал в себя воздух с пылью.

— Ты облажался, упал и закричал, и, в принципе, это последнее, что ты слышишь, — нога покинула спину Александра, и тот уже собирался встать, как ему по шее прилетел шлепок. Он снова упал в пыль.

— Это мог быть меч, — Александр лежал в пыли, его тело тряслось от злобы. Френсис рассмеялся. — Хотя если это была дубина, то надо ещё добить! — неторопливо пройдясь вдоль тела, разбойник присел у головы мальчишки и отвесил тумака.

Александр закричал и кинулся на Френсиса прямо с земли. Но тот просто поднялся, и Александр полетел мимо.

— Ты мало того, что железкой махать не можешь, так ещё и руками своими, кроме как ягоды из леса да девок по жопе шлёпать, ничего не можешь, — Френсис сплюнул и сложил руки на груди.

— Не так-то это просто — на живого человека с ножом бросаться!

— Парень, когда ты бросаешься на человека с ножом — он уже труп. Ты только должен побыстрее ему донести эту новость.

— Ещё раз! — крикнул Александр, поднимаясь с земли.

— Давай! Это твой шанс! Порань меня — и станешь одним из нас! Без дураков.

Нож стремительно приближался к незащитному разбойнику, стоящему ровно, сложив руки на груди.

Ухватив нож двумя руками, парень рванул вперёд. В ушах колотилась кровь, руки болели, удар был быстрым и тяжёлым. Он пришёлся в пустоту. Александр мог поклясться, что на этом месте только что стоял Френсис!

— Мда.

Как он оказался сзади?!

Александр успел развернуться, только чтобы получить пощёчину. Даже не удар.

— Бесполезно, — разбойник махнул рукой и пошёл прочь с поляны. — Ты ни на что не годишься.

***

Солнца перевалили через зенит и теперь лениво катились в объятья далёких гор. На лес опустилась безмятежность, успокоились буйные кроны, затихли звери. Но среди этого сонного царства одно многострадальное дерево никак не могло уснуть. Над его стволом свирепствовал парнишка. Избрав дерево как манекен, он обрушивал на кору град беспощадных ударов. Дерево было так же молодо, как и его гость, и от каждого удара корона вздрагивала с новой силой.

Удар за ударом кинжал жалил дерево, разрывая кору и вгрызаясь в ствол. На ближайшем кусте валялась чёрная рубаха, насквозь промокшая. Александр обливался потом, и кожа его блестела на солнце, а в глазах его был огонь.

Удар за ударом оставлял на дереве раны, пока кинжал, наконец, не застрял. Зарывав,

парень вцепился обеими руками в рукоять и рванул на себя. Рукоять выскользнула из мокрых рук, и Александр повалился на землю. Взгляд его устремился в небо, где безмятежно плыли облака. Парень заскрипел зубами. Облака размеренно пересекали небо от горизонта до горизонта. Неодолимая неприязнь к небесам переполнила Александра.

— Как смеют облака быть беспечными в таком жестоком мире? Ехе-хе-хе.

Александр застыл. Краем глаза он увидел, как неподалёку незнакомец в плаще облокотился о дерево.

— Старательная работа, ничего не скажешь, — мужчина указал на изрубленное дерево.

Александр не знал, как реагировать. Блеснувший на плаще клинок всё упростил. Парень, оттолкнувшись от земли, кубарем прыгнул в кусты.

Незнакомец, прищурившись, смотрел на него. В зубах он стискивал дымящуюся трубку, на голове его была широкая шляпа, закрывавшая глаза. Чёрный дорожный плащ скрывал остальное его тело. А из-за спины торчал толстый лук и колчан с парой стрел. На поясе сверкал отполированный меч.

Сглотнув, Александр схватил подвернувшуюся под руку толстую заострённую ветку. Набравшись храбрости, он крикнул надломившимся голосом:

— Ты кто?!

Мужчина тихонько рассмеялся. Рука легла на трубку. Он посмаковал курево, закатил глаза, а затем вынул трубку изо рта и выпустил кольцо дыма. Наблюдая за тем, как дым медленно развеивается, он перевёл взгляд на трубку. Повертев её в руках так и сяк, он вернул взгляд к кустам.

— Зови меня Дымителем.

— Это не имя.

— Уж как прозвали, — пожал плечами Дымитель. — А что насчёт тебя? Насколько твоё имя «не имя»?

— Александр.

— Странное имя, — Дымитель прищурил глаза и затянулся трубкой.

Александр нахмурился и поднялся из кустов. Отряхнувшись, он посмотрел на Дымителя, и его брови окончательно наползли на глаза. Перекинув через плечо рубаху, он пошёл к дереву вынимать оружие.

— А ты основательно поработал, — раздалось за самой спиной Александра. Парень отскочил в сторону, забыв про нож.

— Как ты тут оказался?

— Шёл-шёл и пришёл, — махнул Дымитель в сторону небольшой тропинки, что вела на это полянку. — Какой из меня охотник, если всяк ребёнок замечает, как я хожу?

— Я не ребёнок, — Александр сжал кулаки.

Дымитель перевёл взгляд на дерево и ткнул пальцем в зарубки.

— Нет. Ребёнок. Бешеный ребёнок. Мужчина ни-ко-гда, взяв в руки оружие, не кинется им махать из стороны в сторону, — сжав кулак, Дымитель помахал им влево и вправо.

Александр внимательно следил за каждым движением путника. Ни разу его глаза не показались из-под шляпы, рука ни разу не легла на оружие. Но от этого человека на спине толкались мурашки.

— Кто ты вообще такой?

— Охотник.

Александр открыл рот, но Дымитель заговорил первым.

— Ну а ты кто? — он облокотился на дерево, на котором до этого тренировался Александр, и вновь не дал Александру заговорить. — Тоже охотник? Молодой, неопытный, словно кутёнок. За чем же ты охотишься, кутёнок? — Охотник лёгким движением вынул застрявший кинжал из плена дерева. Полог шляпы поднялся, и Александр увидел глаза путника. Жестокие и холодные глаза, в которых отразился блеск кинжала. — Уж не за людьми ли, а?

Страх сковал Александра, он стоял на месте и не мог пошевелиться. Его взгляд бегал от лука к кинжалу, избегая этих жутких глаз.

Охотник сделал к нему шаг. Ещё один. Он поравнялся с мальчишкой. Остановился. И засмеялся во всё горло.

— Да ты точь-в-точь загнанная дичь! Какой ты охотник? — обернувшись к нему спиной, Дымитель пошёл обратно к дереву.

Александр почувствовал, как у него дрожат ноги.

— Я и не говорил, что я охотник.

— Все мы охотники. В каком-то смысле, — улыбнулся Дымитель и свободной рукой коснулся края шляпы.

Он снова уставился на парня.

— Какой же бред я несу! — Дымитель расхохотался. — Наверняка я тебя и утомил, и напугал, прости меня. Иногда бывает нужно нести бред, чтобы не нести бред, — путник постучал себя по виску и улыбнулся. — Но одними извинениями сыт не будешь. Так и быть, я тебе помогу, — кивнул он на кинжал.

Оперевшись спиной о дерево, Дымитель опустил шляпу себе на глаза и глубоко вздохнул.

— Давно это было. Я тогда только начинал... охотиться. Пошёл я на кабана, да... здоровенный был кабан, — на мгновение Дымитель погрузился в воспоминания. Вздвогнув, он мотнул головой и продолжил: — Я был молод и глуп и взял с собой только нож. Я рассчитывал застать зверя на водопое врасплох и перерезать ему горло! — путник взмахнул перед собой ножом и выдавил смешок.

— И как?

— Я выпрыгнул из засады, весь перемазанный во всяком дерьме, и вонзил кинжал прямо в шею здоровенному зверю, но этого оказалось мало. Кабан в ответ вонзил в меня свои клыки и поднял в воздух. Завизжав, он ломанулся сквозь бурелом. По спине меня хлестали деревья и ветки рвали кожу. В рёбрах у меня торчали свиные клыки. А я? Ха. Я колошматил его ножом как только мог.

Путник воткнул кончик ножа в дерево. Вырвал и так же легко, только чтоб по дереву пошёл стук, снова воткнул.

Александр слушал, затаив дыхание.

— Удар за ударом приходился по черепу, шее, спине и пятому. Я весь извылся. И когда я уже готов был подохнуть, я взглянул этой твари в глаза. Меня продрала жу-у-уткая злоба, ведь этот зверь не проронил ни слезинки. И тогда, стиснув своё окровавленное оружие, я вогнал его по самую рукоять этой свинье в её мерзкий глаз, вот так!

Воздух наполнился свистом, кинжал обрушился на дерево. По стволу расползлись трещины вверх и вниз. Древесина застонала. По рукоятке закапал сок, лезвие целиком ушло в дерево. Дерево вздрогнуло, скрипнуло и замолкло. А затем разломилось пополам.

— Один удар. Не десять и не два. Всего один-единственный удар обрывает жизнь. Один

преисполненный ненависти удар. Удар не в добычу, а насквозь, чтобы вырвать жизнь.

— Будто её уже и нет среди живых и ты просто несёшь эту весть, — вспомнил Александр слова Френсиса.

— Ха-ха! А ты мне нравишься! — коснувшись края шляпы, Дымитель засунул в рот трубку и задымил. Развернувшись на месте, он пошёл прочь, махнув на прощание рукой. — Удачи с кинжалом, ха-ха-ха!

Солнца уже ползли к горизонту, расколота луна вышла из-за гор, а застрявший кинжал только сейчас, скрипнув, вылетел из дерева, упав на землю вместе с Александром. Он зашипел. Зашипел и его желудок. Ему очень хотелось есть. Он довольно далеко забрёл от лагеря и не доберётся теперь до разбойников дотемна.

Александр нахмурился. Идти к разбойникам, чтобы они снова потешались над ним, ему совсем не хотелось. Его руки, трясущиеся от усталости, сейчас затряслись ещё и от гнева. К ним он точно не пойдёт, провались они. Значит, нужно самому искать пропитание. Повернувшись в сторону густого леса, Александр облизнулся. В вечернем лесу было мрачно, вокруг царила давящая тишина. Вооружённый одним ножом, Александр замирал на одном холме, прислушивался, всматривался в лес, а затем собирал ягоды и отправлялся на другой холм в поисках живности.

На очередном холме он насторожился. В лесной тиши раздалось чавканье. Александр улыбнулся и направился на звук. Охотник из него был так себе, но сейчас добыча сама шла к нему в руки. На дне оврага среди высокой травы виднелись олени рога. Звуки чавканья доносились как раз из канавы. Двигаясь как можно тише, парень подобрался к самому краю оврага и приготовился к прыжку.

Олень был занят едой. Могучие рога поднимались и опускались, когда олень вгрызался в добычу. Осознав происходящее, Александр замер. Он пополз обратно, но зацепился рукой за корень, и тот надломился.

Олень обернулся.

Налитые кровью глаза выпучились, их взгляд впился в парня. Рваная пасть распахнулась на три части, показав кривые зубы с застрявшим мясом. Рваная кожа на лице свисала лоскутами. Олень зашипел. Вонзив копыто в край оврага, он начал взбираться вверх. Животное оставило свою добычу, и теперь Александр мог увидеть её. Это была его задняя часть туловища.

Изуродованная половина оленя со свисающими внутренностями из оторванной туши вонзила второе копыто и издала вой.

Александр закричал и бросился прочь. Не успел он сделать и двух шагов, как тварь забралась наверх оврага. Копыта стремительно колотили землю, чудовище догоняло. Удар в спину повалил Александра на землю. Он перекатился, и тут второй удар пришёлся на грудь. Задыхаясь, он смотрел прямо в пасть зверя, из которой на него лилась слюна и кровь.

Чудовище запрокинуло голову. В тишине леса, нарушаемой только страшным рёвом, засвистела стрела. Чудовище повалилось набок, из его головы торчала стрела, древко было размером с руку Александра. Но несмотря на полено в голове, тварь взвилась и вновь кинулась на Александра.

Вторая стрела ворвалась в пасть чудовища, раскроив голову на две части. Мясо и кровь не успели достичь лица Александра — он потерял сознание.

***

Едва Александр открыл веки и почувствовал слабость от пробуждения, как его носа коснулся запах жареной оленины, и сон мигом улетучился.

Александр вскочил, от резкого подъёма у него разболелась голова. Была ночь, он был накрыт одеялом и спал на лежанке. Рядом журчала река и трещал костёр, над которым шипела сочная оленина. А рядом сидел тот самый охотник.

— Охотник из тебя действительно дерьмовый. Даже не знаю, что олень хотел сделать с тобой, но вкусы у него так себе. Зато он на вкус ничего, хе-хе-хе.

Александр отполз назад, трясущейся рукой указывая на оленину.

— Ч-чудовище! Чудовище!

— Я не так уж и плохо готовлю, знаешь ли. Даже минералы припас, — охотник потряс склянкой с белым порошком.

— Да нет же! Там в лесу. Олень — чудовище!

Охотник искоса посмотрел на Александра, отвлекшись на сочное мясо, и заговорил с набитым ртом:

— Ты здоров? Привиделось же тебе. Ты часом никаких ягод или грибов не ел? А то именно в этот лесок бродят заблудшие люди, чтобы им тоже что-нибудь эдакое привиделось.

— А ты откуда знаешь?

— Говорю же, заблудшие люди. Мне однажды привиделась курица! Да какая! Выше деревьев!

— И у неё была обезображенная морда?

— Две!

Александр усмехнулся.

— Да ты присоединяйся, всё-таки без тебя я бы не подстрелил этого гадёныша. Уже неделю за ним ходил.

— Неделю за одним оленем?

Охотник выпятил грудь, залитую жиром.

— Дело чести! Эта паскуда удрала от меня однажды, а я не люблю этого. Ну, теперь-то он уже никуда от меня не денется. Ну, почти, хе-хе-хе.

Александр подсел рядом.

Взяв кусок оленины, он недоверчиво обнюхал его. Возможно, это было мясо чудовища, но пахло так вкусно, что в голове повис туман, а зубы сами вцепились в сочный кусок.

— Феликолепно!

— То-то же! — охотник улыбнулся и вновь потряс белым порошком.

«Значит, всё это было лишь наваждение», — Александр улыбнулся и взглянул на колчан, стоящий у дерева. В нём покоилась единственная стрела размером с полено.

***

Он проснулся от крика птицы. Костёр давно потух, охотник растворился, не оставив и следа. Скинув с себя накидку, Александр размял затёкшие кости.

Пора возвращаться.

Он шёл и вспоминал случившееся. Упорные тренировки, которые ни к чему не привели. Он даже не смог коснуться разбойника. Он стал быстрее, сильнее, взрослее за эти годы, но это ничего не дало. Он ещё слишком слаб, чтобы ранить.

Вернувшись в лагерь разбойников, он с каменным лицом направился к Френсису. Насмешливое лицо успело лишь исказиться, руки не успели даже дёрнуться. В ноге разбойника уже торчала лишь рукоять кинжала.

Лагерь сотряс крик.

Апельсин

Солнца показались из-за гор, лучи светил пролились на лес, и утренний туман, зашипев, стал растворяться в воздухе. Птицы, показавшись из гнёзд, защebetали. И посреди всего этого миролюбия раздался человеческий вопль.

— Постой! Пощади!

На лесной дороге стояла грузовая карета без лошадей — их под уздечку уводили в чащобу. Рядом с каретой валялись два тела. В окружении ошетилившихся грабителей молодой паж чувствовал себя овцой, загнанной волками. Его выбили из седла, он отползал, пока не упёрся в карету. В его сердце бился страх, рядом стояла предательски спокойная лошадь, а к нему самому двигался его ровесник.

— Пощади! — закричал пажок, сидя на земле. Он вжался спиной в телегу и закрылся руками.

Парень, что направлялся к нему, хоть и был его ровесником, но был совершенно иным. Его глаза излучали холод, движения были точны и расчётливы. Он схватил пажка за изумрудный жилет, золотая филигрань в виде яблока блеснула на солнцах в последний раз. На неё хлынула кровь, и она утратила свой блеск, став матово-бордовой.

Позади молодого разбойника показался хромым мужчина. Он оглянулся по сторонам. Никого не осталось в живых. Вздохнув, Френсис перекинул лук через плечо. Вытерев пот с припухлого лица, он заковылял к Александру. Тот шарил по карманам пажка.

— Нет, вы это видали? — Френсис полуобернулся, маша рукой остальным. Сложив другую руку у рта, он закричал. — Он же ему целую башку снёс! — Френсис провёл пальцем по горлу. — Ха-ха-ха!

Наклонившись к Александру, он хлопнул его по плечу.

— А когда-то боялся нож в руки взять.

— Это было давно.

— Ну, в общем-то, всего три зимы назад, — Френсис ухмыльнулся и растянул губы в улыбке. Александр перестал рыться по карманам и повернулся к нему.

— Почему мы считаем именно зимы?

— Потому что летом каждый дурак может протянуть, — Френсис начал подниматься, но тут его лицо исказилось. — Ах ты, нога!

Упав на задницу, разбойник двумя руками схватился за шрам. Покачав головой, он обратил внимание, что сидит рядом с обезглавленным пажом. Скривив лицо, он сплюнул и отсел подальше.

Из леса донёсся волчий вой.

Френсис, скрипя зубами и держась за ногу, повернулся к лесу и рявкнул:

— Хватайте тюки и мотаем. И кто-нибудь, уведите эту чёртову лошадь!

Лошадь подошла к Френсису и капнула ему пеной со рта на руки.

Александр наконец надломил золотую филигрань на жилете и вскрыл потайной карман. В руках у него оказался медный медальон в форме двух сердец. Раскрыв его, Александр заглянул внутрь. На обратной стороне крышки были строки, а внутри медальона — два маленьких портрета. Пажка, почти ребёнком, и какой-то девчонки того же возраста. Александр отметил необычно рыжий цвет волос — он был огненным, и неловкой кистью мастер попытался изобразить зелёный цветок в волосах. Но получилась клякса.

— Сойдёт, — сказал Александр, выдрав портрет и засовывая медальон себе в карман.

— Какой же тварью ты растёшь, — покачал головой Френсис.

Поправляя штаны на поясе, из-за дерева вышел Вильверет. Закатив глаза, он подошёл к лошади и взял её под узду.

— Опять ноешь, калека? — лицо Вильверета растянулось в улыбке. Френсису нечего было ответить. Выплюнув смешок, тощий разбойник повернул к себе голову кобылы. — Эх, была у меня как-то лошадка...

— Я внутрь, — Александр кивнул на карету.

— ...я мальчишкой с неё не слезал почти.

На удивление легко высадив дверцу, Александр влез в карету. Внутри было множество тюков и мешков, но внимание Александра привлёк дубовый сундук в самом конце кареты. Нагнувшись, он приблизился к нему. Замка не было, но крышка была закрыта на четыре застёжки.

«Что же там внутри?» — Александр вспорол ножом ремни и откинул крышку.

В нос ударил терпкий аромат жгучего лета и мёда. Голова парня закружилась, ноги подкосились, и он рухнул на мешки. Из привыкших быть хмурыми глаз покатались слёзы. Он знал, что это за фрукт.

Солнечный день. Отмахиваясь от пчёл цветком, маленький мальчик в одной рубахе до колен бежит домой.

Толкнув тяжёлую дверь двумя маленькими ручками, он вваливается внутрь и падает. В воздухе звучит мелодичный голос:

— Александр, нужно быть аккуратнее, — лучезарная улыбка матери позволяет ребёнку забыть о боли, и он протягивает ей цветок. Оказалось, что он уже раздавлен.

Губа ребёнка начинает дёргаться, и он готов заплакать, но тут же его отвлекает странный запах.

— Ох, как это мило! У меня тоже есть для тебя подарок. Твой отец привёз его специально для меня, ты никогда такого не видел.

Александр смахнул слезу.

— Куда шла повозка?! — Александр выскочил из кареты.

— А? — переспросил Вильверет.

Александр приблизился к нему вплотную, едва не столкнувшись лбом.

— Куда. Шла. Повозка?

— Куда шла, туда не дойдёт, — нахмурился Вильверет и отстранил от себя Александра. — В имения какого-то бана. Прямо по дороге, — махнул рукой разбойник. — Имение, дом там большой, других нет.

Отпихнув от лошади Вильверета, Александр вскочил в седло, спихнул груз, натянул поводья и ударил коня по крупу. Животное заржало, встало на дыбы и помчалось вперёд, поднимая клубы пыли.

— Стой, паскуда! Ты куда Виви помчал?! — донеслось позади.

Лошадь скакала, как безумная, извергая из себя пену и выкатывая глаза, но всадник продолжал хлестать её по крупу. Он должен быть там как можно быстрее.

Лес кончился, показались высокие стены, а за ними — большой дом. Вновь ударив коня, Александр стиснул в руках поводья до скрипа.

Поравнявшись с забором, он встал ногами на седло и прыгнул, зацепившись за край стены.

За забором простирался сад, а на ухоженном холме стоял большой трёхэтажный дом.

Александр не могло прийти в голову, что в таком доме живёт всего один человек со своей свитой. Даже если бы они всей бандой заселились, то жилым бы оказалось только одно крыло, а их в доме было целых пять. Но все прочие мысли улетучились из головы, когда в окне появилась женщина. Она была немолода, но богатства, скрываемые за стенами этого дома, продлили её красоту. Прекрасное платье багряного цвета спадало с плеч, на которых лежали чёрные как смоль волосы.

В голове у Александра раздался мелодичный смех, а в нос вновь ударил запах редких фруктов. У него защемило сердце. Это она.

Предатель

— Говорю вам, туда ввозили целые телеги с деньгами!

— Ты уверен?

— Я своими глазами видел!

В свете костра собралась небольшая шайка разбойников. Они все были задумчивы и взбудоражены. Френсис сидел на траве, рядом с ним, отложив лук в сторону, внимательно слушал Тетива. Позади них на пне сидел Аругал, сложив руки на груди. Поодаль от всех стоял Вильверет, оперевшись спиной на дерево.

— Телега говоришь? С деньгами? Кто ж деньги на телегах возит? — спросил Гвэн по прозвищу Тетива.

— Очевидно, те, у кого деньги только в телеги и помещаются, — ответил Френсис.

Вильверет смерил его хмурым взглядом. Фыркнул и, махнув рукой на Александра, проворчал:

— А я говорю вам, мальцу показалось. А даже если и нет, то наверняка это ловушка.

Аругал встал, и Вильверет замолчал. Вид предводителя был особенно спокоен и особенно грозен.

— Можно спорить бесконечно, у нас нет особого выбора. Уже скоро снег, а мы не скопили денег для откупа от ополчения. Есть там деньги или нет — неважно. В имении бана, определенно, найдётся, чем поживиться.

— Аругал, ты же несерьёзно, да? Понимаешь, что мы привыкли грабить караваны, а не штурмовать имения?!

— Выбора у нас в любом случае немного. Бежать через горы от вил крестьян, мне кажется, перспектива похуже будет.

— Но...

— Решено. Мы ворвёмся в имение, когда солнца будут в зените.

Александр отошёл достаточно далеко от лагеря. Его руки тряслись, а дыхание участилось. Его мать жива?.. Он наклонился к ручью испить воды. Кто-то показался в отражении.

Александр вскочил. Перед ним стоял Вильверет. Его брови были сдвинуты, а на лице сложилась гримаса недоверия.

— Пацан, что это значит? Телеги с деньгами? Выглядит как бред, придуманный за пару мгновений. Что ты скрываешь?

— Ты мне не веришь? — Александр выпятил грудь и сдвинул брови.

Вильверет сделал шаг вперёд и прошипел:

— Нет.

В серебряном свете лун блеснул кинжал. Он мелькнул так быстро, что Вильверет успел только моргнуть. Лезвие погрузилось в живот и выскочило обратно.

Вильверет положил руку на дырку в рубахе, которая вмиг стала мокрой и липкой. Он усмехнулся и просипел:

— Я знал.

Следом ему на висок рухнула рукоять ножа. И разбойник, пошатнувшись, упал на землю.

Александр отступил на шаг. Ноги не слушались, и он упал на задницу.

— Однажды я уже потерял семью. Я не потеряю её снова, — сказал он сам себе.

Александр повернулся в сторону реки, которая бежала вдаль, скрываясь за поворотом. Некоторое время спустя по реке поплыло неподвижное тело, покачиваясь на мелких волнах. Оно быстро скрылось за поворотом.

Стража

Ворота не выдержали удара, заострённое бревно пробило дыру и расколело заслон. Во двор имения ворвалась группа разбойников. Их мечи сверкали в полуденных солнцах.

Александр высадил входную дверь плечом. Дверь распахнулась, а плечо заныло, но он не обращал на это внимание. Где-то здесь его мать. Он должен найти её. Что он будет потом объяснять своим товарищам, он будет думать после. Входная дверь вела в прихожую, справа и слева были коридоры, а прямо впереди через узорчатый ковёр на второй этаж вела широкая угловая лестница. Ноги Александра застучали по ступеням, он помчался наверх. Остальные остались внизу.

Этот момент воспоминаний вдруг стал резко отличаться от остальных. Тело его стало тяжелее, воздух сухим, словно в пустыне, а все звуки обратились в звенящую тишину. У Александра и раньше были подобные эпизоды в воспоминаниях, когда что-то вдруг становилось ему дико незнакомым, чужим. Как будто это были не его воспоминания, а чужие. Иногда это были отдельные детали, а иногда и целые фрагменты. Он гнал прочь мысли и надёжно забывал подобные пугающие моменты, но не сейчас. Сейчас он хотел идти до конца.

Он оказался на развилке. Справа и слева были двери. Второй этаж разительно отличался от первого, как будто принадлежал совершенно другому месту, но Александра это не волновало. Пинком он открыл одну из дверей, и сердце его ухнуло куда-то вниз. Комната была пуста. В ней не было ни ковров, ни мебели, ни тем более матери. Всё было покрыто толстым слоем пыли, с потолка свисала паутина, а в угол убежала крыса. Александр шагнул в комнату. Каждый шаг поднимал в воздух облака пыли. Мотнув головой, Александр скрипнул зубами. Ему не могло показаться!

Он ломанулся вперёд через всю комнату к следующей двери. Ручка скрипнула, и он оказался в новой комнате. Она ничем не отличалась от предыдущей, только дверь была более старой и иссохшей. Он точно помнил богатые убранства комнаты в окне, ему не привиделось! Но переходя из комнаты в комнату, Александр встречал лишь нежилые помещения. В комнатах становилось всё гаже и грязней, но в одной из них он остановился.

Перед ним была не старая и изуродованная дверь, как раньше. Перед Александром,

посреди паутины и свисающих пауков размером с ладонь, пыли и десятка следящих за ним крыс, стояла обитая кожей дверь. Она была совершенно новой, будто только что изготовленная искусным мастером. Кованые узоры обрамляли её латунную окантовку. Кожа была идеально выдублена и блестяла. Ни пыли, ни следов крысиных зубов не было.

Сердце Александра стало бить тревогу, он почувствовал сухость во рту и отступил на шаг. Может, стоит вернуться? И тут случилось то, от чего у Александра по спине пробежали мурашки.

Позади раздались шаги.

Это не был никто из его шайки, их походки он знал наверняка. Более того, это даже не было походкой человека. Каждый шаг отдавался эхом, но не в комнате, а в голове у Александра. Страх сковал его по рукам и ногам, дыхание стало быстрым и неглубоким. Шаги приближались.

Дверь позади захлопнулась.

Оглянуться? Мурашки поползли по спине. Александра обуял первобытный ужас. Он не знал почему, но он точно знал — оборачиваться нельзя. Шаги приближались.

Сердце в очередной раз с разбега обрушилось на рёбра. Этот очередной удар вкупе с приближающимися размеренными шагами полностью овладел парнем. Стуча зубами, он ухватился за ручку и дёрнул дверь на себя.

Шаги сменились тяжёлой поступью бегущего человека.

Услышав это, Александр не просто побежал. Он помчался, как дикое животное, не разбирая дороги, заботясь лишь о том, чтобы бежать быстрее. Поддавшись животному страху, он не сразу понял, что в комнате, которую скрывала эта новая дверь, абсолютно не было света. Он больше не видел, куда бежать, но не останавливался.

Раздался хлопок.

Александр кубарем скатился по лестнице. Стоило ему докатиться до конца, как из-за поворота показались знакомые лица. Сердце встрепыхнулось, и он почувствовал, как страхи улетают прочь.

А на их место прилетают новые. Встречавшие его лица были уставшими и злыми. От всех этих суровых взглядов у Александра проскользнула мысль: было бы неплохо остаться в тех комнатах...

— Где ты, мразь, пропадал?! — вскочил с корточек Тетива и помчался к парню, заноса кулак для удара. Его остановил Аругал.

— Давай послушаем, где он был несколько часов?

— Несколько часов?! — ужаснулся Александр, отступил на шаг назад, споткнулся и сел. — Но меня же не было совсем недолго.

— Недолго?! Этого времени достаточно, чтобы зеваки вызвали ополчение!

— Ну вот, кто тебя за язык тянул?! — вздохнул Френсис, оборачиваясь на топот. Топот стоял дикий, будто к ним неслось целое стадо зверей. Но это были не звери. Дела обстояли куда хуже.

С центрального входа, из боковых дверей, даже из пробитой в стене дыры — шайку из четырёх человек окружил целый отряд.

Каждый из солдат был одет в железный шлем и плотную кольчугу. В руках они держали копья, а на поясе у них звенели короткие мечи.

Френсис засмеялся, отбрасывая в сторону свой кинжал. Лицо лидера не изменилось. Тетива был напуган. Александр не понимал, что происходит.

Их окружили, копья синхронно опустились, оградив разбойников кольцом сверкающих лезвий.

В тишине раздались хлопки. В дом вошёл человек, он хлопал в ладоши. Его доспех был парадным, лицо довольным, а перо на шлеме необычайно пышным.

— Вот так вот. Вот вы все и попались в ловушку.

Тетива распахнул глаза. К довольному солдату обернулся лидер разбойников. Его голос был спокоен и ровен.

— Ловушку?

— Именно. Вы все пойманы. Не сопротивляйтесь, и оставим вам жизнь.

— Ты! — голос Тетивы сорвался на рык. Его глаза безумно смотрели на Александра. — Это всё ты подстроил! — на мгновение Гвэн оледенел, в его глазах мелькнула мысль. — Вильверет... Ты убил нашего товарища! Предатель!

Предатель... Это слово эхом прокатилось в голове. Александр замер.

Гвэн выхватил лук и вскинул в него стрелу. Тетива затрещала, Александр встретился глазами с наконечником стрелы, ещё покоившимся в луке. Но выстрелу не суждено было случиться. Один меч разрубил древко лука, другой порвал тетиву. А ещё пара копий вонзились в грудь разбойника. Лёгкая кожаная куртка не смогла его защитить, и по древкам копий заструилась кровь. Из рта Гвэна брызнула кровь. Из его глаз полились слёзы.

— Больно... — сказал он и начал захлёбываться в крови.

Подобно молнии, к умирающему наклонился лидер.

— Увидимся, — коротко сказал он, и раздался хруст. Аругал взял обмякшее тело на руки.

— Хотя бы не мучился, — взявшись за переносицу, сказал Френсис.

— Жаль. Уводите их, — махнул солдат рукой.

Оковы

Разбойники, закованные по рукам, вышли из здания. Был уже вечер, в небе пекло одинокое солнце.

«Когда мы сюда пришли, был только полдень», — отметил про себя Александр. Он был будто под водой. Всё вокруг происходило плавно, медленно и было лишено всякого смысла. Привыкший к простым ситуациям, требующим исключительно жестокости и ловкости, теперь парень был поставлен в тупик. Разум отказывался придумывать хоть что-то, что могло бы его спасти, и он просто шёл, как скот идёт на бойню.

На дороге стояла телега. В неё погрузили тело Гвэна, следом забрались Френсис и Аругал. Александр остался стоять возле повозки. Никто его не принуждал залезать в телегу, он и не торопился.

— А с этим что делать? Его нет в списке.

— В бездну список, давай его в телегу.

— Погодите, — поднял руку солдат в богатых доспехах. — Вы его не узнаете? Это же тот парнишка из сгоревшего дома.

— А, так вот он где. Я думал, он сгорел вместе со своей семьёй.

— А разве Уилисон не это сказал?

— Набрехал, паскуда.

Солдаты сбавили голос и стали перетасовывать сплетни, а к Александру подошёл солдат. Он слегка нагнулся, чтобы его лицо было на одном уровне с ним.

— Что ты забыл у разбойников?

— Мне некуда было идти.

Он вздохнул и поднялся, отряхнув руки.

— Я искренне верю, что ты лишь волею судьбы оказался в такой компании. Мне следовало бы отправить тебя с ними, но я помню тебя ещё мальчуганом и не замечал за тобой дурных дел. В конце концов, ты помог поймать эту шайку. Все, бывает, совершают ошибки, но не у всех есть пусть и дальний, но родственник где нужно, — солдат полез за пазуху и вынул оттуда письмо. — Это моя рекомендация. Моё имя Самуэль бан Дуб. Иди и стань человеком. Будь рыцарем, как и я. В столице.

Солдат снял колодки с рук Александра и протянул ему бумажку. Александр медленно перевёл взгляд с капитана на разбойников и обратно.

— Могу я с ними попрощаться?

— Только недолго.

Александр подошёл к повозке, не успел заговорить, как лидер сам заговорил.

— Не вини себя, на самом деле это для нас лучший выход. Нас будут судить стражники, а не рвать на куски ополченцы. Так что в какой-то мере ты нам помог. Жаль Гвэна, но он погиб сражаясь, как и хотел. Я не держу на тебя зла, — сказал лидер и улыбнулся так широко, насколько способен человек с предрешённой судьбой.

— Френсис? — спросил Александр.

Френсис не ответил, лишь отвернулся.

Телега тронулась, и солдаты пошли за ней.

Александр опять остался один, с грамотой в руке и горьким чувством на сердце. С этим местом его больше ничего не связывало. Кроме одного.

Он вернулся в родные края, к дому, что когда-то был его. Шёл дождь, но он не мог заглушить тяжёлых ударов кулака по воротам. Дверь приоткрылась, показалось заспанное, постаревшее лицо бывшего соседа.

— Чего надо?

— Возмездия.

* * *

Подняв взгляд на болезненное прошлое и жестокое детство, выковавшее из обычного деревенщины того, кем он сейчас является, он, положив ладонь на лоб и проведя ей по волосам, тихонько рассмеялся. Теперь его действительно ничего больше не сковывало и не обязывало. Оплетающие его цепи страха пали. Выброшенное письмо втоптали в грязь последние покидающие поместье грабители и мародёры. Его путеводная звезда погасла навсегда. Гонимый вперёд инерцией, переживаниями, сейчас он оказался в звенящей пустоте. Он был настолько свободен, насколько это вообще возможно. От бесчисленных вариантов кружилась голова. Александр осел на пол. Он мог уйти до начала резни куда угодно... Александр бросил взгляд на неприступные стены города. Или остаться. Порвать паучью сеть Люберта и спасти невинные жизни. Александр улыбнулся. Неплохо, для начала.

В его глазах вспыхнуло пламя.

Старый знакомый

Времени остаётся всё меньше, а один он не справится. Ему нужны сообщники, готовые бросить вызов Люберту. Нужен был сильный, властный, фанатичный человек, готовый использовать любой ресурс для достижения собственных целей.

Улыбка спала с его лица, Александр нахмурился. В Дюране он знал только одного человека, который мог бы поднять оружие против столь влиятельной фигуры.

Он поднялся на ноги и отряхнулся, отгоняя от себя эту мысль. Ничего не выйдет. Он соберёт пожитки, стащит, что может, и отправится странствовать дальше, пока не подвернётся удобное, приятное местечко с видом на горы, море и восходящие из-за него солнца, где он, собственно, и остепенится, останется встречать закат своей жизни, если раньше его не заколют в каком-нибудь переулке...

Раньше эта вспышка паники была бы принята за рассудительность. Возможно, ею и являясь, она олицетворяла собой то, от чего он только что отрёкся. Вспыхнувшее пламя паники было пожрано другим огнём, более горячим, решительным и безрассудным. Александр остановился и глубоко вздохнул. Он знал, как именно пройдёт эта встреча с капитаном стражи Руфусом.

И он знал, чем всё обернётся.

* * *

Проснувшись в собственной комнате, которую ему выделили, он сел на кровати. Пусть это и была, по сути, всего лишь солома, набросанная на доски, всё же это было лучше, чем ничего.

Правильно он поступил или нет — для него не было важно. Он поступил так, как считал нужным. И это было определяющим моментом. Бесчисленные варианты и возможности растворялись в сознании, оставляя лишь монолитное желание и пылкое стремление. Столкновение с последствиями — лишь жгучая специя в сравнении с горечью от предательства самого себя.

Интересные мысли лезут в голову, когда сердце бешено стучит и гонит кровь, не давая как следует выспаться или устать. Поднявшись, он потянулся, размял кости. Сегодня предстоит тяжёлый день, а время неумолимо утекает сквозь пальцы. Направившись к выходу, он остановился у двери. В его голове проскользнула мысль: могло ли сложиться иначе? Он усмехнулся. Конечно же, иначе быть и не могло. Закрыв глаза и улыбнувшись, Александр опустил голову на решётчатую дверь.

В утренней тишине раздался смех, к неодобрительным возгласам и воплям остальных озлобленных или только что проснувшихся пленников. Он повернул голову, осматривая братьев по несчастью, и был крайне удивлён, что он ошибся. Действительно, здесь стоял нездоровый вой, но источником его был всего лишь один-единственный человек в соседней камере. До этого момента он, по всей видимости, был поглощён собственной истерией, но, испугавшись внезапного и неуместного здесь звука, его истерика прорвалась наружу. Он истошно вопил на разный манер сорванным голосом.

— Короля! Убили они! Тревога! Тревога!!! Они сами и убили короля! — Он обхватил пальцами решётку, так сильно прильнув лицом к прутьям, что, казалось, пытался просочиться насквозь. Сам он был сильно измордован побоями, хотя по нему было видно,

что он из благородных — кожа не пестрила струпьями или шрамами, а если не считать ссадин и кровоподтёков, даже была чистой и ухоженной. Он вопил, не жалея ни собственного голоса, ни своих пальцев, которые стискивал со страшной силой на прутьях решётки, будто это помогало.

В коридор, хлопнув тяжёлой дверью, вошёл стражник. Он быстрым шагом направился к клетке с орудием человека. Тот его не испугался, лишь сильнее принялся кричать. Запыхавшийся стражник снял с пояса дубинку. Хлёткий удар, и слова человека обратились в вой раненого зверя. Александр часто видел подобное, оказываясь в темницах. Но ни разу он не видел ещё, чтобы, даже сплёвывая осколки зубов и кровь, узник продолжал держаться за решётку, бросая дерзкий взгляд, полный решимости, на своего тюремщика.

Не заметив страх в глазах своей жертвы, стражник тут же от возмущения стал задыхаться. Вкладывая в удар злобу, свойственную исключительно своей породе, он принялся хлестать узника по пальцам снова и снова. Тот не сдавался, пока пальцы не превратились в месиво и не перестали слушаться. Упав на пол, узник свернулся в калачик и стал тихо плакать. Проходя мимо камеры Александра, стражник остановился.

— Чего пялишься, паскуда?! Тоже от скорой казни ума лишился?

Александр осмотрел стражника с ног до головы, нарочито оценочно. Заляпанные сапоги, изношенные штаны со швами наружу, растянутый ремень, прохудившаяся рубаша и новая, но уже испачканная, расстёгнутая форменная куртка. Образ завершала физиономия с опухшими глазами и сплюснутым носом. Александр поморщился. Не считая должным отвечать такому пугалу, он оттолкнулся от решётки и прошёл в дальний, тёмный угол камеры, сел к стене и вытянул ноги.

— Там и сиди, урод, — буркнул стражник, харкнул в Александра и заковылял прочь по холодному коридору темницы.

— Ты даже доплюнуть не смог, ничтожество, — вырвалось у Александра.

— Что-а?! — взревел стражник и остановился. Развернувшись, он кинулся к решётке, толстыми пальцами выхватив и начав перебирать связку ключей. — Ща, ща я тебя устрою!

Щелчок замка слился с тихим скрипом тюремной двери, но не ускользнул от Александра. Стражник распахнул решётку, снял с пояса дубинку и, занеся её над головой, упиваясь каждым шагом, стал приближаться к Александру.

— О, капитан, какая встреча, — сказал Александр. Его ухмылка была видна даже в темноте. — Вы вовремя, я как раз собирался уходить.

Стражник отступил на шаг, чтобы безопасно оглянуться, но налетел на девушку, что бесшумно вошла в камеру.

— Леди Лейра?! — выпалил он, опуская дубинку и пытаясь проморгаться.

Стройная девушка в длинном идеально белом плаще с нашивкой капитана в виде большой белой звезды на правом плече сложила руки на груди. Голову её украшала большая шляпа с полями и большим переливающимся даже в полутьме пером. Каптановые волосы были собраны в низкий хвост. Она даже не шелохнулась, когда в неё врезался стражник, лишь нахмурила зелёные глаза.

— Для тебя капитан Лейра, — сказала она, вырывая из его рук ключи.

— Так точно! — взвизгнув, подобно свинье, стражник отступил в сторону, вставая по стойке «смирно».

— Исчезни, — небрежно махнула рукой девушка, даже не взглянув на стражника. Отдав честь, тот поспешно покинул темницу. Взгляд капитана был прикован к фигуре в углу.

— Леди Лейра, значит? — Александр звякнул цепями на руках. — Раз я знаю ваше имя, законы приличия обязывают меня назвать и своё, — он повернулся лицом к капитану. — Моё имя Александр. Приятно познакомиться в столь дивном месте, но чутьё подсказывает, что не ради любезностей вы решили навестить убийцу и вора, так ведь? — усмехнулся он.

— Находишь своё положение забавным?

— Моё? — еле сдерживаясь, Александр всё-таки переборол себя, чтобы не заржать, как животное. — Ох, леди, что вы! Конечно же, нет. Меня забавляет как раз таки ваше положение! Не конкретно, конечно, ваше, — он шмыгнул носом и обвёл скованными руками пространство перед собой, — а города в целом.

— Останови свой словесный понос и изъясняйся кратко и по делу, убийца, — скомандовала девушка. — Каковы твои истинные мотивы? Зачем сдался сам?

— Обычное дело. Хотел спасти людей и предотвратить резню.

— Зачем тебе это? Ты не герой, ты злодей. Кровожадный убийца и вор, и даже не скрываешь этого.

— Захотел, — он посмотрел ей прямо в глаза. Во взгляде Лейры сияла изумрудная буря.

— Ты лжёшь. Твои слова противоречат твоим делам, убийца!

Александр хрипло рассмеялся и поднялся на ноги. Девушка была немного меньше его ростом и смотрела снизу вверх, но это не умоляло клокочущей в ней силы.

— Убийства — это инструмент, а не цель. Вам ли об это не знать, капитан?

— Не сравнивай нас. Мою руку ведёт закон.

— Закон! — драматично возвёл руки вверх Александр и рассмеялся. Свирепость на лице девушки уступила место презрению.

— Ты до сих пор слушаешь меня, а значит, ты хочешь что-то понять. Уж не знаю, для чего это тебе надо, хе-хе...

— Ты завалился посреди ночи в дом одного из капитанов стражи и стал нести бред, когда тебя застали врасплох.

— Застали врасплох? Забавно. Ты знала, что Руфус спит в обнимку с ростовой тряпичной куклой?

— Какое это имеет отношение к делу? — девушка лишь слегка покраснела.

«Прекрасная выдержка», — подумал Александр.

— Прямое. Я пробрался в дом капитана, разбудил его и поведал кое-что. Зная, что я окажусь здесь, зная, что меня после казнят. Во мне теплилась глупая мысль, надежда на то, что я ошибаюсь, и стражники — не просто дорвавшиеся до своей мелочной власти проходимцы, прикрывающиеся вертлявым кодексом законов. Уж капитан стражи, отставной сержант, как я мог полагать, он-то должен быть заинтересован в спасении жизней больше, чем в набивании собственного брюха.

— Ты продолжаешь нести бред. Кто поверит словам убийцы?

— Я не просил верить. Я просил проверить.

В тюрьме повисла тишина. Даже самые безумные узники вслушивались в разыгрывающееся действие.

Капитан Лейра прищурилась. Находящийся перед ней мужчина в тюремных лохмотьях и с небритой щетиной не выглядел жалко. Он не скулил, не молил о пощаде. Он был учтив, хоть и несносен, и в словах его ещё теплился смысл. Он сидел напротив неё и имел возможность напасть и повалить её на землю одним рывком. Она была к этому готова, но он почему-то не нападал, хотя дверь позади оставалась открытой.

— Неужели ты хочешь сказать, что ты не кровавый убийца, не зверский маньяк, а просто человек, который вынужден убивать других на своём жизненном пути?

— Абсолютно нет, — Александр покачал головой. — Никто не вынуждал меня убивать, да и не приносит мне это удовольствия. Не думай, что чужие жизни для меня ничего не значат. Можешь сказать, что я даже не человек, а зверь, живущий по старому закону «ешь или будь съеден». Никто не вынуждал меня убивать, это правда. Ведь я всегда мог сделать иной выбор, к этому ты клонишь? Да. Мог. Я ведь мог сдаться и позволить психам вроде Люберта просто сожрать меня, как и других. Или мог пойти к страже, — Александр потряс цепями.

— Я не верю ни единому твоему слову, для меня ты преступник. Что ты задумал, заявившись самостоятельно? Я не знаю. И боюсь ошибиться. Я бы казнила тебя прямо на месте! — Меч выпорхнул из ножен и со свистом нацелился на лицо Александра. Но... клинок опустился. — Если в целом море лжи твоих слов есть хоть одна капля правды, и ты действительно можешь предотвратить весь тот ужас, который, вероятно, случится, я обязана дать тебе шанс.

Александр последовал за девушкой, остановившись у дверей камеры.

— Успел привязаться? — усмехнулась она. Александр положил руку на замок, а другой взмахнул над головой.

— Просто нахлынули воспоминания.

Они шли коридорами, совершенно не теми, какими его тащили в камеру.

— И что же ты задумала? — потирая на руках места от кандалов, вкрадчивым голосом заговорил Александр. — Освобождаешь пленника, идёшь против закона и прямого приказа твоего товарища. У тебя будут проблемы, — ухмылка не сходила с лица Александра с того момента, как он попал в тюрьму.

— Без лишних разговоров. Мои дела тебя не касаются. Я сопровожу тебя на место, где ты представишь доказательства, а затем вернёшься в камеру. И если ты не солгал — то твоя участь будет смягчена.

Начались лестницы, и вскоре, поднявшись, убийца с капитаном оказались на вершине стены, что разделяла город. Здесь повсюду стояли коробки, лежали строительные леса, бочки, валялись доски и здоровенные мотки с верёвками.

Лейра ускорила шаг, а Александр остановился. Следом остановилась и девушка, обернувшись.

— Чего встал? Пошли давай.

— Подожди, это нам понадобится, — сказал Александр, наклоняясь к мотку верёвки.

— Нам не стоит задерживаться в Дюране, нас могут схватить.

— Где? Здесь? — Александр окинул взглядом стену, попутно накручивая в верёвке петли и узлы. — Здесь даже ремонтная бригада не появлялась, судя по пыли, уже долгое время. А мне нужно подготовиться.

— Хорошо, но никакого оружия! — девушка тяжело вздохнула и подошла к ближайшей коробке. Стряхнув пыль, она уселась на неё и закинула ногу на ногу. Она внимательно следила за каждым действием убийцы, пока тот возился с верёвкой. Когда он стал накидывать её на себя и обвязываться, она прокашлялась.

— Несмотря на твои благородные порывы, ты всё ещё преступник и убийца, даже думать не смей о побеге.

— Может, я безрассуден, — сказал Александр, затягивая узел на груди потуже и подходя к капитану, — но я не самоубийца. Ты смотришь на меня свысока, прикрываясь статусом и законом, но мы прекрасно видим каждую возможность убить друг друга, — улыбнулся Александр. Девушка нахмурилась. — Вот только я вижу большее.

— Угрожаешь. Однако ты весьма витиевато говоришь для бандита, — заметила девушка.

— Я перенял речь своего... — Александр замолчал. Направив взгляд вдаль, он подался вперёд и сделал неосознанный шаг. — ...учителя. Он был странствующим монахом.

Судя по виду, Александру тяжело было говорить об этом. Лейра отчётливо это понимала. А Александр, в свою очередь, увидел возможность.

Её одежды шелестнули, рука обхватила меч, но рука Александра оказалась быстрее и накрыла её, заставив едва обнажившийся клинок звякнуть и замолкнуть в ножнах.

— Ваш нелепый план я разгадал сразу.

Девушка ударила его под дых, шагнула назад, ударила локтём в его руку и выхватила меч, но Александр уже обвязал её запястье верёвкой. От неожиданного рывка она выронила свой меч и вытянула руку. Александр вцепился в неё и накинул на девушку ещё пару петель.

— Вы не только не возьмёте штурмом логово Люберта, вы даже к нему не подойдёте!

Девушка прижалась к Александру, связанная в плечах, она пыталась ударить его ногой, но он развернул её к себе спиной. Не видя смысла больше скрываться, из-за бочек и коробок повыскакивали стражники и с оружием наголо кинулись к убийце.

Девушка зарычала, ударила затылком, но Александр отшагнул назад, и девушка добилась только того, что на неё накинули новый слой верёвок.

— Что ты делаешь?! — зарычала Лейра. Её зелёные глаза дрожали от ярости, а руки елозили, стараясь выпутаться. Крутанув девушку ещё раз, Александр приставил к её горлу тюремные ключи.

Подбежавшие стражники остановились.

— Капитан! Что здесь происходит?! — гаркнул один из них, видя странное оружие, приставленное к горлу, но подойти не решился.

— Всё просто. Я пытаюсь спасти этот чёртов город, и ты, красавица, — обратился он к Лейре, — поможешь мне в этом.

Схватив девушку за плащ, он оторвал от него кусок и обмотал ладонь.

— Мне нравится ваш город, — обратился Александр к собравшимся стражникам. — У вас тут очень крепкие верёвки! — расплывшись в улыбке, он шагнул назад, прочь со стены.

Верёвка извивалась, как змея, ветер свистел в ушах, заглушая крик девушки. Александр держал верёвку. Стиснув её через клочок одежды, он чувствовал, как тот быстро нагревается в его руках. Они стремительно приближались к земле.

Их неожиданно и сильно дёрнуло, а затем верёвка оборвалась.

Причина

С глухим ударом, подняв брызги, они рухнули на дождесборный тент. Крепление со свистом вырвало из стены, те немногие капли, что скопились на нём, взлетели в воздух. Двое людей, прорвав ткань, устремились дальше, навстречу быстро приближающимся крышам трущоб. Александр принял удар на себя и, обхватив девушку руками, прижал ближе, подложив ладонь ей под затылок. От удара доски разломались и разлетелись в стороны. Пробив крышу, они следом пробили и пол, оказавшись на ярус ниже. Болезненно замедлив своё падение, коснувшись крыши, они лишь оставили на ней глубокую вмятину и покатались по скату, а затем упали на землю, подняв облако пыли и распугав горбунов и кошек.

Александр кашлял, голова кружилась. Вместе с тем в ней кружилась мысль, что есть свои плюсы в том, что муравейник строился из гнилых досок и тряпок. Они целы, это уже неплохо. Когда звон в голове утих, он отчётливо увидел перед собой девушку со взъерошенными волосами, диким взглядом, тяжёлым дыханием и, что более важно, — с кинжалом, приставленным к его горлу.

— По... — язык его не слушался и был похож на кусок сала. — Постой!

— Назови хоть одну причину мне не убивать тебя прямо здесь и сейчас!

— Я спас тебе жизнь! — проскрежетал зубами Александр.

— Как это понимать? — спросила девушка уже спокойней, кинжал, однако, никуда не делся.

— Твои дружки обрезали верёвку, и мы рухнули. Если бы не я — ты бы разбилась.

— Я и не собиралась прыгать со стены! Мы должны были просто прийти на место и схватить посыльного Люберта, выбив из него показания!

— Именно от этого я и спас тебя прыжком. Как бы ты полагала схватить посыльного в его собственном логове? Ты что, в самом деле думала, что его не охраняют? И я понимаю: расскажи ты мне этот план, я бы мог что-то изменить, предложить, но ты ведь держала это якобы в тайне! — он увидел в глазах девушки метания. — Кажется, кто-то наконец осознал, что его использовали как расходный материал. Неприятное чувство, согласен.

Но нож всё ещё был уверенно прижат к его горлу. Нужно было её добить.

— Ты была для них не более, чем пушечным мясом. Ты бы вошла в логово бандитов и что бы ты сказала? Бросьте оружие? Ха! Иронично, что сама ты оказалась лишь костью, брошенной голодным псам помойки. И пока с твоей окровавленной тушей развлекались бы оборванцы, подтянулся бы ваш «невидимый» отряд... На твою жизнь плевать им так же, как и на мою, иначе бы они не перерезали верёвку! Я дважды спас твою шкуру, а теперь уберу эту железку!

Александр ударом наотмашь выбил оружие из дрожащих рук девушки. Столкнув её с себя, он отполз и поднялся на ноги. Отряхнувшись, он взглянул наверх. Отсюда было не разобрать, смотрят ли вниз те неудачники, чей план пошёл под откос. Но они определённо смотрели, что им ещё оставалось делать.

— Ваш план сорвался на моменте, когда его составляли не для спасения людей, а для получения награды, — он прошёл мимо сидящей на земле девушки, которая уставилась в пустоту, и поднял кинжал. — Я пришёл к стражникам не сдаваться. Я пришёл искать соратников, тех, кому так же небезразлична судьба целого города. Тех, кто готов рискнуть всем ради других. Мотыльков, что бросятся прямо в сети, чтобы попытаться их разорвать... — Он обернулся к ней и взглянул в глаза, протягивая кинжал. — Так расправь же свои крылья!

Соратники

Убийца и стражница укрылись в замусоренной подворотне напротив таверны, скрытой в плюще. Сидя на корточках, выглядывая из-за угла, они имели прекрасный обзор, при этом оставаясь в тени.

— Там, — указал рукой Александр в сторону неспешно прогуливающегося туда-сюда мужика с дубиной на поясе. — И там ещё двое. При первой же подозрительной роже они поднимут тревогу, и эти трущобы обернутся против тебя.

— Как ты их вычислил?

— Очень просто, на главной улице не задерживаются без причины. Правда, я слишком поздно понял это.

— У Люберта всего трое стоят в патруле? — спросила девушка, выглядывая из-за угла.

— Нет, это у Дэви всего трое стоят в патруле, — поправил её Александр. — Они внимательно следят... должно быть, выискивают личных врагов и должников, — Александр повернулся к Лейре и бросил взгляд на ярко-голубую рубаху и плащ с нашивкой. — Но главная их работа — избавляться от стражников, забредших сюда.

— Трое патрульных... Бродягам ни за что не справиться с хорошо тренированным стражником! — фыркнула капитан.

— Именно поэтому они позовут друзей, — он щёлкнул пальцами перед её лицом. — Не отвлекайся, нам нужно следовать плану. И тогда, возможно, у нас всё получится.

Девушка положила ладонь на плечо Александру. Тот почувствовал, как пальцы впиваются в его кожу сквозь рубаху.

— Возможно? — переспросила девушка.

— Да, возможно! — зашипел Александр, скидывая её руку. — В отличие от вас я не питаю иллюзий о своей всесильности и прекрасно понимаю и знаю, что даже в самом выверенном плане всё может пойти не так.

— Хорошо, а что потом? — закатила глаза Лейра.

— Я не планирую слишком наперёд, а действую по ситуации. Развивать имеющееся преимущество гораздо важнее, чем надеяться на мощный выход в конце партии.

— Ты что, — девушка вздёрнула бровь, — построил свою якобы философию вокруг настольной игры БанДжо? Это не шутка? — Она отшатнулась, оступилась и в недоумении скривила лицо. Александр же не дрогнул. Более того, он прикрыл глаза и погладил отросшую щетину на манер мудрых старцев.

— Пусть это будет БанДжо. В конце концов, какая разница, карточная игра, политический интерес или религиозное рвение... И там и здесь люди, которые хотят захватить побольше, сделав поменьше и желательно без последствий, — он приоткрыл один глаз, растянув губы в усмешке. — Но откуда столичный стражник может знать об игре, которая в ходу лишь в самой лютой глуши?

— Стражники знают все настольные игры в стране, — она усмехнулась, зарделась и отвела взгляд. — Не то чтобы у капитанов было время играть... мы же должны быть в курсе, чем занимаются наши подчинённые.

— Ясно, — кивнул Александр. — Итак, если ты закончила... — Александр потряс рукой в воздухе, подбирая подходящие слова, но, так и не найдя, просто махнул. — В любом случае нужно будет сперва незаметно подобраться, а ваши белоснежные одежды и прекрасная шляпа слегка выделяются.

Капитан нахмурилась. Она вздохнула и, поправив шляпу напоследок, сняла её с себя, положив на ящик и проведя рукой по успевшему помяться перу.

— Надеюсь, её не украдут. Мне ещё понадобятся какие-нибудь тряпки, чтобы укрыться в них.

— О, этого добра здесь навалом!

Преимущество

Дэви сидел на своём привычном месте, сразу возле входа, и тоскливо перебирал пальцами по столу. Перед ним на этом самом столе лежал очень странный меч. Выкованный из чёрного железа, он не имел гарды и был слегка изогнут к острию, являясь, по сути, заточенной кривой железкой с рукоятью, обмотанной кожей.

— Что ты об этом думаешь, Карл? — повернувшись к окну, обратился он к человеку за стойкой.

Высокий, в приличной одежде, седовласый мужчина протирал бокалы с улыбкой, не сходящей с лица. Он ничего не ответил Дэви, даже не повернул головы в его сторону.

— Хотел бы я тоже быть таким невозмутимым, как ты, — перестав постукивать по столу, он хлопнул по нему ладонью. — Ну, пора собирать вещи и занести напоследок эту

железку Лукреции. Вряд ли кто-то сейчас к нам заявится...

В этот момент двери распахнулись, врезавшись в стены, а внутрь ворвались двое в лохмотьях. Увидев лицо Александра, Дэви распахнул глаза от удивления и схватил меч со стола.

Александр тут же метнул ему в глаза песок.

Зарывав, ослеплённый трактирщик махнул мечом наугад. Через мгновение его оружие со звоном упало на пол, а лицо Дэви встретилось со столом. Из носа брызнула кровь.

Подхватив скамейку и захлопнув двери, капитан подпёрла их. Александр же схватил толстяка и, крикнув, перетащил его себе на горб.

— Куда теперь? — спросила девушка, утирая пот со лба. На бар со стуком опустился стакан. Александр и Лейра перевели взгляд на мужика за стойкой. Он с улыбкой на лице смотрел на них, не отводя взгляда. Открыв рот, он не издал и звука. Что-то беззвучно произнеся, он подмигнул им. Переглянувшись между собой, они вновь уставились на него. В данной ситуации внезапно свалившееся на них дружелюбие шокировало. Мужик вздохнул, указал рукой в направлении одной из дверей и вернулся к своим делам.

Немного помедлив, Лейра протянула:

— Э... Спасибо?

Он не обратил внимания на её слова.

Александр же жестом приказал ей следовать за ним. В забаррикадированную дверь уже начали ломиться. Закинув руки обмякшего Дэви себе на плечи, Александр подхватил выбитое оружие. Хотя оно и было странной формы, но оружие есть оружие.

Как и указал странный человек, они вышли во внутренний двор, окружённый с четырёх сторон зданиями.

— Гляди, мамка! Толстяка куда-то тащат! — закричал мелкий мальчишка, сидящий на пороге дома напротив, и стал тыкать в них пальцами.

— Ты же не собираешься... — начала Лейра, опасливо поглядывая на Александра.

— На это нет времени, — сквозь зубы процедил он. Тащить на себе крупного мужика было непросто.

Дверь в трактир тем временем развалилась, баррикада пала, внутрь таверны ворвались громилы. Забежав, они уставились на человека за стойкой, который, всё так же улыбаясь, свободной рукой указал им на чёрный вход, не отвлекаясь от своих дел. Они выбежали во двор.

Завидев их, мальчишка на пороге подскочил и, указав рукой в сторону выхода на главную улицу, стал прыгать и кричать.

— Туда! Они пошли туда! — успел крикнуть мальчишка, как из дома вышла женщина и утащила его за ухо внутрь.

Толпа собравшихся громил рванула на улицу.

Среди блуждающего народа они без труда заметили ослепительно переливающееся на солнце перо на белоснежной шляпе.

— Эта шляпа! Тварь Лейра! А ну, взять её! — рявкнул один из них, узнав шляпу.

Низкорослое существо, осмелившееся выбраться из переулка прямо на улицу в столь роскошной находке, сразу поняло, что это обращались к нему. Обхватив грязными руками обновку, оно завизжало и побежало прочь что есть мочи. Толпа громил же устремилась за мелькающей в толпе шляпой.

Александр не имел привычки возвращать то, что однажды ему одолжили. Мастер-ключ

без труда открыл внушительного вида замок, и трое людей исчезли внутри здания, заперев за собой парадный вход.

Обычно переполненный зал пустовал: сегодня здесь ничего не происходило и зрителей не предвиделось. Чистые, осиротевшие скамьи были починены, покрашены и расставлены ровными рядами, ожидая следующего дня, когда на арене вновь закипит жизнь и смерть.

— Какая удача! — хмыкнул Александр и швырнул трактирщика на ближайшую скамью.

Тяжёлое тело рухнуло, издав ужасный треск. Скамья под ним развалилась, а сам Дэви очнулся.

Он начал кашлять, воздух вырвался из его лёгких. Не успев толком даже раздышаться, он получил от Александра удар под дых. Дэви загнулся и скрючился, не переставая кашлять, схватился за живот.

— К чему такая жестокость? — прохрипел он. — Я, кха-кха, знаю, зачем ты пришёл! Это всё Люберт!

— А ты тут, паскуда, ни при чём, значит?! — зарычал Александр, схватил его за грудки и поднял на ноги.

— Эй! Люберт спас тебя, хоть и мог бросить на растерзание прямо на этой арене, но не сделал этого! Тебе выплатили золото и отпустили без удара в спину! Неужели ты не ценишь хотя бы этого?

— Не обо мне сейчас речь!

— Это правда? То, что задумал Люберт? — вмешалась Лейра. Она скинула с себя лохмотья, мотнув головой, расправила волосы и задрала подбородок, устремив изумрудный взгляд прямо на трактирщика.

Дэви сглотнул кровь и рассмеялся.

— А не всё ли равно?

Александр помедлил мгновение, а затем скинул толстяка в яму арены.

Едва не переломав себе кости, Дэви с внушительным грохотом рухнул на песок. Александр спрыгнул следом, не давая времени ему прийти в себя, и вновь взял его за грудки.

— Ты отказался от смысла существования, и всё, что ты теперь делаешь, это лебезишь и заискиваешь, утратив остатки гордости. Ради чего? Ради набитого брюха и согретой задницы?! — Александр хорошенько встряхнул бывшего подельника.

Лейра, оставшаяся наверху, прижала руки к груди. Она хотела остановить это варварство, но холодный голос и пламенная речь не позволяли ей даже шелохнуться.

— Из человека ты превратился в червя, коих сам презираешь, но ещё не всё потеряно, червь! — Глаза Дэви были полны злобы, но слова Александра обращали её в смятение. — Скажи мне, что на самом деле затеял Люберт. Где он прячется, где прячет оружие. Ответь мне! Выдави из своей поганой натуры остатки честности. И спаси хоть кого-нибудь!

Дэви метнул глазами в сторону, и тут же уголки его губ вздрогнули. Это не укрылось от взгляда Александра. Он обернулся в том же направлении.

В пробивающихся сквозь дырявую крышу лучах солнца к его горлу приближалось блестящее острие меча. Взмахнув рукой, он отвёл клинок в сторону, но жизнь его всё ещё висела на волоске. Перед ним, выскочившая из ниоткуда, стояла воительница, которую он спас днём ранее. В её руках сверкали два меча.

Отскочив назад, Александр едва не оступился, но всё же увернулся от взмаха второго клинка.

Девушка-гладиатор встала с двумя мечами между Дэви и Александром. Босые ноги

беззвучно ступали по песку, она была всё так же облачена в пару повязок и закрытый шлем, за которым не было видно даже глаз, но это и не требовалось. Александр кожей чувствовал, как в этой девушке пышет ярость и жажда крови.

Утерев кровь, Дэви поднялся на ноги.

— Как удобно изрыгать пафосные речи безоружному человеку, да? — бросил он.

Александр собирался было огрызнуться, но стоило ему открыть рот, девушка тут же рванула вперёд.

— Не болтай, — прошипела она. Перед глазами у Александра всплыло чудовище, что он сразил в графстве Ягуара, так яростна и свирепа была эта девушка. Её меч опустился вниз, а рука согнулась в локте. Александр уже видел этот приём. Выставив клинок перед собой, он позволил ей ударить по нему.

Оружие должно было вылететь из его рук, но он, предугадав это действие, извернулся и, описав мечом дугу, закрылся им от следующего удара.

Лезвия зазвенели, от двух острых мечей Александра отделял лишь его собственный клинок, прижимаемый к груди. Не теряя инициативы, Александр отдал сапогом девушке босую ногу. Она стерпела боль и не показала виду, но это отвлекло её на мгновение, и Александр не потратил его зря.

Толкнув всем корпусом противника, он расцепил мечи.

Она оступилась.

Он занёс клинок над головой.

Она не могла сделать выпад, потому сама закрыла клинками голову.

Александр улыбнулся. Пригнувшись, он со всей силы пнул её по ногам. Из-под шлема раздался рык, и девушка повалилась на землю. Александр пинком выбил меч из одной её руки, а на другую наступил пяткой. Девушка завопила не столько от боли, сколько от унижения, и принялась бить его по сапогу. Она не могла бить больно ушибленной рукой, да и сапоги у него были толстенными. Он просто не обращал на неё внимание. Лейра за это время успела лишь спуститься на арену и приблизиться к ним с мечом наготове.

— Посмотри на неё, — указывая рукой на гладиатора, обратился он к Дэви. — Без оружия, втоптана в песок... Но она не сдаётся! Даже если я приставлю к её горлу этот меч — она не сдастся! Она будет бороться до конца, до самой смерти, потому что она настоящий человек!

От этих слов гладиатор замерла. Александр убрал ногу.

— А ты, — он наставил на него острие меча, — ты лишь жалкий червь. Рассуждая об этих понятиях, ты, похоже, забыл, что твоя жизнь не имеет для тебя же никакого значения! И ты забиваешь себе глаза развлечениями, деньгами и бухлом, лишь бы не видеть то, что в окружающей тебя грязи ты и сам стал таким же, как те, кого ты презираешь.

— Замолчи. Заткнись! — завопил Дэви.

Лейра направилась к нему. Она собиралась допросить Дэви, издёвки Александра ни к чему не привели. Но тут он не выдержал. Его голос больше не принадлежал прохожему. Теперь его голос надрывался.

— Что, хочешь, чтобы я тебе всё рассказал как есть? Да? Этого ты хочешь? А теперь ответь мне, убийца. Зачем мне это делать?! Зачем мне предавать человека, который изменил мою жизнь?

— Потому что это не твоя жизнь, — сказал Александр и шагнул в сторону Дэви. Гладиатор тут же, не вставая с земли, тяжело дыша, ухватила его за ногу мёртвой хваткой —

Шик. Богатство. Власть, — Александр обвёл руками арену. — Единственное, что тебе действительно было нужно на этом проклятом острове, ты потерял. Ты так и не нашёл ту девушку, а ведь она может быть уже мертва. Или может погибнуть от того, что собирается сотворить Люберт. И ты просто позволишь всему этому случиться?

Дэви прикусил губу. Он ткнул в сторону Александра пальцем, будто указывая цель для спущенных с цепей псов. Но сейчас на этой арене была только одна собака, сорвавшаяся с цепи.

— И что ты предлагаешь? Жить, как безродной собаке? Перебиваться грошами и крохами в погоне за угасающей звездой? Что ты предлагаешь? Страдания? Лишения? Муки и потери, ради чего?! Ради прихоти? Ради мимолётного желания, что по какой-то причине вдруг пустило корни в душе, подобно сорняку, и теперь отравляет жизнь? Ты это предлагаешь?!

— Да, — ответил Александр. Вырвав ногу из рук гладиатора, он направился к Дэви. — Мы сами вольны выбирать свой путь. Пусть он будет полон боли и слёз. Пусть он оставляет шрамы на душе и теле, но ради чего мы живём... — Александр протянул руку и с хрустом сомкнул её в кулак, — ...как не ради того, чтобы стиснуть в своих руках мечту? — Он улыбнулся. — Я знаю, что ты ответишь мне, но я не знаю, кто мне ответит. Так скажи мне в первый раз за много лет без лжи. Кто ты? Червь? Или Дэви?

Дэви вздрогнул. Его всего трясло, он закусил губу до крови, костяшки на стиснутых кулаках побелели. Глаза, в которых недавно бушевала ярость, намокли. Небрежным жестом утерев глаза, он протяжно вздохнул. Пальцы нащупали на шее золотую цепь. Он снял через голову с себя медальон. Золотая раковина. Стиснув его в руках до крови, он усмехнулся.

— Я — Дэви! — сказал он и с силой швырнул медальон в другой конец арены.

— Ну и спектакль вы тут устроили... — фыркнула Лейра.

Медальон коснулся песка. Не прошло и мгновения, как он грозно заскрежетал. Кручёная золотая окантовка изгибалась и принимала причудливую форму, а камень в середине стал сиять. На мгновение украшение замерло. А затем словно выстрелило кристаллом в песок. Ушедший под землю камень оставил за собой дыру, а кручёная окантовка почернела, задымилась, а потом и вовсе рассыпалась.

Все четверо находящихся на арене в недоумении смотрели на место, где только что был медальон. А затем песок задрожал.

Песок ходил волнами, люди попадали на землю. Всё здание затряслось, потолок не выдержал, и ненадёжная конструкция стала разваливаться. Трактирщик, убийца, стражница и гладиатор были в смятении. Но их смятение сменилось ужасом, когда в середине арены песок расступился.

Из глубины песка вынырнула огромная груда костей. Сплетённая жилами, она представляла из себя скелет великана, который сейчас разворачивался из безобразного костяного комка. Жилы растягивали кости на места, и когда этот кошмар выбрался из-под песка, тварь расправила руки и завопила.

Ударная волна отбросила назад людей, а из их ушей полилась кровь.

Побросав оружие, они прикрыли уши руками. Оказавшись под защитой рук, Александр ужаснулся ещё больше, когда понял кое-что. Тварь не вопила — она делала вдох.

На его глазах песок из тёмно-рыжего становился привычно жёлтым. Кровь сорвалась даже с его лица и устремилась к чудовищу. Залетая в безобразную пасть, она прилипала к костям. Чудовище обрастало мышцами.

Александр не впервой было видеть чудовищ, но столь ужасных созданий он никогда не встречал. Он рефлекторно заозирался по сторонам. Стены слишком высоки, а решётки, скорее всего, заперты. Боя не избежать. С немым вопросом и ужасом на лице он повернулся к Дэви, хозяину этой арены. Но на его лице он увидел лишь ещё больший ужас.

Испуганные взгляды его товарищей и врагов, похоже, также никогда не встречавших таких чудовищ, неожиданно воодушевили Александра. Действительно, кому как не убийце заняться этой тварью. Ужас улетучился с его лица. Его место заняла самодовольная ухмылка.

Тварь сфокусировала свой взгляд на людях. Глазное яблоко болталось внутри мешка с кровью, и тварь могла лишь примерно понимать, где находятся те, на ком можно выместить свою ярость.

Александр помчался к чудовищу.

Тварь, услышав шаги, выкинула руку навстречу. У Александра не было даже тени надежды на то, что кто-то ему поможет, но это его не останавливало. Он прошмыгнул между пальцев чудовища, когда то попыталось схватить его, и, упав на спину, вонзил свой меч в ногу твари. Она даже не вздрогнула.

Используя меч как опору, Александр подтянулся и тут же прыгнул в сторону, вырвав меч. Выплюнув песок изо рта, он оценил ситуацию.

Тварь была необычайно быстрой. Частичную слепоту компенсировал непонятно откуда взявшийся слух. А боли тварь совершенно не чувствовала, так как, учитывая нелепость её строения, — каждое мгновение и так причиняло всё возможное в мире страдание этому созданию.

Пока Александр тратил драгоценное мгновение на размышление, глаз в мешке нацелился на него. Александр оцепенел от этого взгляда, полного отчаяния, злобы и боли.

Он стоял, не шелохнувшись, когда тварь развернулась к нему.

Чудовище занесло руку для удара, но Александр не мог пошевелить даже пальцем. И вдруг острая боль пронзила его лицо. По щеке заструилась кровь, и он, зашипев, схватился рукой за рану. На его скуле кровоточил глубокий порез, а рядом с ним в землю вонзился меч. Это спасло его. Схватив меч, он рванул в сторону, а на место, где он только что стоял,

обрушилась груды костей.

Александр бросил взгляд на чудовище. По его спине карабкалась с помощью меча гладиатор.

— Не стой столбом, тварь! — завопила она.

— Держи! — крикнул Александр и метнул ей меч обратно. Тот, просвистев в воздухе, врезался в плечо чудовища.

Разрезав прозрачную кожу, он впился в кость. По ней пошла трещина, из которой тут же вырвались жгутики, обвившие лезвие меча и рукоять, и стали затаскивать их внутрь твари. Рука же монстра, неестественно изогнувшись, приближалась к стене. Гладиатор, оставив меч в спине чудовища, прыгнула в сторону плеча. Ухватившись рукой за почти поглощённый меч, она оттолкнулась и прыгнула к повернувшемуся лицу твари.

Схватившись за мешковидный глаз и скрутив его, она с диким воплем вся выгнулась, а затем со всей силы протаранила острым шлемом глаз чудовищу.

И вот тут оно завопило.

Александр, бросив свой меч, закрыл уши руками, но голова всё равно раскалывалась. Стражница упала на колени, а пытавшийся сбежать Дэви и вовсе повалился кубарем.

Но не гладиатор.

Словно не слыша истошный вопль твари, она оттолкнулась и, раскинув руки в стороны, прыгнула назад.

Мягко опустившись на песок рядом с Александром, она подхватила с песка меч и поднялась во весь рост. Александру показалось, что сквозь вопль чудовища он услышал слово «слабак».

Девушка, сжимая меч двумя руками, рванула обратно к чудовищу. Оказавшись у него под ногами, она завертелась, как юла, кромсая его стопы. Кровь лилась рекой, ошметки мяса вылетали шматами, а девушка не унималась. Закрыв глаз руками, тварь пошатнулась, и изрубленные ноги не выдержали. Она упала на живот, сотрясая всю арену и проламывая её борт. Чудовище затихло, и на арене воцарилась тишина. И в этой тишине Александр услышал то, что заставило его сердце забиться о рёбра.

Посреди тишины раздалось журчание. Кровь журчала, затекая в чудовище обратно.

Видя это, обессиленная гладиатор упала на колени. Из-под её шлема стекали струйки крови.

Тварь же начала подниматься.

Александр шагнул вперёд. Он поравнялся с гладиатором и подал ей руку. Она повернулась к Александру. Он не мог видеть её глаз, но почему-то на душе ему стало спокойней, когда он заглянул в тёмный шлем.

Она крепко схватила его за руку и поднялась на ноги.

Они вместе рванулись к чудовищу. Александр подпрыгнул, вырывая меч из спины твари. Убийца вместе с гладиатором обрушили шквал ударов на сухожилия чудовища. Оно вновь завопило, извернулось, а потом просто провело лапой, и они отлетели в сторону.

Восстановившийся глаз зафиксировал девушку. Поднявшись обратно, монстр не мог устоять на двух ногах и встал на четвереньки, вздрогнул и прыгнул. Подрубленные ноги в очередной раз подвели его, и он просто распластался на земле.

Александр переводил дыхание и собирался снова броситься в бой. Чудовище же неподвижно лежало, зыряка своим глазом-поплавком то на Александра, то на гладиатора.

Кровь журчала, затекая в тварь. Закряхтев, она поднялась на ноги. На ноги поднялась и

девушка.

Александр дрожал. Пальцы стянули кожу на рукояти. И тут уши вновь пронзила боль. Но не от вопля чудовища. Это был короткий и низкий гул. Стрела. Огромная стрела, больше похожая на копье, прогудев в воздухе, вонзилась прямо в глаз чудовища. Она вошла в него, полностью скрывшись, и с чавканьем и хрустом вышла в затылке. Тварь обмякла и распласталась на песке.

Больше не сдерживаемая неведомо чем, кровь хлынула обратно в песок, окрашивая его в багровый цвет. Мясо стекало с чудовища, будто это была вода.

Все повернулись в ту сторону, откуда прилетело это бревно.

— Стоило мне покинуть Дюран всего на один день, как здесь начал твориться такой бардак... — на краю трибуны стояла Лукреция. Лицо её было скрыто карнавальная чёрной маской, но голос было невозможно не узнать. Вместо чёрного платья, что было надето на ней в прошлые встречи с Александром, сейчас она была облачена в чёрную куртку и дублённые штаны. В руках она держала лук, который возвышался над её головой, а женщиной она была далеко не низкой. — Скажите ещё, что это только начало, — сказала она и рассмеялась. Не теряя высокомерия, она сквозила авантюризмом.

— Так это правда? — спросил, поднимаясь с песка, Дэви. — Люберт и вправду собирается устроить хаос?

— До ручной собачки новости доходят последними, а? — усмехнулась Лукреция.

Дэви не ответил. Он посмотрел на скелет чудовища. Исыхающие жилы лопались, и кости падали на землю, рассыпаясь в прах. В следующий момент арену наполнил вопль негодования. Прижав руки к телу, кричала Лейра.

— Как это всё понимать?! Маньяк собирается взорвать город, люди готовы устроить резню, а вы тут убиваете чудовищ из кошмаров, а потом спокойно рассуждаете о том, что было бы неплохо остановить «это»?! Каким образом?!

Лукреция оперлась на лук.

— Девочка, если мы не остановим Люберта, то кто?

— Не смей называть меня... — зарычала стражница, но, встретившись взглядом с Лукрецией, осеклась. От бессилия она сжала зубы и топнула ногой. — Как вы вообще можете так спокойно рассуждать после... После этого! — указала она обеими руками на рассыпающийся скелет великана.

— Обычный циклоп, — убирая мечи в ножны, отозвалась гладиатор. Её голос глушился шлемом и получался более гулким, чем был на самом деле. — Только чересчур мёртвый.

— Обычный?! ОБЫЧНЫЙ! — продолжала вопить Лейра.

— Если ты и дальше собираешься истерить, то я тебя, пожалуй, сразу прирежу. У меня жутко болят уши, и вопли ещё одной твари я терпеть не намерена, — подперев бока, сказала гладиатор.

— Да вы с ума все походили?! И что же вы собираетесь делать?!

— А это, — Лукреция улыбнулась, — пусть нам скажет Дэви.

Взгляды всех людей обратились на трактирщика. Сглотнув, он стиснул кулаки.

— Я до последнего думал, что этот безумец изъяснялся метафорами насчёт города в огне. Но, похоже, мы живём в не менее безумном мире, — его взгляд засиял. — Хорошо. Давайте спасём этот город.

— А потом вы все ответите перед законом! — вспыхнула капитан, но её проигнорировали.

— Каждый пойдёт и займётся своим делом. Если мы все справимся, то этот вечер станет обычным тихим кровопролитием с десятками трупов. Но если кто-то из нас облажается, то мы все умрём, — глухо сказал Дэви.

От негодования капитан стражи закрывала и открывала рот, а потом тяжело вздохнула:

— Когда всё закончится, вы все ответите перед законом!

— До этого нужно сначала дожить, — поднял руку в останавливающем жесте Александр.

— Александр дело говорит. Девочка, — сказала Лукреция, — ты сбегашь к своим бесполезным дружкам в мундирах и прикажешь окружить особняк графа с другой стороны. Дэви тем временем выведет людей и уродов в безопасное место.

— Лукреция, — встрял Дэви, — вы должны отправиться в руины под трущобами, эта тварь может быть не единственным чудовищем, запрятанным в городе.

— А ты, Александр, — вновь заговорила Лукреция, переводя взгляд на убийцу, — убьёшь Люберта.

Учитель

Странный меч Лукреция потребовала себе. Взамен Александр облачился в лучшее снаряжение, что могли ему предоставить на арене. Проверив ремни железного нагрудника, он удовлетворительно кивнул. Пусть он и привык к плащам, но если требовалось лезть в логово, как он теперь убедился, следовало подбирать себе подходящее снаряжение. Повесив на пояс меч и спрятав кинжал, он собирался уходить, но перед этим захватил ещё метательных кинжалов. Сейчас он был полностью уверен в себе. Он не потеряет над собой контроль во что бы то ни стало!

Отдышавшись, он вновь перешёл на бег. Александр нёсся сквозь трущобы, расталкивая людей и не обращая ни на кого внимания. Грязь не волновала, а тупики и лабиринты не встречались. Внутри него завелось чутьё, которое помогало точно определять направление в трущобах, подобно компасу. Он был полностью посвящён одному делу — убить Люберта. Вдруг земля заходила ходуном, он едва не упал на колени. Где-то вдалеке раздался крик, который, подобно собачьему лаю, моментально передался на все трущобы.

— ПОЖАР!

Люди тут же изменились, взбесились, запаниковали. Каждый кинулся бежать и толкаться в разные стороны: кто-то хотел спасти пожитки, а кто-то заранее направился к каменной улице. Внизу было уже не протиснуться. Оттолкнув от себя женщину и устроив кучу малу, Александр выиграл немного пространства, сразу же вскочил на стену и забрался на крышу. Отсюда были видны разгорающиеся очаги пожара и фальш-панели, закрывающие особняк.

Солнца уже клонились к горизонту, окрашивая город золотыми отблесками. Он был уже совсем близко к своей цели. А перед ним, преградив дорогу, стоял Ян.

В руках он держал меч.

— Я мог бы предотвратить этот кошмар, просто бросив тебя умирать или убив сам при первой встрече!

— Если ты этим хочешь сказать, что это я собираюсь устроить резню, то побереги свои праведные речи для того, кто действительно всё это учинил. Это Люберт! — Александр

вскинул руками. — А теперь не стой у меня на пути, я должен положить конец этой истории.

— Я не уйду. Я не позволю тебе уничтожить город!

— У тебя есть доказательства, чтобы продолжать обвинять меня?! — взревел Александр. Его терпение было на исходе.

— Да. У меня есть доказательство того, что ты собирался сжечь тут всё. Целый склад бочек с земляным маслом, на который мне указал проверенный человек из Дюрана! Вместе с моими парнями мы перетащили всё в его особняк! Подальше от тебя!

Александр шлёпнул ладонью себя по лицу и заржал. Лицо Яна побледнело.

— Ты проиграл! Я защищу Нуру, я защищу этот город!

— Нура? — переспросил Александр, припоминая это имя. — Это не та девушка из храма?

— Ты и пальцем её не тронешь! — закричал Ян, обхватывая меч двумя руками.

— У меня нет времени на твои глупые игры в героя. Либо ты уходишь с дороги, либо умираешь!

— Я могу сказать то же самое, — дерзко парировал Ян.

Время, что он мог выделить на попытку образумить юнца, истекло. Он мог одним движением перерезать горло мальчишке, и тот даже не успел бы заметить этого, но он этого не сделал. Ослиное упрямство и тупая наивность этого парня выводили Александра из себя, но он не мог его убить. Потому что он узнавал в нём себя самого. И это вывело его окончательно.

Ян, увидев возможность для атаки, прыгнул вперёд, приготовившись к удару. Удару настолько неумелому, что Александр ударил рукой наотмашь, и меч вылетел из рук парня. Кулак Александра врезался в живот, и Ян тут же согнулся. Не жалея сил, Александр пнул коленом. От удара паренька подбросило в воздух. Зарывав, Александр ударил другой ногой, и Ян, вскрикнув, упал в стороне, скрючившись от боли.

— Если ни ты, ни я не сдохнем, то после того, как ты расквасишься в своей тупости, — Александр стукнул себя по шее, — я научу тебя владеть мечом.

И тут дом, на котором он стоял, пошатнулся. Пошатнулся весь город. То тут то там гремели взрывы и вспыхивало пламя. Александр огляделся по сторонам. Пламя окружало особняк, брало трущобы в кольцо, гоня людей к особняку, как скот.

Людам, потерявшим дом и родных, останется лишь назвать виновных по ту сторону стены, и начнётся резня. А резня в планы Александра не входила. Теперь он строит планы, а не участвует в них. Эта мысль окрылила его, и он помчался к особняку.

Александр был готов к битве как никогда.

Особняк охранялся, но это его не остановило. Незаметно пробираться не было времени. Он ворвался во внутренний двор и обнаружил, что там уже идёт бой. Знакомые громы, в которых он узнал людей Дэви, сцепились с людьми Люберта. Это хоть и было ему на руку, но сердце его тут же ушло в пятки. Люберт мог уйти, только начнись переполох.

Избегая столкновений, он добежал до особняка, оттолкнулся от колонны, подпрыгнул и ухватился за лепнину балкона. Без труда подтянувшись, он забрался внутрь и плечом высадил позолоченную дверь.

Внутреннее убранство его шокировало. Главный кабинет графа был украшен бесценным ковром и дорожкой мебелью, чуть ли не из самоцветов. Собственно, сам изувеченный, смердящий труп графа до сих пор лежал возле стола, за которым сидел Люберт. В своих

окостеневших руках он держал чернильницу.

— М? Александр? — без малейшего удивления сказал Люберт. — И что же ты тут забыл? — Макнув перо в чернильницу, он оставил на бумагах пару пометок.

— Забыл забрать твою никчёмную жизнь! — крикнул Александр и кинул нож прямо в лоб Люберту. Кинжал засвистел в воздухе и с гулким треском впился в деревянный шкаф. Он промахнулся? Не может быть!

— Ну, насчёт «никчёмной» я бы поспорил, — сказал Люберт уставшим голосом, втыкая перо в голову трупа. — Да и не тебе моей жизнью распорядиться.

— Это мы ещё посмотрим, — ответил Александр и в два прыжка оказался на столе. Он занёс меч для удара, но ударить не успел. Люберт ударил первым. Всё так же сидя на стуле со скучающим видом, он рывком поднял руки и опрокинул стол, на котором стоял Александр. Стол вылетел у него из-под ног и отлетел к дверям, а сам Александр упал на середину комнаты.

— Посредственность, — Люберт поднялся со стула. Все бумаги уже были свёрнуты у него в руках. — Ты всё ещё обычный разбойник, который узнал чуть больше, чем ему положено. Ты никакой не герой.

— Я и не претендую на этот глупый титул, — сказал Александр, поднимаясь. — Я равнодушен к титулам. Герой, злодей — мне плевать на это всё. Я буду делать то, что хочу, и то, что считаю нужным. А сейчас я хочу и считаю нужным, — он указал на него острием меча, — чтобы ты издох!

— Вот как? — легко усмехнулся Люберт. — Что ж, если ты так уверен — попробуй.

Александр не нужно было приглашений. Он ринулся на безоружного Люберта, юркнул в сторону и направил свой меч ему в лицо, приготовившись выхватить кинжал. Но тот просто отвёл рукой меч в сторону с такой силой, что Александру пришлось выпустить оружие, лишь бы не потерять равновесие. Замахнувшись кинжалом, Александр неожиданно перекинул его в другую руку и пырнул.

Александр видел, как Люберт скучающим взглядом наблюдает за приближающимся кинжалом, навстречу которому двигается свёрток бумаг. Не видя собственными глазами, Александр не поверил бы ни за что, что выпад кинжала можно спарировать обычной бумагой. Закрутив кинжал, он вырвал его из рук и ткнул бумагами Александра в живот.

От этого толчка Александра отбросило к стене, он врезался в неё, едва успев подложить ладонь под затылок. Он упал на колени, исторгая недра желудка вперемешку с кровью. Он задыхался, не в силах сделать вдох. Железный доспех промялся, давя ему на грудь. В глазах начало темнеть. Выхватив метательный кинжал, он срезал с себя доспех, перерезал ремни и, с шумом вздохнув, вновь блеванул, заходясь кашлем.

— Фу... — Люберт поморщился, опустив взгляд на свёрток обычных бумаг. — Что ж, как я вижу, этот ковёр, что я собирался без особого труда забрать, безнадёжно испорчен... а ведь он задавал стиль всей комнате. Какая досада. И как иронично, я сам же привёл сюда человека издали, который испохабил мой ковёр, — Люберт горько рассмеялся. — Что ж, кажется, я потерял интерес к грядущей резне, так что я удаляюсь, — бросив бумаги прямо там, где стоял, и засунув руки в карманы, он захромал прочь.

— Ты никуда не пойдёшь! — крикнул Александр, поднимаясь на ноги, но Люберт уже не обращал на него внимания, будто он был для него пустым местом. Кровь вскипела в Александре, и он побежал за Любертом, но вдруг от сильного удара упал на спину.

— Разберись с ним, — сухо бросил Люберт и вышел из комнаты, не закрыв за собой

дверь.

Комната наполнилась едким дымом, а в дверном проёме стоял человек в чёрном плаще и широкополой шляпе, скрывающей его глаза.

— Давно не виделись, шенок, — раздался до боли знакомый голос.

Это был Дымитель. Он никак не изменился за последние двадцать лет.

— Ты! — зарычал Александр.

— Я, хе-хе-хе... — спокойно ответил Дымитель, всё так же покуривая трубку.

— Ты тоже работаешь на Люберта?! — рявкнул разбойник.

— М-м-м... Мы скорее партнёры. — Дымитель вошёл внутрь комнаты. — А ты, я смотрю, ошетинился, почти волком даже стал.

— Мне плевать, кто ты или что ты такое, но живым ты из этой комнаты не уйдёшь!

— Ты не смог даже поцарапать калеку! — указал пальцем он себе через спину, — А делаешь замашки на меня? Того, кому ты обязан своими клыками? — рассмеялся Дымитель.

— Будь ты сильнее Люберта, он бы не командовал тобой, как шавкой, — заметил Александр.

Напускное веселье Дымителя развеялось, его лицо стало серьёзным.

— Раз ты начал дерзить, то перейдём сразу к делу. К тому же уже время ужинать, — Дымитель поднял руку и стряхнул пепел. Облако чёрного дыма вырвалось из трубки, тут же заполонив всю комнату.

Александр не мог отчётливо видеть ничего дальше своего носа. Мимо него в дыму проносились твари из его воспоминаний. Каждое его воспоминание оборачивалось кошмаром и рычало, кряхтело, сопело и выло в этом гнетущем дыму. Чувство, которое давно преследовало его в кошмарах, вернулось и нарастало. Самая Страшная Тварь, от которой он пытался убежать, показалась прямо перед ним. Он знал, что это она. Он чувствовал это своим сжимающимся от холода ужаса сердцем.

Александр задрожал. Столько лет он корил себя за всё, что совершил. Столько лет он боялся прошлого, а теперь, когда оно предстало перед ним, бежать больше некуда. И чудовище, которого он боялся больше всего на свете и от которого, как оказалось, он бежал на край этого самого света... это был не он сам, как он в тайне даже от себя больше всего боялся. Это была невнятная из-за тумана мешанина из когтей и щупалец.

— Как на душе-то легче стало, — Александр с шумом выдохнул и улыбнулся. Это была та улыбка, с которой ребёнок встречает своих родителей, с какой возлюбленный видит свою половинку и с какой человек избавляется от охватившего его страха.

Он повернулся с широко открытыми глазами. Прямо перед ним стояло бесформенное существо из кошмаров. Оно меняло свой вид и принимало самые ужасные облики, которые можно только помыслить. И Александр рассмеялся. Он смеялся звонко и искренне. Так сильно, что тварь недоуменно вздрогнула.

— Какого?! — выругался Дымитель. Его дым рассеялся, а сам он, уже занеся кинжал над Александром, отпрыгнул подальше.

Александр открыл глаза.

— Как?! Страх должен был сковать тебя! — возмутился Дымитель.

Александр ничего не ответил. Он встал во весь рост, распрямив спину и расправив плечи.

— Игры окончены, чудовище. Теперь, благодаря тебе, я наконец обрёл спокойствие.

— Плевать, — прошипел Дымитель, — если это на тебя не подействовало, сделаю всё

по старинке!

Кинжалы сцепились, изрыгая букеты искр. Сталь звенела о сталь, но уставший Александр начала давать слабину.

Дымитель, скрипя зубами, наседал и, разогреваясь, становился быстрее.

И вдруг звук стали прекратился. Кинжал вонзился в плоть.

Александр схватился за бок.

— Ты всего лишь человек, — процедил сквозь зубы Дымитель.

— Большого для тебя и не надо, — прорычал Александр.

Александр выкинул метательный нож вперёд. Дымитель шагнул в сторону, уклоняясь. Он легко прочитал его действие, но нож не вылетел из рук Александра. Крутанувшись и оставшись в его руках, он устремился в глаз Дымителя. Тот не успел уклониться. Нож с хлопанием пронзил глаз. Дымитель схватился за него и стал вопить. Александр выхватил меч из ножен на поясе гостя из юности и вонзил его ему в грудь. Чёрная кровь хлынула по клинку, а Александр, схватившись двумя руками за рукоять, рванул меч вниз, разрезая рёбра под адские крики демона.

Александр увидел бьющееся сердце. Он схватил его и вырвал из груди, оттолкнув от себя извивающегося от боли Дымителя. Поддавшись своей кровожадности, Александр поднял в руках его ещё бьющееся сердце.

Дымитель шипел и тянул руки к своему сердцу. Александр же, смотря сверху вниз на существо, что второй раз изменило его жизнь, скалился в улыбке. Он не чувствовал глушащей ярости. Лишь наслаждение.

— Ученик превзошёл учителя, а человек превзошёл демона. Ты меня многому научил. Спасибо, а теперь умри.

Пальцы стиснули липкое сердце, сдавив его, и мягкое сердце демона сразу же превратилось в кашу. В остекленевших глазах Дымителя навечно застыли ненависть и ужас. Швырнув сердце обратно в разодранную грудь обмякшего демона и держась за раненый бок, Александр заковылял прочь из особняка.

Выбравшись во двор, Александр уселся на ступеньки. Был уже вечер, но от пожара было светлее, чем днём. Его глаза смыкались.

Во дворе раздались шаги.

Александр взял в руки оружие, но пальцы не слушались его. Железка выпала и забряцала по ступеням. Его мутило, тошнило, бок кровоточил, и всё тело сотрясала дрожь. А ещё он устал. Чертовски устал.

К нему вышла Лейра. Александр поднял на неё глаза и слабо улыбнулся.

— Никогда бы не подумал, что буду рад увидеть стражника... — Следом за ней вышли ещё стражники. Руфус, какой-то старик и добрая десятка стражников. Лейра не ответила, потому что это была не она. У Александра всё плыло перед глазами, и он обознался.

Улыбка сползла с лица Александра. Все трое стояли и смотрели на него молча.

— Вы немного опоздали, — сказал Александр, кивнув на горящий город.

— Лейра нам всё рассказала, — кивнул ему старик. — Что ж, ты во всем был прав. От себя и от всей королевской гвардии — я благодарю тебя.

— Стражник благодарит убийцу? — рассмеялся из последних сил Александр.

— Не совсем так.

Старик с седыми кудрявыми волосами до плеч извлёк из ножен меч. Он направился медленным шагом к Александру. Тот не сопротивлялся. Он сомкнул глаза. В воздухе

раздался свист. Александр ожидал, что сейчас его пронзит боль, а за ней последует долгожданный отдых, но боль и усталость никуда не делись.

Александр нехотя открыл глаза. Руфус и остальные стражники стояли на коленях. Старик же держал в руках церемониальный меч, лезвие которого плашмя лежало на плече Александра.

— Я, старший капитан стражи Юлий, благодарю не убийцу, а человека, что сегодня спас целый город. Из корыстных побуждений или из приступа альтруизма, но благодаря тебе тысячи жизней встретят новый рассвет. Сегодня начинается новая жизнь, и у тебя есть выбор, — сказал старик, сверкая карими глазами и перекидывая лезвие на другое плечо. — Продолжишь ли ты жизнь вора или начнёшь новую?

— Очевидно же, — прохрипел Александр.

Все́му своё́ место

Пожар разгорался всё сильнее. Он перекидывался по нелепым конструкциям, пожирая в своём пламени и дома, и людей. Было светло, как днём, но свет этот отливал цветами ада. В воздухе витал пепел и людские крики. Сквозь пламя, сражаясь с волей стихии, людей вёл Дэви. Орден мусорщиков и рыскатели также помогали вести людей, стойко держа в узде не только свои нервы, но и доверившихся им людей. Головорезы Дэви вели их всех, указывая безопасную дорогу, ещё не охваченную пламенем, следуя впереди по крышам.

По крышам пролегал самый короткий путь, и можно было бы покинуть эту часть трущоб по ним, но среди толпы людей, которую удавалось пока спасти, было слишком много калек, детей, стариков и слабаков. Не все бы преодолели такой маршрут, потому они двигались по раскалённой земле, боящиеся оказаться в любой момент в тупике.

Дэви остановился, вслушиваясь сквозь треск подступающего пламени и крики впереди идущих. Его в спину тут же толкнули бегущие прочь люди, не собирающиеся дожидаться остальных. Дэви было протянул руку, чтобы ухватить кого-то из них за рукав, остановить, вразумить, но он не стал этого делать. Его рука опустилась. Слишком многие жизни сейчас зависят от него, он не может себе позволить такую роскошь, как спасти всех и каждого.

Оглянувшись на ведомых людей, Дэви утёр пот со лба. Свет огня плясал и мерцал на зданиях, дым стелился по земле. Он не знал, сколько людей идёт за ними, сколько из них, потеряв силы, упали, оставленные на смерть. Этот первородный ужас смерти, дышащий в спину и забирающий товарищей на твоих глазах, был ему уже знаком. Много лет назад он был на войне, в похожей ситуации. Он бежал, бросив и флаг, и горн. Спасся только он.

Этого не повторится.

Взяв себя в руки, а с пояса морскую раковину, Дэви набрал в себя, сколько мог, раскалённого воздуха. Пожары здесь не были редкостью, и звуки морских раковин издавна оповещали людей о том, что пора бросать пожитки и бежать.

Надрывая лёгкие, Дэви подул в большую раковину. Перебивая крики и треск горящих домов, над трущобами разлился голос моря. Завывающая трель вылетала из витиеватой раковины и достигала ушей людей, которые наивно прятались в своих домах. Некоторые выглядывали на улицу. Некоторые из них, хватая всё самое для себя ценное, бросались бежать куда глаза глядят или присоединялись к быстро идущей толпе позади рыскателей. Остальные же не внимали вою тревоги, подчиняясь и повинувшись ядовитым нащёптываниям страха. Забившись в тёмные углы своих хлипких жилищ, им оставалось лишь дожидаться своей мучительной гибели.

Дэви набрал воздух в лёгкие, чтобы вновь воззвать к глупцам, не понимающим с первого раза, но когда он уже был готов задуть в раковину, его разразил кашель. Лёгкие жгло, дышать горячим воздухом, полным дыма и сажи, было тяжело. Откашлявшись, он повесил раковину на пояс. У них нет времени ждать тех, кто не желает выжить любой ценой.

— Впереди чисто! — проорал, стараясь перекричать бушующий хаос, человек с крыши. Бросив на него взгляд, Дэви кивнул ему и махнул рукой толпе.

— За мной! — рявкнул он, и они быстрым шагом, едва не переходя на бег, направились вперёд по узкой улочке, обставленной домами и шалашами, сплетёнными из верёвок, досок и ткани. Вскоре это место превратится в пепелище. Но если они успеют выбраться, если они успеют добраться до центральной улицы трущоб, отгороженной рядами каменных домов, —

огонь обломает свои клыки о мрамор. Нужно лишь добраться...

Не выдержав жара, верёвка наверху вспыхнула и лопнула. Это была обычная верёвка, натянутая на высоте третьего этажа. Но, как оказалось, на ней было много чего завязано. Не выдержав увеличившейся нагрузки, за ней полопались и остальные верёвки, сдерживающие навесной балкон у одного из зданий. Он рухнул вниз, проломив крышу и погнув подпорку дома. Те разлетелась на куски от удара, и целый пласт строений, прямо перед идущими людьми, начал падать и разваливаться, преграждая им дорогу.

Кто-то из толпы поддался панике. Закричав: «Успеем!» — они рванули вперёд. Несколько человек и правда успели проскочить. Но потом здание рухнуло, разваливаясь на куски.

Дэви, открыв рот, взглянул на высоту завала. Гора досок была примерно в четыре человеческих роста. Можно было бы перебраться, если бы в спину им не дышало подбирающееся пламя, которое шло теперь от них на расстоянии пяти домов. От увеличивающегося жара становилось дурно.

Увидев обрушение здания, один из идущих по крышам заорал:

— Через дом, на соседнюю улицу! — он махал руками, привлекая внимание, а затем стал указывать на дом прямо перед завалом. Дэви очень не хотелось во время пожара лезть внутрь и идти через дома, но, кажется, другого пути не было.

Жестом позвав людей за собой, он бросился бежать к этому дому.

Пинком выбив дверь, которая тут же слетела с петель и упала, он вошёл внутрь. Это было маленькое помещение, в углу валялись лежаки и горы мусора, напротив была лестница на второй этаж. Проводник с крыши оказался прав, противоположная стена имела дверь, и через дыру в стене виднелась соседняя улица.

— Быстрее! На ту сторону! — рявкнул Дэви. Люди стали набиваться в дом и переходить на ту сторону, но дверной проем был слишком узок. Образовалась давка. Кто-то упал на пол, и по нему стали идти, втапывая ногами в грязь. Дэви подскочил к нему и, оттолкнув идущего следом человека, вытащил бедолагу из-под толпы. Ответным толчком Дэви самого чуть не повалили на пол, но он устоял на ногах.

— Ломайте стены! — скомандовал один из рыскателей. Топоры застучали по хлипкой стене, высекая из неё щепки и проделывая в ней дыры.

Спустя всего минуту образовался достаточно большая дыра, в которую зашли те, кто не успел протиснуться сквозь двери. И следом за ними прямо перед домом рухнуло соседнее здание, объятые пламенем. Огонь перекинулся на дом, в котором они были. Люди завизжали, стали выбегать из помещения.

Дэви наблюдал за всем этим со стороны, ожидая, когда последний человек покинет загоревшийся дом, но их тут была ещё добрая половина, где-то полсотни. Окидывая их взглядом, он заметил, как по потолку пробегает трещина. Старые сухие доски моментально вспыхивают. На втором этаже что-то трещит и лопаются. Люди вопили и едва успели отбежать от спасительного выхода, как перед ним, пробив потолок, упала горящая деревянная балка, перегораживая выход. Воздух наполнился дымом, люди начали кашлять. Они в западне. Они здесь сгорят. Но Дэви не терял ни секунды, он подбежал к этой балке, на ходу наматывая на руки сорванный с кого-то плащ.

Обхватив горящее бревно, он заорал, не столько от боли, сколько от напряжения. Балка была дьявольски тяжёлой, она обжигала и грозила поджечь его одежду, но Дэви не отступал. В сторону её было не оттащить, не откинуть. Поэтому, подняв её достаточно, чтобы люди

могли покинуть, согнувшись, горящий дом, он переложил балку себе на плечо, чтобы удержать сколько сможет.

— Быстрее! Быстрее!!!

Люди покидали дом, а плечо Дэви начинало обгорать. К симфонии пожара присоединился запах горячей плоти. Дэви чувствовал, как обугливается его кожа, как жар пробирает до костей, как у него начинается кружиться голова и дрожать ноги. Руки пульсировали от ожогов, а плечо чернело.

Не в силах больше выдержать этого, Дэви заорал, надрывая горло, и, отпустив балку, выскочил из дома.

Ему тут же помогли встать, схватив за обожжённые руки. Но боли он не чувствовал. Все его мысли были обращены в этот проклятый дом. Он надеялся, что там больше никого не осталось, но точно знал, что выбрались не больше половины. Путь впереди был свободен, дом горел рядом с ними, но огонь ещё не перебрался на другие постройки, так как здесь они уже были частично построены из камня.

Дэви моргал, пытаясь остаться в сознании, но оно настойчиво уплывало. К нему подошёл один из рыскателей. Вытащив что-то из походной сумки на поясе, он сунул ему это под нос. Чувства тут же вернулись к Дэви, он почувствовал всё: сгоревшее дочерна плечо, и обожжённые руки, и тряпку с настолько острым запахом ссадины, что эта вонь выдернула его из небытия.

— Вставай! Ещё немного осталось! — закричал рыскатель.

Встав, Дэви увидел, что они остались здесь лишь небольшой группкой людей, которые пытались ему помочь. Остальные уже дали деру к спасительной площади из камня, где огонь был им не страшен.

Поспешив за ними, Дэви и окружавшие его люди уже бежали наперегонки с огнём, который жёг их спины. Но как только они добрались до стены из каменных домов, жар унялся, не грозя больше опалить их. Люди же дальше не пошли, они столпились на краю площади. Когда Дэви пробился вперёд, он увидел, почему все остановились.

На площади собрались люди в странных одеждах и с оружием. Больше нескольких дюжин, вооружённые мечами и топорами, они не давали пройти толпе, отгоняя и убивая тех, кто решался дать им бой или пытался проскочить мимо.

Люди кричали, вопили, пытались утешить убитых и раненых, но это нисколько не трогало преградивших путь. У них был суровый, целеустремлённый взгляд, полный решимости. После короткого перешёптывания они стали наступать, постепенно оттесняя людей обратно в объятия подступающего огня.

Дэви стиснул зубы до скрежета. Рыскателей слишком мало, а сам он не в состоянии сражаться или держать оружие. Похоже, всё снова закончится, как и тогда.

До ушей сквозь крики стал доноситься непривычный и давно забытый звук. Приближались лошади. Он встрепенулся, как и многие, что услышали топот копыт и повернули головы в его сторону.

Со стороны Дюрана в свете пожара в их направлении неслись всадники на тяжёлобронированных конях с копьями наперевес. Их вела девушка с мечом в руках и широкополой шляпой с пером на голове. Пламя играло всеми оттенками красного на их отполированной броне. Топот копыт заглушал треск пламени и крики.

— Именем королевской стражи, сметём душегубов! — скомандовала она, и лошади, ускорив галоп под ударами шпор, влетели в людей с оружием.

Оружие, которого испугались жители трущоб, королевской страже и их боевым скакунам, закованным в тяжёлые доспехи, было нипочём.

Шансов против рыцарей, даже всего лишь пятерых, у сброда не было никаких, но поняли это не все. Те немногие, кто имел достаточно ума, побросали оружие и пустились наутёк. Например, как самый горланистый из толпы, что при появлении кавалерии тут же испарился.

Шмыгнув поближе к зданию, укрывшись от всполохов пожара и факелов, он вгрызся в ногти. Выпучив глаза и задрав брови, он неровно дышал, смотря на рыцарей, влетевших в ряды одурманенных и подручных. В свете пожара блестели кольчуги, кирасы и копья. Жалкое оружие, которого должно было хватить, чтобы разобраться с крысами, пробежавшими не в ту сторону по огненному лабиринту, было бесполезным против них. Ржавые топоры и вилы лишь отскакивали от доспехов. Копья всадников же пронзали людей насквозь одного за другим, копыта топтали упавших, давили и отрывали им конечности. Вскоре в ход пошли мечи. Каждый удар рассекал человека, отправляя его под копыта, и этого хватило бы с лихвой... но. Крик ликования спасённых сливался с воплями разрываемых на части бедолаг.

Как это возможно, чтобы пятёрка жалких людишек, натянувших на себе железки, могла без шансов громить тех, чья вера сильна?! Откуда они вообще взялись в трущобах?! Остекленевший взгляд, полный горечи и ненависти, поднялся по мраморной дороге к Дюрану. То, что он нашёл там, вспышкой молнии стёрло все остальные эмоции, оставив лишь гудящий шок.

Гигантские ворота были распахнуты. Те самые гигантские ворота, чей металл уже сросся за давностью лет, сейчас были приоткрыты, впустив в трущобы силу, к которой они был не готовы.

Человек даже забыл, как дышать. Собственные мысли потухли. Сам он уже ничего не сможет изменить.

— Нужно срочно доложить обо всём Матери, — сорвалось с его дрожащих губ.

Оттолкнувшись от стены, он побежал, едва ли не крича от распирающего его напряжения.

Он ещё не восстановил силы после стычек, воздух обжигал грудь, ноги грозились развалиться, но его собственное состояние не имело никакого значения. Их общий план, в который каждый вложил всего себя, шёл прахом.

Не успев остановиться вовремя, он влетел в стену переулка, ударившись плечом, но это тоже было неважно. Пробираясь сквозь свежеразбросанный мусор, он добрался до муляжной стены, сокрытой глубоко в хитросплетениях переулка, куда не проникал свет. Ввалившись внутрь, он не удержался на ногах и рухнул на пол затянутой тьмой и паутиной комнаты. Не останавливаясь, перебирая руками, поднялся на ноги. Страж потайного прохода, скрывающийся, как всегда, в тени, похоже, узнал своего собрата и не удосужился даже выйти из темноты. Так даже лучше, сейчас нет времени на промедление!

Стоило ему войти внутрь, как его тут же ослепил яркий свет факелов. Зажмурившись, он остановился на месте.

— Учитель! Беда! — воскликнул он, стараясь не кричать. Глаза резал неприятно яркий свет, но он не смел их закрывать. В конце помещения что-то зашевелилось, поднялось, но не приближалось. Глаза слезились и никак не хотели привыкать к свету. — Рыцари перебили посвящённых, что должны были погнать нищих обратно к особняку! Но это ещё не всё...

Граф Дюрана мёртв. Он распустил стражу, и ночью к нему ворвалось отребье. Он всё же вышел из себя... старик давно был на нервах, и проигрыш ставки на арене его сломил, — вошедший схватился за голову. В силуэте вырисовывалась фигура женщины в ритуальных одеждах. Свет быстро становился терпимым. — На нём же куча договоров и пактов была завязана... Но и это ещё не самое ужасное... В город со дня на день придёт «Король воров»! Это плохо! Плохо! Очень плохо! Учитель! Почему вы не отвечаете?!

Женщина обернулась. Это была не Мать. Это была незнакомка, которая накинула на себя её одежды. Как такое может быть?! Как её мог пропустить страж? С неё не справилась даже Мать? Всё стало ещё хуже, когда он начал понимать, кто это. Это точённое бурями бледное лицо, этот взгляд, бурлящий превосходством...

— А ты много знаешь... — властный голос эхом прокатился по помещению. Эта страшная женщина с окровавленными руками и вспыхнувшими глазами направилась прямо к нему. — Пади же на колени, червь, ибо я та сила, что опустошила ваше гнездилище, остановив биение всех гнилых сердец! Падай и молись, и тогда ты проживёшь на этом свете достаточно, чтобы оказаться в пыточных казематах и, быть может, даже выбраться из них!

Рассвет и закат

Всё прошло не так уж и плохо. В конце концов, его могли просто убить.

Александр потянул затёкшие руки. В удручающей ситуации, в которой он оказался, ему снились на удивление безмятежные сны. Но стоило ему пробудиться, как настроение омрачилось старой раной в боку и болью в спине. Он сам виновен в том, что оказался в этом месте. Заперти, в небольшой комнатке, единственным убранством которой была старая кровать с соломой и нужник в углу. А за дверью расхаживали стражники.

Александр сел на краю кровати. Из рта пахло, на глазах словно отплясали черти, а в ушах гудело. Утренние солнца слепили сквозь решётчатое окно. Александр прикрыл глаза рукой. Растерев лицо, пытаясь привести себя в чувство, он вдруг замер, заметив кое-что важное.

Дверь не была заперта. Быть может, ему удастся сбежать, умчаться за горизонт и никогда больше не возвращаться в это место? Набрав в грудь душный воздух этой темницы, он схватил свою куртку. Быстро накинул её на плечи, всунул руки в рукава и затянул пояс.

Он положил руку на дверь. Та бесшумно отворилась. Он выглянул в коридор и тут же почти столкнулся лбом со стражником. Александр поплатился за свою беспечность. Стражник отшатнулся и тут же перехватил копьё. Рука стремительно метнулась за кинжалом в отчаянном жесте. Стражник закричал:

— Доброе утро, капитан Александр!

Александр недоуменно повернулся к нему. Стражник отдал честь. Неуверенным движением Александр повторил этот непривычный ему жест.

Кивнув ему, стражник вытянулся и, переложив копьё на плече, последовал дальше по коридору. Александр смотрел ему вслед, погружаясь в смятение.

Полагаясь на инстинкты, отдаваясь навыкам и сноровке, оказавшись одним из тех, с кем приходилось сражаться на смерть всю жизнь, тяжело время от времени не оказываться в таком дурацком положении, когда разум и опыт вступают в конфликт, оставляя тело без движения и мешая друг другу.

Всё это было для него непривычно до сих пор. Александр взял в руку медальон, что висел у него на шее. Трофей, оставшийся от погони за Любертом. Золотая раковина. Проведя пальцем по её граням, он увидел в ней своё отражение. Вещь наверняка обладала скрытой силой. В прошлый раз похожий амулет пробудил или даже создал чудовище на арене. Но избавиться от проклятой вещицы, как настойчиво нашёптывал ему разум, он даже и не думал. Заглядывая в глубины золота, он вновь окунался в ту, понятную ему жизнь с погонями, сражениями, каждый день висящую на волоске. Пусть это и было всего пару месяцев назад, ощущалось это совсем иначе. Отблеск металла отразился в глазах Александра. Пусть он и оказался сейчас стражником, цели его не поменялись.

Не прячась и не крадясь, просто идя по коридорам казармы, Александр направился на тренировочный двор, там его уже заждались.

Солнца вошли в зенит и обрушили весь свой свет и жар на истощённого парня. Ян стискивал в руках затупленный меч. Руки дрожали, пальцы сжимали рукоять до хруста. Он тяжело дышал, но хватки не ослаблял, хоть пот и капал со лба, закрывая обзор. Напротив стоял Александр. Тренировочные мечи обычно представляли из себя тяжёлые дубины, раза в два тяжелее, чем боевое оружие. В Дюране же свой взгляд был на многие вещи, и учебное оружие не стало исключением. В столице использовались исключительно железные заготовки вместо деревяшек. Даром что были железными, они всё ещё походили на палки.

Ян дёрнулся, и палка тут же с треском впечаталась в его запястье.

— Хватку легче, — сказал Александр. Он стоял напротив и взирал на Яна сверху вниз. — Меч должен легко лежать в руке и с такой же лёгкостью отнимать жизни. Не цепляйся в него, как дикий зверь, это оружие человека. И забыв об этом, — тренировочный меч Александра свистнул и с глухим гулом врезался в оружие Яна. Тренировочная заготовка зазвенела, выскочила из пытавшихся сдержать её пальцев и, упав в песок, замолкла, — ... вмиг станешь безоружным.

Позади раздались шаги.

— Сотня отжиманий, — бросил он Яну и отвернулся.

Перед Александром стояли трое капитанов. Старик был при параде — ему очень шёл голубой мундир с хрустальными застёжками, подчёркивающими седину, и он это знал. Лейра была при своей белоснежной одежде и в шляпе с пером, а Руфус всё так же был разодет в пёстрые, пышные, почти что шутовские одежды. Вот только за спиной у него покоился здоровенный двуручный меч с широкой и длинной гардой в целый локоть. Александр кивнул им и сложил руки на груди. На более дружественный жест приветствия он не расщедрился.

— Рад вас видеть, господа стражи. Чем обязан визиту?

Не успела Лейра поздороваться с Александром, как из троицы вперёд вышел Руфус.

— Во имя всех смертей, я уж лучше выделю ему место в казарме и настоящих мастеров, чем буду позволять тебе и дальше позорить плац своими потугами научить его махать железкой! Ты! — обратился он к Яну. — Свободен!

Ян недоверчиво перевёл взгляд на Александра, тот ему кивнул и, небрежно махнув рукой, приказал убираться.

— И не забудь сдать тренировочное оружие! Под указ о сдаче мечей попадает и оно тоже.

— Со своим дрыном ты что-то не торопишься расставаться, — заметил Александр.

Руфус искривил лицо в самодовольной усмешке.

— Это моя собственность и гордость, так что меня это не касается. Только оружия из королевской оружейни. Ну да ладно... Сейчас как раз всех капитанов собирают на плацу, — продолжил Руфус. — Ты тоже идёшь.

— Нет, — ответил Александр.

— Что? Что значит нет?! — взорвался Руфус. Юлий положил руку ему на плечо и, прокашлявшись, заговорил:

— Руфус хотел сказать, что ты не можешь просто игнорировать рутину служебной жизни в виде построений и отчётов.

— Вот значит как? — Александр вздёрнул бровь. — Юлий, тебе, может, не докладывали, но отчёты я предоставляю ежедневно.

— Отрубленные головы разыскиваемых преступников... это не отчёты! — взревел Руфус. Александр усмехнулся и взмахнул рукой.

— Зато их легко опознать. Может, вы забыли, — улыбка исчезла с его лица, — но вы кое-чем мне обязаны. Не только вы трое. Весь этот чёртов город мне задолжал. Пока вы топтали пыль на плацу и лизали задницы дворянам, проходимец предотвратил резню, — Александр шагнул к стражникам и ткнул себе в грудь пальцем.

— Это заслуга не тебя одного! — нахмурилась Лейра.

— Несомненно, — кивнул Александр, — но именно я сразился с Любертом, и тот бежал из города. С тех пор его не видели. Не извольте беспокоиться, скоро я навсегда покину Дюран и не буду более мозолить вам глаза, — Александр расплылся в ядовитой улыбке. — Не станут же люди чести забирать свои слова, которые они дали мне? Таков ведь был наш уговор, да?

Юлий нахмурил взгляд.

— Твой подвиг неоспорим. Мы в вечном долгу перед тобой. Но об этом знает лишь совет капитанов, и если ты и дальше будешь своевольничать, возникнут вопросы...

— На которые ты, Юлий, — Александр подошёл к нему вплотную, — найдёшь ответы. Не беспокойся, тебе недолго придётся изворачиваться, покрывая мою разгульную жизнь, — Александр помрачнел. — Как только я нападу на след Люберта, я отправлюсь за его головой, а после мы расстанемся.

— И что же ты узнал за эти пару месяцев? — покручивая ус, Руфус прищурился.

— Пока лишь только то, что этот хромой калека уж слишком интересовался одним далёким монастырём...

— Пусть будет так, — перебив их, сказал Юлий.

— Что?! — взревел Руфус. Бешено вращая глазами, он переводил взгляд с Лейры на Юлия и обратно. — Вы пойдёте на поводу у этого... отребья?! И что ты скажешь маршалу?

— Что я скажу маршалу, не твоя забота, капитан, — рявкнул Юлий. Александр впервые видел, как старик повышает голос. — Но если тебе так интересно, то наш новый капитан, за которого мы все ходатайствовали, займётся частным расследованием и поимкой особо опасного преступника собственными руками. Так что, Александр, не подставляй меня и постарайся держать себя в руках.

— Ты не можешь так поступить...

— Я уже так поступил, Руфус. А сейчас вам обоим пора на плац. Я же несу караул во дворце. На этом всё.

Лейра и Юлий коротко кивнули Александру. Тот кивнул им в ответ.

— И ещё... — Юлий остановился, бросив взгляд на Александра через плечо. — Учитывая обстоятельства, тебе придётся притащить ещё пару голов, до которых более... законными методами нам не добраться. Как обычно, без свидетелей. Я сделал тебя капитаном, чтобы спасти твою жизнь, но пока что... она всё ещё в моих руках.

Не дожидаясь ответа, старик последовал прочь, а Лейра, кивнув ещё раз Александру, остановилась, задержалась на мгновение, будто желая что-то сказать, но вместо этого наградила его хмурым взглядом и последовала за Юлием.

Руфус же остался стоять на месте. Склонив голову, напрягая плечи, стискивая кулаки.

— Ну а ты чего тут забыл? Тебе же надо вроде бы нести службу, или что вы там вообще

стражники делаете между попойками?

— Забыл? — переспросил он, переполошившись. — Я ничего не забываю! И не забуду... — он повернулся к Александру. — Например, как ты сломал мне нос.

— И могу это повторить, — процедил сквозь зубы Александр.

— Ты угрожаешь капитану стражи?! — Руфус скрестил руки на груди.

— Не забывайся! Сейчас я тоже считаюсь капитаном стражи. Или ты привык задиаться только перед теми, над кем у тебя есть твоя мелочная власть?

— Всё так же огрызаешься, как тупая собака... Кое-что никогда не меняется... Брось перед тобой кость, и ты накинешься на неё, даже не беря в расчёт, кто тебе и зачем её бросил. Ты просто животное, которое мечется из стороны в сторону, гонимое собственным раздутым эго, — усмехнувшись в усы, Руфус пошёл прочь. Пройдя пару шагов, он остановился. — Эй, собака! А ты знаешь, что было в той бумажке, которую ты нёс через всю страну?

Александр не сострил в ответ, почему-то промедлив.

— Это было приглашение на мясобойню в трущобах, — Руфус полуобернулся, на его лице была выточена надменность. — Третий поворот направо с главной улицы от арены, две лестницы вниз и седьмой дом насквозь.

Александр не придавал значения его словам, он не воспринимал оскорбления всерьёз и не поверил ему про письмо. Но этот взгляд... Этим взглядом Руфус бросал вызов. Этим взглядом он показывал, что не только на словах считает Александра тупым животным, он свято в этом убеждён. Более того, эти слова и есть та кость, брошенная безродной скалящейся псине. В его глазах застыло ожидание. Руфус был убеждён, что собака, только что щетинившаяся на него, безвольно подползёт, примет эту подачку у него прямо из рук.

Александр собирался поставить его на место. Но возмущение, кипящее в его крови, побуждало его лишь тяжело дышать и сжимать кулаки, ведь отклика в разуме оно не нашло. Весь разум Александра сейчас был поглощён этой подачкой. Он не мог подобрать едких оскорблений, ведь он думал больше о том письме.

Он не мог пошевелиться, чтобы послать наглеца хотя бы жестом, ведь всё тело его увязло в чувстве отчаяния, пробуждённом забвении и страхе, что ему так и не удалось сбросить с хвоста своё прошлое.

Он даже не мог перестать выдавать всё это с головой одним своим видом. И Руфус знал, что так и будет. Надменность на его лице растаяла, переплавившись в наслаждение. Самодовольный идиот, который доставлял столько неудобств и корчил из себя невесть что, сейчас стоял весь такой напуганный, растерянный, растоптанный. Поставленный на место.

Письмо, которое должно было стать путеводной звездой, было лишь приглашением на мясобойню? В трущобах? Почему? Зачем? Вопросы роились в голове Александра, на лбу проступил холодный пот.

— Пожалуй, пойду я. Оставлю тебя поразмыслить над тем, кем ты действительно являешься. О, и при нашей следующей встрече, пожалуйста, постарайся обойтись без шутовства.

Александр встрепенулся. Эта последняя фраза была подобна гвоздю в крышку гроба его самообладания. Такого он стерпеть не мог. Он рванул вперёд, быстро и тяжело шагая, распаяясь ещё сильнее. Он подошёл почти вплотную к Руфусу. Его плечи напряглись, кулак стиснулся, их взгляды встретились.

Капитан был выше Александра, тому приходилось заирать голову, чтобы смотреть ему

прямо в глаза. Из-за пышных одежд он казался в два раза шире. Разбойник и стражник. Они были совершенно разными, но объединяло их одно и то же. Железный, искрящийся взгляд и желание сразиться. Они жаждали сокрушить друг друга, уничтожить то, до чего кулаками и железом не добраться. Они оба понимали, что не поднимут руку друг на друга, и они оба понимали, что дух Александра уже сломлен.

Он замахнулся рукой, пытаясь изменить ход вещей, но сила покинула его, рука стала невероятно тяжёлой, вялой, слабой...

— Проклятье! — сквозь зубы прорычал Александр, вскинул рукой и, дёрнувшись в сторону, обошёл его и последовал прочь.

Руфус ничего не бросил вслед бежавшему разбойнику, это было бы лишним.

Эхо прошлого

Слова Руфуса не шли у Александра из головы. Сейчас, сменив ладно пошитый костюм капитана на привычные обноски, он направлялся к Лукреции через трущобы. Погруженный в себя, он не замечал, как в плотной толпе на него налетали люди, и не слышал, что они ему кричали вслед. На главной улице в трущобах всегда было оживлённо, особенно в это время. Люди менялись сменами, возвращались в свои хлипкие дома или, наоборот, отправлялись на изнурительный труд. Обычно Александр старался избегать главной улицы, особенно в это время, но ноги сами несли его вперёд.

Он запутался. Не мог разобраться сам в себе. Он не лгал, когда говорил, что письмо его слабо заботит. Действительно, это был лишь ориентир в море возможностей, незначительный интерес, в силу опустошённости взявший на себя право выбирать курс...

Но почему же его тогда всего трясёт, а мир вокруг рассыпается? Зубы и кулаки стиснуты в едином порыве гнева, взывающего к животным инстинктам. В нём вскипала жажда убивать, и он не собирался, не мог её сдерживать. Даже утомлённые грубые рабочие трущоб чувствовали сочившуюся из него опасность и старались обходить стороной.

Он боялся этого чувства. Боялся вновь потерять над собой контроль. Потерять самого себя, вновь впустив в своё сознание то, что сидело глубоко внутри. Хладнокровие и расчётливость спасали его в ситуациях, когда необходимо было обнажать оружие, но сейчас... всё было совсем иначе. Времени больше не оставалось, ему не удалось избежать ситуации, превращающей его в зверя. Он должен был спешить к Лукреции, только она сможет помочь ему с накатывающим безумием, хоть и придётся заплатить за это непомерную цену. Другого, кто мог бы помочь ему, он так и не нашёл.

Александр убеждал себя в этом, понимая, что в этот раз нельзя отдаваться инстинктам и чувствам, что в этот раз ему не выбраться. Скрипя зубами, он молил себя сам, взывал к благоразумию! Сердце качало раскалённую кровь всё сильнее и сильнее, и только когда дыхание сбилось, а ноги затряслись, он остановился. Чтобы не упасть, он опёрся, навалился на угол рядом стоящего дома. Согнувшись пополам, он сплюнул пыль, утёр рот и поднял взгляд. Александр не заметил и сам, как помчался вперёд, впрочем, как и не заметил то, куда принесли его ноги. Тяжёлое дыхание оборвалось, а сердце ухнуло о рёбра. Он стоял перед мясобойней.

В абсолютно безлюдном, заброшенном переулке, в котором от вони и смрада кружилась голова, среди напичканных друг на друга домов выделялось сколоченное из ссохшихся

брёвен здание. Между криво и наспех прибитыми досками виднелись здоровенные зазоры. У этой хибары не было окон, а её вывеска была сорвана и наполовину погружена в кучу гниющих обрезков, костей и требухи, сваленных рядом с дверью. Над ней роились жирные зелёные мухи, а в самой куче копошились карлики-уродцы. При виде Александра они засуетились, выпрямились, насколько позволяли их горбатые спины, и начали прятать в лохмотьях куски гнили, издавая тихое рычание.

Находиться здесь было физически трудно. Вонь разъедала нос и пыталась вывернуть желудок наизнанку, от неё слезились глаза и хотелось убежать прочь. Но было здесь и ещё что-то. Почти первобытный ужас веял от этого здания. От одного взгляда начинала кружиться голова и возникали пугающие мысли. Разумом Александр понимал, что нужно уносить отсюда ноги поскорее, но он уже давно не слушал голос своего разума. Он направился напрямиком ко входу, туда, куда его пригласили много лет назад.

Зачастую в такие места его тащило кошачье любопытство, ощущение раскрытия чьей-то тайны будоражило его до мурашек, а убеждённость в том, что он всегда может сбежать, лишь подталкивала вперёд. В этот раз не было ни мурашек, ни убеждённости. И далеко не любопытство привело его сюда.

Он догадывался. Он хотел верить в то, что ошибается. Но он уже знал, зачем его могли пригласить в эту дыру. Когда ему вручили то проклятое письмо, к нему отнесли просто как к куску мяса. Ни жалости, ни попытки помочь. Даже капли сострадания не нашлось для ребёнка, потерявшего всё. Его просто отправили на убой.

Эти мысли ядовитым пеплом оседали на раскалённые чувства, затуманивая сознание. Дверь становилась всё ближе, как и его прошлое. Сгорбленные существа шипели и рычали, обступая его, вылезая из заброшек, выглядывая из-за углов. Пройдя мимо них, он поднялся на скрипучий порог, и стоило ему лишь опустить руку на дверь этой мясной лавки, как всех уродцев словно ошпарило кипятком. Всхлипнув, они прижались к земле и бросились врассыпную, толкаясь и стараясь как можно быстрее исчезнуть в обступивших его ветхих домах. Ветер занёс в этот богами забытый переулочек немного освежающего бриза. Вдохнув его полной грудью, Александр отворил дверь.

В крошечной тьме его души оскалило клыки чудовище, которое он упрятал туда, как ему казалось, навсегда. На его лице проступил звериный оскал. Последний раз он испытывал похожее чувство, когда спускался под отравой Лукреции в логово бандитов. Но оно не шло ни в какое сравнение. Эта злость, этот гнев, это желание убивать — они не были вызваны каким-то снадобьем, нет. Эта смесь крепла в задворках его разума долгие-долгие годы. С тех самых пор, как в его юные руки легло письмо, а на душу — подозрение.

Внутри было темно. И тихо. Он ожидал услышать стук топоров или хотя бы галдёж бездельничающих мясников. Но здешняя тишина была могильной. Мягко, беззвучно, он ступал, как хищник. Его присутствие было незримо, он даже задержал дыхание.

— Приветствую, Александр!

Голос, не рассчитавший громкости, обрушился ему в самое ухо. Александр испытал потрясение. Ему как будто обломали клыки. Он вздрогнул и потерял всю бдительность. Не столько потому, что он подпустил и не заметил врага, сколь потому, что голос этот был ему знаком.

Вспыхнуло пламя, зажглась свеча, и тусклый свет осветил покрытые морщинами знакомые черты лица.

— Аругал? — голос Александра надломился.

— Ха, а ты, смотрю, не забыл нас! — мягко улыбнулся старый разбойник и опустил взгляд на отражавший свет медальон.

— Что? Как вы... — Воздуха в лёгких стало не хватать. Головокружение от вони показалось лёгким покачиванием, от происходящего у него сейчас словно земля стала уходить из-под ног. Он пошатнулся, оперевшись рукой о высвеченный из темноты деревянный столб, поддерживающий крышу.

— Всё-таки много лет прошло. Память наша уже не та. Хорошо, что мы тебя вспомнили! Не сразу, правда. Мы как слышали, что уродцы заволновались, сразу поняли — кто-то вломился в наш уголок! Эти твари лучше любой собаки, и кормить можно помоями... Так вот, мы сразу напряглись. Тут, понимаешь ли, не особо много людей проходит, ха-ха... — затараторил Аругал, улыбаясь отвисшими щеками.

— Почему... — попытался вставить слова потрясённый Александр. Схватившись рукой за голову, вцепившись пальцами в череп, он пытался прийти в себя.

— Ну, место-то уединённое. И тут кто-то объявился! Хорошо, что ты не сразу вломился, вышло бы обидное недоразумение, — пожав плечами, Аругал засмеялся, показывая на кривой кинжал в руках. — Черты твоего лица показались мне знакомыми, и пока ты собирался с духом, у нас было время обсудить твой визит и припомнить старые сплетни, что в город припёрся какой-то лопух с письмом и пошёл сразу к стражникам с ним. А не так уж много людей не пришли по нашему приглашению, и тут я тебя вспомнил!

— Да постой ты! — повысил голос Александр. — Я думал... Я думал, вы все погибли!

— Ему и не надо было спасаться, ведь мы давно уже заодно, — раздался из темноты второй голос, Аругал поднял свечу повыше.

Он словно вновь оказался там. Перед телегой, со своей бандой. Он был слаб, он был юн, он был глуп, и он предал своих друзей. Он вновь почувствовал себя ребёнком, голос его дребезжал. Сморд в мгновение почудился лесной свежестью, а жужжание мух обернулось пением птиц и стуком дятла. Перед ним стоял Самуэль бан Дуб, солдат, что дал Александру письмо. За всё это время он ничуть не изменился. Сердце потеряло ритм, задёргался глаз, а дыхание стало прерывистым. Нет, этого не может быть! Паника охватывала его сильнее, чем когда разум грозился покинуть его. Ему нужно было действовать, что-то сделать! Что-то сказать! Горло словно сдавила костлявая рука. Он дрожал, он не мог даже сделать вдох. Прямо перед ним ожило то, от чего он отрёкся много лет назад, от чего бежал и от чего мчался за горизонт. И вот оно нагнало его. Паника не отпускает его, но он открывает рот...

Нет. Это не его догнали. Он сам пришёл сюда. И теперь просто не может придумать, что сказать. Но придумывать ничего не пришлось. Ведь даже если разум и тело отказывались подчиняться, то в его сердце всегда хранились слова, что терзали его и произнести которые он уже потерял надежду.

— Письмо, что ты мне дал... я не сумел его доставить, — сказал Александр эти древние слова, которые опаляющим вихрем пронесли в его теле. Это не было камнем с души, ему не стало легче. Но то было жгучим пламенем, обжёгшим всё его естество, затронувшим даже

душу. Спалив страх, заменив его более глубоким чувством, он ещё больше сплавил себя со своим чудовищем. Но его это уже не волновало. Его глаза привыкли к темноте, и видение развеивалось. Сквозь молодое лицо, которое навсегда осталось рубцом в его памяти, проступали морщины, жёсткие глаза тускнели, а волосы редели.

— Пустое. Главное, что ты сам добрался, пусть и слегка опоздав, — раскинул руки стражник, будто собираясь его обнять. Сморгнув последнее наваждение, Александр увидел перед собой лишь двух стариков в багровых фартуках поверх обносков посреди заброшенной мясницкой.

У Александра проскочила по-детски наивная мысль, импульс принять эти объятья. Это наваждение было туманным и мимолётным, тут же развеявшимся. Боль в голове, которую вызвали внезапные обстоятельства, была сдавливающей цепью, и на другом конце этой цепи было рвущее и рычащее, нисколько не утихнувшее, ожидающее крови чудовище. И он был более близок к тому, чтобы спустить его с цепи, чем ликовать от неожиданного воссоединения со знакомыми из глубокого прошлого.

Выставив руку вперёд, он не позволил Самуэлю приблизиться. Якобы переводя дыхание и приходя в себя, он обратился в слух. Кроме них троих, здесь больше никого не было, лишь крысы, переминающие свои маленькие лапки, спугнутые голосами и светом.

— Что вы забыли в этой дыре? — спросил Александр, переводя взгляд с одного старика на другого. Чем больше он использовал мозги, а не чутьё, тем сильнее смрад разлагал его обоняние. Он поспешил заткнуть нос свободной рукой, пока не стало слишком поздно. — И как вы вообще выносите эту вонь?!

— Ну, не у всех жизнь сложилась, как они мечтали. А пожив здесь пару месяцев, быстро привыкаешь, — ответил Самуэль. — Я вот давно уже ничего не чувствую. Совсем. Да, и если, как мы, не выходить наружу, то так даже лучше.

— Ты сказал, что не одному мне отдали письмо. И что все остальные уже пришли. Что-то сомневаюсь, что здесь могут как-то помочь с устройством жизни.

— Всё же красиво тебя научил говорить Вильверет, — сказал Аругал. Его лицо было разъедено старческими пятнами, волосы, некогда бывшие предметом зависти всего отряда, все повывадали.

— Сразу к делу, да? — Самуэль прервал Аругала, хоть тот уже и открыл рот. — Хорошо. Уважаю. По правде сказать, даже узнав тебя, мы всё равно собирались прирезать вторженца, но... — Рука с ножом пошла вверх. Заметив это движение, Александр приготовился. Нога нашла упор, рука напряглась, корпус полуобернулся. Зверь готов был сорваться на эту угрозу. Но сейчас уже пробудилось другое чудовище Александра — любопытство.

Самуэль поднял нож и указал им на медальон, который вырвался из-под рубахи Александра от бешеного бега по трущобам.

— Мы вовремя увидели знак Хозяина.

— О... — в голове у Александра словно пришли в действие лебёдки. Кажется, его принимают за своего, остаётся только подыграть и правильно выбирать выражения. — Вот в чём дело. Да, это было бы то ещё недоразумение... Если бы подручные порезали друг друга, Хозяину бы это точно не понравилось.

— И мы о том же. Хорошо, что всё разрешилось! — сказал Самуэль и рассмеялся.

Аругал, кажется, выпавший из реальности в страну воспоминаний, мотнул головой и, поняв, что происходит, тоже засмеялся. Александр вторил их смеху.

Жуткая мясобойня наполнилась хохотом, от которого крысы поспешили убраться прочь

в свои норы.

Самуэль зашёлся кашлем, смех стих. Прокашлявшись в кулак, он убрал кинжал в ножны за спиной. Хороший знак. Огонёк плясал на фитиле свечи в подрагивающих руках старика, бросая рваные тени.

Несмотря на то что перед ним находятся старики, память о хромом толстяке Люберте и о том, как он легко разделался с ним, отрезвляюще не позволяла судить о противниках лишь по внешности. Александр чувствовал, что одному ему здесь точно придёт конец. Следовало быть осторожным и, не вызывая подозрений, покинуть это странное место и доложить Лукреции. Уж она-то точно знает, что делать с культистами. У Александра получилось обуздать свои чувства, взять себя в руки. Но как бы он ни сдерживал своих демонов, проклятое любопытство, извиваясь и протекая между пальцами, сорвалось с его уст.

— Мне всё же интересно, а что стало с остальными людьми с письмами?

Самуэль задержал дыхание. Рука, отстранявшаяся от кинжала, остановилась. Повисла тишина. Свеча замерла, тени застыли. Тусклый свет, брошенный на лица культистов, отражался в их немигающих глазах.

— А ты, получается, не знаешь?

— Нет, да и с чего бы мне знать? — Александр взмахнул руками, сложил их на груди и оперся на столб спиной. — Я делал свою работу, особо не задавая вопросов. Просто сейчас мне стало интересно, какой сложилась бы моя жизнь, если бы мне не посчастливилось встретить судьбу, — сказал он и постучал пальцем по медальону. — И ради чего я мог бы быть убит.

Его лицо оставалось самодовольным. Выпустив гордыню, подкармливаемую своими прошлыми успехами, он сумел скрыть от этих двоих, как сильно у него колотится сердце. Даже этого гнилого воздуха стало не хватать, но он не учащал дыхание. Он не знал, что будет дальше и как поведут себя эти двое.

Постукивая пальцем по медальону, отвлекая внимание, он высвободил вторую ладонь, скрыв её под рукой. Теперь, в случае угрозы, он мог дотянуться до оружия на бедре, рубануть наотмашь и слизнуть за столб, выигрывая и первый удар, и удачную позицию.

Старики таращились на него немигающими глазами, задержав дыхание, и напряглись всем телом.

— Ну вот, и ты не знаешь, — поник Самуэль.

— Полно тебе, Самуэль, — подал голос Аругал. — Необязательно понимать план Хозяина, чтобы исполнять его.

— И то верно...

Александр молчал. Волосы его встали дыбом, а дыхание сорвалось. Он был готов к тому, что его аргументы не возымеют действия, и он был готов к бою. Даже с немощными стариками, которые лишь казались таковыми. Но к такому раскладу карт он был совершенно не готов. Он всегда считал культистов лишь дешёвыми наёмниками, алчными и беспринципными, падкими на работу, за которую знающий себе цену никогда не возьмётся. Не может же быть, чтобы эти двое служили «Хозяину» до глубокой старости, находясь по пояс в дерьме, утратив обоняние и представление о жизни за косыми досками заброшенного дома, лишь ради воплощения его планов, которых они даже не знают?!

Аругал, прищурился, глубоко вздохнул.

— Вижу твоё смятение. Понимаю его причину, почти все через это проходили. Понять планы Хозяина невозможно нашими жалкими умами... — словно ожив, Аругал

встрепенулся. В глазах старика вновь зажёгся свет, а сам он даже распрямил плечи и поддался вперёд. — К планам Хозяина можно лишь прикоснуться. Пойдём, проще будет показать, по старой дружбе.

Аругал махнул морщинистой рукой, жестом приглашая следовать за собой, и старики в мясницких фартуках стали удаляться вглубь здания, унося за собой свет единственной свечи. Чтобы не остаться в накатывающей тьме, Александр последовал за ними.

Теперь, когда он был какое-то время в безопасности, у него было время осмотреться вокруг. Сердце успокоилось, мышцы расслабились, а зрачок смог наконец-то расшириться и выцепить из мрака мясобойни силуэты. Изнутри это здание выглядело ещё более удручающим, чем снаружи.

В центре помещения располагался здоровенный пень, в который был вонзён топор таких размеров, что им можно было бы перерубить корову пополам. С потолка свисали цепи с крюками, ни на одном из которых не было туши. Пол был настолько покрыт грязью, что не представлялось возможным понять, из какого вообще материала он был сделан.

— Ты сказал, что вы не покидаете это место... — заговорил Александр. Он всё ещё хотел получить ответы на свои вопросы любой ценой.

— Да, именно так. У нас тут работы по горло, — вздохнул Аругал и чуть замедлил шаг, чтобы поравняться с Александром.

— А чем именно вы занимаетесь здесь? — поинтересовался Александр. Старики выглядели расслабленно и явно до сих пор были расстроены тем, что он не поделился с ними планами Хозяина. А значит, можно сделать вывод, что они в принципе не прочь потрепать языками и обмусолить всякие тёмные делишки, даже если у них это запрещено.

— Чем и занимаются в мясницких. Конечно, хорошего мяса нам не видать, да и то, что есть, выглядит отвратно, но корма можно делать.

— Корма?

— Ну, как корма... скорее удобрения, чем корма, — рассмеялся впереди идущий Самуэль.

— А мясо откуда берёте?

— Так нам привозят, иногда бывает, само приходит. Мы тут не брезгливые, работа не располагает, для дела пойдут и собаки. О! Аккуратней, здесь крутая лестница.

Они приблизились к деревянной винтовой лестнице, которая спиралью уходила под землю. Она не была крутой, но для стариков представляла определенные трудности, они кряхтели и неторопливо переставляли ноги, разворачиваясь всем корпусом и держась руками за поручни. Александр шёл следом. Ступени скрипели в такт их шагам, и чем глубже они спускались под землю, тем больше подозрения Александра начинали подтверждаться. Его спутники либо не замечали, либо не придавали значения тому, что он давно уже держит руку, заткнув большой палец за ремень и имея быстрый доступ к оружию. Ему не нравилось то, что здесь происходило. И в первую очередь спокойное отношение стариков ко всему окружающему.

Они опустили где-то на два, может, даже и четыре этажа под землю.

Лестница оканчивалась, вгрызаясь в какой-то длинный округлый коридор, больше похожий на подземные акведуки, устремляющийся вперёд и назад глубоко во тьму. На выложенных камнем стенах цвели мхи, а по полу тонкой струйкой текла какая-то гнилостная жидкость. До потолка можно достать, если вытянуть руку, но касаться местных стен, покрытых слоем странной гадости, у Александра не было ни малейшего желания.

Шли они недолго. Очень быстро Самуэль, идущий впереди, повернул в сторону, осветив разобранный участок стены, и вошёл внутрь.

Александр остановился. Его всё сильнее и сильнее сковывало напряжение и чувство тревоги. Немного пройдя вперёд, остановился и Аругал.

— Жуткий туннель, правда?

— А что в его конце?

— Решётки, — отмахнулся Аругал. — Нас когда определили на бойню, так сразу эти решётки и поставили. А то, говорят, бродило тут всякое.

Александр направил взгляд во тьму. Ему сразу представилась мерзкая тварь, что могла бы ползать по этим туннелям. Наверняка с жуткими жвалами, десятком глаз и парой сотен ног. Представление подобной твари слегка взбудрило его. По телу пробежали приятные мурашки, а в голову закралась мысль, что уж лучше бы действительно встретиться лицом к лицу с подобным чудищем, чем продолжать идти за этими двумя. Пока что они представляют из себя двух выживших из ума стариков, которые делают удобрение из отходов. Может, оставить их в покое, посчитав неудачниками? Оставить доживать свой век в этой богами забытой дыре? Нет. Он не мог. Не хотел. Не хотел их убивать. И боялся, что они дадут ему повод. Но он знал, что чем дальше он лезет в их тайны, тем быстрее этот повод появится.

— Ну, вы идёте?! — рявкнул Самуэль, обнаружив, что его спутники отстали.

— Да-да, идём, не ори! — пробурчал в ответ Аругал и зашагал в сторону света из дыры в туннеле. Александр нехотя медленно последовал за ним.

Дыра в туннеле вела в грубо сделанную шахту. Деревянные подпорки, раздувшиеся и потемневшие, явно требовали замены, но, видимо, это никого не волновало и не заботило.

Пройдя вперёд по шахте, они добрались до того, чего Александр явно не ожидал здесь увидеть. Эта продолбленная нора соединяла трубу и замкнутое помещение, которое не имело другого входа. Здесь, в квадратной комнате, выложенной мрамором, находилась двойная дверь, выполненная из гладкого чёрного материала. На ней сохранились железные украшения, узоры и даже золотые изогнутые ручки.

Не обращая особого внимания на дверь, старики открыли её, каждый ухнув и навалившись на эти ручки. Дверь без скрипа отворилась, впуская их внутрь.

— Пойдём, — раболепно склонив головы, позвали старики.

Это было некое подобие святилища... Да нет, черт его подери, Александр был уверен, что именно так и должны выглядеть святилища! В круглой просторной комнате из окутывающей тьмы вырывался резной постамент. На постаменте — пышная подушка с длинными кисточками, а на подушке располагались два сияющих кристалла. Они парили над подушкой, вращаясь вокруг друг друга, как в танце, меняя плоскости и расстояние, издавая еле слышный перезвон и тихий, ровный гул.

Боковые стены утопали во тьме, свечи хватало лишь на то, чтобы осветить выложенный плиткой пол на пути к реликвиям.

— Что это? — зачарованный зрелищем, Александр не заметил, как его брови поползли вверх и что в голосе сквозило неподдельное восхищение. Ему следует быть осторожней. От одной этой мысли тело тут же развернулось полукорпусом. Он чувствовал, как любопытство всё сильнее захватывает его, оттесняя остальные мысли к задворкам сознания.

— Это — Истина! — ликующе объявил Самуэль, раскинув руки.

— То, ради чего мы здесь трудимся, не ведая пощады, — по глазу Аругала скатилась

слеза. Он, не моргая, уставился на танец кристаллов.

— Ну, пока я «истины» не увидел. Или я чего-то не понимаю? — спросил Александр, оторвавшись от кристаллов и устремив взгляд на стариков. Те, в свою очередь, отчего-то сейчас даже не смели смотреть в их сторону, хотя сперва казалось, что с удовольствием рванули бы прямо к ним.

— Ты не понял... — Самуэль коротко рассмеялся, — ...я не понял, он не понял... никто не понимает!

— Так, значит, суть в камнях? — Александр вскинул ладонью, пытаясь понять ход их мыслей, которые всё больше и больше теряли последние нити смысла, грозясь сорваться в бездну фанатизма.

— Примерно так. Суть не в самих камнях, а в самих камнях суть! Эти кристаллы чудесным образом хранят непостижимый образ, а мы можем лишь уловить благодать и счастье от его созерцания!

Александр тяжело вздохнул. Вот оно... Лицо Самуэля подёргивалось в одновременных порывах повернуться к реликвии и не делать этого. А теперь он стал заплетаться, повторяться, терять над собой контроль, как лавочник, который пытается скрыть тремор, вызванный жадностью и чувством скорой наживы.

Блестяшки и «непостижимые образы», а также прочие уловки и бредни для слабых духом... Кажется, без этого не обходится ни один культ, которые стали плодиться последнее время, как грибы после дождя, вместе со сменой главы церкви Смерти. Он увидел достаточно, пора уходить. Александр развернулся и пошёл прочь.

— Ясно. Пожалуй, я не буду так глубоко вникать в смысл происходящего и буду довольствоваться своей частью работы. Рад был вас повидать, а теперь простите, мне нужно придумать достойное оправдание своему опозданию, — махнув рукой своим землякам, он развернулся и пошёл на выход.

— Как знаешь... — протянул Самуэль. Он совершенно не был удивлён реакции гостя. Скорее, он ждал именно её. — Конечно, вначале мы тоже сомневались, боялись, сбегали. Ведь это та сторона мира, что покрыта тайной и страхом. И простым людям именно так и следует поступать: бежать и ползти к ногам великих мира сего. Ты больше остальных познал это на своей шкуре... Но кто сделал их великими? Или... что?

И даже если это что-то уже чьё-то...

Александр остановился у распахнутых дверей, перед каменным туннелем. Эта бессмысленная встреча, всковырнувшая давно запёкшиеся раны, заставляла мысли путаться, а ожившие воспоминания нещадно жгли его душу. Но если что и жгло его сильнее, чем болезненные воспоминания, которые он пытался подавить, так это Люберт. Никогда ещё прежде он не сталкивался с настолько несправедливой силой. Как может хромой толстяк обладать такой чудовищной мощью? Даже бог Ягуаров не обладал такой силой, тому пришлось впасть в ярость и положиться на первобытную звериную ловкость и всё своё могущество, чтобы вымотать и достать его. В то время как этот человек скучающе обезвредил его. Что за тайна питает его? Быть может, только быть может, эти старики вовсе не бредят?

Тем временем Самуэль продолжал говорить, оставаясь в центре зала.

— ...Что-то находится за гранью разумного мира, недоступная для большинства сила. Могущество, служащее жалкой горстке людей. Но служа Хозяину, мы можем обрести её крупицу! Уже одной этой крупицы будет достаточно, чтобы превзойти обычного человека! — замороженно, не делая даже перерыва на вдох, вещал старик. — А пока недостойным и слабым слугам, как мы, остаётся лишь созерцать её, эту крупицу. И ждать... Подойди и взгляни внутрь этих камней. Подойди и награди себя за службу Хозяину крупицей его величия! — Александр не слушал его, у него был собственный разговор с самим собой. На лбу у него проступил пот.

Если Люберт обрёл такую силу, может быть, и у него есть шанс? Даже если он насмехается над верующими, он уже не может утверждать, что то, во что они верят, не существует. Но ни поклонение демонам, ни служение богам его нисколько не интересовали. Он ни за что не поверит ни в какого Хозяина и шавкой богов не станет. Он вольный пёс и слишком ценит свою свободу. Но сейчас у него появилась, наверное, впервые и в последний раз, возможность по воле случая... понимание своего противника упускать было нельзя. В серьёзном бою Люберт бы просто оторвал ему голову за одно мгновение. Разрыв в их силе пугал Александра до дрожи. Но именно этот страх и заставлял его продолжать разыскивать Люберта. Идти по его следу, вынюхивать, искать, преследовать. Его целью было выследить и натравить на него тех, кто мог бы ему противостоять или хотя бы умереть в бою вместо него. Может, ему было плевать на Люберта? Быть может, ему просто нужна была его сила? Он понимал, что никогда и ни за что не сойдётся вновь с ним в бою. Как мотылёк, он не мог противиться притягательному сиянию этой мощи.

И что, сейчас он закроет на всё глаза, испугается мистических ритуалов и пары сбрендивших стариков?

Да ни за что!

Развернувшись на пятках, он быстрым шагом направился к кристаллам мимо расплывшихся в улыбках стариков. Приближаясь к камням, он пристально уставился на них, весь обратившись во внимание. Сила Люберта была несправедливой. Его жирное тело не вмещало в себя той мощи, алчный разум не обладал остротой навыков. Эта сила не была его частью, он обладал ей, как предметом, как инструментом. И это не вызывало уважения, это вызывало зависть. Он где-то обрёл эту силу, откуда-то взял её. А значит, раз она не являлась

его частью и была приобретённой, возможно, лишь возможно, есть шанс её украсть.

Он жаждал не прикоснуться к крупнице мистической силы. Он собирался забрать её всю! Полностью!

Не успел он приблизиться к реликвии, как кристаллы замерли. Они почувствовали это стремление, а он почувствовал, как они уставились на него в ответ. Их взгляды встретились.

Взгляд, если так вообще можно сказать в отношении летающих камней, не просто вонзился ему в глаза. Он проник дальше: глубже, чем в разум, глубже, чем в душу. В самое его естество. Его разум оцепенел, по коже побежали мурашки, и лёгкие сжались, он не решался даже вздохнуть, боясь спугнуть момент. Момент осознания, что он может проследовать за этим взглядом, увидеть то, что видит кристалл.

Это не было каким-то фокусом, наваждением или прочими иллюзиями, всё происходило на самом деле. Он до боли хорошо узнавал то, что предстало перед их совместными взглядами.

Он видел, нет, скорей чувствовал, осознавал при помощи взгляда, а не глаз.

Он видел себя со стороны. Трясущегося, мелкого, жалкого, бегущего и убегающего. От собственной слабости. От того, что он не может противостоять силам, которые готовы стереть его, как жернова мельниц обращают в пыль зерно. И зерно это было посажено ещё в детстве, когда убили его родителей. Оно с извращённой нежностью взращивалось жестокой судьбой, подбрасывая друзей лишь затем, чтобы после их отобрать. Где бы он ни остановился, где бы ни был, ему приходилось сталкиваться, бороться, сражаться, кусаться и грызться, как дикому зверю, лишь за право жить. Не желая склонять колени. Но всегда находились те, кто был сильнее, хитрее, быстрее. Он отказывался встать на колени, присягнуть им в той или иной форме. Бежать, бежать сквозь всю страну. Он больше не может так. Его ноги принесли его туда, куда вело письмо. К краю королевства, к его столице, к морю из воды. Позади оставалось море крови. Зажатый между двумя океанами, он поддался водовороту своих чувств, непонятных, завуалированных. И при этом таких простых. Он устал.

Но лечь и сдаться он не может, как и склонить колени. И поэтому он здесь, у этих камней, что читают его как открытую книгу... Его чувства, обострившись до предела, вдруг начали отказывать, не выдерживая и рассыпаясь из ясных мыслей и откровений до образов и всплесков примитивных желаний. Всё хорошо, теперь он понял истину. Он понял себя, он понял, с какой силой столкнулся. С силой Хозяина жизни. Ему не нужно вставать на колено. Ему нужно лишь раствориться в этой силе, стать частичкой, опорой и частью происходящего. Иначе никак.

Нежась, трепеща в этом ярком и вкусном, приятном и красивом осознании, он млеет и растворялся. Его мысли стремительно деградировали, оставляя вместо себя лишь цвета.

Белый. Белый-белый-белый свет озарял его серое сознание. Стирая красное, разбавляя зелёное, утоляя синее. Свет проникал всё глубже, и чем ярче он становился, тем больше блаженства обрушивалось на него... Кто он? Он уже и не помнил. Нет, он знал! Он часть света! Он часть Хозяина, он почти что сам Хозяин! Хозяин!! Хозяин!!!

Оставалось чуть-чуть. Обсмаковать, искупаться в этой мысли, когда свет вдруг врезался во что-то. Что-то древнее и могущественное, что он не брал в расчёт, не желая принимать и признавать то, что он старался забыть и от чего бежал.

— Какое бесцеремонное пробуждение...

Мрак, пробудившийся от этого толчка, расправил крылья и стал выпрямляться, застилая

собой всё сущее. Всемогущественный свет упёрся в бесцветный мрак и дрожал.

— Отвратительно... — раздражённо, пренебрежительно, с отвращением приказал пугающий образ. — Прочь!

Повсюду разверзлась бездна, и свет исчез.

Александр оступился. Связь между ним и кристаллами оборвалась. Но он продолжал чувствовать постороннее присутствие в своём разуме. Нечто ворочалось и пробуждалось, окидывая этот чудесный, дивный мир сонным взглядом. Используя его глаза.

Александр споткнулся. Никогда прежде он не чувствовал себя таким беспомощным. Нечто начинало заявлять права на его тело. Глаза произвольно дёргались в сторону, ноги не слушались, пальцы то напрягались, то сгибались. Теряя над собой контроль, он пошатнулся и, еле удерживаясь, чтобы не упасть, начал пятиться. Страх раздулся, как колючая рыба, и занял его всего, вонзая свои ядовитые шипы в пределы сознания. Воспоминания, к которым он так не желал обращаться, вдруг выступили на поверхность. В памяти всплывали различные места, где он никогда не бывал, и люди, которых он никогда не видел. Они странно выглядели и говорили на незнакомом языке. На краю зрения стали появляться маслянистые тени. Всё это множилось и перемножалось, дополняя друг друга и переплетаясь. В панике Александр налетел на неровную стену святилища, что спасло его от падения.

Культисты со свечами в руках едва ли не вприпрыжку помчались к Александру.

И когда они подошли близко, свечи озарили неровности стен. Лишь краем замутнённого зрения он увидел, из чего они состоят. Шея напряглась, словно тело пыталось уберечь его, но голова, дрожа, рывками всё равно повернулась, чтобы встретиться с этим ужасом лицом к лицу. Все наваждения испарились, зрение и остальные чувства обострились. Это были не стены. В яму вокруг центра комнаты были свалены друг на друга человеческие тела. Здесь не было ни детей, ни женщин, лишь изувеченные туши разных размеров. Им вырвали глаза, выдрали зубы, их кожа была покрыта слизью, а многочисленные раны, жадно ловя свет свечи, отражались маленькими кристаллами.

Эмоции отключились, лопнули, исчезли. Лишь неочищенная явь того, что он видел перед собой, вонзилась в его разум. И в *его* разум тоже. И все эти загубленные жизни, изуродованные, осквернённые... это и есть — удобрение.

— Что?! Что ты увидел?! — хором кричали старики, в их глазах сияла неподдельная радость.

— Истина! Ты видел истину! Приятно, правда?

Взгляд немигающих глаз прошёлся по сотням тел, накиданным друг на друга. И всё это ради того, чтобы стало «приятно»?

Его кулак стиснулся до боли во всем теле. Кинжал не покинул его ножен, но рука сразу рванула вперёд. Кулак вонзился в челюсть. Старые кости не выдержали. Со звуком вскрывшегося замка старик заглянул себе за спину и, не удержавшись на ногах, упал прямо на кучу трупов.

— Ого... видимо, совсем хорошо пошло... — Самуэль, бросив короткий взгляд на труп своего друга, быстро перевёл его на Александра. В его глазах сияла зависть.

Эта тварь потеряла последнюю каплю человечности. Уже тогда, когда они со своим дружкой выращивали эти кристаллы, их уже сложно было назвать людьми. Но сейчас он лишь принял к сведению смерть своего друга, с которым он прошёл сквозь всю жизнь, и всё, что осталось в его гнилом сердце, это... зависть?! Зависть, присущая зяблым посетителям

притонов, которые, глотая слюни, пожирают глазами тех, у кого ещё осталась при себе изменяющая сознание отравя. Никогда прежде Александр не чувствовал такого отвращения. Эта тварь должна умереть! Немедленно!!! Внутри него кипела такая смесь, что с трудом поместилась бы и в души двух человек. Он замахнулся. От переполняющей его неистовости его пальцы словно окостенели, напряглись, раскрыли кулак в хищную лапу. Удар было уже не остановить. Пальцы коснулись лица старика. Но вместо того, чтобы распластаться по его лицу в мощную оплеуху, способную переломить шею, пальцы остались недвижимы. Даже не думая разгибаться, они с чавканьем вошли внутрь черепа, будто были сделаны из металла. Свет в глазах старика погас, его тело обмякло, сорвалось с пальцев Александра и упало вниз, накрыв собой свечу.

Александр остался один в темноте. То, что сейчас произошло, было за гранью его возможностей. Он слишком многое пережил за этот день, и его нервы больше не выдержат. Он выгорел и погас, как эта свеча. Он ни о чем больше не мог думать, не мог предсказать события, анализировать или даже действовать. Всё, что ему оставалось, это стоять в полумраке тёмного святилища, дрожа и пытаясь собрать воедино мысли, которые разбежались в панике.

Но его разум был опустошён. Он даже не терзался более видениями, жажда крови испарилась. Но теперь он был абсолютно уверен — он одержим. И это было уже не первый раз. Он не придавал значения тому случаю в катакомбах, он не придавал внимания тому, что его тело было не в его единоличном владении. И что в любой момент это и вовсе может перестать быть его телом. Это уже не его тело! Не может человек пробить пальцами голову другому.

Как спасительный свет маяка, в нём зажглась мысль, которая всегда спасала его в похожих ситуациях.

Пора бежать

Но не в этот раз... От себя не убежишь. Он не смог. За все прошедшие годы у него это не вышло, он даже близко не приблизился к этому, в какой-то момент упустив цель своего путешествия и вернув всё на круги своя.

Он почувствовал, как по его щеке скатывается слеза.

Пора признать, что ему вновь нужна помощь.

Собрав остатки своей жалкой воли в кулак, Александр переступил через тела и направился к единственному источнику света.

Кристаллы больше не парили. После того как они встретились с бесцветным ужасом, их словно покинула жизнь, и они превратились в обычные лежащие на подушке светящиеся камни.

Александр жадно схватил оба. Уже поздно осторожничать. Они осветят ему путь назад.

Каждый раз оказываясь перед выбором, бросить ли вызов силам, превосходящим свои, он благоразумно сбежал. Ведь оно того не стоило — рисковать жизнью ради каких-то эфемерных целей. Шрамы на груди от чудовища из графства Ягуара врезались ему не только в плоть, но и в разум. Но в этот раз, поддавшись какому-то глупому, не свойственному ему желанию, он бросил вызов таким силам. И сейчас он, жалкий, обожжённый одним лишь их осколком, бежит за помощью с распадающимся сознанием.

Перед глазами вновь вспыхнуло ужасное святилище. То, как он лицом к лицу встретился с изувеченным трупом, из глазниц которого торчали прозрачные камни.

Ему сделалось дурно. Он и сам с лёгкостью убивал, но это была обычная борьба за

выживание. То, что творилось в этом месте, просто не могло быть от рук человеческих. Это всё уже переходило всякие разумные пределы. И был лишь единственный человек, который мог бы прояснить ему, что здесь происходит.

Отверженный

Залитый кровью, он заметил, что привлекает к себе меньше внимания, чем когда шёл по улице в чистой одежде. Это было отвратительно пугающе. Люди безразлично бросали на него взгляд, бегло осматривали и утрачивали интерес. Лишь сгорбившиеся уроды пристально следили за каждым его шагом. Он приблизился к храму. Внутри шёл какой-то обряд.

Дверь собора распахнулась от пинка. Внутри всё тут же стихло. Все обернулись. За аналоем стояла Нура, её глаза, ещё томные от религиозного блаженства, округлились и задрожали. Люди стали перешёптываться. Плевать! Александр, марая ковёр кровью, направился напрямиком к алтарю.

— Не смей прерывать службу, богохульник! — вскрикнул один из прихожан и встал у него на пути. Александр оттолкнул его. Тот упал на людей, вставших позади, и повалил всех на землю.

Нура дрожала. Она была столь шокирована и не готова к происходящему, что просто замерла. Александр подошёл прямо к ней и обхватил аналой обеими руками, оперевшись об него.

— Где Лукреция? — охрипшим голосом спросил Александр.

— В катакомбах, — дрожащим голосом ответила девушка. — Она велела никого не выпускать...

Игнорируя её слова, Александр направился мимо неё и заметил, что она протянула руку, чтобы остановить, но не успела ухватиться за одежду. Под вой и крики, летящие ему в спину, он отбросил ширму и увидел ту самую дверь, что видел ночью. Она вела в катакомбы — из-под неё дуло и завывало.

Собравшиеся люди кричали на него и, поднимаясь с мест, направлялись к нему. Дорогу Александру преградили две девушки в ритуальных одеждах с обнажёнными клинками и затуманенными глазами. Он видел их уже раньше.

— Прочь! — прорычал он и, прежде чем они успели что-то сделать, отбил запястьями лезвия, устремившиеся ему прямо в грудь, схватил девушек за волосы и столкнул лбами. Они упали на пол, схватившись за лицо, а прихожане подняли визг и стали разбегаться. Дверь прогрохотала на всё подземелье, врезавшись в стену. Позолота посыпалась с металлических завитушек, оголяя ржавое железо. Винтовая лестница вела прямо в катакомбы — сеть тайных помещений церкви, совмещавших в себе лаборатории, тюрьмы и пыточные, петляющие в ужасно запутанных коридорах.

Он был в главном зале-усыпальнице, в которой нашли своё пристанище важные для церкви люди. Отсюда расходилось в стороны множество коридоров, из которых обычно доносились шумы лабораторий и пыточных. Но сейчас здесь было тихо. Только звон цепей в одном из коридоров нарушал гнетущее забвение этого места. Он пошёл на этот звук уверенно, будто кто-то вёл его, вселяя нерушимую уверенность в этих безликих стенах. Среди бесконечных дверей, мелькавших перед глазами, одна обожгла его взгляд. Приоткрытая дверь в самом конце подземелья. Уверенность наполнила его, и он помчался к

этой двери, как мотылёк, влекомый пламенем. Добежав, Александр распахнул её.

Свет ударил в глаза, но он не дрогнул. Внутри просторного отделанного мрамором зала с уходящим ввысь потолком он увидел Лукрецию. В руках у неё были какие-то бумаги, а в глазах, устремившихся на него, — утомлённость. На Лукреции его взгляд не задержался, ведь она стояла в стороне от того, что действительно приковывало внимание.

Посреди комнаты, над землёй, была подвешена бледная девушка в скромной одежде с короткими, небрежно подстриженными волосами розоватого оттенка. Она была поднята в воздух цепями, множеством цепей, ниспадающих с потолка и впивающихся в её тело. Подвешенная не шевелилась, склонив голову вперёд, и лишь еле заметно мирно дышала.

Лукреция повернулась к Александру. Несмотря на окружающую ситуацию, голос её оставался леденяще спокойным. Она вскинула руку в останавливающем жесте и быстро сказала:

— Прежде чем ты решишь сделать очередную глупость, предлагаю всё хорошенько обсудить.

Александр, тяжело дыша, держась за рукоять меча в ножнах, бросил взгляд на епископа.

— Тут не о чем разговаривать, — рявкнул он. Его инстинкты вернулись в строй, напряглись, закалились и в унисон рычат с его стремлениями.

— И тем не менее мы уже говорим, а раз уж так, может, оставим в стороне бесполезный трёп и броские фразочки? Ты же не просто так вломился в запретную секцию?

— Это уже не имеет значения... — Александр плавно обнажил клинок, вторя скрежету металла скрежетом своего голоса. — Церковники ничем не отличаются от этих культистов!

— Да что ты знаешь о культистах? Лишь раз, столкнувшись с ними, уже визжишь от страха и опять бежишь ко мне под юбку!

— Я примчался сюда, думая, что ты сражаешься против этих чудовищ!

— Именно этим я и занимаюсь. Или я недостаточно сделала, чтобы удержать этот проклятый город от падения в бездну? — всплеснула руками Лукреция. — Видимо, недостаточно отдавать всю себя и все свои силы, чтобы противостоять злу!

— Не пой себе дифирамбы! Борьба против культистов? Против зла? Что за бред! Зло сейчас совершается над этой девушкой! — Александр в сердцах рубанул воздух перед собой, указывая острием меча на девушку в цепях.

— Это её личный выбор, против которого была и я, — внезапно голос Лукреции стал тише. Её возмущение растворилось, глаза опустелись, осанка поникла. — Но ты же мне не поверишь, верно? Ведь что ты знаешь о бессилии при столкновении с неизведанным и первобытным злом? Только будучи готовым на любые жертвы можно ожидать крошечного шанса в борьбе с ним!

— И что ты хочешь этим сказать? Что цель оправдывает любые средства? Так сказали бы и те твари, устроившие настоящую бойню для людей, забивая их, словно скот. Выращивая на них камни, будто на грядках! Здесь! В переулке! Прямо под центральной улицей!

— Не вору и убийце читать мне нотации о морали. Разве переулки не являются и твоими охотничьими угодьями?

— Это другое.

— Ну конечно... — закатив глаза, взмахнула руками Лукреция.

— Убить человека, который встал на твоём пути, это одно. Но вырезать людей целыми толпами, проводить над ними ужасные ритуалы... Ради чего? Если есть возможность творить такое, то этот человек уже может жить как король! Разве этого мало? Неужели этого недостаточно? Не может такого быть, чтобы алчность и ненасытность приобретали такие извращённые формы, чтобы человек хотел поглотить и сделать своим вообще всё в мире... это уже не мораль. Это чудовищная болезнь, страшнее чумы!

Повисла пауза. В нагрывавшей тишине был слышен лишь завывающий сквозняк подземелья и тихий перезвон цепей. Лукреция протяжно вздохнула.

— Итак, мы выяснили, что ты каким-то образом оказался в логове культистов, где увидел что-то ужасное. Наверняка это было их ритуальное гнездо или что-то похожее. И после ты единственно верным решением нашёл прибежать ко мне. Ты увидел там камни, что растут на людях. Наверняка это резонаторы... — Лукреция приложила пальцы к подбородку, прищурившись. — Но ведь там была и реликвия? Да? Прототип? Ты не мог не спереть у них реликвию! Просто бы не смог пройти мимо, рука зацепилась бы точно... О! Это абсолютно меняет дело! Итак! — хлопнула она в ладоши. — Если ты отдашь мне эту реликвию, то я отвечу на все твои вопросы, а также поправлю тебе мозги, чтобы их не затапливало. Что скажешь?

— Я не доверяю тебе больше.

— Но это ты предал моё доверие. Я прекрасно знала, что ты дал тому проклятому мальчишке уйти. И всё же я закрыла на это глаза. Но твоё обвинение... И чем же, позволь спросить, я тебя подвела?

— Ты солгала мне! Ты отравила меня! В ту ночь моим разумом словно овладел демон! С тех пор моё сознание разрывает на части, и всё становится только хуже!

— Гибель твоего сознания — это следствие лишь твоих собственных действий. Ни словом, ни делом ни разу я тебе не лгала. Ты действительно страдал от яда — яда скудоумия и лицемерия. То зелье позволило мне лишь следить за тобой, как ты мог уже понять. И если ты опустишь меч и заткнёшься, то так и быть, я в последний раз закрою глаза на твою несносность и помогу тебе с твоим безумием.

— Истинным безумием было бы довериться тебе после всего случившегося, — прорычал он.

— Александр, чего ты вообще пытаешься добиться? — Она положила ладонь на правую сторону лица и прикрыла глаза. — Я, может статься, единственная, кто сможет тебя подлатать. И на что ты рассчитываешь, подняв против меня оружие и обвиняя меня в том, что я одна из поклонников культа?

— Может, ты и не одна из них, но будь я проклят, ты так же безумна, как и они! Тебе не сойдёт с рук то, что ты сделала с этой девушкой, и ты ответишь за то, что отравила меня тогда! Я убью тебя! И спасу эту бедняжку!

— Вот же баран! — воскликнула Лукреция и закатила глаза. — Луна! — обратилась Лукреция к девушке, подвешенной на цепи посреди зала.

Та распахнула глаза.

В них отчётливо была видна решимость и сила воли этой девушки, её глаза не просто светились, как у многих в моменты решимости, поблёскивая и мерцая, а в самом прямом смысле этого слова сияли, излучая свет. Взгляд золотых, с мягким сиянием глаз, полный мучений, обрушился на Александра с силой, которой нельзя было противиться. Острая

вспышка боли от проносащихся мимо него мириад видений и воспоминаний причиняла физические страдания, будто всё его естество выгорело в один момент, и он, не имея возможности более стоять на ногах, рухнул на колени.

— Я терпела твою выходку, надеясь, что есть веская причина врываться сюда, — Лукреция направилась к Александру, закатывая рукава, — но похоже, у тебя просто истерика!

Она подошла к нему почти вплотную, он выглядел жалким, сломанным, беззащитным. Низверженный тяжестью её взгляда, он не мог ни подняться, ни сражаться. Ему оставалось лишь одно — довериться себе. Выпустить, возможно, в последний для себя раз, ту разрушительную силу. Превозмогая тяжёлый взгляд девушки в цепях, он вскочил с колена. Меч засвистел, приближаясь к руке епископа. Он вложил всё, что от него осталось, в этот удар. Его сердце колотилось, глаза и разум заработали на пределе, ловя каждый миг, но дальше всё пошло совсем не как он планировал. Она не испугалась. Не удивилась. Увидев его выпад, Лукреция сперва нахмурилась, затем усмехнулась. Сжав кулак в ответ на приближающееся лезвие, она лишь отмахнулась от него рукой.

Лезвие коснулось её кожи. Раздался звон, и обломок меча отлетел в сторону. На епископе не было и царапины. Узрев это, Александр почувствовал, как на теле проступает холодный пот. Он отшатнулся назад, переведя взгляд на обломок меча в своих руках.

У него ничего не вышло.

— И ты тоже чудовище?! — выдавил из себя Александр.

— То, что ты назвал чудовищностью, всего лишь мастерство и малая часть возможностей, позаимствованная у врага для борьбы с ним, — Лукреция стряхнула с руки металлическую пыль и пригладила рукой волосы, возвращая себе спокойствие и величие. — В этом нет чего-то особенного.

— Сначала Люберт, потом ты. Мастерство, говоришь? — сдавленно смеялся Александр. Он весь дрожал, из его рук выпал меч. — Я сам в каком-то смысле мастер. Я всю жизнь не расставался с мечом. Практиковался каждый чёртов день и превосходил всех, с кем бился! Я был превосходным убийцей, вором, разбойником. Заслуженно! Но вот передо мной встали вы. Ха-ха... Чудовища, которых даже назвать людьми сложно. И ты говоришь, что это «всего лишь мастерство»?!

— Это ты-то себя называешь мастером? — брови Лукреции взлетели ко лбу. — Не знаю, на какой обочине жизни ты копошился, но, как и раньше, ты слишком много о себе мнишь. Быть может, когда-то давно ты и был прекрасным мечником и ловким грабителем, но сейчас ты стареющая, жалеющая себя жаба. Мастерство, как острый клинок, требует постоянной заточки, а ты, Александр, невероятно туп. Когда в последний раз ты тренировался? Когда в последний раз искал противника равного или превосходящего тебя по силам? Давно ли ты использовал свои бомбы и яды? Сколько я тебя знаю, ты никогда не отказывался сразиться с тем, кого мог с лёгкостью победить своими силами или хитростью. Но никогда ты не пытался превзойти себя. Неужели это позволяло тебе считать себя непревзойдённым?

Александр смотрел вперёд пустым взглядом.

— Я устала вести этот бессмысленный разговор. Надеюсь, ты возьмёшь себя в руки и без истерик расскажешь, что ты видел, подробнее... а впрочем, знаешь? Плевать. Я всё сделаю сама.

Лукреция подошла к Александру и положила руку ему на голову.

Он повис в пустоте, а мимо него неслись тысячи воспоминаний. Он чувствовал, как у него в голове орудуют чьи-то пальцы. Перебирают его жизнь, словно роясь в ящике с бумагами. Всё прекратилось резкой вспышкой света. Он вновь оказался в той же комнате, рядом с Лукрецией и её пленницей, что теперь закрыла свои глаза.

Епископ отошла от Александра.

— Что... произошло?.. — лишь смог выдавить из себя Александр ещё до того, как вернул себе возможность мыслить.

— Тебе больше нет нужды лепетать, я и так узнала сама, что требуется. Если бы ты успокоился, мне бы не пришлось лезть тебе в память. Там, знаешь ли, довольно грязно...

Он слышал голос Лукреции как будто через толщу воды. В его глазах двоилось, по всему телу проступил пот, мысли не клеились друг с другом, да и в целом ему было сейчас очень нехорошо.

— Я действительно пытаюсь остановить сектантов, — продолжала Лукреция. — В ночь пожара я покинула вас и отправилась в их логово, помешала провести ритуал призыва, в котором использовались как раз эти камни, — в руках она держала кристалл с мясобойни. Александр даже не заметил, как его обокрали. — Мрамор они воровали с моих дорог также для порталов, так что это была не столько забота о благополучии трущоб, сколько очередная битва против них.

В ответ на помутневший взгляд Александра она нахмурилась.

— Не смей даже думать о том, чтобы отрубаться! Тебе нужно поставить первосвященника в известность, у них может быть ещё не одна мастерская в пределах самого города, — положив руку на плечо Александра, она взглянула ему в глаза. — В его резиденцию, немедленно!

— Почему бы не послать гонца? Кого его? Куда? — пошатываясь, едва ли не промычал Александр.

— Об этом, как и прежде, позаботится Луна. Доверься ей и поторопись!

Поднявшись, кашляя и хромя, Александр поковылял прочь. Лишь на мгновение он обернулся, чтобы увидеть, как Лукреция захлопывает дверь в комнату с пленницей, которую ему так и не удалось спасти.

* * *

Александр вновь брёл по улице. Сломленный, лишённый веры в себя. Он мнил себя человеком, кующим собственную судьбу, а сейчас он вновь посыльный, и его ведут едва ли не под ручку.

Сколько бы времени ни прошло, он всегда останется лишь случайностью, оказавшейся в нужном месте в нужное время. Но глубоко в душе теплился едва различимый шёпот. Голос пытался ободрить его, но Александр не слушал. Пожираемый собственными мыслями, он добрался до стены.

Тоскливо взглянув на неё снизу вверх, он вздохнул. Куда бы он ни пошёл и что бы он ни делал, он снова наткнётся на подобных Люберту и Лукреции — на тех, в чьих руках сила, неподвластная человеку. И всё повторится вновь. Его судьба быть пешкой, как и судьба всех остальных — прислуживать сильным мира сего.

Беспрепятственно пройдя сквозь ворота для стражи, он побрёл по улицам Дюрана.

Некогда сверкавший город, манящий своим богатством и обещавший невиданные возможности, теперь, казалось, ставил его на место. Этот шик не для таких, как он. Не для безумных псов, что смеют поднимать голову и рваться с цепи. После того как в нём покопались, после того как ему вновь указали на его место, разум ещё не пришёл в порядок. Он больше не чувствовал той всепожирающей ярости. Не чувствовал той силы, хотя сейчас он не чувствовал даже собственной. Лишние воспоминания стирались одно за другим, и, словно боясь этого, они вырывались наружу, обманывая его глаза и уши.

Роскошные улицы Дюрана были затянуты туманом, а голоса горожан обращались зыбким эхом. Чем дальше он забредал, тем гуще становился туман, очертания людей стирались, по улицам медленно проплывали маслянистые тени. Он ощущал на себе пристальный взгляд.

Его ноги подкосились, и он упал. Все чувства обратились против него, кроме одного. Чувства, что он был не один. Он чувствовал тепло в сердце и откуда-то знал, что его размеренный стук не зря исторгает свой звук в безразличную пустоту. Как бы то ни было, он должен добраться до первосвященника. Придерживаясь за стену, Александр, скрипя зубами, поднял ватное тело, которое отказывалось подчиняться.

Теплота, разливающаяся у него в груди, помогла отогнать наваждения, зрение начало постепенно проясняться. Но чувство, что на него обращён пристальный взгляд, никуда не делось. Этот взгляд преследовал его, едва он вернулся в Дюран. И это не было иллюзией, более того, к нему добавилось новое чувство, которое обычно затрагивало сразу струны его рефлексов и инстинктов, но сейчас те молчали, и потому оно лишь запоздало и вяло заявило о себе.

Позади кто-то стоял.

И всё же ему не было до этого никакого дела. Сейчас, подавленный, униженный, лишь начавший собирать остатки воли в кулак, он не собирался даже оглядываться. Но всё же...

Повернув голову и обратив назад затуманенный взор, он успел увидеть лишь развевающиеся на ветру пепельные волосы прекрасной, как ангел, девушки, её искажённые глаза, полные презрения, и блеск ножа.

Пролившаяся кровь и поднявшийся визг горожан опустошили это место, на всей грязной улице в этот момент их осталось лишь двое: неземной красоты девушка с окровавленным кинжалом и потрёпанного вида мужчина в плаще.

Кровь брызнула на каменные стены, взор помутился. Отшатнувшись и схватившись за рану на груди, он сплюнул быстро накапливающуюся во рту кровь. Силы быстро покидали, он чувствовал, как каждый последующий удар сердца становился слабее. Всего его трясло, взгляд обратился на его убийцу. Глаза Александра сверкнули в тени переулка, пламя в них было обращено на эту девушку.

Молниеносным движением он выхватил кинжал и бросился вперёд. Жажда мести, испуг, ярость и страх сплелись воедино и даровали Александру силы для его последнего удара. Он не просто стремился убить своего врага. Он делился смертью.

Снисходительная улыбка коснулась губ девушки.

Это всё, чего он добился этим выпадом. Её нежная ладонь плавно, как вода, накрыла его руку. Не моргнув и глазом, она увела смертельный удар в сторону. Не удержавшись на ногах, Александр упал. Сил подняться больше не было.

Хрипя, размазывая кровь, он вцепился в булыжник на дороге, как в шанс отомстить.

Ослабшая рука дрожала, но подняла камень. Он перевернулся на спину. Хруст и хрип заполнили переулок, когда девушка обрушила стопу на шею Александра. Схватившись за раздробленное горло, он весь сжался, вздрогнул и замер.

Он больше не чувствовал ни боли, ни страданий. Чувства исчезли, а вместе с этим он понял, что находится больше не на улицах Дюрана.

Это был туннель с ярким светом в конце. А мимо него проносились, как падающие звезды на ночном небе, фрагменты его жизни.

Он не знал, как называется чувство, которое скрутило его грудь. Это были тоска, печаль, отчаяние, злость и все остальные возможные эмоции, которые разом вскрикнули в его сердце и замолкли. Осталась лишь пустота.

Среди множества картин прошлого одна вдруг овладела пространством. Она казалась незнакомой, но стоило ей поглотить умирающий разум, как на тот обрушилась первозданная агония. Но ему было уже всё равно, и это чувство лишь отсрочивало момент забвения, а потому было по-своему прекрасно. Именно поэтому он никогда не касался этого куса своей жизни ранее. На смертном одре, пожалуй, самое время.

Знакомое болото было всё так же затянуто туманами, но сквозь них виднелся холм, на вершине которого возвышался особняк. Его великолепие не пощадило время, он был заброшен и забыт. Они сидели в лодке, пробираясь к холму через трясины. В лодке был сам Александр и несколько незнакомых людей, но одного он узнал.

— Мы находимся во владениях поместья Чёрный Ирис, — заговорила Лукреция. Сейчас это была юная девушка с лицом, с которого, казалось, никогда не сходило грозное выражение. Одета она была, как и все собравшиеся, в кольчужную рубаху поверх чёрных стёганок. — Я не тащила вас сюда, вы вызвались добровольцами и не за бесплатно, но... — голос её на мгновение дрогнул, — я не могу не сказать, пусть вам может быть всё равно... Вы моя последняя надежда. Твари из самых жутких кошмаров могут повстречаться здесь, и неизвестно, что за ужасы таятся в самом поместье. Но всех их можно одолеть. Кроме одного. Демон, что учинил здесь раздор, — девушка потупила взор, а затем, встрепенувшись, со вспыхнувшими глазами продолжила: — Но мы одолеем и его! У меня есть оружие. А после я заточу его в воспоминаниях и сотру их, лишив его всякой возможности возродиться!

Над болотами раздался рёв. Круша деревья на своём пути, к ним устремился монстр-олень. Лукреция выхватила меч.

— Сегодня Данай будет повержен!

Только лишь это имя сорвалось с губ девушки, как всё замерло. Перед глазами Александра будто разрывалось само полотно мироздания. Из трещины показалась когтистая рука, которая, ухватившись за разрыв, вытянула за собой всё тело.

Перед ним предстал демон.

Мантия его была усыпана драгоценными камнями, края одежды были расшиты золотом и, Александр мог поклясться, нефритом. На голове его был тюрбан с самоцветом, в котором клубилось пламя. Из самоцвета возвышалось перо, излучавшее сияние и переливающееся всеми цветами.

— Ах, малютка Лукреция, — бархатным голосом и прямо-таки с отеческой любовью проговорил демон, поглаживая девушку по щеке когтистой лапой, которая при прикосновении к коже тут же обратилась человеческой рукой. На ней было два перстня: один белый с чёрным символом ириса, а другой фиолетовый с красным камнем и стёртым узором. — Ты вырвала моё имя из самой истории, но, в конце концов, косвенно сама же и

освободила меня. Она всегда была такой серьёзной, всегда что-то планировала и оберегала младшеньких... — с томным вздохом сказал демон и повернулся к Александру. У демона не было зрачков, а сами глаза были красными, как лава. Он был выше Александра, и, чтобы смотреть ему в глаза, ему приходилось слегка наклоняться.

— Я бы хотел с тобой кое-что обсудить, не желаешь ли сменить обстановку?

Прежде чем Александр ответил, они оказались в богатом зале, за столом, усыпанным яствами. Это было поместье Чёрный Ирис, если судить по гербу над камином, в котором даже теплился огонь. Стены хоть и поросли плющом, но от них до сих пор веяло величественной и жуткой историей.

— Приступай к трапезе! — пригласил демон Александра, садясь на противоположный конец длинного стола. — Желаешь вина? — сказал он, и в руках у Александра оказался полный бараний рог, заполненный вином. — Или, может, родного пшеничного эля? — напиток сменился от одних его слов.

Александр бросил пойло, но оно не пролилось и не коснулось пола, а просто исчезло, не пролетев и метра.

— Эй... — раздалось над самым его ухом. Рядом стоял демон и с оскорблённым видом держал в руках тот самый рог с выпивкой. — Тебе нечего меня бояться. Хорошо? — хлопнул он его по плечу.

— С чего бы мне тебе доверять? — Александр прищурился, нахмурившись.

— Мы же компаньоны! Прошли через весь Дюрандаль туда-сюда и даже заглянули в другой мир, ну так, на чуть-чуть, ха-ха, — толкнув Александра в плечо и всучив ему эль, демон заложил руки за спину и размеренным шагом пошёл вдоль стола за своё место.

— Компаньоны?! Ты только и делал, что отравлял моё существование и даже воспоминания! Ты просто хотел заполучить себе тело! — Александр швырнул в демона рог с выпивкой. Тот не долетел до него и исчез, а сам демон поперхнулся и раскашлялся.

— Мне кажется, мы должны кое-что прояснить, — демон, откинув подол своей одежды, сел на место. — Ты обвиняешь меня почти что в воровстве, но единственный, кого здесь обокрали, это я. Ты знал о силе, которой тебя наделил демон. Ты постоянно искал способы испытать её. Вспомнить хотя бы, как ты постоянно ввязывался в драки с противниками, которых сам бы никогда не победил. Или как совершал откровенно тупые действия... Вспомнить хотя бы, как ты попал в трупщобы. Человеческое тело не способно так быстро восстанавливаться. Ты бы умер на той плахе, даже не приходя в сознание... нет! Ты бы помер ещё в графстве Ягуара, и не от местного божка, а просто от лихорадки, даже не добравшись до лозы забвения. Или как вы там её теперь называете? Кошмарная? Ты не потерял память от ужасов особняка, нет, не от кошмарных демонов его недр, о-о-о, нет... Ты не терял памяти вовсе, — демон задумчиво потёр подбородок, поглядывая на Александра из-под прикрытых глаз. — Ты сам лишил себя памяти. Тебя сломило то, насколько ты жалок и слаб. На сколь малые вещи ты можешь повлиять и как мало от тебя зависит.

— Это не так! — выдавил из себя побледневший Александр. Все воспоминания разом пронеслись у него перед глазами, с его лица сошла краска, он побледнел, и голос его дрогнул.

— Я вижу эту ситуацию именно так. Ты просто выкинул «лишнее» из головы, решил начать жизнь с чистого листа, присвоив себе мою силу, и быть её единоличным пользователем. Но заполучив её, ты так и не смог ей овладеть. Получивший чужую силу и власть никогда не будет знать её истинных границ и возможностей, потому что продолжит

думать как слабак! Это я брал контроль над ситуацией в критические моменты. А теперь обдумай всё это хорошенько и осознай простую истину. Я мог отобрать тело в любой момент. И тогда, в катакомбах, мелкая не смогла бы вернуть тебе контроль над телом, если бы я воспротивился этому. А всё потому, что я хотел тебе... — Данай наклонился над столом, — ...помочь!

Александр молчал. Демон, выдохнув, уселся обратно. Огонь в камине пожирал бревна, будто был настоящим, те раскалялись докрасна и опадали перегоревшим пеплом. Его отражение плясало на золотых кубках. Гордый собой демон также любовался отражением пламени, гоняя его по внешней стороне вращаемого кубка.

— Ты хотел помочь?.. — процедил Александр и замолчал вновь. Слова демона словно вонзились в душу. Правда режет больнее всего. — Понимаю. Вижу. Чёрному Ирису ты уже помог, — огрызнулся он.

— Ты хочешь сказать, что это я виновен в разрухе и хаосе? Что это я заигрался с магией и понапризывал сущностей из других миров? Не я обмазывался кровью и приносил в жертву слуг!

— Ты мог помешать этому, если тебе не всё равно.

— Ну, конечно, мне было не всё равно! — глаза демона сверкнули пуще прежнего. — Мне было интересно. Это нас с тобой объединяет, кстати говоря. Любопытство. Интерес. Мне действительно было интересно, как низко и глубоко может пасть человек перед лицом неизведанного. Сколь глупые он построит доводы, чтобы обезопасить свой хрупкий разум, тем самым лишь ускорив своё становление зверьём. Я невиновен в случившемся. Меня призвали первым, и, знаешь, глупо отказываться от роли божества, когда все восхваляют тебя и готовы устраивать оргии по первому зову, глупо отказываться. Но и у меня, исследователя, есть свои принципы. Так, например, детей я и пальцем не тронул и никому из безумствующих не позволил. Я не какая-то бездушная тварь. Ведь, более того, я был для них отчимом и воспитателем.

— Отчимом?!

— Ну да. Их отец был не против, чтобы я взял в жёны леди Ирис. Ну, мы и обвенчались... — Демон подставил поближе перепела и, взяв вилку с ножом, стал отрезать для себя кусочек. — А потом и с ним самим. В общем, сложные у нас были семейные отношения. Но могу тебя уверить, — набив рот едой, он указал на Александра вилкой, — счастливей семьи ты бы не нашёл на всей земле.

Александр поморщился с отвращением.

— Видимо, счастливы они были в некоем извращённом подтексте.

— О, нет, в самом истинном, — демон с тоской взглянул на герб, оставив еду в покое. — Поначалу всё было как на небесах. Но они узрели во мне бога, и их любовь переросла в обожание. Обожание в поклонение, а поклонение обернулось форменным безумием. Мне было печально наблюдать за происходящим хаосом, но, по крайней мере, это было познавательно. Первое знакомство с людьми обернулось таким представлением... Но хватит обо мне, — Данай подпёр голову рукой. — Давай о тебе. Всё-таки ты один из тех, в ком я был заточён. Малютка Лукреция всё сделала правильно, вот только я никогда не показывал при домашних своей полной силы. О, моя девочка... Она была уверена, что, разорвав меня на части и поделив поровну, сможет заточить осколки моего сознания в разных людях, которых разошлёт на окраины, где им и предстоит умереть. Я могу тебя поздравить, — демон похлопал в ладоши, — ты продержался дольше всех. Остальных я убил,

едва они покинули поместье и скрылись с глаз моей дочери.

— А как же Лукреция? Она ведь и сама собиралась стать сосудом!

— Ха! — махнул в его сторону демон. — Она не так хорошо разбирается в душах, как ей хотелось бы думать. Всё же в этом ремесле требуются годы и годы! Она наверняка подумала, что обуздала и присвоила себе часть моей силы, но то изначально был лишь хорошо упакованный подарок. Видишь? Я даже, как настоящий родитель, пожертвовал частью себя ради детей! — демон прищурился и запихал в рот пирожное.

— Не пой себе дифирамбы, что бы ты ни сделал, ты так и останешься чудовищем. Я сът этим по горло, — Александр попытался встать, но не смог. Он склеился со стулом, словно тающая восковая фигура.

— Ох, прости мне эту погрешность. Я уже совсем отвык от бодрящего течения времени. Итак, давай всё же, наконец, поговорим о тебе. Я крайне недоволен тобой, — Данай выпрямился, — Александр!

По спине Александра пробежали мурашки. Этот голос преследовал его в кошмарах. Демонический голос вторил эхом, перемешиваясь с воспоминаниями и поднимая из их омота собственные мысли, что он хоронил, не желая тогда слушать нащёптывание разума. Теперь же этот самый разум сидел напротив, и так просто его было не заглушить.

— Столько воплей о решимости. Столько крови. И что тебя надломило? Горстка трупов с кристаллами душ? И ты сразу расклеился... Раскис! Едва не плакал. Отвратительно. Вся твоя жизнь с того самого пожара — просто разочарование. Ты же, как бешеный пёс, бежал по следу и грыз тех, кто, как ты посчитал, мог обидеть тебя и кто не мог перебить тебе хребет. Пейзажи, женщины, вино, еда... Да даже Банжу не стало для тебя смыслом жизни. А могло! И? В чём ты нашёл утешение? В битве? Так может показаться, ведь твои речи зачастую служили лишь поводом и прелюдией для кровопролития, но нет! Ведь ты лишь убивал слабых и кичился чужой силой. А как встретил противников, превосходящих тебя по силе, поджал хвост и стал жалеть себя? Ты давно утратил веру. Без веры — человек ничто! Это я тебе могу сказать уже точно.

— Веру? Ха! Я в богов никогда и не верил.

Демон разверз свою пасть в приступе inferнального хохота, от которого сотрясались стены.

— Ох, где мои манеры, прошу меня простить, — сказал он, вытирая слезу. — Боги, короли, закон... Это всё — лишь игры разума, проекция силы. Я говорил... — Данай пристально посмотрел на Александра, заглядывая в самую душу, — о вере в себя.

Демон замолчал. Александр не знал, что ответить. Он находился в смятении.

— Что ж... я тоже пресытился, — демон встал из-за стола, — мне пора.

— Я умираю, — подал голос Александр. — Так что можешь не строить больше свои козни, мы умрём вместе.

— О, брось. Те раны, что подарил тебе ангелочек? Пф-ф... Для меня это пустяки. В любом случае, это более не твоя забота, — последние слова демон прошипел Александру прямо на ухо, похлопав его по плечу.

Александр обернулся, чтобы не потерять демона из виду. А тот уже переступил порог массивных дверей.

— Счастливо оставаться! — бросил ему уходящий демон, и дверь за ним захлопнулась.

Еда исчезла, пламя погасло, на зал опустилась тьма. Где-то в этой тьме остался Александр и пара тлеющих углей в камине.

Над Дюраном сгущались тучи. Прекрасная пепельноволосая девушка бросила последний взгляд на скрюченный труп. Она упёрла руку в бок, небрежно откинула волосы и повернула голову в сторону неожиданного свидетеля. Прямо к ней направлялась женщина с копьём в руках в чёрной храмовой накидке, из-под которой в плечах выглядывал, сверкая в лучах солнца серебряными узорами, латный нагрудник. Её бледное лицо было строгим, шаг размеренным, а взгляд ледяным.

— Вот ты и попалась, больше тебе не спрятаться, тварь! — Лукреция остановилась в отдалении. Между девушками взвыл ветер. Лукреция подняла одной рукой копье, оно бросило отблеск, и его остриё уставилось на убийцу. — Вашим планам не суждено сбыться, я остановлю и Люберта, и тебя, Анабель!

Закатив глаза, Анабель небрежно махнула рукой. Из её рукава вырвался десяток острейших кинжалов. Они не полетели прямо, а устремились во все стороны. Коснувшись стен, они с грохотом высекали обломки и искры, оставляя после себя глубокие выбоины и рытвины. Но они не остались в стенах, отскочив от них с оглушающим звоном. Не теряя силы и скорости, они устремились в Лукрецию.

Она прищурилась и перехватила копье двумя руками, как посох. Выдохнув, она закрутила оружие над головой, рассекая воздух до свиста. Оно замелькало вокруг неё под вопли ветра, кинжалы один за другим встречали копье и с оглушительным перезвоном опадали на каменную мостовую, подобно осенним листьям.

— Интересно... — Анабель улыбнулась. — А я всё гадала, в чём тут дело. Александр пусть и был обычным разбойником, смог разгневать Люберта почти как «Король воров», и тот попросил меня об услуге, — она сняла ногу с его раздробленного горла и прогулочным шагом, покачивая бёдрами, направилась напрямик к Лукреции.

Лукреция стояла, выпрямив спину и задрал подбородок, храня молчание.

— Вот только этот бродяга всегда был настороже и без шума не сдался бы. Ты опоила его специально, чтобы выманить меня. Ты знала обо всём этом. Поэтому, прежде чем тебя убить, я просто обязана спросить у тебя одну вещь... — она подошла почти вплотную к Лукреции. Та стояла величественно и холодно.

Анабель прищурилась и зыркнула на неё исподлобья.

— Почему ты не сдалась?

Свистнул меч. Взлетели искры. Лукреция закрылась копьем, меч Анабель, вгрызшийся в копье, медленно и неотвратимо продавливал блок, приближаясь к её лицу.

— Лукреция! Тебе должно быть очевидно, что есть в этом мире силы, далеко ушедшие за пределы разумного. Узнав их истинную природу, ты должна пасть в страхе и служить, а не противиться судьбе.

— Вот именно, — взглянула она на Анабель с отвращением. — Я не понаслышке столкнулась со всеми этими пределами ещё девчонкой и с уверенностью могу сказать, что та сила, которой вы кичитесь, не больше, чем фокусы!

Меч почти коснулся лица Лукреции, но тут раздалось шипение. Из рукавов епископа выскочили змеи. Анабель едва успела отпрыгнуть от брызжущих ядом клыков. Клацнув зубами, змеи упали на мостовую и, зашипев, поползли в сторону стражницы.

— И это всё? — Анабель на мгновение расплылась в ухмылке. Этого хватило Лукреции, чтобы перехватить копьё для удара. Она целилась в голову. Копьё, подобно змее, рванулось вперёд.

Анабель повела меч в сторону, готовясь защищаться. Но это была уловка: едва начав свой полёт, копьё устремилось в землю. Используя его как шест, Лукреция прыгнула, изогнувшись, подобно акробату, нанесла удар ногой. Убийца едва успела закрыться клинком, но в этот момент с земли, шипя, прыгнули змеи. Хмыкнув, Анабель отбросила меч и схватила летящих змей руками, переломив им шеи одним движением пальцев.

С другой стороны вдруг раздался оглушительный хлопок. Епископ взорвала под ногами мешочек. Белое едкое облако окутало улицу, затрудняя дыхание и видимость. Но глаза ей были не нужны. Анабель ощущала силу и даже с закрытыми глазами знала, где её враг. И сейчас она чувствовала, как сила покидает это место, можно сказать, сбегает. Анабель нахмурилась.

— Такие храбрые слова, а ты скрываешься бегством?! Проклятие! А ведь я почти повеселилась! — забыв про манеры, она сплюнула набившийся в рот порошок и наклонилась за брошенным мечом, чтобы убрать его в ножны.

Именно в этот момент из облака на неё выпрыгнула Лукреция. Она никуда не сбегала.

Глаза Анабель расширились, она не успевает поднять меч. Копьё, свистя и шипя, несло ей навстречу. Рассмеявшись, она отскочила назад.

— Похоже, я ошиблась в тебе, — но веселье её было недолгим. Обвивая копьё, к его острию молниеносно ползло множество змей. Анабель ещё не успела приземлиться на обе ноги, и ей ничего не оставалось, кроме как отпрыгнуть ещё дальше, оказавшись в воздухе. Рискованная позиция, увернуться не получится. Но Лукреция недостаточно быстра, чтобы настичь её, а змеи не допрыгнут. На лице стражницы вновь оказалась снисходительная улыбка, которая мгновенно слетела, когда её чуткого слуха коснулся странный звук. Низкий, протяжный гул и хлопок, раздавшийся где-то вдалеке. Она повернула голову в его направлении, но увидела лишь пустую улицу и в её конце гигантскую стену. На вершине стены что-то блеснуло и быстро начало приближаться.

Время замедлило свой бег. Анабель стиснула зубы до скрипа, зрачки сузились. Она видела приближающуюся стрелу. Больше обычной, такая стрела пройдёт насквозь, разрывая человека пополам. Сейчас не было возможности уклониться или отразить её.

— Довольно! — её голос вдруг обрёл глубину и вторящее ей эхо. Раздался грохот молний. На город обрушился штормовой ветер, и свет ярче солнца в зените резанул Лукрецию по глазам. Она закрыла лицо руками и, не удержавшись на ногах, рухнула на колени.

Раскрыв слезящиеся и покрасневшие глаза, она онемела. Всё вокруг замерло и поблело. Анабель зависла в воздухе, закинув голову назад и раскинув руки. Её кожа белела, утрачивая человеческий цвет и обращалась в свет. Одежда на ней вспыхнула и в мгновение истлела в пыль, на замену ей из света родилась белоснежная роба. Волосы распустились и плавно колыхались, будто в воде.

Лукреция испытывала неистовое благоговение, смотря на неё, сердце трепетало. Привлекательные черты лица обратились в идеальные, а изгибы её тела туманили разум.

Анабель медленно согнулась, обхватив голову руками. Из её спины со звуком взлетающих птиц вырвались огромные покрытые белоснежными перьями крылья. Они были настолько величественны и громадны, что едва помещались между домами.

Она взмахнула ими, и время вернуло свой ход. Ветер ударил с такой силой, что Лукрецию отшвырнуло назад, а несущаяся стрела и вовсе лопнула, разлетевшись на щепки, лишь некогда грозное остриё ударилось о мостовую. Тело Лукреции жгло огнём, змеи обратились в пепел.

Анабель откинула назад свои волосы, которые стали ей уже до поясницы, белоснежной рукой. В её глазах цвета утреннего неба сверкала ярость.

— *Как легкомысленно и низко посмела ты считать ту силу, с коей столкнулась, могущественнее всей. Не смей же мыслить, что способна уцелеть, с силой лишь играясь. Внемли же, смертная, какой ты в дерзости сотворила грех, нарушив планы господина, накликала беду лишь больше! Вы сами выбрали свой путь! Познайте же вы кару, и боль, и кровь и, наконец, смиритесь!* — последние слова слетели с её губ вместе с грохотом молний, и Анабель, взмахнув крыльями, со скоростью стрелы умчалась в небеса, скрывшись за застилавшими небо над Дюраном грозowymi облаками.

Из набежавших туч начал накрапывать дождь. Лёгкий, морозящий, он ещё не мог разогнать людей по домам, но буря только начиналась.

По улице мчался мужчина. На голову выше тех редких людей, что вышли по своим делам. Налетая на них, он не замедлял бега, попросту сметая с пути возникшее препятствие. На нём была церковная роба, передавленная тетивой, рукава оборваны, плечи оголены, подол перевязан на поясе узлом, из-под робы выглядывала гремевшая кольчуга. Сапоги с железной оковкой лязгали об каменную дорогу, а на спине болтался лук настолько огромный, что едва не цеплялся за землю свои могучим плечом.

Он бежал с тяжёлым дыханием и грозным видом, сверкая лысиной, но в глазах его был невероятный ужас. Мужчина свернул на пустынную улицу, где проходил бой между Лукрецией и существом с крыльями, и мгновенно осознал, почему их битва не собрала зевак.

Запах, лёгкий, почти неуловимый, но он был ему знаком. Обычно встречаемый только в глубинах и катакомбах. Этот запах источали чудовища. Его тут же скрутила головная боль, в глазах всё поплыло, а сердце застучало об рёбра. Он чувствовал, как страх растекается по телу с каждым толчком крови. Он согнулся пополам. Вытер пот со лба и, глубоко вдохнув, помчался на помощь Лукреции. В конце концов, он не первый раз встречает этот запах и точно знает, что его страх не более чем реакция тела.

Лукреция лежала у стены, распластавшись на земле. Кругом виднелись следы боя, землю покрывал какой-то порошок вперемешку с пеплом и осколками камня, а стены были изуродованы глубокими выбоинами.

Мужчина аккуратно взял Лукрецию за плечи. Она была без сознания.

— Я ожидал худшего, — констатировал Каин с серьёзным видом. Сорвав с себя робу, он накрыл ей Лукрецию от дождя и прижал свёрнутым в несколько раз краем ткани нос и рот.

Очнувшись, она мотнула головой, вздрогнула и подняла помутневший взгляд. Как сторожевой пёс, вскинув голову, Каин оглянулся, а затем перевёл взгляд обратно на женщину.

— Что случилось? Я же попал точно в цель! — он видел, как перед глазами Лукреции проносятся воспоминания. Она вся дрожала.

— Не здесь... — хрипло, сквозь ткань, сказала она. — Возвращаемся в храм. Мы ошиблись.

В храме было полно народу. Разразившаяся буря не на шутку напугала многих, и они поспешили укрыться внутри. Двери храма распахнулись, на пороге появилась епископ Лукреция. Люди, возликовав, повыскакивали с мест и бросились к ней за благословением и с расспросами. Но епископ хранила молчание. Понуриив голову, она шла вперёд, а люди, видя это, замолкали и отступали. Никто тогда не посмел возмущаться, потому что следом за Лукрецией шёл головорез Каин, и был он мрачнее тучи. Они миновали расступившихся прихожан, направившись тяжёлой походкой к невзрачной двери, ведущей в подземелье храма, сокрытой за ширмой от посторонних глаз.

Спустившись по лестнице в катакомбы, они подошли к трём расположенным на полу саркофагам. Каин презрительно фыркнул, его всегда удивлял обычай хоронить значимых для храма людей таким образом, без понятных ему почестей. Грязные, неухоженные, в восковых выростах — это что угодно, но не почести! Так он думал, но рта не раскрывал. Лукреция

закрыла глаза и без всяких сомнений положила руку на один из них. Каин не был чистюлей, но сейчас поморщился. Епископ же хранила молчаливое напряжение.

— У нас разве есть время на сантименты? — всё же нарушил он тишину, в которой слышался лишь тихий перезвон цепей вдалеке да потрескивание пламени на свечах. Лукреция молчала. Могильные плиты заскрежетали, саркофаг отъезжал в сторону, открывая спрятанную под собой лестницу, выдолбленную в камне.

— Нет, — ответила Лукреция.

Она пригнулась и начала спускаться, жестом позвав Каина за собой. Ступени привели в пещеру. Лукреция зажгла факел и вручила его Каину. Он поднял его повыше, и, когда свет разгорелся и отступила тьма, стало видно, что их окружает. В шершавые каменные стены вгрызались облицованные блоки и деревянные, разбухшие от времени и влаги балки. Пройдя немного дальше, Каин ахнул. Тусклого света факела было достаточно, чтобы понять, в какое место вёл тайный проход. Это была библиотека. Три этажа, соединённые красивой винтовой лестницей, мягкие кресла, массивные столы, громадные стеллажи и забитые всякой древностью серванты. Здесь были не только книги, но и скрижали, образцы растений под стеклом, оружие на стенах и даже чучела ужасных тварей, от которых не по себе стало даже ему, бывалому головорезу. Он повернулся к Лукреции и только успел открыть рот, как она взвела руку.

— Нет. Молчи, Каин, — Лукреция отошла в сторону, к большому рычагу, торчащему из стены. — Мне нужно сконцентрироваться. Посвятить тебя в происходящее. И выговориться.

В его глазах блеснул свет факела. Каин закрыл рот и кивнул. Лукреция дёрнула рычаг. Механизм, скрытый в стенах, зарычал, застучал, а затем над ними вспыхнул свет, яркий, словно солнце пронзало это место своими лучами сквозь земную твердь.

— На самом деле я не епископ. Я угрозами и обманом получила эту должность, подделывала документы, запугивала, убивала... Всё ради того, чтобы добраться до этой библиотеки. Хоть храм и выглядит монументально, построен он был не так давно. Я взвела его несколько лет назад прямо над раскопками. Добиться постройки в трещинах храма, должна заметить, немислимо тяжело. Как бы то ни было, катакомбы под храмом, коридоры, тоннели... всё это ради того, чтобы найти это место, — Лукреция отошла от Каина и направилась вглубь библиотеки. Каин погасил факел и проследовал за ней.

— Я не могла скрыть всего, и некоторые стали пускать слухи о сокровищах. На эти слухи объявился ты со своими рыскателями и множеством других авантюристов, кто спускался под землю в поисках сокровищ, но находили там лишь смерть да жалкие останки былого. Идиоты... все думали, что под землёй их ждёт золото и самоцветы.

Лукреция остановилась возле витрины, за которой располагалось чучело страшной собаки с огромной пастью, полной зубов-игл. Шерсть её была толстой и колючей, а раздвоенный, несимметричный хвост имел острые шипы. Лукреция со снисходительной улыбкой покосилась на Каина, ожидая реакции. Каин не испугался, напротив, ему показалось, что эту тварь он видит не впервые. И сейчас он внимательно, со старанием изучал изумительно сохранившийся экземпляр, не изуродованный стрелами и мечами.

— И вы находили сокровища, сами того не ведая. Те чудовища, что водятся в подземных залах, — это наследие древнего ремесла. Ведь Дюран построен на руинах города древних. Если переводить, «Ласточкиного Гнезда» — города-в-скалах, вокруг водоворота. Почему же аллюзия на птиц той эпохи была ближе их сердцу, чем соседство с первозданной стихией? — Лукреция улыбнулась и прикрыла глаза. — Загадка, как и всё в этом зале, но

каждый образец, каждая капля пота и крови приближали меня к ответу, запертому под шифром древнего языка.

Лукреция прошла дальше, к столу со стеклянным покрытием. Оперевшись на него двумя руками, она стала всматриваться сквозь стекло на придавленные к дереву древние карты и тексты. Каин чувствовал, как у него начинает кружиться голова от шквала валящихся на него откровений.

— Гнездо было не единственным городом. Империя древних простиралась до краёв мира и всегда была объята солнцами. Но они все исчезли, оставив после себя лишь глубокие катакомбы, заполненные результатами их чудовищных экспериментов, ходячими обрывками знаний, унесённых в пустоту, — не найдя искомого на столе, Лукреция оттолкнулась от него. Быстрым шагом она подошла к стеллажу с книгами и, проведя пальцем по корешкам, продолжила поиски. — Моя семья подробно занималась изучением их реликвий на протяжении всей своей истории, надеясь обрести ещё большее могущество. Началом конца послужило нахождение календаря древних. Они не делили дни на недели, месяцы и годы. Их счёт так и остался неведом. Они, кажется, даже мыслили по-другому. Их календарь был не листом, а шаром, состоящим из множества дисков, покрытых гравировками. На каждом диске были надписи и рисунки существ, которых мы никогда не видели, даже во снах. Фантазии, скажешь ты... — Лукреция остановилась. Замерла на мгновение и, мотнув головой, продолжила поиски. — Однако то, что мы обнаружили на последующих дисках, повергло и наш скепсис. На одном из них были изображены волки. Медведи. Пчелы. Лошади. Мы точно знали, что это они, ведь на остальных дисках не было ничего и близко похожего. Мы принялись изучать тщательнее, но всё тогда было впустую, — её речь становилась быстрее, а взгляд беспорядочно перескакивал с книги на книгу.

— Сейчас же, когда я расширила эту библиотеку, я могу сказать. Те твари, которых вы вытаскивали на поверхность, на потеху людям, были на предыдущем диске. Цикл жизни? Возможно. Но следующий диск после нашего — пустой. Как и последующие. Можно предположить, что они не могли видеть дальнейшее будущее, но наше-то они видели! И все эти диски, которые шли до них. Многие из тех, кто изучал находки на Первых Копях, нашли в этом возможность самим определить будущее. Стать богами. Лепить, словно из грязи, новый мир. И они погрузились в изучение этих техник. Забытые и погребённые под толщей вод и земли, тут и там стали появляться убыточные рудники, которые, несмотря на великие траты, только глубже рыли. И они нашли. Множество вещей из прошлого. Со всех возможных дисков.

И в один момент все сказки обратились в страшную реальность... — стаскивая с верхних стеллажей книгу за книгой, она судорожно листала их и, не находя того, что искала, бросала бесценные фолианты прямо на пол.

— Чудовища, Магия, Боги, Некий Космос... Мы попросту оказались отрезаны от всего этого, как малые дети, и когда мы пробили скорлупу и принялись учиться творить, то творения наши были ужасны. Поэтому и появилась она, — Лукреция махнула рукой в потолок. — Церковь Смерти, молодой орден, только плетущий слухи о своей древности. Ему от силы несколько сотен лет. Созданный из страха перед надвигающимся и для сокрытия опытов и тёмных учений. Поначалу всё было замечательно... Но казна росла, животы епископов отвисали, и вскоре они сами начали верить в свою ложь. Все эти священные тексты, молитвы, богоугодные рецепты — не более чем конфискованные труды, — Лукреция вздохнула и продолжила.

— Но всё это стало неважно. Моя семья преуспела пуще других. Пока большинство баловались оживлением мёртвых и туманными предсказаниями будущего, что видели они в подёргивании лапы мёртвой крысы, нам удалось открыть портал в мир чистого зла. И из него вышло существо, что свело с ума всю мою семью и дало им то, чего они желали. Сила. Магия. Демоны. Всё это обрушилось на Дюрандаль по вине одной-единственной семьи. Я не епископ, Каин. Моё имя Лукреция Лемурин, я последняя владычица Чёрного Ириса. Подбери челюсть, Каин, я именно та, единственная выжившая дочь бана Лемурин. И я не понаслышке знаю про всё это ремесло.

Каин стоял в растерянности, пытаясь уложить в голове всё что он сейчас узнал.

— Упыри, проклятия, кровососы, призраки, порчи, астралы и всё, с чем только можно столкнуться по всему Дюрандалю, в самых злых его закоулках, — всё это зародилось и плодилось в моём доме. Я единственная, кто сохранил разум. И с тех пор я посвятила свою жизнь тому, чтобы остановить дело, которое начали мои предки. И я думала, что преуспеваю. Наивная дура. На всех дисках, даже на, казалось бы, пустых, всё же была одна вещь. Существо с крыльями птицы. Мы думали, что это символ дремлющего моря в небесах, дева, что символизирует светило. Но сегодня я столкнулась с ней лицом к лицу. И проиграла бы, если бы та захотела сражаться.

Прекратив поиски, Лукреция накрыла лицо ладонью и тяжело вдохнула. Утерев и стряхнув со лба выступавший пот, она повернулась к Каину, листая очередной пыльный фолиант.

— Я думала, что Люберт — её наниматель, что она его слуга... Но они оба являются слугами. Ты понимаешь, что это значит? Конечно, нет, ведь даже я теряюсь в догадках. Люберт обладает теми же знаниями и силой, что и те баны, которых я упокоила. И обладая всем этим, он является лишь слугой, как и дева солнца. А это может значить только одно, — Лукреция нахмурилась, её руки напряглись, а голос стих. — Кто-то или что-то обладает силой, которая и не снилась моему отцу. Я не представляю, как он её получил, как он её скрывал, но последствия могут быть самыми ужасными. Мои предки открыли портал в мир зла. В мир Силы. И вытащили оттуда одного демона. Скольких же сможет протащить Он, тот, что стоит за всем этим? Страшно представить. Мы проиграли эту войну. Наш противник настолько далеко зашёл в своей игре, что, когда мы его настигнем, весь его план будет уже воплощён. А это значит...

Лукреция перестала рыскать в книгах. Она остановилась возле витрины, за которой среди самоцветов и перстней покоилось древнее копьё, покрытое затейливым узором, переливавшимся на свету.

— Знаешь что? Плевать! Ничего это не значит, — она решительно захлопнула фолиант, выпрямила спину, в её голосе зазвучала уверенность. — Пока я жива, я продолжу сражаться, очищая землю от этой заразы. Больше ни одна душа не пройдёт сквозь тот ад, что довелось повидать мне. Ты слышал про все те кошмары, что творились с прислугой в стенах Чёрного Ириса? — спросила Лукреция, и хотя вопрос был, скорей, риторическим, Каин кивнул. — То же самое произойдёт и со всем миром. Мы все станем лишь глиной в его руках.

Лукреция покачала головой, подбоченилась и рассмеялась.

— Им нужен целый мир? Ну что ж, пока хоть один не сдался, они не достигнут своей цели. Я не дам им достичь её, спутаю им карты или на крайний случай просто лишу наслаждения от задуманного! Я буду шаг за шагом истреблять всю эту нечисть! И мне понадобятся помощники. Нет... — она покачала головой и взглянула прямо в глаза

Каину. — Соратники! Ты со мной?

Её слова эхом прокатывались по подземелью. Каин не успел ответить, как неподалёку захлопнулась книга. Появившийся, казалось, из ниоткуда или бывший здесь незаметным изначально, незваный гость встал. Человек в дорогих одеждах, украшенных самоцветами и золотыми нитями, с пышными каштановыми волосами и глазами, затянутыми бельмом. Он, задрвав подбородок, прищурился, смерил их взглядом с головы до ног, а затем издал смешок.

Чудовища

— Как это мило, — протянул он каждое слово, сопровождая их утомительно медленными хлопками. — Если ты собираешься истреблять нечисть, почему бы тогда не начать с себя?

Каин схватился за оружие, но напасть не решился. От этого человека разило силой. Лукреция же стояла как вкопанная, не веря собственным глазам. В это время незнакомец подошёл к стеллажам и, приложив палец к книгам, прошёлся вдоль них.

— Гули. Упыри. Призраки. Василиски. Занятная коллекция тварей, жаль, неполная. Почему же я не вижу среди твоих книг ничего о людях?

— Не сравнивай людей с чудовищами! — скрипнула зубами Лукреция.

Гость был всерьёз озадачен.

— А чем же, изволь спросить, вы отличаетесь? Для меня все вы просто зверьё, поглощённое убийствами и выживанием. Что ты сверлишь меня взглядом? Хочешь возразить? Прикрыться разумом, душой? Быть может, голосом? Не смей меня, дитя! То, что вы не нашли языка с другими существами, лишь ваша вина, а не повод для гордости, а упивание этим фактом даже ставит ваш собственный разум под сомнение! — он нахмурился, повернулся ко входу и крикнул: — Данай! Это же твоя воспитанница! Так почему она не отличается интеллектом?

Лукреция побледнела. Это имя было для неё страшнее любых кошмаров. Вздогнув и забыв об осторожности, она повернула голову в ту же сторону, бросая судорожный взгляд на вход в своё, казалось бы, тайное убежище.

Со стены слетела пыль, будто кто-то прислонился к ней, а затем оттолкнулся. В ярком свете из воздуха стала проявляться фигура, осыпаясь чешуйками, похожими на маленькие зеркала. Когда ещё один незваный гость показал себя, даже невозмутимый Каин выпучил глаза и побледнел.

— Мои семейные дела тебя не касаются, Расул! Убирайся, — черты лица Александра не изменились, но манера держаться, ужимки, мимика — всё было иным. А главное, взгляд — надменный, полный знаний и льда такого, что даже презрительная Лукреция, от которой обычно бросало в дрожь, казалась верхом дружелюбия.

Расул прищурился и оскалился, переведя взгляд с Данае на Лукрецию.

— Напрашивается низкосортный каламбур, ты ведь знаешь, что я считаю людей мусором!

В руках Расула блеснул нож. Он метнулся вперёд, но с оглушительным хлопком остановился. Александр, или, точнее, тот, кто им управлял, быстрее порыва ветра оказался рядом и перехватил руку с ножом. Проигнорировав весёлый настрой своего знакомого, он выкрутил ладонь непрошеного гостя. Рука со страшным хрустом развернулась, и из ослабших

пальцев выпал кинжал. Александр подхватил его и, рубанув по горлу, воткнул Расулу прямо в глаз. Тот не остался в долгу, ударив Даная лбом в нос и коленом под дых. Тело Даная согнулось, и в этот момент Расул выхватил кинжал из своего глаза и воткнул ему в спину.

Разразилось побоище. Ониломали друг другу кости, пытались взять в захват и попутно кололи друг друга одним-единственным кинжалом, переходящим из рук в руки. Но кости их срастались, а раны с шипением затягивались, как только они вырывали из себя клинок.

— В этом развлечении нет смысла, мы можем стоять так вечность! — его пафосную речь перебил удар в горло, сломавший кадык.

Смотря на всё это, Каин вдруг нахмурился. Сжав пальцы до того, что ногти впились в ладонь, он смог вырваться из оцепенения, в которое их с Лукрецией низвергли эти бессмертные чудовища. Он бросил взгляд на неё. Лукреция стояла, открыв рот, побледневшая и напуганная. Её копье осталось на улице Дюрана, брошенное и позабытое, а его же собственное оружие вызвало бы у этих двоих только смех. Но Каин не мог больше стоять в бездействии. Он рубанул мечом по витрине с артефактами. Осколки стекла посыпались на пол, звеня и крошась, открывая доступ к самоцветам и кольцам. Но не они интересовали Каина. Он жадно схватил древнее оружие. Крепкое и прочное. На его лице непроизвольно загорелась мимолётная улыбка, ведь этот артефакт древности наверняка стоил целое состояние.

Сражающиеся в библиотеке люди, словно марионетки, были одержимы могущественными духами, которые не жалели своё временное пристанище, подставляясь под удары. Всё это было для них лишь развлечением, ведь силы их, казалось, равны.

— Александр! — заорал во всё горло Каин. — Лови!

Воздух наполнил свист. Вращаясь в воздухе, к сражающимся полетел меч.

Пальцы Александра вздрогнули, глаз лишь на мгновение метнулся к брошенному оружию, чтобы рассчитать его траекторию. Оттолкнувшись от Расула, он вытянул руку. Расул всё понял. Рванув вперёд и отпихнув Александра от себя, не отворачиваясь от своего смертельно опасного врага, сам протянул руку туда, куда должен был прилететь брошенный для Александра меч.

Тот просвистел на пару метров в стороне от них, врезаясь в книжный шкаф. Мимолётное замешательство поразило Расула, на лицах Александра и Каина прорезались ухмылки.

Древнее копье с чавканьем прорывалось сквозь тело, пока через следующее мгновение не вынырнуло из груди. В библиотеке раздался крик. Закричав, Каин, стоящий позади, перехватил копье и рывком поднял его в воздух.

— Какая наглость! — взревел нанизанный на копье Расул. С его рук слетели искры, за ними окровавленные ладони охватило пламя. Колдовство, готовое сорваться с пальцев Расула, так никого и не поразило.

Александр лёгким взмахом отрубил ему ладони и вонзил нож в позвоночник, а затем тут же воткнул пальцы ему в глаза. Он с хрустом и чавканьем вырвал голову вместе с хребтом. Подбросив голову в воздухе, он перехватил её за хребет и со всего размаху шарахнул об пол. Голова от удара лопнула и разлетелась во все стороны ошмётками. Обезглавленное, изуродованное тело, насаженное на копье, обмякло.

— Как подло и безрассудно, друг мой! — хлопнул Данай мокрой от крови рукой по плечу Каина. — В духе людей!

— Александр! — голос Каина дрогнул. — Не верю своим глазам, ты же умер! Я сам

видел, как тебя убили!

Александр скривил лицо. Секунду-другую он, прищурившись, всматривался в лицо своего знакомого, а затем его взгляд прояснился.

— Это больше не Александр, — прошипела Лукреция, выйдя из-за стеллажей.

— Это не совсем так, — поднял указательный палец и улыбнулся Данай. — Скажем... Мы поменялись местами.

— У тебя не может быть места в этом мире! Чудовище! — завопила Лукреция. Пока Данай надменно закатил глаза и отвернулся, готовясь прочитать нотации своей воспитаннице, та выхватила из-за спины странный чёрный меч без гарды. Резкий взмах, быстрый выпад. Каин, побледнев, отступил на шаг, с ужасом смотря на грудь Даная. Тот с выражением удивления на лице опустил голову.

Из его тела торчал меч, прошивший его насквозь.

В погрузившейся на мгновение в тишину библиотеке звук падающих на деревянный пол капель крови был особенно чётким. Ранения, страшнее этого, полученные в ходе его битвы с Расулом, исцелялись мгновенно, не кровоточили и не стесняли его движений. Но сейчас Данай пошатнулся, схватился рукой за торчащее из его живота лезвие и скорчил лицо от боли. Нахмурившись, он вскинул руками, и от него во все стороны ударила мощная волна воздуха, отбросившая людей и раскидавшая книги.

Вырвав из себя меч, Данай совсем помрачнел лицом. Рана не зарастала, и кровь ручьём лилась на пол.

— Если ты готова на такие жертвы, чтобы избавиться от отчима, могла бы просто сказать, что не любишь меня.

— Просто сказать?! — Лукреция стала задыхаться от такой наглости. — Я проклинала тебя, клялась убить и пыталась, чёрт возьми, это сделать всю свою жизнь! Если даже это тебя не проняло, что ещё я должна была сделать?!

— Ну... — Данай замялся. Казалось, дыра в животе его вовсе не беспокоила. — Надо было как-то более явно показать свой настрой. В конце концов, многие девочки так себя ведут, не так ли? — он усмехнулся, разведя руки в стороны.

— Девочка? Данай, мне тридцать семь лет, — Лукреция не могла поверить, что её до сих пор не воспринимают всерьёз после всего, что она сделала и через что прошла.

— В любом случае, это... — Данай поднял меч. Покрытый паутиной трещин, без гарды, со сколотым куском на обратной стороне клинка и с рукоятью из кости, обмётанной кожей, он не был очередным артефактом, найденным Лукрецией. — Это слишком опасная вещь. Я забираю его и ухожу, раз ты не в настроении нормально разговаривать.

— Постой! — Лукреция выкинула руку вперёд и сделала шаг, но была не в силах приблизиться к отчиму. — Ты не посмеешь забрать у меня плод трудов всей моей жизни! Это мой последний шанс дать отпор *им*, другого шанса у меня не будет!

— Нет, — Данай отвернулся от Лукреции. Его голос стал тихим. — Не будет.

В мгновение ока Данай испарился, прихватив с собой чёрный клинок.

Но он не совсем исчез. Он всё ещё был там, хоть и недосыгаем для людей. Сквозь туманную пелену и проплывающих мимо духов он видел Лукрецию, словно сквозь воду. Она была в ярости, она была разбита. Вся её стать, всё величие улетучились, и она впала в истерику. Как ребёнок, крича не своим голосом, она крушила собственную библиотеку, кидала книги и ругалась так грязно, что даже чудовищу стало не по себе. Когда метать вокруг стало нечего, она закричала, надрывая себе горло, а затем упала на колени и стала

рыдать.

Данай, склонив голову, взмахнул рукой и ушёл в открывшийся портал.

На мгновение оказавшись в одновременно давящей и разрывающей, ослепительной пустоте, Данай вышел из портала прямо к большим железным воротам.

Место, в которое он прибыл, сразу напомнило о себе, отозвавшись у него в сердце: всё-таки он провёл значительную часть жизни в этом особняке на болоте. Держась за рану, свободной рукой он отворил скрипящие, но всё ещё рабочие ворота и вошёл во внутренний двор.

Здесь всё было до боли знакомо и навевало воспоминания. Трупы, сваленные в углу, уже истлели до самых костей, что были белее цветов, цветущих здесь повсюду. Дорожка заросла, но Данай помнил, где она проходила, и при каждом новом шаге вглубь бесконечной травы и кустарников в его памяти всплывал цокот набоек о камень, направляя вглубь сада, вглубь воспоминаний.

Время не пощадило особняк, он развалился и порос зеленью. Данай нежно провёл рукой по одной из лоз, опутавших стены, в ней он узнал кошмарную лозу. На его лице заиграла улыбка. Они пытались вырастить её на здешних болотах, и у них даже получилось, но всё-таки это была не чета тому, как растение чувствовало себя на родине, вдалеке, на севере. Отвлёкшись от цветов и зданий, он бросил взгляд на другую половину двора. Дыба и гильотина исчезли без следа, от них остались лишь сгнившие доски, разбросанные по всему двору, но взгляд его потерял концентрацию.

При мысли о родине цветов он вспомнил и свою. Глаза прикрылись, он блаженно улыбнулся. Его объяла тоска по дому, по его багровому небу, по вездесущим пескам, по нестерпимой жаре и по буйству зелени. Здесь же растения были так слабы, что умирали, стоит прекратить о них заботиться, или дичали. Не обладали разумом. Не перемещались.

Он был здесь лишь гостем. В один из дней его путешествия по родным землям он увидел яркий свет и сразу узнал в нём разрыв между мирами. Данай не мог упустить такого шанса, о котором лишь читал в библиотеках летающих городов. И вот, он оказался в этом мире.

Опустив взгляд вниз, он отнял руку от раны. Та, наконец, начала затягиваться. Данай нахмурился. Ему не давали покоя слова его падчерицы. За что его можно ненавидеть? Он же всегда старался делать всё, о чём только не попросит его семейство. Ведь поначалу его техникам обучалась и сама Лукреция, и, надо сказать, делала наиболее внушительные успехи из всего семейства. Но в какой-то момент что-то изменилось...

Он вошёл внутрь особняка. Крыша давно обвалилась, стены дали трещину, но среди обломков на полу виднелись потускневшие золотые светильники. Всё-таки после возвращения Лукреции обокрасть имение больше никто не пытался, или не получилось. Данай чувствовал, что он не один в особняке. По нему всё ещё бродили живые, хоть и ослабшие, питомцы семейства.

Наклонившись, он отодвинул в сторону обломок стены и поднял с земли погнутый медальон в форме цветка ириса. Вздохнув, он закрыл глаза.

Когда он вышел из портала и увидел незнакомых ему существ, он был напуган. Уж слишком они походили на его оболочку. Мысль о том, что писк их моды был сформирован по образу существ из другого мира, захватила его. Но тем не менее он готовился к бою. Как вдруг оказалось, что у них много общего, а главное — любопытство. Люди хотели силы и

власти, а он хотел узнать, как они ими распорядятся. День ото дня он показывал им новые возможности. И день ото дня их применение становилось всё более шокирующим. Но все относились к этому как к должному. В конце концов, он не покидал особняка, и домашние правила с этикой стали определяющими. Его тепло приняли, и только потом он понял, что они считали это поклонением, культом. Это было вовсе не обычное гостеприимство.

Уже потом, путешествуя внутри Александра, он увидел, как многогранен этот мир и сколь много здесь различных взглядов сталкивается ежедневно. Люди никак не могли прийти к единому мнению и использовали возможность создания, чтобы породить чудовищ и оружие.

Так в чём же его вина?

Это **ЕГО** обманули, извратили представление об этом мире, а он, как гость, не имел права поучать хозяев. Отношение падчерицы его огорчало. Но несмотря на законы гостеприимства, он шёл против хозяев и зачастую уберегал её от заскоков собственного семейства.

Данай рассмеялся. Искренне и звонко. Одного он никак не мог понять: как эти примитивные существа относились к Силе. Они считали, что именно она стоит за развращением человека, что власть растлила их, вынуждая убивать, а сила вынуждала доминировать, иначе они потеряли бы всё! Он находил это забавным, ведь привык воспринимать и власть, и силу не более как инструменты. И получается, что в своём упадке местные винили подчас подобное вилам и мотыге.

Так в чём же его вина? В том, что дал силу существам, о которой те мечтали и с которой они не совладали? Но ведь было это не так. Он показал лишь малую часть чудес своего мира, лишь ту крошечную часть, что могла служить маркером и испытанием. А действительно опасные вещи он им не показывал. Никогда не рассказывал и даже не намекал.

Он опустил взгляд на меч, сжатый в руке. И несмотря на всё это, не имея доступа к его знаниям, всё же Лукреции удалось выковать этот клинок.

Отойдя от стены, он прошёл в середину комнаты, раздвигая ногой доски и камни.

Для чего ей могло понадобиться столь грозное оружие? Неужели неприятности, в которых она оказалась, требовали такого решения? Тогда она действительно в беде. Возможно, следовало бы вмешаться, в конце концов, все обитатели Чёрного Ириса безвозвратно погибли, а падчерица считает его монстром.

Теперь с гостеприимством покончено.

Мощь

Он поднял меч и выдохнул. Мир вокруг него преобразился, кусками проваливаясь в пелену и искажаясь. В мире духов это место было всегда неизменным. Всюду были хищные тени, затаившиеся монстры, провалы между мирами. Затянутое страданиями, болью и отчаянием, проклятое место, пропитанное силой. Сонмы душ вихрем вздымались в небеса, сливая вопли в унисон, завывая сильнее любой бури.

Всё же была одна вещь, которую он не учёл...

Он сжал рукоять, сконцентрировался, направил все мысли, чувства и силу в меч и распахнул глаза. Они сияли красным, окрашивая туман вокруг в кровавый цвет.

...не только Александр изменился под влиянием их соседства...

Души завывли сильнее, вихрь распался. Тысячи духов встрепенулись и градом обрушились на имение. Они врезались в руины, в землю, в самого Даная и взрывались оглушительным грохотом, оставляя после себя голубое пламя. Корчась от боли, он не опустил меч. Раздался новый взрыв. В этот раз его источником был меч.

...Родственные связи ничего не значат для тех, кто живёт вечность. Они тают и исчезают...

Лезвие лопнуло, но не разлетелось в стороны. Каждый осколок парил на своём месте, оставляя зазор меж себе подобными. И в этом зазоре зияла мгла. Пламя, души, твари, всё вокруг задрожало и, повинувшись Силе, стало затягиваться в меч. Они сопротивлялись, они стонали, они не могли противиться воле Даная. Их затягивало внутрь.

...в другой ситуации он никогда бы не создал чего-то подобного...

Когда никого более рядом не осталось, он перехватил меч двумя руками, направил его в землю и вонзил.

...но сейчас все его знания, стремления и мысли были упорядочены, путь длиной в вечность, петляющий и извивающийся, вытянулся в прямую нить...

Осколки сомкнулись, и о заточённых в мече тысячах душ напоминал лишь белый узор, паутинкой пробежавшийся по металлу.

...всё ради того, чтобы защитить свою дочь.

Данай упал на одно колено, тяжело дыша и сплёвывая кровь.

Поднявшись, пошатываясь, не веря собственным глазам, он смотрел на оружие. Артефакт, который ранее было под силу лишь изредка создать величайшим мастерам его родины. Опустошив особняк и прилегающие к нему земли, слегка напитавшись душами и силой, сейчас он сможет раскрыть часть своего потенциала.

Подбросив меч в воздухе, он схватил его и, бросив взгляд на ещё целую башню, рубанул. Звуча не последовало. Руины утопали в тишине, не было слышно ни свиста ветра, ни песни стали. Лишь тишина, в которой раздался треск. Башня вздрогнула и, сползая, завалилась и обрушилась во двор, оставляя за собой лишь идеально ровный срез.

Пора ему вмешаться.

Демон щёлкнул пальцами и шагнул в портал.

Пространство захлопнулось за его спиной. Под ногами скрипнула черепица. Чтобы не упасть, он схватился за флагшток, торчащий из крыши. Ветер здесь был сильный и освежающий. Мимо, сварливо крича, пролетали морские звери. Отсюда был виден весь город: усеянный башнями и роскошными садами дворец, прилегающие к нему мраморные дома, что утопали в достатке и зелени. Поодаль располагались районы победнее и казавшаяся отсюда не такой уж и огромной стена, отделявшая красивый город от помойки с нищими, на которую без слёз смотреть было невозможно.

И Лукреция избрала своим пристанищем именно эту помойку... Очевидно, она настолько сильно хотела разобраться с дарами, просочившимися в их мир, что ей было необходимо максимальное соседство с архивами.

С вершины королевской башни Данай отчётливо видел не только красоту города, но и силу, сочившуюся от малых и не очень артефактов, заполонивших город. Маленькие, еле заметные огоньки: амулеты, кольца, оружие, одежды, духи... Столь много всего, что было уже сложно называть всё это чудесами. Данай посмеялся про себя. Знает ли Лукреция о том, сколько работы ей предстоит? Улыбка спала с его лица. Да, город пестрил энергией, но одно место просто вопило от переполнявшей его мощи. Он чувствовал это даже спиной.

Обернувшись, он обратил взор к океану. Оттуда в небеса бил столб света, окрашивая даже воду и воздух вокруг себя. На дне что-то было.

Спрыгнув с башни, Данай щёлкнул пальцами, прошёл сквозь пустоту, и вот он на месте.

На дне оказалось красиво. Внутри купола, где он очутился, было сухо и тепло. Мощь океана удерживалась прозрачными стенами, кристалльным куполом и распорками из блестящего металла. Он даже видел косяки рыб, кораллы, водоросли и существ покрупнее, проплывающих в полумраке вод.

В самом же куполе было обустроено что-то вроде святилища. Множество статуэток, мест для поклонения, позади Даная была арка, в которую он вошёл через пустоту. На другом же конце святилища располагался окровавленный алтарь, вокруг которого были рассыпаны горы драгоценностей. За алтарём, в толще вод, находилось гигантское существо. Но что немаловажно, в святилище, помимо Даная, были ещё и люди. Где-то под сотню сектантов в балахонах с горящими глазами и большими тесаками, стиснутыми в бледных, дрожащих руках. Настроены они были явно недружелюбно. А Данай же не был настроен уделять им хоть сколько-нибудь внимания. Не медля, он направился к алтарю. Такая дерзость оказалась для собравшихся людей немислимой, и они набросились на незваного гостя.

Засвистели тесаки, зашелестели одежды, но удары не достигали появившегося из портала человека. Оружие отклонялось, люди почему-то промахивались. Когда очередной выпад должен был снести голову этому незнакомцу, тот начинал мерцать и дёргаться, при этом спокойно продолжая идти, и оружие проходило насквозь, встречая подвернувшегося не вовремя другого сектанта.

Они зверели от собственного бессилия. Забавное зрелище. Данай прошёлся к краю подводного святилища, следовать за ним сюда никто не решился. Этот угол был устлан дорогими тканями, всюду валялось золото и драгоценности. Всё для того, кто был сокрыт во тьме вод.

Существо открыло множество своих глаз, и все они устремились к пришедшему. И все они наполнились страхом.

Данай достал меч. Он не делал им особых взмахов, не исторгал его силы. Просто указал им на гигантскую тварь, оплетённую щупальцами.

— Беги.

Были ли ещё и уши у этого подводного клубка, Данай не знал. Но повторять не пришлось. Подняв громадные волны и издавая булькающие звуки, существо со всех сил уносило свои щупальца вглубь океана.

— А что же до вас... — развернувшись на каблуках, он убрал меч в ножны, окинул взглядом ошарашенных сектантов, раскинул руки в стороны и улыбнулся, — детишкам пора спать.

Он хлопнул в ладоши. Хлопок был столь оглушительной силы, что вода, окружавшая святилище, содрогнулась и отступила от него на добрый метр. Лишь несколько особо расторопных людей успели прикрыть начавшие кровоточить уши руками, но их ждала участь остальных — они пошатнулись и, оглушённые, попадали на пол.

Вода вернулась, нахлынув на святилище, обрушившись своей страшной массой. Купол покрылся трещинами, но продолжал держаться. Когда беспокойство вод унялось, образовавшуюся тишину потревожил звук портала, из него стала проявляться фигура.

— Зачем ты учинил всё это, собрат? — обратилась она к Даная.

Из портала вышел Расул в своём истинном облики. Высокий мужчина с кожей цвета

меди и заострёнными ушами. Узкие глаза не имели ни зрачков, ни радужки, лишь первозданный золотой свет. На нём была позолоченная кираса, в руках он держал оружие, похожее на копье, но имеющее намного более сложный клинок, похожий на цветок. Данай сразу узнал в нём гвизарму.

Расул более не прятался за маской подвернувшегося человека, представ в своём истинном облики. Окинув взором раздор, что учинил Данай, он покачал головой и стукнул древком гвизармы об пол. Под каждым из более чем сотни сектантов открылись порталы, и те исчезли из подводного святилища. Они остались вдвоём.

— Данай, твои исследования ценны во всей империи, но позволь теперь говорить серьёзно, — Расул шагнул ему навстречу. — Ты срываешь операцию. Сгинь.

— И не подумаю, Расул, — Данай пошёл ему навстречу. Они остановились друг перед другом, смеря друг друга холодными взглядами. В воздухе повисло напряжение, от которого затрепал купол.

— Тебя предупреждали в конторе: не надо привязываться к низшим формам и не надо влиять на них. Они примитивны и скоротечны! Ты привяжешься к ним и начнёшь делать глупости, как сейчас. Не говори мне про эмпатию, это животные, и пришёл их черед. Ты прекрасно знаешь о жатве душ и о том, что это вынужденная мера. Либо они, либо мы, Данай! Не заставляй меня повторять тебе прописные истины нашего существования! Хотя, судя по твоему поведению, ты забыл не только о них, но и забыл, кем сам являешься!

— Ха! Я пожил среди них достаточно и могу с уверенностью тебе сказать, что у них есть потенциал. Они слабы, но они могут тренироваться. Они глупы, но они учатся. Человеческий род прекрасен и текуч, подобно воде. Я не встречал никого другого, кто был бы гибок так же, как этот вид. И не надо мне читать нотации, ты не мой начальник и уж тем более не похож на лжеца. Так ответь мне, не тая: ещё не время для жатвы, почему же сейчас? Уж не потому ли, что пограничный контроль жидко обделался? По всему миру разбросаны следы пребывания нашей расы: оставленные ими в спешке или с умыслом предметы, начавшие влиять на мир. Уж не потому ли, что ты с друзьями решил ускорить приход жатвы, загрязнив этот мир и ускорив ход вещей?

— Не забывайся, с кем говоришь, ботаник! Я главнокомандующий вторжением Расул!

— Вторжением? — сложил руки на груди Данай и расхохотался. — Как громко сказано! Сам придумал? Пять тысяч лет назад в империи не было такого звания. Что ещё у вас изменилось, пока я был в недлительной отлучке? Никто и никогда бы не поставил во главу вторжения жалкого технаря даже без разряда!

— Это уже не важно. Время утекает. Этот цикл и последующий будут всё меньше. Пока мы ищем решение, мы решили устроить вторжение, подождать, так сказать, время. Мы собирались использовать силы этого мира, дабы как можно меньше... оставлять грязи. Но ты всё портишь. Нападение морского чудовища было бы естественным ходом этого мира...

— И не вызвало бы подозрений... Ты бредишь, если бы это было вторжение, вторгались бы не только в эту захудалую страну. Я был среди других народов! Зеленокожих великанов, подводных змеев и остальных жителей этого мира. Там и следа не было от нашего пребывания! Хватить лгать, — Данай нахмурился.

Воздух затрепал, в нём заискрились разряды. Здесь, на морском дне, поднялся ветер. Купол покрылся ещё большими трещинами, вода стала просачиваться внутрь святилища, но тут становилось так горячо, что она испарялась до того, как касалась пола. Вокруг Даная в воздухе появился десяток рун, полыхающих голубым пламенем.

— Я надеялся, что ты сознаешься, но ты, похоже, сам спутался с местным аборигеном. Как я и говорил, они способные, ты мог убедиться в этом. Настоящие мастера обмана...

— Какое нахальство, — прошипел Расул, бледнея, — заявлять, что одного из нашей расы обдурил абориген!

— Что, задело? И что тебе предложили? Стать местным божком? Они клялись поклоняться тебе? Приносить жертвы и девственниц? Думал, что припрёшься в мир раньше на десять тысячелетий и сможешь тут развлекаться на полную катушку? И подумать только! Прикрываться предназначением! Временем! Ты не один из нас, ты просто алчная тварь.

— Я понял, — вдруг остыл Расул. Указав на Даная лезвием, он кивнул головой. — Это всё из-за той девушки? Твоя приёмная дочь из аборигенов, правильно? Ты же понимаешь, что бы ты ни сделал, ты так и останешься для неё лишь ужасным чудовищем?

Данай сплюнул на пол и поднял руку. Положил на запястье ладонь другой и рывком сорвал кожу с кисти, не моргнув и глазом.

Шматок кожи плюхнулся к ногам Расула.

— Дуэль, — бросил Данай.

Демон посмотрел на кусок кожи и вздохнул.

— Ты бросаешь мне вызов? — демон размял шею. — Битва двух учёных будет впечатляющей, но не эффективной... — Суставы с силой грома щёлкнули. — Но ты всё же осмелился? Прекрасно зная, что пока ты в этом теле, тебе не победить?

Раздался взрыв. От демона во все стороны ударили щупальца из чистого пламени. Купол не выдержал и разлетелся на куски. Вода обрушилась на демонов, но они не придали этому особого значения. Вся сила и энергия, исторгнутая этими существами, истощая их, сейчас концентрировалась в их оружии. Вода тотчас расступилась и понеслась вокруг них на отдалении вихрем. Со дна стало видно небо. Их оружие обволокла пульсирующая энергия, настолько явная, что клинки покрылись кристаллами, а их глаза загорелись пламенем.

— Дело не в силе, а в чести.

— Чего ты ещё понахватался у аборигенов? — рассмеялся Расул.

— Сейчас увидишь, — Данай поднял меч.

Он ударил. Это был простой удар, не обладавший ни нечеловеческой скоростью, ни силой тысячи слонов. Секрет был в другом. И Расул знал этот секрет. Он поспешно отпрыгнул назад, и меч Даная, не достав до врага, коснулся земли. На месте касания тотчас с оглушительным грохотом образовался кратер, а в сторону полетели куски раскалённого морского дна.

— Ты не долго выдержишь эту мощь!

— А мне и не нужно много времени.

Данай замахнулся. Расул, видя это, сделал выпад, надеясь поразить врага в замахе. Но то был обман. Замах обернулся финтом, и их клинки встретились. Но взрыва не произошло. Сцепившись, оружие, впитывавшее всю силу своего хозяина, высекало искры и гудело в такт биению сердца.

Расул провернул гвизарму, вырывая меч из рук Даная, но решение было слишком очевидным. Данай повёл свой меч в ту же сторону, избегая захвата. Разогнав клинок, он пинком отбил оружие демона в сторону и направил меч на врага. Расул не успевал вернуть отбитую гвизарму и защититься. Выругавшись, он зарычал и, рванув оружие на себя, попытался хотя бы смягчить удар. Но это была уже его уловка. Он прекрасно успевал и притворился, чтобы не спугнуть своего врага. Ловко извернувшись, он со всей силы обрушил

гвизарму на приближающийся меч.

Тот со звоном улетел в сторону. Данай, открыв рот, смотрел ему вслед. Меч, вращаясь, скрылся в толще воды, а поблѣкший кристалл, что покрывал его, рассыпался, стоило мечу покинуть руки хозяина.

Оружие Расула перевело свой гул в свист и ослепительно засияло.

Укол. Взрыв.

— Ты ещё жив? — тяжело дыша, веселел Расул, смотря, как Данай заблокировал его удар ножиком, что был при аборигене. Оружие было дешёвым, но также покрыто кристаллизованной силой. Оно не выдерживало и крошилось на глазах, а кристалл покрывался трещинами. — Даже если ты успел зачаровать кинжал за мгновение... — Расул ликовал. Он наседал всем весом и всей силой на противника, — ...теперь, когда вся твоя сила сосредоточена в этом куске рассыпающегося железа, тебе не победить!

— Я изначально не собирался побеждать. Я лишь хотел остановить тебя.

Раздался всплеск и свист. Вырвавшись из водоворота, меч Даная нёсся в спину Расула. Тот открыл рот, но ничего не успел произнести. Он собирался посмеяться над тщетностью трюка с мечом, напомнить, что обычным оружием ему не навредить. Но вот только меч не был обычным. Он врезался ему в спину и прошил насквозь, вонзившись по самую рукоять.

Крича от боли, но не теряя самообладания, Расул выбил из рук Даная рассыпавшийся и утративший силу кристалл и рубанул гвизармой. Но она также утратила былую мощь, всего лишь впившись в ключицу Даная и поставив его на колени.

Расул бросил гвизарму и отступил на шаг назад, тоже падая на колени.

— Безумец! У нас была обычная дуэль насмерть! А ты притащил сюда пожирателя душ, спрятав его под кристаллом? Ты совсем из ума выжил? Мы же не возродимся! Оба! Навсегда! Нас сотрёт! Это безумие!

— Аборигены называют это не безумием, — рассмеялся Данай, целой рукой вырывая из себя гвизарму и отбрасывая её в сторону, — они зовут это храбростью! Дюрандаль! — воззвал он по-театральному, протянув руку в сторону меча. — Нарекаю тебя, клинок, именем того, что ты вверен защитить! Проснись, Дюрандаль, проснись и яви свою силу!

— Стой! — завизжал Расул, но было поздно.

Трещины на мече загорелись многими цветами, и клинок загудел.

Расул вспыхнул, как сухая трава, пламя исторгалось с такой силой и было столь жарким, что земля становилась камнем. Данай потерял сознание и рухнул, а следом рухнул более не удерживаемый их силой океан.

Вода с невысказанным грохотом сомкнулась, подняв огромные волны и взметнув ввысь залп брызг. Они взлетели так высоко, что поразили беспечно парящую в небе птицу. Хоть она и была свидетелем битвы двух демонов, но до последнего момента это её не касалось, как не касались гордой птицы до этого и другие битвы, над которыми проносилась её тень. До этого момента лишь грохот осадных машин и свист стрел вынуждали её взмыть ввысь, в одинокий небосвод.

Недовольно вскрикнув, она взмахнула своими огромными крыльями, сбрасывая капли и устремляясь вверх, за облака, где вновь стала единственной точкой на голубом полотне небес. Очень скоро она покинула это место.

Старые раны

Путь её был долог, к самому краю мира, сквозь дни и ночи, моря и горы, и теперь под ней раскинулся Бескрайний Лес. Изнурённые крылья лишь изредка содрогались, не позволяя некогда гордой птице камнем рухнуть вниз. Несмотря на изнеможение, она не спускалась к этому лесу, а продолжала лететь.

Взгляд зацепился за отблеск металла. Отгородившись каменной стеной, на отвоёванной у леса поляне стоял монастырь. Издав хриплый крик, птица сложила крылья и спикировала вниз.

Во дворе монастыря все монахи оторвались от дел, стоило спуститься величественной птице. Взмах её крыльев порождал ветер, а переливающиеся на солнца перья слепили глаза. Она не стала останавливаться в освещённом палящими солнцами дворе, устремившись в тень позади храма. Найдя там тихий и укромный садик с каменной скамьёй и одиноким деревцем, из последних сил птица взмахнула крыльями и опустилась на него, дерево тут же застонало и слегка наклонилось.

Она оказалась в саду не одна. На скамье сидел человек в монашеском балахоне с сединой в волосах.

Гордая птица, распушившись, воззрилась на человека, как на насекомое. Тот не остался в стороне, потускневшие глаза на вечно недовольном лице, покрытом шрамами, смерили оценочным взглядом величественную птицу, едва ли не размерами с самого человека. Их вердикт был ясен без слов: прищурившиеся глаза, вздрогнувший уголок рта и сдавленная усмешка. Птица прекрасно понимала, с чем её только что, пусть и в мыслях, сравнил жалкий человек.

В иной ситуации он бы тут же поплатился за свою дерзость, но птица сейчас была великодушной обычного, да и немного уставшей. Хоть последнее, как ей хотелось бы думать, не было главным, она приняла решение пощадить наглеца. На этот раз.

Монах уставился на птицу, заворожённый её красотой. Красные перья были украшены изумрудным узором, который оплетали золотые круги. Длинный, свисающий до самой земли хвост переливался яркими цветами, даже будучи в тени. Толстый прямой клюв птицы был белоснежным, переходя в иссиня-чёрный крюк на кончике.

Потирая занывший шрам на животе, монах, не сводя глаз с прекрасного существа, облизнулся. Из этой курицы получился бы наверняка великолепный супчик, а если и нет, то перья можно было бы выгодно продать путешественникам.

Хруст гравия под сапогами отвлек его от коварных замыслов. Птица тоже наострилась. Из-за угла монастыря сначала показалось покачивающееся из стороны в сторону пузо, а затем его обладатель — пухлолицый монах с приплюснутым носом-пятакком.

Толстяк, выйдя полностью из-за угла, остановился. Он внимательно изучал свиток в руках. Оторвав взгляд от бумаги, он увидел птицу и монаха. Толстяк проморгался, прищурился и что-то пробормотал себе под нос. «Молчаливую» сцену прервал заглянувший в сад озорной ветер-хулиган, который, закружившись в саду, попытался вырвать свиток из рук толстяка, но мясистые пальцы цепко впились в важные записи. Одержав победу, толстяк облизнул пересохшие губы.

— Вильверет, — направился он к сидящему на скамье.

— Сигизмунд... — вторил второй.

— Птичками любуешься? — толстяк поравнялся с ним, остановился и засмотрелся на птицу. — Изловить бы её...

— Изловить? — Вильверет посмотрел на собеседника с насмешкой. — Это же громовестник, с которых писались сказания о рухах, гарпиях и других крылатых тварях, что ударом клюва пробивают череп быку! Взмахом когтей перерубить кости! Возлюбленные ветра... — мечтательно уставившись на громовестника, монах потёр подбородок. — А мясом своим, говорят, могут сделать любое блюдо деликатесом, вот только как изловить? — со знанием дела Вильверет выдал смешок и подпёр голову рукой.

— Для монаха ты до сих пор слишком кровожаден, друг мой, — покачал головой Сигизмунд.

— Издержки прошлой профессии, хотя, — почесав пробивающуюся щетину, Вильверет вздохнул, — может, я сам по себе такой.

Сигизмунд улыбнулся, прищурился и плюхнулся рядом.

— У каждого из нас свои тёмные секреты и бердящее прошлое раны. Но это всё теперь лишь история. Как и те истории, что ты изучаешь в стенах монастыря, — источник опыта, а не страданий.

— Прибереги свою болтовню для лопоухих путников, — огрызнулся Вильверет. Шрам на животе болел часто, и всегда, когда он злился. Толстяк лишь протяжно вздохнул.

Громовестник, пытаясь скрыться от надоедливого окружения, накрыл голову крылом. Ветер, ещё раз вцепившись в свиток с бумагами, успокоился и, оставив в покое монаха, метнулся к дереву, облетел птицу и рухнул в опавшие листья, подняв их в воздух и не давая опускаться. Один из листиков полетел в сторону монахов. Вильверет схватил его толстыми пальцами и тут же смял.

Покачав головой, Сигизмунд заговорил.

— Пока все готовят храм к прибытию первосвященника, ты отдыхаешь в саду. Это нехорошо...

— Что ты заладил? «Важные гости!», «Первосвященник!», — Вильверет зевнул. — А вот что ты тут забыл?

Толстяк отвернулся.

— В последнее время мало кто из нашей братии может сосредоточиться на работе. Я не исключение. Такая жуть творится, как ты это переносишь? Не понимаю. Тебя ничего не свалит — ни голод, ни холод. Кажется, это первая птица за эту весну? Да? — спросил он. Вильверет кивнул. — И какая красавица! Раньше ведь голова аж трещала от какофонии из леса. А теперь — тишина.

— Не нас одних это беспокоит, — сказал Вильверет. — Паломники из деревень сетовали: то скотину разодранную найдут, то люди пропадают. Ну, они и прекратили обозы собирать для бана, — он перевёл взгляд на птицу. Та так и сидела, накрывшись крылом. — Слышал, может? Им солдат направили, чтобы по шеям надавали и образумили.

— И как? — усмехнулся Сигизмунд. — Надавали?

— Да надавали бы, только вот они не дошли, — Вильверет перешёл на шёпот. — Нашли их прямо на дороге, точнее, то, что от них осталось. Обглоданные и разорванные трупы да кишки на ветвях раскиданы, — всплеснул Вильверет руками.

— Мы и раньше сталкивались с необычными животными, но это уже слишком, — Сигизмунд сглотнул и опустил взгляд. — Хотя что в этом странного?.. Живём ведь прямо у Бескрайнего Леса, — отмахнулся он рукой в сторону стены. — Какие только на краю мира

не обитают звери.

— Звери? Недавно бан, вон, графов ставленник, выбрался из крепости и на охоту со свитой умчался. Целую неделю по лесам и болотам скакал. За неделю ни один следопыт, ни одна псина не взяли следа. В нашем лесу больше нет животных, Сигизмунд. Эта птица, — Вильверет ткнул пальцем в её сторону, — сейчас, возможно, единственная животина на весь лес. Если где-то и могли остаться звери, то наверняка в Бескрайнем Лесу. Но там давно никого не было, по понятным причинам. Кто же сам полезет в лапы смерти?

Закивав головой, Сигизмунд с важным видом прошептал:

— Ты прав! Всё встало на свои места, это наверняка дело рук кровожадных разбойников!

Вильверет перевёл взгляд на толстяка.

— О, мой друг. В лесах могут обитать не только звери и разбойники.

Сигизмунд внимательно посмотрел в глаза Вильверету. Его хохот был так силён и так внезапен, что ястреб встрепенулся.

— Что ты хочешь этим сказать? Что те сказочные существа, о которых ты вычитал в этих свитках, могут в действительности существовать? Ах-ха-ха-ха-ха! — толстый монах заливался смехом, тряся в руке свиток. — Ох! Я хотел поговорить с тобой о том, как наш бан запустил свои владения, раз тут разбойники столь зверские объявились, а ты... Эх...

Вильверет с кислой миной покачал головой, смотря на толстяка. Тот свернул свиток, встал со скамьи и собрался уходить.

— Если б это было дело рук бандитов, первосвященник не стал бы лично являться к нам.

Сигизмунд остановился, опустив взгляд на Вильверета.

— В том-то и дело, что первосвященник прибывает в наш монастырь на казнь в сопровождении двух чемпионов и капитана столичной стражи, для соблюдения всех традиций! На казнь атамана разбойников, готов поспорить на бутылку хорошенького пойла! — Монах взглянул в сторону двора, где стихли батрачившие там до этого момента остальные монахи. — Наверное, все приготовления уже закончены. Нам пора бы присоединиться.

Предсмертный стон

Ворота монастыря, не привыкшие к работе, застонали, нехотя расплзаясь в стороны. Ветер рванул сюда с заднего двора, закопавшись в одежды человека, что стоял перед ними. От одного взгляда на него Вильверет почувствовал, как по его коже пробежали мурашки.

На монастырский двор ступил смуглый мужчина с посохом, с его навершия свисало благоухающее кадило, тихий перезвон цепей вселял благоговение и спокойствие. Его превосходная красная мантия разительно отличалась от серых мешков окружавших его монахов. Шелковистый материал сразу приглянулся ветру, который, один раз коснувшись его, уже не отпускал.

В развевающейся мантии по монастырской площади ступал старик. Его старое вытянутое лицо с таким же вытянутым горбатым носом было изъедено временем и бессонными ночами. Его прикрытые глаза выглядели болезненными. Вильверету стало жаль его, но как только глаза старика распахнулись, монах почувствовал на себе всю тяжесть и

силу его взгляда. Из головы тут же вылетели все мысли, кроме одной. Каков этот человек в ярости?

Первосвященник остановился. Ясными, едва не светящимися, карими глазами окинул двор. Пока двое монахов прохлаждались, остальные успели закончить приготовления — огромный круговой узор на каменной площади перед монастырём был закончен. Была ли это прихоть или действительно необходимая вещь для грядущей казни, никто не знал, но приказ первосвященника был исполнен. Тот прикрыл глаза и довольно покачал головой. Ветер, наигравшись с мантией, взмыл по ней вверх, вплетаясь в волосы и бороду. Старик отмахнулся от него, как отмахиваются от надоедливой мухи. Одно движение двух сложенных воедино пальцев — и беспечный ветер сгинул, будто его и не было. Бесхозные листья стали медленно опускаться на землю, покачивающееся кадило на посохе замерло, цепи смокли.

Старец промчался взглядом по монастырю. Прикрыв глаза, он обхватил посох двумя руками и повернулся лицом к открытым воротам. Устремив взор вдоль дороги, уходящей в лес, он, как и все, стал ждать.

Издалека поднимался столб пыли. К храму мчались четверо. Трое всадников и четвёртый, которого кони волокли следом в мешке. Они въехали на площадь монастыря, копыта зацокали о каменную плитку, и с лошади, что волокла пленника, соскочил всадник.

Ворота, толкаемые кряхтящими монахами, закрылись за прибывшими.

— Привет, Влад, — бросил спешившийся всадник, снимая шлем и проводя рукой по коротким белым волосам.

Каждый, кто становится чемпионом на великом турнире, вдобавок получает созвучный ему титул и какое-никакое имение, а также возможность проявить себя во всей красе и в дальнейшем, выполняя поручения благородных или богатых особ. Все чемпионы королевства, как один, — самые талантливые и одновременно с тем самые заносчивые и самолюбивые воины.

— Твой пленник немного поистаскался, прими мои извинения.

— Дэлан! — воскликнула всадница позади беловолосого, тот сразу обернулся. Он с жадностью к каждому движению смотрел, как она снимает шлем и как по ветру развеваются её каштановые волосы. Расплывшись в улыбке, Дэлан подал ей руку, но девушка, бросив в его сторону испепеляющий взгляд, скривила лицо и сама соскочила с лошади, звякнув кольчугой.

— Какая непочтительность! Тебе следовало засвидетельствовать почтение первосвященнику Владу, — заявила девушка. Проходя мимо воина, она мельком взглянула на него, и на уголках её рта показалась улыбка.

Приблизившись к старику, девушка приклонилась.

— Первосвященник Влад, я капитан стражи Лейра Дер Люберт, для меня счастье видеть вас и содействовать вашим делам.

— Оставим излишние манеры для балов и дворцов, — отмахнулся старик, не скрывая улыбки.

— Как пожелаете, — девушка встала с колена.

Первосвященник кивнул ей. Его взгляд лёг на Дэлана, который даже не подошёл к нему.

— Я счастлив видеть вас, капитана и чемпионов Дюрандаля... — взгляд Влада прошёлся по прибывшим. Третий всадник, сразу как они приехали, соскочил с лошади и кинулся отвязывать пленника, позабыв про всё на свете.

— Ох! А я-то как рад! — прорычал третий всадник. Он был без доспеха, в одних штанах,

с наложенными поверх груди пропитавшимися кровью бинтами. Он не был мускулист, да и с его врождённой массивностью это было и не нужно. Мужчина с широко распахнутыми глазами и толстой косой до пояса был огромен настолько, что закрадывались мысли: «человек ли он?». Больше двух метров роста. Смотри на него, приходилось задирать голову. С яростью на мясистом лице он направлялся к первосвященнику, таща за собой мешок с пленником, из-за которого всех сюда и подорвали.

Его поступь была тяжела. Лейра насторожилась. Их друг горел яростью больше обычного.

— Но эта мразь явно старалась, чтоб меня здесь не оказалось! — он рванул верёвку, и мешок с извивающимся телом выкатился на середину площади. Не обращая внимания на пленника, мужчина вскинул свободной рукой в сторону своей измученной лошади. На её крупе висел проломленный доспех со следами когтей и зубов. — Посмотрите только, что он сделал с моим доспехом!

— Арчибальд... — позвала девушка. Он повернулся к ней, но лишь на секунду, спустя которую пленник в мешке зашевелился.

Заметив движение, глаза здоровяка вспыхнули новой порцией ярости. Могучие руки перехватили верёвку. Зарывав, он изо всех сил рванул пленника на себя. Мешок хлопнул протеревшейся тканью, но не разорвался, а полетел прямо к нему в руки. Он без промаха впился мясистыми пальцами в горло пленника в мешке. Подняв его одной рукой, раненый воин выхватил нож.

— Арчибальд! — воскликнула девушка.

— К сожалению, он нужен нам живым, — положил ему руку на плечо Дэлан и постарался очаровательно улыбнуться.

Тяжело дыша, Арчибальд переводил взгляд то на него, то на девушку. С шумом выдохнув, он отшвырнул нож, но лишь затем, чтобы тут же нанести удар кулаком. Затем, сорвав верёвку, он взялся за мешок и, замахнувшись, изо всех сил шарахнул им о площадь. Мешок не выдержал и разорвался, пленник, ломая кости, вылетел кубарем из него.

Все монахи, что увидели пленника, онемели. Вильверет потерял дар речи, а Сигизмунд почувствовал, как обливается холодным потом. Он ожидал увидеть кровожадного разбойника, первобытного психа, быть может, изуродованного еретика, но к тому, что увидел, он не был готов.

Внутри круга оказалось существо, которого прежде никто не встречал. Отдалённо напоминающее ребёнка по телосложению, но кожа была перламутровой и вся покрыта старыми глубокими шрамами, напоминающими те символы, что были начерчены вдоль круга. Извивающиеся руки походили на щупальца с тремя обломанными пальцами-когтями. Голова этого чудища была утыкана глазами, они имелись даже на затылке, и каждый глаз жил своей жизнью. И несколько сейчас неотрывно смотрели прямо в глаза Сигизмунду. Ему сделалось дурно.

Широкий рот твари от уха до уха открылся, обнажая зубастую пасть, из его глотки полился булькающий смех.

Существо что-то сказала. Слов было не разобрать, голос звучал так, будто он захлёбывается. Существо положило щупальце на границу круга, та тут же начала дымиться, но тварь и не думала убирать свою конечность. Дым усилился, и шкура на щупальце начала обугливаться. Запах палёной плоти стал распространяться по монастырскому двору. Усмехнувшись, оно повернулось было к своим изловителям, высунув язык, мотая головой и

гогоча. Тут же тяжёлый кулак обрушился на пленённое существо, и, не устояв на ногах, оно рухнуло на пол.

— Довольно! — рявкнул Влад. Терпение первосвященника было крепко, но не бесконечно. Ярость Ральфа улетучилась, подобно ветру. Склонив голову, он отошёл в сторону.

Вперёд вышел Дэлан. Стоя перед кольцом, он с презрением смотрел на чудовище сверху вниз.

— Твоя участь предрешена, чудовище.

Монахи же трепетали. Увидев пленника, они потеряли дар речи, застыли на местах. Бежать бы им прочь, да ноги от страха приросли к земле.

Вильверет повернулся к Сигизмунду. Тот стоял, как и многие, с выпученными глазами и открытым ртом. Поддавшись к другу поближе, Сигизмунд прошептал:

— Хорош «атаман», да? С тебя бутылка. — Вильверету тоже было не по себе от увиденного существа. Но за свою жизнь в густых чащобах он повидал их немало, хоть этот и был уродливее и страшнее остальных.

Влад сделал шаг вперёд. Едва передвигая ноги, опираясь на свой посох, дряхлый старец приближался к пленнику. Лошади испуганно заржали, где-то вскрикнула и взмахнула крыльями птица.

— Хорошая работа, — тяжёлый, как молот, голос Влада пронёсся по двору монастыря и, отскочив от стен, породил эхо. Вильверет почувствовал, как по его горлу прокатывается ком. Он воочию видел, как из движений Влада улетучивается старость, как крепнет его голос и как сияет его решимость. Он отчётливо понимал — первосвященнику настала пора действовать. — Помолимся.

Мощный голос сменился на неразличимый шёпот. Старик, наклонившись над кругом, корча пальцы и морщась, всё быстрее и быстрее шевелил губами.

— Это... не очень-то похоже на молитву, — шепнул Вильверет Сигизмунду. Тот не отвечал.

Поначалу ничего не происходило, но с каждым неслышимым словом круг начинал сиять, и сиял он тем ярче, чем быстрее «молился» старик. И тем в большее оцепенение впадали люди, выдавшие это. Казавшееся дряхлым тело вдруг напряглось, и, будто борясь с невидимым противником, первосвященник с надрывом поднял руки вверх. Начерченный круг вспыхнул и засиял. Затем свет поугас, и на земле остались лишь переливающиеся кольца. А спустя мгновение круг беззвучно лопнул, заливая светом каждый уголок монастыря, вытравливая оттуда тьму. Страшная сила, от которой мерк свет, стала стекаться сейчас к Владу. Первосвященник с поразительной ловкостью выхватил из-под мантии кинжал.

— Именем Смерти, что проводит нас через гибель и дарует новую жизнь, я изгоняю тебя... — Глаза старика обратились к рыцарю. Влад разжал пальцы, выпуская из рук посох. Тот не упал. Удерживаемой незримой силой, посох повис в воздухе.

Влад вытянул ладонь и рубанул по ней кинжалом.

— Я изгоняю тебя, род людской, из этого мира! — Кровь с его разрезанной ладони стекала ручьями на начерченные круги. Светящиеся буквы потускнели, наливаясь багрянцем, они надламывались, дёргались и менялись местами. Символы, некогда внушавшие благоговение, обратились пугающим посланием. Символ за символом, слово за словом — они полностью повторяли шрамы пленника.

— Что ты делаешь? — Рука рыцаря сама легла на рукоять меча. Дэлан приблизился к Владу. Когда он оказался совсем близко, его меч заскрежетал о ножны.

Старец лишь взмахнул рукой и щёлкнул пальцами. Из небытия возвратился ветер. Обрушившись на Дэлана, он поднял того в воздух, закружил и отбросил прочь, а затем гудящий поток устремился вверх. Зависнув там, он с глушащим свистом рухнул на площадь, прижимая к земле всех, кроме первосвященника и пленника.

— Что я делаю? — голос первосвященника был обыденным. — Я делаю то, что должен был сделать уже очень давно. — Кровь из его руки уже лилась бурным ручьём, но старик не обращал на это внимания. Видя тот ужас, что творится вокруг, никто не обратил внимание, что первосвященник изменился. В его движениях исчезла старость, спина расправилась. Влад повернулся к своим спутникам.

— Люди... раздражают. Они готовы сожрать друг друга с потрохами ради призрачной выгоды или забавы. Всё новое придаётся огню и гонению, — первосвященник сделал паузу. Стиснув пальцы, зажимая разрез, останавливая кровь. Опустив и подняв голову, он бросил взгляд на своих спутников. Лютый ветер впечатал в землю и их, не давая возможности пошевелиться. — А ещё вы невообразимо скучные. В мире столько волшебных существ! Почему я должен быть заперт в одной цивилизации с самой скучнейшей расой?! — закричал Влад. — Давайте, не молчите же! У вас есть уникальная возможность остановить меня! Назовите мне хоть одну причину. Одну, одну-единственную причину, почему я должен пощадить вас?! Удивите меня!

Но все молчали. В глазах людей горели страх и ненависть, но рты их оставались сомкнуты.

— Я так и думал, — сказал Влад, его рука метнулась к горлу пленника. Тот не сопротивлялся.

Хребет хрустнул. Влад не моргнул и глазом, будто для него это было не рутинней откупоривания бутылки. Большая голова чудовища безвольно повисла. Но на этом всё не закончилось. Пленника разорвало на части, разметало во все стороны. Его кровь стекалась внутрь круга. Ветер оставил спутников первосвященника, но лишь затем, чтобы ворваться внутрь круга и плюхнуться в лужу крови, капли которой зависли в воздухе.

Прижатые к земле монахи начали неистово молиться. Арчибальд лежал, держась за открывшуюся рану.

— Я видел существ, что живут в гармонии! Я видел их мир, полный красоты и совершенства. Он грядёт...

Ветер стих.

Вильверет, тут же схватив за шиворот Сигизмунда, потащил его за храм. Дэлан же рванул к Владу, меч засвистел, первосвященник закрылся рукой, и клинок обрушился прямо на неё. Кровь брызнула чемпиону в глаза. Он улыбался. Зрелище того, как старик попытался прикрыться рукой от острейшего в королевстве клинка, позабавило его. Как бы то ни было, очередной злодей повержен сокрушительной атакой чемпиона. Распираемый гордыней, Дэлан утёр глаза и замер.

Влад держал его меч за лезвие голыми пальцами. Он смотрел на чемпиона, как на глупого мальчишку. По руке первосвященника ручьём бежала кровь, в остальном же он был невредим.

— Я собирался просто уйти, закончив свои дела, но не могу отказать себе в одном удовольствии.

Пощёчина. Звонкая и сильная настолько, что воин в доспехе упал, в воздух взмыли брызги крови, а на пол посыпались зубы.

— Как полегчало-то! — выдохнул Влад, утирая пот со лба и выбрасывая в сторону окровавленный меч.

Влад поднял обе руки к небу, парящий в воздухе посох подлетел поближе, зависнув прямо перед ним. Теперь уже сам Влад воспарил над землёй, поднимаясь всё выше и выше вместе со своим посохом. Взоры всех людей на площади были подняты на него. Ветер завыл волком и устремился к первосвященнику, обвивая посох змеёй, воздух сгущался и становился видимым: отчётливо проявлялась оскалившаяся голова ящера, позади которой плотные воздушные вихри извивались жгутами. Дикий ветер, явив своё лицо, носился по воздуху так быстро, что за ним было сложно уследить. Не замедляясь, на полном ходу ветер влетел в бока лошадей, пронзая их насквозь, увлекая за собой их кровь. Иссушенные животные попадали на землю.

Следуя за мановением руки Влада, ветер вернулся внутрь круга с символами, где он врезался в лужу натёкшей почерневшей крови. На посохе вспыхнуло смердящее кадило, и вместе с этим кровь на мгновение сверкнула. Отразив свет солнца яркой вспышкой, все капли устремились друг к другу, образуя шар. Влад, зарывав, схватил висящий в воздухе посох и поднял его над собой дрожащими руками, будто удерживающими невообразимую тяжесть. Шар крови, бурля и вращаясь, приблизился к первосвященнику. Влад замахнулся посохом и что было сил ударил им в скопление крови. Кадило разбилось и рассыпалось. Шар лопнул, но ни одна капля не коснулась земли. Все они сжались и устремились к посоху, слепливаясь и запекаясь в его наверхие, образуя застывший набалдашник в форме звезды.

В глазах Влада сияла детская радость. Вскинув посох, он надрывно завопил:

— Я ждал этого так долго! Да свершится предначертанное!

Кровавая звезда сверкнула сперва на посохе, а затем нашла отклик в небесах. Посреди дня где-то в облаках ей вторила красная точка. Небо помрачнело, а затем и вовсе пропало, оставив после себя лишь чёрную бездну.

Как только первая капля кровавого дождя коснулась земли, весь монастырь затрясся.

— Не хотел бы я оказаться на вашем месте, — рот первосвященника искривился, а на виске вспухла вена. Бросив на прощание взгляд, Влад стукнул своим посохом о воздух. Посох отскочил от него, послышался треск, а за звуком появилась и сама трещина, которая крошилась и расширялась. В ней виднелся Дюран. Влад прошёл сквозь трещину в воздухе, и как только он это сделал, осколки пространства остановились, а затем с удвоенной скоростью стали занимать прежние места, покуда трещина не исчезла.

За стенами больше не высились деревья, теперь всё, что было вне храма, стало тьмой. Раздались оглушительные вопли, рёв и стоны. Ворота содрогнулись в последний раз.

Армия, сверкая на солнцах полированными щитами и устремив вверх знамёна, гордо покидала Дюрандаль. Ярче же всех сиял король. Его золотые, под стать его глазам и волосам, доспехи сверкали, как третье солнце. Он восседал на мускулистом коне, обвешанном доспехами, а в руках король держал флаг. Голубая луна и белое солнце — символы королевства Дюрандаль. Их провожало множество людей. Толпа на главной площади города, где войско начинало свой марш, была лишь малой частью. Ещё больше зрителей толпилось в переулках, вывешивалось из окон, а некоторые ловкачи и вовсе провожали войска, следуя за ними по крышам. Но никто — ни люди на площади, ни сорвиголовы на крышах — не видел полной картины.

С высокой замковой башни открывался потрясающий вид. Отсюда, свысока, не было видно ни уставших лиц солдат, ни грязных улиц. Не было слышно ни окриков, ни лязга доспехов. Здесь, наверху, представал иной пейзаж. Словно блестящая серебряная кровь, ряды воинов текли по улицам города, как по его венам, собираясь в центре, у входа на подземную переправу. Они спускались в туннель, чтобы отправиться далеко на север, защищать свою родину. Много лет прошло с последней войны, давно отгремели своё катапульты, и лязг стали перестал терзать воинов по ночам. Но пришло время, и они вновь берутся за оружие и отправляются на войну, защищать свой дом от расплодившихся чудовищ.

Отпив из глиняной кружки, Юлий поставил её на стол. Сквозь открытое окно в башню вривался приятный морской бриз. Комната для допросов обычно использовалась для записи слов преступников, но в этот раз что-то пошло не так.

— Чудесный вид, не правда ли? — сказал Люберт, подливая в кружку Юлия ещё вина. Но Юлий не разделял его легкомыслия.

— Вид покидающей город армии может быть и достоин, чтобы быть воспетым в холстах художников, но вот для меня это означает только ещё больше головной боли, а её и раньше было предостаточно.

— Может, это возрастное? Тебе бы поменьше нервничать, капитан.

Было видно, как Юлий закипает, заискивая перед человеком, который готов был устроить посреди города самую настоящую бойню. Но он ничего не мог сделать: ни сорваться, ни арестовать его. Он сам был заложником ситуации, и Люберт прекрасно это понимал. Он ехидничал, не воспринимал его всерьёз и подкалывал, будто они были старыми друзьями. Хоть они и были знакомы давно, называть их друзьями было бы слишком опрометчиво.

— Дружище, как там дела у Анабель? — спросил Люберт.

— Этого я не знаю. Я покровительствую этой юной стражнице, как вы и... просили, но она уже несколько дней не появлялась в казарме. Я прикрываю её загул, но двух тунеядцев в моём отряде...

— О! Так Александра назначили в твой отряд? Какая ирония! — перебил его Люберт.

— Их хватает с головой, чтобы создать мне проблемы и работу, — закрыл глаза, закончил Юлий.

— Вот и отлично! Может, королевская стража тогда хоть чем-то будет занята. Вот ты, например, ты сам-то давно в патруле был? Чтоб основательно так, не для демонстрации?

— Капитану королевской стражи не пристало исполнять обязанности рядового

стражника.

— Как и любому в королевской страже, — улыбнулся Люберт. — Об Анабель не переживай, она отлучилась по делам, навестить старых друзей. Продолжай и дальше придерживать для неё это местечко, ведь ей очень нравится ваша форма, — взглянув на мундир Юлия, он скривил лицо. — Ну а что касается проблем, у кого их не бывает? Не переживай, всё идёт своим чередом.

— Своим чередом?! — не выдержав, Юлий повысил голос, но тут же заткнул рот. Люберт вздёрнул бровь и вопросительно уставился на собеседника.

— Что с вашим голосом, капитан? Вы, похоже, забыли об услуге, которую я вам оказал однажды? Я за язык никого не тянул, и, если ты согласился на сделку, изволь ей следовать. Дело не в титуле бана, не в силе, да даже не в деньгах. Справедливость. Это странная штука. Если мы не будем её поддерживать, всё покатится прямиком в преисподнюю. Можешь сколько угодно, забавляя окружающих, играть в благородство, честь, неподкупность мундира и собственные идеалы, но позволь напомнить, дружок, — Люберт подался вперёд. Медальон на его груди отбросил блик, а глаза потускнели от злобы, — говорят, слово не птица. Вылетит — не поймает. Но знаешь, я поймал. И держу в руках не только твоё слово. Я держу тебя за задницу так крепко, как никакому кукольщику и не снилось. Будь хорошим мальчиком, и я не буду особо шурудить рукой, а иначе я тебя пополам разорву. Ну и раз у тебя начались проблемы с памятью, я, пожалуй, напомню твою первостепенную задачу. Искать «Короля воров». Если он вдруг объявится посреди Дюрана... — слегка прищурившись, Люберт усмехнулся. — Так что ты там хотел мне сказать?

Юлий, сглотнув и вернув учтивость в голос, продолжил:

— Как вы и сказали, у нас была сделка. Вы спокойно провозили рабов и контрабанду по центральному туннелю, и стража закрывала на всё глаза: на пропажу людей, на эту проклятую арену посреди трущоб, на мародёров в недрах нашей столицы. Но то, что вы пытались устроить недавно, переходит все границы!

— А... — весёлость с Люберта как рукой сняло. Положив руку на стол, он подпёр голову другой и стал рассматривать свои пальцы. — Да, вышел конфуз. Хорошо, что Александр со своей шайкой всё разрешили, не правда ли? Не волнуйтесь, капитан. Больше я уже ничего не намерен делать.

На лице Люберта расплзлась улыбка.

Краски жизни

Этот день прошёл на удивление спокойно, армия вместе с королём покинула Дюран, и город как-то опустел. Многие направились в тот день в храмы, молиться за своих защитников. Другие, менее религиозные, но не менее переживающие за воинов, жители направились в таверны. Иные же и вовсе не показывали носу из дома, оставив свои мысли и переживания под замком. Так или иначе, день пролетел за хлопотами, и вот уже сумерки накрыли своими объятиями Дюрандаль. Ночь вступала в свои права, и жители засыпали в кроватях или за столами в трактирах. Но не всем эта ночь принесла сладкий сон, для некоторых луна и её серебристый свет стали спутниками и единственными свидетелями.

Дорогое витражное окно одного из богатых домов посреди ночи разлетелось на мелкие осколки — из него в ночную тьму вылетел стул, а следом за ним крепкий, пузатый мужчина

с обмотанным бинтами плечом. Рухнув со второго этажа, стул разлетелся на куски, а толстяк плюхнулся позади. Стиснув зубы, чтобы сдержать вопль, он обхватил свои ноги. Не сломаны. Повезло. Не обращая внимания на порезы от битого стекла, мужчина поднялся и, споткнувшись, запетлял в темноту. Из злополучного окна на мгновение показалась статная женщина с растрёпанными русыми волосами.

— В сторону, леди Элиза! Я пристрелю эту жирную свинью!

— Нет, Уохшем! Не убивай его!

— Первосвященник приказал убивать всех, кто забирается в его дом. Особенно, если забираются в спальню его супруги! — взревел появившийся в окне низкорослый мужчина с оттопыренными ушами и воистину огромным носом. Его всего трясло от бешенства, тряслась и стрела в его руках, постукивая о лук. — Умри! — Визг и свист пронзили ночь. Беглец на мгновение отвлёкся и споткнулся, упав лицом на мостовую. До спасительного переулка оставался жалкий метр. Проклиная всех богов, он увидел, что стрела отскочила от камней чуть впереди, и тут же принялся благодарить этих же самых богов.

— Косой карлик! — истерично засмеявшись, беглец перевернулся на спину и показал неприличный жест в единственное распахнутое окно на улице.

В ответ из окна сверкнуло острие новой стрелы, которая стала колотить лук ещё сильнее, чем предыдущая. Победоносный хохот перерос в испуганный вскрик, на четвереньках мужчина бросился в проулок. Рухнув в благоговейную тьму и сырость переулка, толстяк облегчённо вздохнул. Позади раздался стук стрелы о камень. Залетать за углы они пока не научились. Беглец усмехнулся, но поспешил убраться подальше.

— Я найду тебя, Дэви! И ты пожалеешь о том, что выполз из своих трущоб!

Держась за стену и тяжело дыша, Дэви вышел из переулка и оказался на широкой улице соборного квартала — все богачи и знать жили здесь. Даже сюда долетали еле слышные крики ревностного дворецкого. Он поднял глаза на небо. В ночных небесах из всех своих чахлах сил сияло расколотое светило. Священники звали его разбитым раем, мудрецы нарекали луной. Простым людям, впрочем, было всё равно до этимологии, светит — и хватит с него.

Наконец отдышавшись, Дэви озаботился своей одеждой. Пышный камзол, накинутый на голое тело, был разодран осколками стекла и приведён в ужасный вид. Да и сам он был изрядно поранен. Крови, однако, сверх того, что испачкала одежду, не было. Тяжело вздохнув, он затянул пояс, придерживая бока, чтобы камзол не распахнулся, и неторопливо зашагал по улице. Она была главной в Верхнем квартале, к ней примыкали особняки и известные мастерские. В конце улицы возвышался собор Смерти.

Высокие шпили, арки, колонны и порталы выглядели в ночи мрачновато и пугающе. А горгульи и вовсе казались живыми: в их глазницы были вставлены стекла, и когда они ловили свет, создавалась впечатление, что статуя смотрит на тебя и следит за каждым шагом.

Гуляя по пустынным ночным улицам, Дэви присвистнул, рассматривая не в первый раз эпичность собора. Но вердикт оставался неизменным — обитель Лукреции была хоть и скромнее, но радовала глаз.

— И чего это все так носятся с этой смертью... — заговорил он сам с собой. — Все её так испугались, что стали поклоняться. Но в чем суть смерти? Конец есть у всего, как у жизни, так и у удачи. Спокойней нужно относиться к таким естественным вещам.

— Потому что смерти не ожидаешь! — раздался злобный голос позади. Дэви не

оглянулся. — Как и подставы! Ты подставил меня, Дэви! На том складе была ловушка и охрана!

— Ну, не могу же я всё знать! — засмеялся Дэви, чтобы разрядить обстановку. На стену рядом упал отражённый блик. Обманутый им человек бесшумно достал нож.

— Ты отвратительный наводчик, когда-нибудь это сведёт тебя в могилу!

Он слышал шаги, трепыхание одежды на ветру и надрывное дыхание. Вздохнув, неповоротливый толстяк вдруг резко подался в сторону. Рука с кинжалом пронзила пустоту. А Дэви, будто напружиненный, двинулся назад, одновременно разворачиваясь и выставляя локоть.

Его пытался убить парень, укутанный в чёрные одежды, с рыжими волосами и огромным ожогом на всё лицо. Кто сказал, что попытка не пытка?

Удар пришёлся прямо в висок. Парень закатил глаза и щёлкнул зубами, но всё ещё стоял на ногах. Большая ошибка.

Продолжая движение, Дэви выдохнул, приготовил вторую руку, стиснув пальцы в кулак, и, выгнувшись, вложил весь вес и силу в удар. Тот врезался в челюсть, послышался хруст. Незадачливый убийца обмяк и рухнул на пол.

— Когда-нибудь. Но не сегодня.

Довольный результатом, он сунул руки в карманы камзола. Большая ошибка.

Издорванный камзол, и до этого дышавший на ладан, после таких резких движений просто разошёлся на куски ткани. Горестно вздохнув, Дэви скинул с плеч остатки одежды, оставшись посреди улицы совершенно голым. Но ненадолго. Оттащив мстителя в переулок, он стянул с него одежду и переоделся. Не по размеру было, конечно, но всё лучше, чем ничего.

Выйдя из переулка в обтягивающей одежде, он чуть было не столкнулся лоб в лоб с ещё одним поздним гулякой. Тот был сгорбленным и толстым, его шатало из стороны в сторону, а стопы выворачивались в неестественных положениях. И воняло от него, как из выгребной ямы.

— Я смотрю, кто-то уже успел перебраться с выпивкой, а ведь ночь только началась! — усмехнулся Дэви.

Пьяница, что-то побулькав, вскинул руки и попытался вцепиться в Дэви, но тот отступил назад и втянул пузо. Ободранные руки царапнули лишь воздух.

— Полегче, приятель! — Дэви нахмурился.

Но тот не унимался. Он задрал голову и бросился вперёд, пытаясь укусить. Дэви на этот раз шагнул ему навстречу. Бесцеремонный прямой удар. Кулак с хлопком врезался в нос, тот брызнул кровью и чем-то склизким и провалился внутрь. Безобразный незнакомец даже не вздрогнул, просто перестал шевелиться и рухнул на землю.

От боли в потревоженном плече его бросило в жар и заколотило. Дэви вытер пот со лба и тяжело выдохнул. Помимо того, ушибленная спина ныла, а раны от стекла зудели и требовали промывки алкоголем. Впрочем, не только они.

— Ну и ночка! — тяжело вздохнув, Дэви расстегнул невыносимо тугой пояс на новой одежде и, подперев бока, направился в конец улицы. Там, в проулке, выходящем в торговый квартал, висели манящие томным светом фонари таверны.

Если раньше он жаждал напиться, чтобы отметить очередное наставление рогов своему врагу, то теперь ему было просто необходимо нажраться как свинья, чтобы он мог с гордостью сказать, что не зря остался в живых.

Отворив тяжёлую дубовую дверь и перешагнув через порог под вывеску «...ая кружка», он оказался в старом, приятном месте. Эта удивительная таверна занимала несколько этажей в здании, расположившемся между кварталами. Из-за перепадов высот этих самых кварталов каждый посетитель попадал сразу на тот этаж, который для него предполагался. Стараясь не привлекать внимания, Дэви прощмыгнул из богатого зала для господ на лестницу, которая вела в другую залу, пониже, попроще и подешевле. Там он, не поделив лестницу, столкнулся плечами со стражником.

— Смотри, куда прёшь, свинья! — рявкнул стражник.

— Собака! Разве так говорят со старыми друзьями, — прищурил глаза Дэви.

Стражник, скрипнув зубами, вцепился взглядом в толстяка.

— Дэви! — его взгляд прояснился. — Прости, обознался!

— Да я вижу, что ты на взводе. Что-то случилось? — спросил Дэви. Они так и остались стоять посреди лестницы, благо, в данный момент она никому не была нужна.

Стражник нервно почесал щеку с аккуратно выбритой щетиной, окаймлявшей его крепкую челюсть.

— Нас передали под командование церковников, вот все и на нервах.

— Ох, не завидую вам... — протянул Дэви, задумавшись о чем-то своём. — Ну, ты куда-то явно спешил, не смею задерживать.

Крепко пожав друг другу руки, они разошлись в разных направлениях.

— Дэви! — окликнул его стражник.

Дэви остановился, но не повернулся.

— Сегодня тут много стражи...

— Не беспокойся, Мартин, Я собираюсь нажраться в ближайшие десять минут и завалиться спать под скамью, никаких погромов и дебошей! — засмеялся Дэви. — А что насчёт тебя?

— Это зависит не от меня, — стражник скупно улыбнулся и, приспустив шлем слегка на глаза, положил другую руку на рукоять булавы.

Дэви понимающе кивнул. Он хорошо знал Мартина и особенно хорошо знал то, как яростно тот защищает дорогие ему вещи. Потерев вдруг занывшую шею, Дэви направился, не оборачиваясь, по своим делам прочь.

Мартин, проводив старого знакомого взглядом, покачал головой, усмехнулся и продолжил путь в залу богачей.

— Мартин! — воскликнула пышногрудая официантка с длинной толстой огненно-рыжей косой, едва завидев его. — Желаешь выпить? — на её веснушчатом лице проступил румянец и невинная улыбка. Она держала в одной руке поднос, а свободной крутила локон тех редких прядей, спадающих на грудь, что были выбиты из косы.

— Я на службе, — выпятив грудь, сказал стражник. Мартин отвёл взгляд в сторону, не хватало ещё раскраснеться прямо здесь, но ему всё равно не удалось этого избежать. Мягкие губы девушки поблёскивали в свете факелов, он чувствовал её дыхание. Он не сдержал улыбку, но тут же она пропала с его лица. Среди посетителей он заметил знакомую лысину. Эту шрамированную лысину и её обладателя искали всей стражей Дюрана за контрабанду, убийства и саботаж. И сейчас этот человек спокойно сидел в углу и играл в БанДжо. Он направился прямо к нему. Каин поднял взгляд, его зрачки сузились, руки напряглись.

Мартин остановился. Он едва заметно поднял ладони в останавливающем жесте, затем приложил палец к губам и, оскалившись, помахал пальцами возле горла.

Каин, сперва не понимая, что происходит, моргнул, а затем растянул рот в улыбке, сузил глаза и неспешно закивал стражнику.

— Что-то здесь становится прохладно... — просипел он и накинул капюшон.

Утерев каплю пота со лба, Мартин спокойно вздохнул.

— Дорогой, всё хорошо? — официантка подошла и ласково положила руку ему на щёку.

Он положил свою руку поверх её и улыбнулся.

— Всё хорошо. Просто приходится расставлять приоритеты по ходу работы.

Рука Мартина легла на талию девушки, та сразу засмушалась и покраснела, но поднос с кружками, что она держала, даже не шелохнулся. Он придвинулся ближе и взял её руку в свою, собираясь припасть к ней губами, но замер. На запястье девушки был синяк. Заметив, что Мартин увидел, его девушка вырвала свою руку и спрятала за спиной, потупив взгляд.

— Это того не стоит...

— Брунгильда. Кто сделал это?

— У тебя будут проблемы...

— Они уже у меня есть, — он, едва касаясь, провёл пальцами по синяку.

Вздохнув, она украдкой кивнула в сторону стола с особо развеселившимися гостями и поспешила удалиться. Проходя мимо, она шепнула «спасибо».

За столом было шумно. Бородатый мужчина пил и веселился вместе со своим другом.

— ...И тут я хватаю эту сисястую за руку и тяну к себе. А она возьми и вырвись! — возмущался пьянчуга. В сторону их стола двигался угрюмый стражник. Бородач заметил это. Скривив лицо, он выпятил челюсть и прохрипел с вызовом:

— Какие-то проблемы?!

— Дебоширим, значит? — сложил руки на груди Мартин.

Уголок рта бородача тут же приподнялся, а веки приспустились.

— А ты, что ли, дружок той сисястой? Так мы вроде уже сидим спокойно, не шумим, больше никого не трогаем, хе-хе...

Теперь уже пришёл черед Мартина насмеяться. Он, быстро расцепив руки, бесцеремонно врезал в челюсть мужику. Схватившись за стол, бородач опрокинул его и всё, что на нём было. Его дружки повскакивали, их руки потянулись к оружию, но напасть на стражника они не решились.

— Мразь! — проскрежетал один из них. — Ты ответишь за то, что сделал с Тодом!

— А вы, мрази, ответите за дебош! — Охранник схватил бородача Тода за грудки и притянул к себе. Взглядом, полным злобы, он вцепился в его глаза. — Либо вы компенсируете все неудобства, причинённые этому заведению и его работникам, либо отправитесь в холодную тюремную камеру, где из еды у вас будет лишь изредка пробегающая тощая крыса по имени неуловимый Джо. И её никто так и не смог поймать за последний год. Понимаешь теперь, какие у тебя проблемы?

Дебошир не выдержал этого взгляда. Сдавленно зарычав, он кивнул.

— Мы всё оплатим, — прошипел он.

— Что тут происходит?! — рявкнул толстый трактирщик, прибежавший из своего закутка.

— Всего лишь жалкие дебоширы. Я всё уладил, они вам заплатят. Или предпочитаете, чтобы они сели в темницу?

— К чему мне темница? — замахал руками трактирщик. — Пусть платят!

— Вот и договорились, — отпустив одежду Тода, Мартин отряхнул руки и поправил

свой жилет стражника. Медальон с щитом блеснул в свете факелов, как и его улыбка. — Но в следующий раз мне придётся утащить их в подземелье, так что... — не закончив фразу, он обратился взглядом к Тоду. Они встретились глазами с одинаковым взглядом.

— Однажды ты мне за всё заплатишь, — еле слышно прошипел Тод. Мартин смерил его взглядом и усмехнулся.

— Хорошо-хорошо! Только прошу, прекратите пугать остальных посетителей, с этими нахалами я сейчас разберусь.

Подняв стол, Тод сел обратно, подперев голову руками и оставшись обсуждать компенсацию с прибежавшим трактирщиком. Отойдя от него, Мартин бросил взгляд в открытую дверь за стойкой, это был кабинет трактирщика. Оттуда, выглядывая наполовину, держась за деревянный косяк, на него смотрела напуганная Брунгильда. Кивнув ей, Мартин приспустил шлем стражника и направился дальше. Он и так задержался. Он направился в сторону коридора, укрытого от зала роскошными шторами, где его сверлил взглядом стражник званием выше.

— Ты совсем страх потерял?! Устраивать переполох, в такое время?! — шипел на Мартина пуще голодной змеи человек в блестящей начищенной броне. Мартин старался не задерживать внимание на здоровенном родимом пятне сержанта, расположенном на щеке, это бы вывело его окончательно.

— Приношу извинения, сержант Ворен, обстоятельства.

— У твоих обстоятельств дойки как у коровы, так что не заливай мне тут! — прорычал сержант. В его голосе кричала зависть. Поправив шлем с кокардой, он прокашлялся и жестом приказал ему идти за ним.

Они присоединились к остальным стражникам у роскошной двойной двери, обитой кожей и отделанной металлом. Окинув взглядом шестерых стражников, сержант Ворен цыкнул языком и махнул рукой, отдавая команду. После этого все стражники вытянулись, как струны. Сержант со звоном сомкнул подкованные сапоги и отворил двери.

Начало партии

Стоило ему только приоткрыть двери, как он тут же ощутил на себе взгляд графа, который скользнул по всем стражам и вернулся к своей спутнице так быстро, что она этого даже не заметила. Но тяжёлый взгляд графа успел сполна припечатать стражников. Пройдя внутрь, стражники встали возле стен, по трое, друг напротив друга. Ворен же встал возле дверей.

Граф сидел в центре, за единственным столом, на котором пока ещё не объявились яства, но он не за ними прибыл сюда — напротив графа сидела белокурая девушка с изумрудными глазами. Она украдкой поглядывала на графа, но тут же краснела и отводила взгляд.

Стоило Мартину задержать взгляд на девушке, как он поймал на себе взор графа. Они встретились глазами. Козлиная бородка на лице графа вздрогнула, а глаза сузились. Мартину стало не по себе, и он тут же устремил внимание на обстановку. А устремить было на что.

Зал был роскошен. С прекрасными тюлями, с мягкими стульями и тихо играющим музыкантом на ваяле — сложной установке с массивными крючьями на длинных подвижных шестах, которые меняли своё положение, повинувшись шару, вращаемому музыкантом. Когти инструмента терзали барабан с металлическими пластинами, издавая дивное звучание, похожее на пение птиц. А сам барабан крутился в такт педали под ногой музыканта. По крайней мере, об этом ему с восхищением рассказывал Ворен, когда они только собирались сюда пойти. Мартин не понимал всей красоты и сложности данного шедевра кузнечной мысли, но тренькало и звенькало и вправду неплохо.

Меж тем, взяв себя в руки и прочистив горло, граф вернул внимание к своей пассии.

— ...Я ведь являюсь не просто графом, которых добрая сотня. Граф Дюрана — это не только самый главный и важный граф, это ещё и правая рука короля! Я ведь уже говорил, что недавно присутствовал на королевском совете? И сейчас, когда король вместе с войском ушёл выкашивать заразу из наших земель, Дюраном заведую я, — показушно поклонившись и поймав смешок девушки, он снял с пояса свой кинжал и положил его на стол. — Но будто этого мало, я ещё и один из чемпионов королевства, прозванный Вороном! А это моё чемпионское оружие. Можешь потрогать его, не бойся.

— Если быть откровенной... — девушка наклонилась над кинжалом. Пальцы едва касались расшитых серебром и жемчугом ножен, — то я весьма удивлена, что сам граф Роланд обратил внимание на простую...

— Миа, ты не простая девушка, — граф нежно взял её за руку, прикасаясь к ней губами и взглянув ей прямо в глаза. — Твой малахитовый взор пронзил моё сердце, а твои роскошные волосы взволновали мою душу. Красота не нуждается в родословных! Она нуждается в заботе.

Миа залилась румянцем и отвела взгляд в сторону.

— Что ж, Миа. Я был очарован и сражён вашей красотой и хотел бы...

Двери распахнулись, врезавшись в стены, музыкант вздрогнул, сбился, и ваяль замолк. К Роланду без церемоний зашагал рыжебородый стражник в пышных одеждах и с двуручным мечом за спиной. Роланд нахмурился. Сержант побледнел.

— Капитан Руфус! Как это понимать?! — в голосе слышались раскаты негодования, он не заискивал и не играл в высшее общество, он делал свою работу — спасал жизнь графа.

Наклонившись к уху Роланда, он быстро что-то проговорил, а потом указал на картину.

Слова капитана стражи вывели Роланда из игривого настроения.

— Что ж, Миа, — волнующимся голосом произнёс граф, — мне пора бежать. Оставайся здесь, скоро принесут деликатесы, а мне срочно нужно идти.

Девушка выглядела испуганной и ошарашенной. Она открыла рот, чтобы хоть что-то сказать, но граф уже уходил вместе со стражей.

— Всё потом. Дела!

Быстрым шагом Роланд удалился вслед за капитаном. Сержант жестом приказал всем следовать за ними. Мартин проглотил ком, подступающий к горлу. Это же должен был быть обычный караул на празднике! Потайная дверь на деле оказалась лишь тонкой панелью, которую капитан разрезал мечом. Хоть за ней и была скрыта дверь, капитан не тратил время на поиски ключа, он высадил её плечом.

Лунный свет ворвался в потайной коридор, выходящий на задний двор где-то в храмовом районе. Заваленный досками и мусором, он был незаметен и не востребован. Сейчас же сквозь завал пробивалась стража с оружием.

— Не стоило ли приставить охрану к девушке? — хриплым голосом спросил Мартин и тут же почувствовал, как его спину прожигает взгляд сержанта.

— Ей будет безопаснее остаться, — отмахнулся от него Роланд, тут же повернувшись к капитану. — Вы уверены, что это правда? — его голос дрогнул. Капитан кивнул. Их отряд быстро шагал по переулку. Стараясь не привлекать внимания, насколько это возможно для военной процессии, сопровождающей графа. Из-за угла вышли двое стражников с луками за спинами.

— Старшие стрелки Дэрк и Эшбар, прибыли по сигналу тревоги! — отрапортовали стражники. Их лица, обделённые интеллектом, с пухлыми губами и мелкими глазами всегда раздражали капитана.

— Заткнитесь и встаньте в строй! — рявкнул на них Руфус.

— Дела вовсе не шуточные... — прошептал Мартин, рука легла на булаву, на всякий случай.

Раздался хлопок, и на людей рухнул холодный ветер. Он был столь силён, что все пошатнулись. Проносясь мимо стражников, ветер, будто живой, впивался своими ледяными зубами в их кожу, заставляя дрожать. Он пронёсся мимо, с грохотом ворвавшись в потайной проход позади, подняв в воздух мусор и доски. Спустя мгновение до ушей стражников донеслись крики и стоны. Нельзя сказать, что именно пошатнуло выдержку людей: жуткий ветер, напряжение или эти крики, — но они побежали.

Выбравшись наконец из подворотен, они выскочили на главную улицу, идущую ко дворцу.

— Куда мы бежим? — спросил один из стражников. Ему не ответили.

— Вон они! — раздался крик.

Мартин вздрогнул, по спине пробежал холодок, а рукахватила булаву. Вместе со стражниками он мгновенно повернулся. Кричащим был другой стражник. В его руке был сжат лук, а за его спиной стояло ещё десять лучников.

— Мы идём к вам, — объявил стражник.

Они почти успели приблизиться, как их разделила мгла. Вырвавшийся из-под земли чёрный туман застлал половину улицы, он клубился и шипел, его вихри походили на хищные пасти. Раздался крик лучников. Недолгий.

— Чертовщина! — закричали стражники.

— Отступаем на храмовую площадь! У нас нет священника, чтобы бороться с этой чертовщиной! — прокричал капитан Руфус. Все стражники вынули оружие, грозные булавы и длинные копья придавали уверенности. Что не мешало всем бежать прочь как можно быстрее.

Они выбежали на соседнюю улицу, в её конце виднелся храм.

— Роланд?! — нежный и испуганный голос, раздавшийся позади, напряг его больше, чем жуткий туман. Из переулка храмовой аллеи к ним бежала Миа. — Роланд! Что происходит?!

— Назад! — крикнул капитан.

— Мне страшно!

— Не приближайся! — рявкнул Руфус.

— Роланд! Защити... — Миа побежала к построению, и по знаку капитана стража подняла её на копья. В её глазах был испуг и удивление, из ран захлестала кровь. Она умерла мгновенно от пяти копий, которые вонзились в её хрупкое тело. Рука в тонкой перчатке, протянутая вперёд, теперь безвольно болталась. Она была мертва. Стражи выдернули копья и оставили пронзённое тело девушки валяться на мостовой.

— ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ?! — взревел Роланд, выйдя из оцепенения.

— Свою работу! Она могла оказаться демоном!

— Она была человеком!

— Может, это и не она, а настоящая сидит сейчас в кружке! За вами охотятся, так что, пожалуйста, — капитан схватил Роланда за грудки, — НЕ МЕШАЙТЕ НАМ СПАСАТЬ ВАШУ ЖИЗНЬ.

Роланд уже собирался оттолкнуть от себя капитана, как вдруг тот сам отлетел в сторону. Точнее, его отшвырнули.

— С дороги, — рявкнул Мартин, растолкав капитана и графа. Обойдя убитую девушку, он побежал в обратную сторону.

— Что ты творишь?! — с глазами навыкат крикнул ему вслед Ворен.

— Я возвращаюсь в таверну!

— Это предательство!

— Это приоритеты! — крикнул Мартин, уже приближаясь к углу.

— Лучники! — рявкнул сержант, но капитан поднял руку в отменяющем жесте.

— Нет времени, ну и черт с ним, он обезумел! Следующему, кто побежит под любым предлогом, я лично пробью голову, прежде чем сержантская рожа успеет моргнуть! Держитесь плотнее! — заорал капитан. Роланд почувствовал, как его начинают давить с двух сторон латные доспехи. — Держитесь плотнее! — заорал Руфус вновь. В конце улицы возвышался собор, насадивший, как казалось, луну на свой шпиль. Этот храм был священной землёй, и демоны не могли вступить на неё. По крайней мере, так говорили священники. До этого дня ни у кого не было возможности проверить правдивость этих слов, уверенности не было, но была лишь надежда, что это может сработать. Этого было недостаточно, чтобы успокоиться, но достаточно, чтобы шевелить ногами быстрее.

Это место было единственным спасением Роланда. Демоны смогли проникнуть даже в покои короля, но в священные чертоги войти они не смогут! Колокол собора неистово выл, возвещая об опасности, а значит, не только Роланд с охраной стали свидетелями творящегося кошмара.

— Все в собор! Защищайте графа! — проорал капитан и с боевым кличем помчался вперёд.

Он мог бы не отдавать этой команды — каждому было ясно, что предстоит сделать. Храм был недалеко, их разделяло всего лишь десять — одиннадцать домов. Роланд бежал изо всех сил, перед глазами у него всё ещё был труп Мии. Его раздирали чувства вины, злости, жалости, ярости... но он смог взять их под контроль, убедив себя, что это просто проделки демонов. Но одно чувство он позорно не мог унять — страх. Страх точил и пожирал его. Но позорного тут ничего не было — каждый бы испугался. Масла в пламя страха подлили душераздирающие вопли.

— Вурдалаки! — закричал солдат. — Я слышу их рёв!

— Крик вурдалаков слышит только их жертва! — крикнул лучник Дэрек, но было поздно. С ближайшей крыши свистнула цепь, которая обвила шею стражника и вздёнула его на карнизе.

На крышах показались существа из детских страшилок, чьим рёвом пугали и детей, и взрослых. Нечеловеческий вопль, звучащий, как скрип надгробной плиты, разносился из их изуродованных пастей далеко вокруг. Их скрюченные когти жадно переминались, по всему их телу были распиханы острые костяные выросты, а головы были замотаны цепями. Преступники, брошенные в темницах, позабытые людьми, отвергнутые смертью, сжираемые голодом и ненавистью, — они вырвались из сказок и, как в них же, скакали по крышам, выли на луну и пытались свернуть шеи живым.

Выкрикнув боевой клич, больше походящий на крик отчаяния, солдаты подняли оружие, отбивая метко брошенные цепи. Но это удалось не всем, четверых утащили на крыши.

— Нам нужно торопиться! — прохрипел Руфус. Между собором и отрядом теперь было всего три дома и площадь с фонтаном, сразу за ней — спасительные двери собора. Колокол не умолкал ни на мгновение.

Небо стали закрывать невиданные доселе багровые тучи. Оставшийся отряд, тяжело дыша, мчался к спасению. Когда они вырвались на площадь, земля содрогнулась под их ногами. Из-под земли что-то выбиралось. Фонтан покосился и рухнул. Сделав последнее усилие, чудище показало свою лапу.

Это зрелище было так ужасно, что все замерли как вкопанные, даже вурдалаки замедлили ход.

На поверхности показался изуродованный человек, с боков его свисали вросшие друг в друга люди, а за ними ещё и ещё. И все они медленно, скрипя костями, вертели головами и шарили руками, будто пытаясь что-то схватить. Спустя пару секунд, когда на площадь выбралось достаточно существ, они вцепились руками в каменную плитку и, тихо взвывая, выволокли из ямы остальную часть. Чудовище, всё в грязи и крови, представляло собой гору мёртвых сросшихся между собой тел, а на его вершине были люди, вросшие по щиколотку, прижавшиеся друг к другу спинами вокруг чего-то. Они вздрогнули и, словно лепестки, раскрылись. Между изувеченными телами была сокрыта прекрасная девушка.

Рыжие волосы отчасти скрывали её наготу. Лицо её было столь прекрасно, что приковывало к себе всё внимание. От вида её стройного тела желание вскипало в крови. Но стоило повиноваться ему, и взгляд сам собой опускался ниже, где взору представала оргия сросшихся тел, в которую девушка вросла бёдрами. Тела жадно тянули окровавленные руки к ней, но прикоснуться не смели. Алчно ухватываясь за всё что только можно, тела начали тащить весь комок плоти к стражникам.

— Не стойте на месте! — проорал Роланд, вырывая всех из оцепенения. Девушка открыла глаза, провела рукой по волосам, откинула их назад и томно вздохнула.

Все бросились бежать, но один стражник замер.

— Почему он остановился? — крикнул Эшбар.

— Его глаза... Он попал под колдовство! Не смотрите на это существо! Бегите! БЕГИТЕ!

Стражник, что встал на месте, нелепо улыбаясь, медленно зашагал навстречу чудовищу. Девушка облизнула свой палец, провела им по губам и поманила к себе медленно идущего солдата. Но тут все руки чудовищного тела синхронно повторили движение девушки. Наваждение пропало, солдата передёрнуло и вырвало. Глаза девушки в тот же миг лишились всего очарования: они заметали искры и налились кровью, её пухлые губки нервно дёрнулись, и рука её властно поднялась в направлении мерзавца. Сотни рук вторили ей. Рвота, что смачно лилась из стражника, остановилась в воздухе, прекращая падать. А затем мерзкая жижа устремилась обратно в него. Царапая до крови своё горло и проливая слёзы, не в силах это остановить, он упал на землю и начал синеть лицом. Раздался страдальческий вопль, изо рта девушки забурилась кровь, её кожа побледнела, а из глаз полились слёзы. Тела-лепестки вновь поднялись, закрывая её собой. Масса тел заскребла руками и потащила себя в ту яму, из которой выбралась.

Роланд уже истошно колотил в дверь собора. Видя это, Руфус жестом приказал стражникам остановиться. К собору в разнобой, звеня цепями, скакали вурдалаки, спрыгивая на площадь, они были уже почти рядом.

— Лучники! Огонь по ближайшим целям! — отдал команду капитан.

Страх уступил место опыту. С ужасом в глазах, но твёрдыми от ежедневной выучки руками лучники одновременно убрали мечи в ножны, сняли с плеча луки, вскинули на тетиву стрелы и дали залп. Одна стрела, попав в цепи на голове, со звоном отлетела в сторону. Другая же попала точно в колено, вурдалак споткнулся и повалился на землю.

Гигантские двери собора, содрогнувшись, стали отворяться. Ворен и Дэрек, сорвавшись, бросили своих товарищей и побежали внутрь.

— Держать позицию! Огонь! — приказал Руфус.

Под его железным руководством Эшбар дал ещё пару метких залпов, замедляя приближающихся чудовищ. Но одному удалось прорваться. Он был уже рядом и мчался прямо на Руфуса. Тот, обхватив рукоять меча понадёжнее, обратился весь в концентрацию. Он слышал, как позади него топают по ступеням. Как рядом стоящий лучник натягивает тетиву. Когти приближающегося чудовища скрежетали о площадь, его пасть была беззвучно разинута. Руфус усмехнулся. Тварь приготовилась к прыжку. Капитан, ухнув, рубанул мечом.

Неожиданно, проявив сверхъестественную прыть, тварь изменила цель и бросилась на Эшбара. Тот испугался и успел лишь прикрыться руками и попрощаться с жизнью. Но острые когти не достали его. Меч Руфуса был тяжёл, ему приходилось бить заранее, угадывая, где будет его противник. И в этот раз он не прогадал. Огромный клинок, соприкоснувшись с телом чудовища, рассёк его пополам, окатив испуганного лучника кучей внутренностей и смердящей кровью.

Довольный собой, Руфус заметил, что руки лучника дрожат. Схватив его за шиворот и потряхнув, он проорал ему в ухо:

— Отступаем!

Эшбар пришёл в себя. Они вместе с капитаном сорвались с места и понеслись вверх по

каменным ступеням.

— Подождите их! — скомандовал Роланд священникам, уже закрывавшим двери. Они не стали смыкаться до конца, оставляя небольшой зазор, в который бы мог протиснуться человек.

Сзади лучника и капитана уже выли чудовища, которые настигали их. Они видели это по ужасу в глазах тех людей, что уже были в соборе. Но когда до двери оставалось всего десять шагов, что-то просвистело в воздухе. Эшбар упал, цепи обвили его ноги и резко дёрнулись назад, вырывая колени из суставов. Он закричал до боли в горле.

Руфус бросил взгляд на упавшего стражника. Он принял решение моментально. Один взмах, один удар, море крови и воплей. Обрубленные ноги, обвитые цепью, тотчас улетели вниз по лестнице, а Руфус, подхватив кричащего раненого стражника, помчался в собор, вопя во всё горло:

— Закрывайте!

Едва он вскочил внутрь, как двери с грохотом, от которого стало легче на душе, захлопнулись. Не последовало удара по воротам, и всякий звук снаружи стих. Кажется, они и правда оказались в безопасности.

Внутри собора было чарующе спокойно. Высокие потолки заставляли голову идти кругом, а многочисленные фрески — разбегаться глаза. Поразительные размеры сооружения давали громкое эхо, и каждое слово раскатисто повторялось собором. По периметру нависали балконы, а впереди располагалась келья, в которой хранился артефакт, который даровал святость этому месту, уберегая от сил тьмы.

В боковых стенах зала виднелись двери, а с каждой стороны от центра зала — лестницы, ведущие в пристройки. Капитан, утерев с лица пот, жестом подозвал оставшихся стражников.

— Вы идёте направо, я налево. Нужно запереть все двери! — он повернулся к испуганным священникам. — Перевяжите его, пока он не истёк кровью!

Священники, переглянувшись, подчинились, бросившись к отключившемуся от боли стражнику, и, подхватив его под руки, потащили в боковое помещение. Напряжённый капитан обратился к Роланду:

— В соборе мы в безопасности, но мне нужно позаботиться о том, чтобы никто не ворвался внутрь. Оставайся здесь.

Капитан направился в сторону левого прохода. Когда стражники и священники разошлись, из алтаря в конце собора зала показался первосвященник.

— Что здесь происходит?! — обратился к нему граф. — Чудовища бродят по Дюрану!

— Чудовища всегда бродили по Дюрану... — медленно шагая, опираясь на посох, говорил первосвященник. — Когда они втайне калечили чужие судьбы, никто не обращал внимания, но стоило другим чудовищам начать калечить их тела, как все взвыли. Иронично...

— Что ты вообще говоришь? Ты же первосвященник! Оставь в стороне своё мнение о людях — они нуждаются в твоей помощи. Ты принёс клятву!

— Я принёс клятву защищать людей, — говорил более грозным голосом первосвященник. В его движениях утратилась старость, а посох он держал гордо, более не опираясь на него. — Оберегать их от всякого зла и наставлять на путь истинный. И знаешь что, граф Дюрана, я не встретил ни одного человека, лишь свиней и червей, носящих их личины.

— Что здесь происходит? — из дверей показался капитан стражи, но одним лёгким движением кисти первосвященника его отшвырнуло обратно за дверь, которая тут же за ним захлопнулась.

— Это твоих рук дело? — граф медленно вынул кинжал из ножен, обратив на Влада испепеляющий взгляд.

— Оружие против меня — ничто! — гордо сказал первосвященник и щёлкнул пальцами. Но ничего не произошло.

— Этот кинжал создан чародеем из Даля, твоё колдовство бессильно!

— О... Мир не ограничивается Дюраном и Далем, — улыбнулся первосвященник.

Влад выкинул руку вперёд. На мгновение штормовой ветер наполнил своды собора. Горло Роланда что-то сдавило. Он упал на пол, выронив кинжал, и схватился руками за своё горло, пытаясь отодрать невидимую хватку. Бесполезно.

Первосвященник стоял в столпе лунного света, падающего с потолка, и мечтательно улыбался.

— Наш план почти готов воплотиться в жизнь.

Голос Влада дрожал. Это особенно слышалось в гнетущей тишине тёмного и просторного собора.

Жажда крови

Свет солнц пробивался даже в коридоры арены, тусклыми лучами отрезая мрак от полутьмы. Возгласы зрителей доносились сюда неразборчивым шумом, напоминающим шум прибоа, не знающего усталости. Вновь и вновь среди протяжённых коридоров, не видевших свежего воздуха, с клетками и складами проносилось эхо криков и визги, заставляя дрожать пламя свечей на стенах, а цепи легонько позвякивать, словно от ветра.

Сегодня на песке бился за свою жизнь особенный боец. Изредка подобные ему выпускались на арену, ближе к праздникам или, как в этом случае, когда содержать такую тварь становилось невозможно. С подобными противниками бились лишь осужденные, выставленные на арену преступники, у которых нет права выбора. Лишь один боец выходил биться с подобными существами по собственной воле.

От крика толпы вибрировал металл. Девушка стояла рядом с решёткой, отделяющей её от арены, подбирая оружие со стойки для предстоящего боя. Казалось, огромное чудовище совершенно не страшило её, но доподлинно прочитав её эмоции было нельзя, ведь лицо её всегда было сокрыто шлемом.

Протянув руку к топору, она вдруг замерла, что-то вспомнив. Пальцы дрогнули, сжались в кулак. Она тяжело втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Рука метнулась к шлему, а точнее к его ремням. С последнего раза они были значительно укреплены. Узлы, крепежи... всё было на месте. Выдохнув, она стиснула кулаки до хруста пальцев. Услышав этот звук, она распрямила пальцы, оперлась о стену и медленно выдохнула.

Судя по донёсшемуся чавканью и резкой тишине с трибун, бой закончился. Кивнув сама себе, она оттолкнулась от стены и направилась к решётке. Оперевшись руками о прутья, она выпрямилась и хмыкнула.

На арене кровь струилась по вогнутому, вонзившемуся в тело металлу, голова была раздавлена и лежала в стороне. Девушка сложила руки на груди.

Живым на арене осталось лишь обезьяноподобное существо, в три человека ростом, покрытое белой, как снег, шерстью. Оно обладало крепким телосложением, большими мускулистыми руками, на которых поистёрлась шерсть, оголяя чёрную кожу с блестящей на длинных пальцах кровью.

Увидев это всё, девушка тут же перевела взгляд на погибшего человека. Копьё было переломлено пополам, его остриё было блистательно чистым. Ещё раз хмыкнув про себя, она вернула взгляд на чудовище, устремив его прямо в лицо твари. Оно было широким, с оттопыренными, затвердевшими щеками, маленькими ушами и единственным глазом, расположившимся по центру морды.

Она увидела всё, что хотела. Положив руку на плечо, она провела ей ниже: ремни приятно стягивали тело, тканевые обмотки были надёжно переплетены. Отвернувшись от арены, она направилась к стойкам с оружием.

Остановив руку на оголённом бедре, она вовсе проскочила взглядом тяжёлое вооружение и остановилась на коротких мечах.

Глашатай на арене надрывался, развлекая гостей и давая рабочим время подготовить следующий бой, отвлекая чудовище сквозь решётки, чтобы оно не бросилось на зрителей. Хоть они и были отгорожены острыми, вогнутыми в сторону котлована шипами, предосторожность никогда не бывает лишней.

— Давайте поблагодарим первосвященника Влада, передавшего в наш замечательный закуток это прекрасное создание с зимних островов! Победи этот высокородный ворюга, он мог бы снискать прощение и титул бана! Но победу украсть он так и не сумел! — Толпа взорвалась смехом и криками. На их глазах только что чудовище разорвало человека, и они, сидя в безопасности, жаждали продолжения своего развлечения. — Но! Сейчас его сменит другой боец. Кровь, пролитая им, окрасила песок, а слава разлетелась по миру. На арену выходит она! Ореанна! Кровавая Бестия! Прекрасная воительница с изящным телом, которое она не прячет в панцирь доспехов! Всё ради любимой публики.

Ореанна фыркнула и выдвинулась вперёд.

Решётка распахнулась, на арену вступила девушка. Она не отличалась мощным телом, на ней не было брони, казалось, она вовсе заблудилась. Но её походка была столь уверенной, что эта иллюзия моментально развеялась. За спиной у неё покоились два меча, в руке она держала третий.

Рядом со входом лежал искорёженный труп, но на него она больше не смотрела. Сейчас всё её внимание было приковано к противнику.

Чудовище выпучило глаз, следя за каждым движением нового бойца на арене. Когда девушка приблизилась достаточно близко, тварь издала вопль и рванула к ней, выставив руку вперёд.

Ореанна взмахнула мечом, но лезвие, так и не достигнув отпрянувшей лапы чудовища, свистнуло в воздухе, ведь чудовище было не только сильным, но и хитрым.

На его морде появилась ухмылка: спровоцировав её на атаку, он был готов схватить девушку и покончить с ней. Но новый противник был быстрее предыдущего. Новый молниеносный взмах и выпад точно в развёрзнутую ладонь. Лезвие погрузилось в грубую плоть наполовину. Девушка отпустила клинок, оставшийся в ладони монстра, и выхватила из-за спины второй меч. Когда взбешённый монстр попытался достать её ногой, девушка увернулась, отпрыгнув немного назад. Лапа чудовища просвистела мимо.

Взмах клинка — и сухожилия чудища лопнули.

Гладиатор изящно ускользнула от чудища. Двух кровожадных тварей разделял окровавленный песок, их взгляды были прикованы друг к другу.

Воздух становился всё тяжелее, его переполнял запах крови и шум толпы.

Взмахом сбрызнув кровь с меча, девушка убрала его в ножны. Выкинув руку вперёд, она указала на великана, а потом приставила большой палец к горлу и медленно проскребла им по нему. Последняя капля терпения у чудовища иссякла. Его глотка издала оглушительный рёв, от которого заложило уши, а огромный глаз заполнился кровью. Тяжело и быстро задышав, он выпрямился во весь рост, раскинул руки в стороны и, зарывав, сжал кулаки. Меч, что девушка оставила в лапе чудища, выплеснув кровь, вышел с обратной стороны ладони. Боль и ярость затмили последние зачатки разума у этого существа, оно сломя голову понеслось на Ореанну.

Монстр был уже рядом, его кровоточащая рука была занесена для удара. Гладиатор проскочила под ним и, оказавшись позади, с разворота закрутилась с двумя мечами и рассекла последнюю здоровую ногу. На грани безумия, монстр обернулся к девушке, и та, бесстрашно прыгнув, вонзила клинок ему в грудь. Тварь, взревев, оступилась, и подрубленные ноги отказали ей повиноваться. Великан повалился на лопатки.

Ореанна вырвала меч и прыгнула, занеся меч для решающего удара. Сошедшее с ума чудовище устремило здоровую руку, чтобы расплющить её. Но девушка была не только

быстрее, но и хитрее. Это был не удар, а замах. Извернувшись в воздухе, она, закричав, метнула меч в сторону приближавшейся руки. Меч пронзил плоть, с жутким звуком заскрежетав об кость.

Чудовище, низвергнутое из кровожадного монстра до загнанного животного, потеряло концентрацию и промахнулось. Избежав захвата, Ореанна занесла над головой последний оставшийся у неё меч.

Клинок вонзился в глаз. Налитый кровью, он тут же исторг из себя фонтан, и чудище, раскрыв ладони, схватило себя за больное место. Но вместо облегчающего касания родных ладоней в глаз впились ещё и два заострённых навершия мечей, застрявших в руках.

Монстр издал жалобный вопль, который пошёл на спад, и чудище обмякло.

Толпа, восседающая в амфитеатре, всё ещё не верила в победу девушки и хранила молчание, жадно выхватывая каждое мгновение, происходящее на песке. Бестия встала в полный рост над поверженным чудовищем, её ноги подрагивали, а тело блестело от пота. В горло как будто вгрызлись колючки, дышать было тяжело и больно. Только когда её враг пал, она поняла, насколько сильно устала. Дрожащей рукой она вытерла лезвие об уже давно не белую ткань на бедре и, крутанув его в руках, опустила в ножны.

Толпа взорвалась криками и хлопками.

Все были восхищены победой над чудовищем. Так сильно восхищены, что не замечали ничего вокруг. А вот Ореанна заметила. Этот бой не был чем-то особенным, и она не ликовала, а просто отдыхала. Только поэтому она уловила какую-то неосязаемую перемену. Всё было как и всегда: кровь, опасность, смерть, триумф и свободный вздох. Но сейчас что-то изменилось. Она не чувствовала облегчения после победы. Победа не была выдающейся, но в других обстоятельствах она бы была довольна собой. Тревога, беспокойство и кровожадность закипали в ней, а толпа продолжала бесноваться. Она жаждала крови и продолжения шоу. Ликование возрастало, зрители переходили от невинных криков и похлопываний к неистовым орам и мордобою. Все они стали как одержимые: ломали скамьи, крушили столы, некоторые пытались залезть на балкон к глашатаю, который с началом беспорядков куда-то исчез.

Ореанна поддалась тому же, что и остальные, начав ощущать охватившее её внезапно желание: ей хотелось избивать и калечить всех на своём пути. Она внезапно вспомнила, что в этом и есть смысл её жизни после того, что с ней сделали. Всплывающие воспоминания, полные паники и жажды расправы, были так сильны, что пропитывали её самую насквозь. Стискивая окровавленный меч, она стала рыскать лами по амфитеатру, ища жертв, но глаза застилал туман.

Драка среди зрителей получила новый размах, началась потасовка, люди крушили уже не стулья, а друг друга. От удара стулом по лицу какой-то мужик упал, столкнув в пропасть сидящую в первом ряду девушку. Та повисла на куске железа.

— На помощь! — завопила девушка.

Ореанна мгновенно повернулась к ней. Этот крик для неё был подобен падению камня в воду. Безграничная гладь новых, неизвестно откуда появившихся воспоминаний всколыхнулась и, зайдясь волнами, стала отступать. Сейчас эта слабая девушка держится за свои последние секунды перед тем, как разобьётся о жёсткий, пропитанный кровью песок арены.

Ореанна помотала головой, этого не случится! Она бросилась ей на помощь. Мысли с погроме улетучились, как будто их и не было. Нура, не удержавшись и не сумев подтянуться,

сорвалась и полетела вниз, крича. Ореанна, зарывав, бросилась вперёд, схватила девушку и полетела кубарем по песку.

Отплывывая песок, который пробился ей в шлем, она спросила:

— Цела?

— Шея... — болезненно простонала девушка, схватившись рукой чуть ниже головы. Ореанна грубо скинула её руку и своей ощупала болезненное место. Нура зашипела и зажмурилась.

— Не сломана, — бросила гладиатор, но тут же насторожилась. Повисла жуткая тишина. Что-то рухнуло позади них, девушки оглянулись и увидели труп парня. Он был порван, разодран, из груди его торчал обломок скамьи. Но самое страшное — половина его лица была съедена, следы от зубов были по всему телу.

Ореанна подняла взгляд наверх. Вся толпа сейчас смотрела на них хищными глазами, утратившими последние отблески разума, а у многих с оскаленных ртов капала кровь.

Схватив парализованную шоком девушку за руку, Ореанна помчалась обратно в клетку, из которой вышла на арену. Люди стали сыпаться на пол арены, ломая себе ноги и спины, но даже тогда они продолжали ползти, протягивая руки и жадно хватая воздух окровавленной пастью. На них падали следующие и, поднимаясь на ноги, бросались в погоню.

Обезумевшие люди уже настигали их, когда Ореанна, неистово закричав, швырнула Нуру в клетку, а сама, пользуясь выигранными мгновениями, ухватила за подъёмную решётку входа на арену и рванула её вниз. Решётку заклинило. Ореанна, зарывав, стала дёргать и давить решётку вниз. Толпа приближалась. Решётка скрежетала, но не поддавалась. Они были уже совсем рядом. Ореанна закричала и изо всех сил дёрнула решётку ещё раз. Замки со звоном сломались, и ворота намертво впились в пол. Тут же на них налетела толпа. Они пытались достать до девушек руками через решётку, которая начала опасно поскрипывать. Нура забила в угол и испуганными глазами увидела, как решётка проседает под прибывающей толпой. На её кукольном лице виднелась крупная ссадина. Решётка, продавливаемая обезумевшими людьми, прогнулась, скрипнула и застыла. Она выдержит.

Нура взглянула на спасшую её воительницу, отчаянно пытаясь найти хоть одни глаза, сохранившие человечность, но лицо гладиатора было скрыто железной маской.

— Тебе страшно? — спросила она дрожащим голосом, готовясь вот-вот разрыдаться.

— Да, — сказала Ореанна.

Человечность

Она всё ещё стояла у решётки с мечом наготове. Решётка больше не издавала пугающих звуков. Пока что. Опустив меч, она тяжело вздохнула и посмотрела через плечо на спасённую. Девушка в белом испачканном платье, забитая и испуганная, явно не могла ей помочь в бою. В голове всё пугалось. Мысли были тяжёлые и тягучие. Но образ красивого, чистого лица, нежных жемчужных волос с розоватым отливом и пронзительных голубых глаз был смутно знаком и отзывался больше в сердце, чем в памяти.

Положив руку на шлем, Ореанна как подкошенная села на пол напротив Нуры, тяжело выдыхая и расслабляя напряженные до этого мускулы. Она вложила меч в ножны над правым плечом и подняла голову.

— Как шея?

— Болит...

Ореанна, наклонив голову вправо, цокнула языком и встала. Подойдя к девушке, она присела рядом и, откинув её длинные жемчужные волосы, стала более детально ощупывать болезненное место. Нура зажмурилась и стиснула зубы.

— Да. Просто ушиб, — хлопнув по щеке Нуру, Ореанна поднялась и обречённо взглянула на запертую дверь, ведущую в глубины арены.

Уставшая гладиатор тяжело вздохнула и оперлась плечом о стену. Ей редко удавалось поговорить, а если и удавалось, то её собеседниками были в основном озабоченные гладиаторы, которые не умели сражаться ни клинком, ни словом.

— Ты тоже почувствовала себя плохо? — заговорила послушница. Ореанна кивнула. — Что случилось?

— Что-то, — вздохнула Бестия. — Насколько можно судить, кто-то свёл с ума многих людей, и мы чуть не стали его очередными жертвами.

— Но зачем?

— А это нас не должно волновать.

— Но что же мы теперь будем делать? Что, если этот кто-то — сама Госпожа, прогневавшаяся за наши грехи?

Ореанна расхохоталась.

— Разве не очевидно? Кто бы это ни был, найдём его и размажем об стену! — гладиатор с громким хлопком ударила кулаком в ладонь. — Колдун там или бог, если меня это касается, то, значит, я буду бить в ответ.

За прорезями шлема не было видно глаз, но взгляд, полный решимости, Нура почувствовала кожей.

— Мы могли бы поднять решётку и попытаться утихомирить эту толпу.

— Утихомирить? — из-под шлема вылетел смешок. Ореанна повернула голову в сторону решётки. Люди, если их так ещё можно было назвать, тянули к ним руки и впивались зубами в стальные прутья.

— Неужели им никак не помочь?

— Если только умертвить.

— Если другого пути нет, — опустила голову Нура, — могла бы ты сделать это для них, пока они не причинили никому вреда?

— Я не справлюсь, — усмехнувшись, отмахнулась рукой Ореанна.

— Но ты же победила огромного монстра...

— Он был огромный, но один, а здесь их целая толпа. Да и настроены они серьёзно. И даже если бы вдруг перебила... Дальше-то что? Высота стен — три человека, да ещё и железки по краям, а другая дверь заперта, — Ореанна посмотрела на дверь так пристально, будто надеялась взглядом расплавить решётку.

Но тут Нура вскочила на ноги.

— Точно! Она заперта!

— Именно.

— У меня есть ключ!

— Откуда бы ему у тебя быть?.. — Ореанна даже головы не повернула.

— Я... — девушка замаялась, будто усиленно пытаясь что-то вспомнить, привести в порядок мысли. — Кажется... я собиралась зайти после окончания боя и перевязать

раненых. Да! — обрадовалась она, просияв глазами. — И чтобы я не мешалась под ногами, Дэви давно выдал мне ключ, — Нура повернулась к двери, воткнула ключ и повернула его. Замок щёлкнул, и дверь, скрипя, отворилась. Повернувшись к Ореанне, Нура увидела её у стойки с оружием. Она вложила меч в ножны и взяла ещё по одному в каждую руку.

Живительный скрежет свободы подействовал лучше, чем любые лекарства. Безумцы до сих пор толпились и ломались в заклинившую решётку, и сейчас этот звук был приятнее любой музыки.

— Ты как будто отправляешься на войну.

Ореанна повернула голову к Нуре:

— Вся наша жизнь — это война, — отстранив девушку рукой за себя, гладиатор пошла вперёд. — Держись позади.

Дважды повторять не пришлось.

Спавшие оковы

Коридор представлял собой череду вмурованных в стену небольших камер, в которых обычно томились бойцы перед выходом на арену. Но сейчас вместо лениво валяющихся на шкурах воинов из клетки пытались вырваться безумцы. Они бились о решётки, кусали прутья, несвязно что-то бормотали и неистово орали.

Нура прижалась к Ореанне, стиснув в руках ремень на её поясе.

Они прошли, не задерживаясь, до конца коридора, где их ждала дверь. Толкнув её рукой, Ореанна кивнула на неё Нуре. Та, улыбнувшись, подошла к двери и вставила ключ. Замок сопротивлялся и не хотел открываться.

— Не тот?

— Нет, всё в порядке, — пыхтя, сквозь зубы пропищала послушница, борясь с замком. — Просто тяжёлый.

До девушек донёсся громкий хохот, шедший с арены. Пройдя через усиливающие звук трубы, он приобрёл inferнальные ноты.

Кто-то добрался до кабины управления.

Все решётки содрогнулись, по коридору пронёсся хор отпираемых замков и вращающихся лебёдок. Ореанна, прижав к себе девушку, закрыла ей рот ладонью и вжалась в стену, затаив дыхание.

Вырываясь наружу, падая и снова вставая, на ринг арены помчалась целая толпа, которая ещё и по пути туда успела друг друга помять. Но не всех.

Часть бойцов пугающе неторопливо вышла из своих клеток. Они поозирались по сторонам, переглянулись и зловеще уставились на девушек. В их взгляде читался разум.

— Какая удача... — заговорил гладиатор в тяжёлой броне. — Похоже, сами небеса улыбаются нам! Вот уж не думал, что нам доведётся повеселиться и с ангелочком, и с демоном!

— Твоя похоть тебя погубит, Коул. Отступи. Последний шанс, — Ореанна рукой отстранила Нуру за себя и встала в боевую стойку. В коридор из открывшихся клеток вышли восемь бойцов угрожающего вида, опасных и проворных.

Тяжеловооруженные воины ступали осторожно.

— Смотрите, не попортите девок, парни! Кто первый завалит их, тот и начнёт!

Тройка в кожаной броне, расталкивая первых, с голодными глазами понеслась вперёд.

Ореанна приготовилась и выдохнула. Её движения стали точны и быстры.

Первого встретил кинжал в живот, и он, скорчившись, упал на пол. Второй хотел проскочить мимо, но ему на плечо рухнул меч, разрубивший его до груди. Меч застрял в рёбрах, но девушка предвидела это. Стоило ему скрипнуть и застыть, как она пнула мертвеца в грудь, освобождая клинок. Третий уже был рядом, и Ореанна, не замедляя движение меча, а лишь направляя его, рассекла живот снизу вверх, и, заскрежетав, лезвие остановилось в рёбрах. Меч впился в бойца, и тот рухнул на пол вместе с оставленным в нем оружием.

Гладиаторы в тяжёлой броне остановились. Их оттолкнули в сторону другие — бойцы в одних набедренных повязках на теле. Но они не были лёгкой целью, у них были копья.

— Нура, — обратилась к ней Ореанна тихим голосом, убирая меч в ножны за спиной, — как только я крикну, беги в ближайшую клетку и закройся там.

— А как же ты?

Ореанна исторгла боевой клич, Нура же, более не задавая вопросов, послушно ринулась к ближайшей клетке и, забежав внутрь, дёрнула решётку, опуская её до земли.

Тем временем выставленные копья понеслись на Ореанну. Та побежала от них, хотя бежать было и некуда — впереди был тупик. Копейщики глупо хихикали, но девушка и не думала останавливаться. Она прыгнула на стену, оттолкнулась от неё и изящно, словно пантера, кувыркнувшись в воздухе, оказалась позади мужчин. Копья с гулким стуком врезались острием в стену. Теперь был черёд Ореанны.

Резкое движение кистей, хруст шеи, ничего лишнего. Выхватив из рук умирающего копьё, она уклонилась от выпада второго, кувыркнувшись в сторону.

Встав на ноги, она швырнула копьё в оставшихся противников, которые, утратив к ней интерес, вздумали идти к Нуре. Копьё пробило дешёвый доспех, попав прямо в хребет латнику. Тот, схватившись за спину, просто рухнул на землю. Трое оставшихся бойцов испуганно оглянулись.

Ореанна вдруг издала жуткий рёв, крик её больше походил на рык зверя.

Обезумевшие воины вновь перевели внимание на неё.

Тем временем она шагнула прямо к последнему оставшемуся на ногах копейщику. Тот пытался достать Ореанну копьём. Остриё опасно приближалось к её животу, но девушка ударила рукой по древку, сразу за лезвием. Копьё ушло в сторону, этой же рукой она крепко вцепилась в него и что есть сил дёрнула на себя. Копейщик пытался удержать своё оружие, поддавшись вперёд, но не сумел. Копьё оказалось у Ореанны. Крутанув его в руках, она ударила древком гладиатору в лицо. Схватившись за сломанный нос руками, он по инерции запрокинул голову. Ореанна тут же нанесла новый удар, он врезался ему в подбородок. Хрустнула шея, треснула челюсть, а мужчина, потеряв равновесие, завалился на спину. Он шарахнулся затылком о пол и потерял сознание.

Противник был повержен и травмирован, даже добивать не было нужды, но она добила быстрым и точным уколом копья в шею.

Раздался крик Нуры. Мужик в доспехах вновь полез к ней и уже стал поднимать решётку клетки.

Ореанна, зарывав, перехватила копьё. Помещение, залитое кровью, наполнилось свистом. Брошенное копьё вонзилось прямо в спину врагу, но лишь ранило его. Спустя мгновение Ореанна оказалась рядом с ним. Вырвав неглубоко вошедшее копьё, она ударила его в сгиб колена ногой, схватила за плечо и швырнула лопатками на землю. Падая, он неловко взмахнул оружием, пытаясь достать её, но она изначально стояла со стороны безоружной руки. Он стиснул зубы. Он бы не смог дотянуться.

Ударом ноги девушка выбила у него из рук оружие, и последнее, что он увидел, — стремительно приближающееся копьё, которое спустя мгновение пронзит ему лицо.

Остался последний — в тяжёлых латах. Осторожный и терпеливый. Он не нападал, ожидая, когда остальные ослабят или вовсе победят Бестию.

Ореанна остановилась, между ними было четыре шага. Осторожно выставив ногу, она рванула вперёд, но лишь для того, чтобы следующим движением отпрыгнуть назад, выманивая на себя противника. Не получилось. Этот боец знал о возможной уловке. И рванул в атаку лишь тогда, когда она оказалась в воздухе.

Сердце Ореанны колотилось на пределе. Зарывав, она ударила копьём каменный пол, придавая себе больше скорости и отходя ещё дальше. А враг тем временем настигал её, занеся меч для удара. Дёрнув копьё на себя, Ореанна закрылась древком. Железо

встретилось с деревом. Ровно в этот момент Бестия из последних сил рванула копьё в сторону. Направление удара изменилось, меч ушёл прочь, едва не отрубив ей пальцы, копьё же разломилось на две бесполезные половины.

— Неплохо для шлюхи! — рассмеялся от азарта воин.

Они стояли друг напротив друга, и спустя некоторое время Ореанна выдала:

— Сам такой.

— Ты никогда не умела отвечать на оскорбления, кроме как боем! — воин замахнулся для удара, но вдруг перевёл атаку в выпад. Он хотел во что бы то ни стало растоптать нахальство этой бабы и одержать над ней верх, во всех смыслах.

Но та внезапно кинула обломок копья ему в лицо. Это отвлекло его лишь на мгновение, но этого было достаточно. Ореанна сделала шаг вперёд, перехватила его руку и рванула на себя, а когда они поравнялись, поставила подножку и толкнула его плечом.

Латник с грохотом рухнул на каменный пол. Он открыл глаза. Он ещё не сдался. Его взгляд, затянутый кровавой пеленой, устремился на девушку. Та стояла над ним, вцепившись руками в решётку. Железные прутья пробили шлем и вонзились в голову гладиатора. Тот завопил, забулькал и быстро стих.

Осмотрев себя, Ореанна заметила порез на боку: возможно, она была недостаточно быстра. Вздохнув, она направилась к клетке с Нурой. Та была на нервах. Бестия вздохнула, приготовившись к бредням людей, которым срывает крышу, когда кто-то рядом умирает.

— Ты цела?! Слава богам, ты цела! Ты одна победила целую толпу! — глаза Нуры блестели от наполнивших их слёз, но она сдерживала себя. — Я так рада, что ты цела! Тебе так повезло.

Ореанна, поднимая решётку, вдруг замерла.

— Везение ничего не значит. Фортуна может как повернуться к тебе лицом, так и задницей. Только опыт и тренировки. Запомни это. И не говори при мне больше таких глупостей. Они меня раздражают.

Нура осеклась, потупив взгляд. Скрывая улыбку, она кивнула и тихо сказала:

— Да, ты права.

Ореанна подняла и зафиксировала решётку, вошла внутрь клетки и положила руку на плечо Нуры. Та подняла голову, чтобы взглянуть в лицо Ореанне. Но на неё смотрел лишь железный шлем. Ореанна же ясно видела глаза девушки перед собой. Напуганные, смиренные, они сейчас были слегка прищурены, она явно что-то пыталась вспомнить. Разумеется, она ведь тоже оказалась под воздействием этого события.

— Почему ты не снимаешь шлем?

— Есть причины. И я не собираюсь их обсуждать. Отпирай дверь.

Нура поникла, кивнула и подбежала к двери. Ключ скользнул в скважину.

Отстранив послушницу в сторону, Ореанна сама взялась за ключ. Действительно, замок был тугим. Боясь, как бы ни сломать его, она сжала ключ всей ладонью и крутанула запястьем. Когда ключ хрустнул, девушки перестали дышать. В руках у Ореанны осталась лишь его половина. Хорошо, что дверь всё же успела открыться. Шумно выдохнув, Ореанна пинком высадила дверь. Дешёвый замок внутренних помещений разлетелся на осколки, зазвеневшие на полу.

Они оказались в мрачном, тесном помещении, заставленном стойками с оружием и доспехами, разными сундуками и ящиками. У одного из них был мужчина. Он лежал спиной на сундуке и, кажется, не дышал. Лужа крови растеклась по полу, а некогда белая рубаха

была багровой от пропитавшей её крови. В руках он стискивал наполненный мешок.

— Никого, — Ореанна убрала меч в ножны. Приблизившись к телу, она бесцеремонно вырвала из его холодных рук мешок и заглянула внутрь. Провиант, верёвки, молоток, горсть гвоздей, маленькая пила. Не похоже на улов воришки. Швырнув мешок обратно на пол, она направилась к стойке с доспехами.

Кирасы разных размеров, кольчуги всевозможной длины... На складе арены имелось если не всё, то многое из оружия и доспехов, до которых только мог дотянуться Дэви. Были даже диковинные доспехи из кожи. Пальцы, дрожа, плавно легли на холодный металлический нагрудник. Голова склонилась, Бестия замерла.

— Он ещё жив, — сказала вдруг Нура. Ореанна отвлеклась и оглянулась. Нура стояла над мертвецом и держала его за руку, нащупывая биение сердца.

— Не всё ли равно? — безучастно сказала Ореанна, но всё же присмотрелась к мужчине. И правда, он едва заметно дышал. Она считала, что была настороже, но упустила такую важную деталь. Что ж, по крайней мере он не представляет опасности. — Даже если ты каким-то чудом остановишь кровь и заживишь его раны, он слишком слаб, чтобы идти с нами или чтобы остаться... В любом случае, если ты вмешаешься, его ждёт более мучительная смерть, чем заснуть от потери крови. Если хочешь ему помочь — добей. А меня он не волнует.

Но Нура не могла просто так забыть о раненом человеке, брошенном на произвол судьбы. Она присела рядом с ним и положила руку ему на лоб. Его редкое дыхание стало чаще и тяжелее, он приоткрыл глаза и туманным взором взглянул на Нуру.

— Пошли, найдём Дэви, пусть разбирается со своей ареной, — сказала Ореанна. Не дожидаясь Нуры, она направилась к выходу. Глаза послушницы дрогнули, глядя на умирающего мужчину, она еле сдерживала слезы. Слишком многое произошло за последний час.

— Прости... — сказала она и, вскочив, побежала за гладиатором.

Следы слёз

Две девушки подошли к большим воротам, ведущим на улицу.

— Есть ключ от складских ворот?

— Нет...

Ореанна приблизилась к лебёдке и рубанула мечом цепи. Деревянный механизм, освободившись от оков противовеса, взвыл, закрутился и задымился. Противовес рухнул где-то позади, ворота же повалились на один бок, цепь заела. Открывающаяся дверь рывком остановилась, цепь напряглась, жалобно застонала и тут же лопнула. Звенья со свистом разлетелись по складу. Вторая дверь вырвала петлю и рухнула вперёд, с грохотом вывалилась на улицу, подняв непроглядное облако пыли.

— Зачем?!

— Хе. Ему одной проблемой больше, одной меньше, — издала смешок Ореанна.

Она взяла Нуру за руку и направилась к выходу.

Проходя сквозь облако пыли, девушки зажмурились, закрыли лица и почти что наощупь продвигались, стараясь не запнуться. Едва они вышли из облака пыли, как застыли на месте.

Всё вокруг пылало. По улице носились обезумевшие люди, они кидались друг на друга,

калечили, убивали. Небо окрасилось в бордовый цвет, облака почернели.

— Что происходит? — тихо спросила Нура.

Ореанна не ответила. Закалённый в боях гладиатор пребывала в ужасе. Безумие коснулось не только их арены, всё было куда страшнее.

Обезумел весь мир.

Один из домов на улице развалился, а из-под пыли и досок появилось чудовище. Это была гигантская толстая ящерица, её широкую голову венчали длинные рога, а вместо рта у неё был клюв. Передвигаясь на копытах, это чудовище раскалывало плитку. Монстр махнул хвостом и обрушил его на соседнее здание — на хвосте был здоровенный нарост, который тварь использовала как молот. И это чудовище было осёдлано.

На спине монстра восседал человек в чёрном балахоне и держал в руках посох.

Как только монстр остановился, всадник поднял посох, из него вырвался залп искр, а следом ударил луч ослепительного света. С пульсирующим гулом, встретив на своём пути стену, он в один момент разворотил её. Кирпичи, доски и мебель разлетелись в разные стороны. В середине разрушенной комнаты на коленях стояла женщина, она обгорала прямо на глазах, тонула в этом свете, не издавая ни звука.

Безумцы уже бежали со всей улицы к человеку на ящере. Луч перешёл на людей. Их разрывало на ошмётки, плавало и заставляло падать замертво от одного его касания.

Ореанна сглотнула ком, подступивший к горлу. Она почувствовала на себя взгляд. Холодный и жестокий. Взгляд надменный и уверенный. Всадник обратил на них своё внимание. Дальше всё для Ореанны происходило медленно и тягуче, как во сне.

Монстр неповоротливо разворачивался в их сторону. Пальцы Ореанны крепко вцепились в Нуру, ноги напряглись, она вдохнула полные лёгкие воздуха. А затем всё случилось разом. Из посоха мгновенно вырвался свет, который обрушился на место, где только что стояли девушки, но они уже неслись к ближайшему дому. Луч преследовал их по пятам, нагоняя.

Выбив незакрытую дверь плечом, Ореанна не стала прятаться, она помчалась сквозь весь дом к другому выходу. Преодолев узкий коридор и пару комнат, она, дрожа, замерла, понимая, что в этом доме больше нет выходов или окон. Сзади доносился топот чудовища и звуки уже рассыпающегося здания.

Спереди упала балка, едва не задев их. Луч оказался совсем рядом и прожёл в стене дыру. Ореанна толкнула Нуру и сама рухнула на пол, в щепки и осколки, которые тут же впились ей в голую кожу. Луч прошёлся прямо над ними. Крыша вздрогнула, оставшиеся балки не выдержали и полопались. Подскочив, гладиатор рывком подняла на ноги Нуру и кинулась с ней в дыру в стене.

Стоило им покинуть дом, как сзади обвалилась крыша. Они оказались во внутреннем дворе четырёх домов. Гул замолк, но луч смерти мог вернуться в любой момент. Она рванула к ближайшему окну, находящемуся буквально в паре шагов.

Дом позади исчез, оставив после себя лишь горсть руин и огромное облако пыли. Из этого облака доносились тяжёлые шаги ящера, за ними по пятам шёл преследователь.

Ореанна дёрнула Нуру к себе, та уже выбилась из сил. Обхватив её двумя руками, гладиатор прижала девушку к себе и прыгнула вместе с ней в окно. Стекло опасно зазвенело, но Ореанна приземлилась на ноги. Она окинула помещение быстрым взглядом. Обычный двухэтажный дом, сейчас ничего не привлекло её внимание, кроме одного.

В метре от них стоял заплаканный мальчишка лет шести. В руках он держал

окровавленный колышек. В его глазах без усилий читался ужас, рот начал раскрываться для крика. Ореанна толкнула Нуру на пол. Подхватив осколок выбитого стекла, она сжала его в руке и одним движением подскочила к мальчишке, полоснув ему по горлу. Тот вздрогнул всем телом, выронив деревяшку. Оставив стекло у него в горле, Ореанна схватила его и закрыла ему рот ладонью, на которую тут же хлынула кровь.

Глаза Нуры остекленели от увиденного, голова закружилась, ей сделалось дурно. Ореанна приложила окровавленный палец к шлему. Если их сейчас услышат, всё кончено. Затем она осторожно, как тень, выглянула краем глаза в окно.

На руинах дома, через который они до этого бежали, топталось чудовище, а всадник вертелся на месте, пытаясь выследить своих жертв. Его взгляд опустился на дом, в котором они спрятались. Дверь была в порядке, рядом было разбито окно. Впрочем, в окружающей обстановке это не выглядело чем-то необычным. Решив, по-видимому, что они просто не успели выбраться из дома, всадник схватил поводья, намотал их на руку и дёрнул в сторону. Чудовище тихо взвыло и, развернувшись, поплелось прочь.

Ореанна шумно выдохнула и, отшвырнув от себя труп ребёнка, осела на пол под окном. Теперь угроза их жизням ненадолго отступила и можно было передохнуть. Гладиатор заметила, что дом, в котором они укрылись, был довольно богатым, раз его владельцы позволяли себя ковры и резную мебель. Это было странно, но не так уж необычно для этих трущоб. Правда, теперь ковёр был залит кровью мальчишки, который сжался на полу, держась за горло.

Нура кинулась к ребёнку, с ужасом смотря на горло, из которого выходили последние капли крови. Он не шевелился.

— Это бесчеловечно... — тихо всхлипнула Нура, не в силах сдержать слезы. — Ты его убила! Зачем?!

— Затем, что этот мальчишка собирался кричать, — сквозь шлем голос гладиатора звучал ещё более отрешённо и незаинтересованно. Как будто она рассказывала прописные истины. — Если бы та тварь услышала нас, мы бы все втроём сгорели заживо.

— Но ты могла его просто оглушить! — в слезах шептала послушница.

— Я могла не успеть или попросту не достать. Мне и так пришлось использовать подручные средства, — сказала Ореанна, взглянув на порезанную ладонь.

— Ты чудовище!

— Спасибо.

— Ты опытный воин, — не унималась Нура, — неужели нельзя было никак решить сложившуюся ситуацию без убийства?!

— А зачем?

Нура смотрела прямо в прорези шлема. Она знала эту женщину, по крайней мере, так казалось. Мысли всё ещё были спутаны, не только от волны безумия, но и от безумия, что происходило прямо сейчас. Но Нура чувствовала, что что-то связывало их. Тёплое чувство, согревающее сердце, когда она вглядывалась за этот надоедливый шлем, пытаясь встретиться глазами со своей спасительницей и детоубийцей. Она рисковала жизнью ради неё, и это был не просто каприз. Она хотела её спасти. И возможно, это спасло их обоих. Но что её связывало с этим чудовищем — она не могла сказать.

— Значит... — вытирая слезы, шептала Нура, — если потребуется, ты и меня бы убила?

— Если потребуется, — без промедления и тени сомнения сказала гладиатор.

Странно, но этот ответ не испугал Нуру. Она даже чему-то усмехнулась. Нервы уже не

выдерживали происходящего.

— Пока я твоя должница. Ты спасла меня от безумия, которое наводило арену и всё вокруг. Я отплачу тебе тем же. Я позабочусь о тебе, я доберусь вместе с тобой до безопасного места, а затем... — Бестия повернулась к послушнице, — каждый из нас пойдёт своей дорогой. Пока мы задержимся в этом доме. Я понаблюдаю за двором. Не думаю, что всадник на чудовище единственная угроза.

Сверху раздался тихий стон: слишком тихий, чтобы его издал человек, но слишком громкий, чтобы списать его на скрип мебели.

Нура вздрогнула, повернувшись в сторону коридора. В его конце была лестница. Стон донёлся сверху. Ореанна молчала. Кажется, она ничего не услышала. Нура бросила взгляд на неё.

У Ореанны была рана в боку, она всё ещё кровоточила, но гладиатор не обращала на это никакого внимания. Не говоря уже о многочисленных царапинах и порезах по всему телу от щепок и стекла. Затаившись, она выискивала опасности за окном, и этот стон её не волновал. А значит, его слышала только Нура. Здесь что-то нечисто, и Ореанна не знает об этом. Она уже столько раз спасла её, Нура должна ей отплатить тем же.

— Я осмотрюсь... — голос послушницы дрогнул. Она метала свой взгляд всюду, надеясь, что он зацепится за что-то, чем можно перевязать рану или использовать как оружие. Но внизу всё было грязно и негодно, а брат окровавленный колышек ребёнка она не решалась.

Вновь сверху раздался тот холодящий стон. Не показалось. Ореанна вновь не обратила на звук никакого внимания. Нура дрожала. Она знала, что должна подняться наверх и всё разузнать, пока на них не напали внезапно. Она направилась к лестнице.

Ступени зловеще скрипели под ногами, и Нура крепче сжала кулаки. Не то что бы она была способна и готова драться, но всё же это вселяло хоть сколько-нибудь мужества. Осторожно выглянув на площадку второго этажа, она затаилась. Никого. Снова стон. Сердце бьётся быстрее. На площадке три двери. Одна была пробита и вела на балкон. Наружу Нура совершенно не хотелось. Правая дверь была заколочена. Снова стон. Совсем рядом, из последней двери, слева. Осторожно приблизившись к ней, она положила руку на дверь, задержала дыхание и, стараясь не издавать ни звука, приоткрыла её.

Это была грязная спальня, вся забрызганная кровью. Шкаф валялся на полу. Стены были исцарапаны, стол проломлен. И среди всего этого бардака взгляд цеплялся за единственную вещь. За часть белоснежного платья. Оно было испачкано кровью человека, который был одет в него. Немолодая женщина, возможно, хозяйка дома. В её груди была дыра, из раны выглядывали деревянные занозы, а остекленевшие глаза были открыты. На горле у неё был порез, заливший кровью большую часть платья. А в руке у неё был кинжал.

Холодок пробежал по спине Нуры, когда она вспомнила окровавленный колышек в руках у мальчишки и уверенные слова Ореанны: «В доме больше никого нет». Она знала? В любой другой ситуации послушница бы просто захлопнула дверь и помчалась прочь, криком зовя на помощь. Но сейчас некуда бежать и некого звать на помощь. К тому же, несмотря на всё происходящее, взгляд Нуры зацепился за это платье. Она любила красивые наряды, но сейчас причина была другой. Из чистого куска платья получились бы какие-никакие бинты.

Девушка заметила что-то в руках погибшей. Нож. Переливающийся на свету, с резной рукоятью, а главное — наверняка острый. Нож бы ей пригодился. Руки Нуры тряслись, она вынула кинжал из рук женщины. Они были холодными, но ещё не очерствели. Закрыв глаза,

она быстро задыхалась, дрожь пробивала её всё сильнее и сильнее. Нура не хотела об этом думать. Наклонившись, она взяла подол платья и отрезала кинжалом кусок.

Её слух успокаивал треск разрезаемой ткани. Непроизвольно улыбнувшись, она открыла глаза. И встретила лицом к лицу с трупом: тот больше не лежал, а, приподнявшись, сидел напротив неё. Едва сдерживая крик, она оступилась и упала. Мёртвые глаза были прикованы к ней взглядом, пробирающим до самой души. Сжавшись на полу, она обхватила обеими руками кинжал, который задрожал ещё сильнее.

Стон вновь наполнил пустой дом, и теперь Нура с содроганием осознала, откуда исходили эти звуки. Эти душераздирающие стоны издавала эта женщина, хоть губы её и не шевелились, сама она не двигалась и оставалась мёртвой — эти загробные вопли исходили от неё.

Не желая больше ни секунды проводить в этой комнате, Нура, спотыкаясь, помчалась к выходу. У самой двери она бросила взгляд назад. Тело женщины лежало точно в таком же положении, в каком оно было, когда девушка вошла сюда.

Выйдя из комнаты, Нура не смогла больше сдерживаться. Закрыв лицо руками, она вся задрожала. Её ноги подкосились, и она рухнула на колени, бесслётно зарывав. Истерика захватила её, а страх сковал. Ещё вчера она ела сладости и мечтала о светлом будущем, а сейчас вынуждена мародёрствовать, чтобы детоубийца, что спасла ей жизнь, не истекла кровью. И она ни на что больше не способна. Несмотря на все её старания и труд. Почему же ей так не везёт?!

Очередной всхлип стал последним. Сознание прояснилось. Она вспомнила отчётливо, что она — служительница храма Смерти, подопечная епископа Лукреции. Да, она всегда была трусихой, неумёхой. Но она старалась изо всех сил. И это принесло свои плоды. Пусть она и осталась тем, кем была, но всё уже не так, как прежде. Она слаба, мягкосердечна и эмоциональна. Мир живых столкнулся с миром мёртвых, но это происходило не как в священных писаниях, а гораздо страшнее. И живые позавидовали мёртвым, и мёртвые восстали среди живых. Возможно, имелись в виду не упыри, а нечто другое. Более духовное.

Её глаза, которые до этого дрожали, просияли.

Пусть так. Она может помочь. Она достанет для Ореанны бинты и обработает её раны. Нет смысла сокрушаться о тех, кого ей не удалось спасти, пока есть живые, которым она может помочь. Не в благодарность Лукреции, не в исполнение долга. А по собственной воле.

Она поднялась, хотела было сделать шаг, но остановилась.

Ещё не всё. Она послушница храма Смерти. И она может помочь не только живым.

Дверь в жуткую спальню отворилась. Повсюду был бардак и хаос. Труп женщины всё так же лежал на кровати с открытыми глазами. Теперь Нура отчётливо слышала. Это были не единичные стоны. Это были всхлипы. В воздухе еле слышимо повис непрекращающийся плач.

Подойдя к женщине, она не чувствовала больше страха. Лишь печаль и сострадание разрывали ей сердце. Нура положила руку ей на глаза. Закрывает свои.

— Владычица загробной жизни, услышь мою мольбу. Явись к этой заблудшей душе и яви ей свою милость и свои Чертоги.

Она провела рукой по её глазам, те послушно закрылись.

До этого дня она не до конца верила в церковь и ритуалы, которым училась. Но сейчас плач затих. По комнате прокатился всхлип, а за ним последовал вздох. Это не был вздох облегчения. Смирение, сожаление, муки — вот, что звучало в нём. Но вскоре и он

растворился в воздухе и затих.

***

— Я принесла ткань, перевязать рану, — сказала Нура, усевшись на пол и разрывая ткань на бинты.

Ореанна повернулась к послушнице. Секунду пребывая в недоумении, она мотнула головой, словно выходя из транса, и осмотрела себя. Она и забыла, что была ранена. Дотронувшись до пореза, она зашипела. На кончике пальца осталась кровь.

— Это просто бинты, без лекарств и трав, они только остановят кровь. Потом обязательно нужно обработать раны, может пойти заражение.

Бинты, наложенные Нурой, сделали своё дело, кровь остановилась. Ореанна с облегчением вздохнула и, положив руку на голову послушницы, растрепала её светлые волосы, неспециально испачкав их в саже и крови.

— Спасибо.

Нура внимательно всмотрелась в глубины шлема. За тонкой щелью стальной маски было не различить эмоций, не было видно даже глаз. Что она сейчас чувствует? О чём думает? Куда обращён её взгляд? Нура не знала. Она не знала даже то, кто этот человек. Мимолётное чувство, что они были знакомы, мгновенно развеивалось страхом перед этим человеком, способным убить ребёнка, возможно, не моргнув и глазом. Но тем не менее она спасла её с арены. Она защищает её, хотя ей проще было бы её просто бросить. Нура ощущала животный ужас перед ней. Но было чувство, что встало над всеми остальными. Благодарность. Она должна довериться тому, кто рискует ради неё своей жизнью, и без сомнений следовать за ним, если не помогая, то хотя бы не мешаясь под ногами.

Снаружи раздался треск, и дружелюбные руки, только что трепавшие Нуре волосы, обратились в хищные когти, которые с силой прижали её к стене.

Ореанна подняла палец к шлему и выглянула в окно.

Какой-то пухлый мужик по глупости выбежал на середину дворика и пугливо стал озираться вокруг. Но надолго он там не задержался. Окно соседнего дома разлетелось на куски, и из него выскочило жуткое существо. Быстро оказавшись на земле, оно рвануло к мужику. Злобная костяная голова не имела кожи и блестела выбеленными костями. В пустых глазницах твари горело пламя, а зубы её жадно клацали.

За пару мгновений оказавшись возле своей жертвы, огромное собакоподобное существо повалило человека мощными длинными лапами, локти которых возвышались у него над спиной. Испуганный крик мужчины сменился предсмертным, когда пасть чудовища сомкнулась на его шее, перекусив её. Следом последовал хрип и чавканье.

Ореанна внимательно следила за ними, впитывая каждое движение. Чудище остановилось, и, прежде чем оно подняло голову, Ореанна скрылась.

Успокоившись, она украдкой выглянула, боясь увидеть прямо перед собой пасть твари. Но всё обошлось: чудовище терзало труп, не обращая ни на что другое внимание.

— Нам пора уходить, — тихо раздалось из-под шлема.

Всего лишь человек

Тем временем из заросшего плющом окна на центральной улице трущоб виднелась такая же жуткая картина. Обезумевшие люди носились по дорогам, нападая друг на друга. Они сбивались в кучи, толкались, лезли даже по спинам и головам.

Затаившись с топориком в руках, из этого окна выглядывал Дэви. То, что его трактир не пользовался популярностью и был скрыт в плюще, стало спасением. Сегодня, как и во многие дни до этого, посетителей не было.

Напротив двери, заваленной скамьями и столами, сидел старик, поджав под себя ногу и держа на коленях копьё. Он привалился спиной к стойке, медленно и глубоко дышал, закрыв глаза. В углу, обняв колени, сидела девушка. Рядом с ней на полу лежал кинжал. Все трое молчали.

Каждый из них по-своему не верил в происходящее и пытался осознать, что это всё не сон. От мысли, что все люди в городе уподобились животным, кружилась голова. Так прошло некоторое время. За это время внутри таверны не проронили ни слова, как вдруг в тишине раздался охрипший шёпот Дэви.

— Я так и думал, — не ожидав, что кто-то заговорит, его работники вздрогнули. — Не мы одни избежали подобной участи, — сказал он и рукой подозвал их к окну. Переглянувшись, украдкой, стараясь не шуметь, Шафран и старик подобрались к окну

Сейчас на улице было на удивление спокойно, несмотря на то что она была наводнена безумцами. Люди шли, подворачивая и волоча за собой ноги, не обращая внимания на раны и болезни, толкались и сбивались в кучу. Они блуждали без цели, как рыбы в пруду. В остальном толпа была обычным сбродом, коего на центральной улице трущоб набивается множество. Дэви нахмурился, пытаясь всмотреться в лицо хоть кому-нибудь, но быстро оставил эти попытки. Он не мог. Не хотел. Скручивающий ужас вцепился в его нутро. Он боялся взглянуть в лица этих безумцев. От мыслей, что он может увидеть проблеск человечности в этих глазах, его бросило в пот. Да и если они встретятся взглядом, их скромное убежище тут же будет обнаружено.

— На улицу вышли не все. Учитывая близящийся обед и отгремевший сегодня бой на арене, в такое время толпа должна была бы быть раза в четыре больше. А значит, эта самая недостающая часть забилась по домам, как мы, и прячется. Либо на улицах не все безумцы, либо все остальные уже... — он не договорил.

Откуда-то раздался громкий хруст. Звук, пронёсшийся по улице, волной встрепенул всех безумцев. Вздёрнув головы, они повернулись по направлению к его источнику. В одном из мраморных домов мелькнуло движение. Этого им хватило. Завывая, шипя, издавая неприятные и жуткие звуки, толпа заковыляла к дому. С каждым шагом в их движениях прибавлялось прыти. И возле дома они уже бежали. Оправдывая своё название, безумцы высадили дверь, но напоролась на баррикады. Тогда один из них запрыгнул в окно, разбив то на осколки. За ним последовали остальные. Поднялся крик. Они вытащили на улицу человека и поволокли его куда-то за ногу по земле. А остальные провожали их взглядом, нервно подёргиваясь, успокаиваясь и начиная вновь бесцельно блуждать.

Дэви отлип от окна и сел на пол, вытирая пот рукой. Он ошибся. Они все ошиблись. Прячется по домам — это не выход. Любой звук: от скрипнувшей половицы до упавшей ложки — и конец. Эти твари ворвутся внутрь.

Оставаться в доме явно опасно. Вывод очевиден: нужно спуститься в подвал. Там, с запасом еды, воды и вина, можно просто переждать, пока эти твари передохнут от голода или жажды. Они явно потеряли разум, а найти воду в трущобах подчас сложнее, чем работу, особенно учитывая, что они окружены морем.

Отлично. Это выход. Определённо, им нужно всего лишь спуститься в подвал, но прежде раскупорить воздушную трубу. А дальше, если дела пойдут плохо... нет. Дэви прекрасно знал, что ему нужно сделать, чтобы спасти свою шкуру и шкуры своих работников. Но он не сделал ещё ни одного шага, ни один мускул в его теле не дрогнул. Он лишь думал об этом. Он не мог так поступить. Образ того, как человека волокут безумцы по улице, прочно засел у него в голове. Не у всех есть подвал, а если и есть, то там точно нет запаса еды и воды. И, казалось бы, его это не должно волновать, но его это беспокоило. Скольких ещё эти твари выволокут? Сколько ещё людей вот так сидят у окон, затаившись, ожидая собственной гибели? Но это их дела, каждый сам за себя, у него и так есть люди, о которых он должен позаботиться.

Ему на плечо легла рука. Он перевёл взгляд. Девушка смотрела на него и улыбалась. Он перевёл взгляд на старика, тот, закрыв глаза, кивнул. Пусть его товарищи и были немые, но они понимали его без слов, как и он их.

— Проклятие, Карл! Ты же понимаешь всё, не так ли? Мы никак не можем помочь другим людям.

Старик перевёл взгляд на вывеску их заведения.

«Действительно, это не наше дело. Судьба человека в его руках, и мы никогда не вмешивались в это. Но мы, оставшиеся без крова, как никто знаем. Не нужно спасение. Не нужна протянутая рука, слова сожаления и всё прочее. Иногда достаточно иметь место, где можно отдохнуть, перевести дух, хорошенько выпить и найти работу, чтобы протянуть до завтра. Не так ли?» — вот о чём говорил взгляд старика. И Дэви знал это. Сдерживая смех и дрожа от страха, он поник головой. Ладонь сама легла на плечо, почерневшее и изуродованное ожогом.

Что ж, кажется, его таверна вновь станет убежищем для многих заблудших душ, но, окинув взглядом своё заведение, он быстро понял, что это не выход. Им нужно было место, куда люди бы смогли добраться, при этом оставаясь незамеченными или недосыгаемыми для безумцев. Место, где они смогли бы держать оборону и спокойно ждать конца этого хаоса.

У Дэви перехватило дыхание. Несбыточная мечта, порождённая полётом фантазии, эхом отозвалась в его памяти. Есть такое место! Маниакально припав к окну, он обратил свой взгляд на арену. Величественное сооружение, ломящееся от оружия, доспехов, припасов... и кровожадных гладиаторов.

Улыбка сползла с лица Дэви. Он понял, что арена просто кишит безумцами и в обычный день, а сейчас соваться туда было бы самоубийством. Нужен был другой вариант. И он тоже имелся, выглядывая своей высокой башней из-за арены. Старый рынок, развернувшийся во дворе древней крепости у обрыва.

Там торговали бракованным снаряжением армии, и какая-никакая охрана там имелась. Денег на реставрацию никто не выделял, но и по камням здание не растаскивали. Отдалённое, нелюдимое место, не пользующееся особой популярностью у кого-то, кроме любителей спускаться в подземелья, могло стать их спасением.

Решено. Он не будет забиваться, как крыса, в подвал. Сейчас многие застыли от страха, припав к окнам, ожидая своего конца или знака, символа, события, хоть чего-нибудь, что

разожгло бы в них веру в завтрашний день. И неважно, кто зажжёт этот огонь.

Не в силах сдержать улыбку, вызванную скорее страхом, Дэви скомандовал:

— Собирайте вещи, мы направляемся в форт!

Но старик лишь помотал головой.

— Старик? — спросил Дэви, но тот лишь упёрся о колени и сухо усмехнулся. Показав знаком, что с ним всё хорошо, он жестом приказал им подождать и направился в сторону лестницы на второй этаж, прихватив с собой бутылки. Дэви подумал, что он что-то забыл или собирает вещи, но все его мысли и сомнения развеялись, когда на крыше скрипнула черепица, а спустя мгновение на улице послышался звон.

По старой памяти у трактирщика сжалось сердце. Это были драгоценные вина из самых дорогих коллекций. Разлетевшись об мраморные плиты дороги, они тут же стали привлекать внимание безумцев. Как дикие животные, они стали кидаться в сторону звона, который каждый раз всё удалялся.

У девушки на лице застыл испуг. Она бросила взгляд на крышу, бессильно и беззвучно открыв рот.

Нахмурившись, Дэви схватил девушку за руку и вместе с ней направился к двери, но девичья рука вдруг наполнилась силой и вырвалась из хватки. Дэви обернулся. Девушка тяжело дышала, глаза метались, а пальцы были напряжены.

— Шафран! Успокойся. Это его выбор. Если мы сейчас прибежим к нему наверх, мы всё лишь испортим! Доверься ему! — Дэви снова схватил её руку. Всё ещё напряженная, но более не вырывающаяся, она последовала за ним.

Приоткрыв дверь, Дэви выглянул из-под покрова плюща на улицу. Чисто. У них мало времени.

Набрав полную грудь воздуха, он прошептал:

— Пошли!

Выскочив на улицу, у него кровь застыла в жилах. Он будто снова оказался на войне, перебегая побоище, куда с минуты на минуту должен обрушиться град стрел. Сердце неистово колотилось, руки тряслись, но им ничего не угрожало. Девушка споткнулась. Длинное платье не выдержало широкого шага, заданного Дэви, и она рухнула, успев приземлиться на руки. Этого хлопка ладонями о грязную мраморную плитку оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание.

Часть безумцев оглянулась и заметила людей. Завопив, они, как стайные животные, передали знаки и перестали реагировать на бутылки. Они всем скопом, подобно наводнению, бросились к ним.

Выругавшись, Дэви подхватил девушку под талию и что было сил помчался в дом напротив.

Ворвавшись внутрь, он тут же осмотрелся. Лестница наверх, убогая комната, дверь в другую комнату. Никого. Его мечущийся взгляд зацепился за шкаф. Ухватившись руками, он повалил его к двери, в которую тут же стали ломиться. Шкаф, падая, продавил деревянный пол и сейчас упирался, не давая открыть дверь. У них мало времени, скоро психи найдут другой вход. Его взгляд метнулся к девушке. Та, наклонившись, вынула из сапога нож и отрезала подол платья.

— На лестницу!

Они, не теряя времени, стали подниматься по старым, скрипучим ступеням, когда позади раздался звон бьющегося стекла. Слишком быстро! Они только успели подняться до

последнего пролёта, как подножие лестницы тут же заполнилось людьми с безумным взглядом.

Дэви на секунду замешкался, думая о том, как их остановить. И в этот самый миг его схватили за грудки. Девушка с полными стали глазами втокнула его в комнату второго этажа и встала в боевую стойку, направив на него нож. Дэви знал этот взгляд. Подскочив, он рванул обратно к ней. Девушка явно была озадачена и находилась в ярости от подобного действия. Теперь уже Дэви одной рукой схватил её за плечо и затолкнул внутрь.

Тем временем безумцы поднялись до верхнего этажа.

Зарывав, Дэви с размаху ударил ближайшего психа по лбу. Раздался глухой хлопок, и безумец, закатив глаза, обмяк, попятился и упал на позади идущих. Он не повалил их, лишь задержал, и его стало поднимать толпой наверх, а Дэви же ухватился обеими руками за дверь, закричал от напряжения и рванул её вверх и на себя. Петли не выдержали, и дверь оказалась у него в руках.

— Не жертвуй собой понапрасну, дура! — взревел он и швырнул массивную дверь на лестницу. Не выдержав такого удара, все на ней покосились и единой кучей повалились до самого низа.

Утерев пот, застлавший глаза, Дэви понял — он выиграл лишь немного времени. Кажется, на улице собрались вообще все психи, и сейчас они уже снова поднимались по лестнице, карабкаясь и мешая друг другу.

Он быстро зашёл внутрь комнаты. Девушка смотрела на него испепеляющим взглядом, но щеки её заливал румянец. Он подал ей руку, но не стал останавливаться. На ходу поднимая её, он направился к окну. Бросив на него взгляд, он увидел близко свисающий карниз.

Дэви снял с себя куртку, быстро намотал её на руку, затем вышиб стекло и, мотнув головой, приказал девушке следовать за собой. Ступив на окно, он прыгнул вверх, одновременно оборачиваясь. Ему удалось уцепиться руками за карниз. Травмированное плечо, которое, казалось, никогда не заживёт, пронзила острая боль.

Шафран медлила, но беснующиеся позади люди придали ей решимости. Она последовала примеру Дэви. Ступив на окно, она так же прыгнула и зацепилась за карниз. Тот жалобно скрипнул... и лопнул. Время для девушки словно остановилось. Она бросила взгляд вниз: два этажа полёта и жёсткий пол, а затем за ней придут. Жадно хватая руками воздух, более инстинктивно, она и не надеялась ухватиться за что-то.

Но Дэви ухватил её.

Вися на одной руке, он, рыча, стал поднимать её. Его кости и суставы захрустели, а рык перешёл в крик, но он всё-таки смог поднять девушку наверх. Выдохнув и отдохнув секунду, он стал подниматься следом. Лишь секундное промедление, как в окне показался безумец, который тут же схватил его за сапог и стал тянуть внутрь.

— Пошёл ты! — пророкотал Дэви и смачно ударил второй ногой ему по лицу. Схваченная нога тут же выскользнула из сапога. И Дэви одним рывком поднялся наверх.

Повалившись на спину, он со свистом выдохнул, переводя дух.

Руки дрожали, он тяжело дышал и готовился рассмеяться от напряжения. Вдруг, изменившись в лице, он вскочил на ноги и бросил взгляд на крышу своего трактира. Там никого не было. Скупо улыбнувшись, склонив голову и прикрыв глаза, он обратился к своей спутнице:

— Пошли. Мы без проблем доберёмся до форта, на крышах безопасно... пока что, — бросив последний взгляд через плечо на опустевшую крышу трактира, он отвернулся и

направился дальше.

***

Для этих двоих, крадущихся по крышам, труппы представляли в новом свете. Некогда оживлённые улицы теперь были наполнены людьми, бесцельно снующими или вовсе стоящими, упёршись в стены. Их лица застыли без эмоций, а движения были дёргаными, будто ими управлял неопытный кукловод. Но чем дальше они уходили от центральных улиц, тем меньше становилось людей. Они жались друг к другу, как насекомые, стекаясь к центру со всех окраин. Дэви это пугало, но он не показывал виду. Или, по крайней мере, ему так казалось.

Когда они подошли к форту и были вынуждены спуститься с крыш, вокруг уже никого не было. Только одинокие трупы изредка встречались, валяясь прямо посреди улиц.

Форт был уже прямо перед ними. Каменная башня, покосившаяся, подпираемая сваями, но всё ещё не рухнувшая, будто символизировала их собственный настрой, готовый рухнуть в любой момент, но по какой-то причине всё ещё не сделавший этого. Потрескавшиеся стены с зияющими в них дырами, слой пыли и грязи на уличных плитах. Здесь явно никого не ждали и ничего не ждали от этого места. Но всё же здесь был человек. Испуганный, нервный, всё ещё в разуме. Он стоял в открытых воротах, опираясь на окровавленное копьё, а вокруг него валялись немногочисленные трупы обезумевших людей.

Завидев приближающуюся парочку, он подскочил, перехватил копьё и взвизгнул.

— Назад! Не приближайтесь! — сорвавшись на последнем слове, он выпучил глаза и покрепче сжал копьё. — У меня приказ!

— Успокойся, дружище... — начал было приближаться к нему Дэви, подняв руки в локтях.

— Ты мне не друг! — рявкнул человек, выставив вперёд копьё.

— Хорошо, как скажешь, — остановился Дэви, — не нервничай.

— Я не нервничаю!

— Ох... — Дэви вздохнул. — Послушай, как ты, наверное, мог заметить, что-то странное происходит вокруг, и нам нет нужды кидаться друг на друга с оружием.

— Странное?! — завопил стражник, его голос надломился. — Ты это называешь странным?! Посмотри вокруг! Люди с ума посходили!

— Послушай меня! — повысил голос Дэви. — По твоей крутке я вижу, что ты из стражи. Тебя наверняка послали сюда по заданию охранять эти руины форта. Забудь об этом, как и забыли о тебе те, кто отдал тебе этот приказ! Мы здесь сами по себе, сохранившие самообладание, не утратившие рассудок. Опустить своё копьё, и мы вместе спокойно обсудим, что нам делать дальше.

— Заткнись! Я на службе! — стал верещать стражник. Он совершенно не слушал, что ему говорят. Разочаровавшись, Дэви махнул на него рукой. По крайней мере, так выглядело со стороны и так показалось стражнику. Он слишком поздно услышал свист камня и, даже не заметив его, сразу же увидел звёзды. Он упал на землю, распластавшись на спине. Из головы у него капала кровь, но он всё ещё дышал.

Девушка, округлив глаза, прижала руки к груди и метнула испуганный взгляд на Дэви. Тот пожал плечами и грустно улыбнулся.

— Я предполагал, что этим всё и закончится. Давай зайдём, и ты свяжешь этого бедолагу, — высказался Дэви, качая головой и снимая с себя верёвочный пояс. Подобрал копьё, а заодно и самого дезориентированного стражника под руки, они вошли в форт.

Опустив стражника у стены, предположительно, барака, Дэви, опираясь на копьё, сделал пару шагов к колодцу в центре, подпёр бока руками и прищурился.

Несмотря на удручающий вид снаружи, внутри эти руины всё ещё могли походить на укрепление. Конечно, в стенах зияли дыры, во дворе росли метровые сорные травы, кладка колодца в центре осыпалась, а крыши барака и склада обвалились внутрь, но всё же называть руинами подобное место было грубостью. Ведь даже башня пока что-то не рухнула! Укрепление в удручающем состоянии всё ещё остаётся укреплением. Дэви оценивающим взглядом прогуливался по форту, когда ему на плечо положила руку Шафран.

— А? Что? — спросил Дэви. Вопрос отпал сам собой, когда он обернулся. Связанный ремнём стражник не издавал ни звука, но уже пришёл в себя. Из-под нахмуренных бровей, с одной из которых капала кровь, он смотрел на Дэви.

— Итак, ты уже готов трезво смотреть на ситуацию или всё ещё собираешься быть в плену пьянящих безответственностью приказов?

Стражник был довольно молод, у него даже не начала ещё расти щетина. Он встретился глазами с Дэви, сплюнул и заговорил.

— Смотреть трезво на что? На то, что нам всем конец? Все обезумели. Нам не выбраться, а за нами никто не придёт. Даже если мы решимся сражаться, без рыцарей нас просто задавят количеством!

— Допустим, я — рыцарь, — сказал Дэви.

— Это правда? В твоих словах нет лжи?

— Тебе действительно сейчас это важно? — улыбнулся Дэви. Стражник впал в замешательство. Нахмуренные брови сползли к переносице, взгляд обратился куда-то вдаль. Он не сдержал нервный смешок.

— Что ж, действительно, ты прав. Я поверю тебе, рыцарь. Однако наш конец уже предрешён, нам не выстоять против всего города, нам не победить. Сражаться бессмысленно.

Дэви набрал полную грудь воздуха и направился прямо к нему быстрым шагом. Остановившись рядом, он присел на корточки перед связанным.

— А ты у нас всегда сражаешься за смысл? Смысл нужен воеводам, чтобы оправдывать войну. Смысл нужен монархам, чтобы скреплять им свои слова. Нас же с тобой всё это высокопарное дерьмо не касается никоим разом, у нас и своего по колено. Мне казалось, что такие, как мы, сражаются вовсе не за какой-то там смысл, а за завтрашний день, который не наступит, если мы опустим руки!

Сорвав со стражника плащ, Дэви с копьём наперевес направился к башне.

Стражник остался сидеть, опустив взгляд в землю. Шафран, метнувшись взглядом от него к Дэви, поспешила пойти за последним.

Тот распахнул дверь башни. Покосившаяся, разбухшая дверь открылась под вопль заржавевших петель. Винтовая лестница, идущая наверх, не внушала доверия, не имела многих ступеней, но это никак не могло остановить Дэви. С плащом и копьём в руках он ступил на заскрипевшую лестницу.

— Шафран, идти за мной будет опасно. Впрочем, — горько усмехнулся он, — как и всегда. Тебя же это не остановит, да? — он обернулся к ней.

Девушка улыбнулась ему краями губ, в её глазах играл огонь.

— Спасибо, — ответил Дэви.

Сделав пару шагов, он остановился и вновь оглянулся. Она всё так же смотрела на него, нахальная улыбка не сходила с её лица, вдобавок она сложила на груди руки и склонила голову.

— Что такое, Шафран? Я чувствую в твоих глазах вопрос: почему же меня не охватывает паника? Почему сейчас на моём лице нет места страху, как на лице того солдата? Да всё потому, что я старый идиот, и ты это прекрасно знаешь. Старый идиот, которого всегда приходится тыкать носом в его ошибки. И этот парнишка напомнил мне важную вещь...

Отвернувшись от неё, он тяжело вздохнул и начал подъём по готовящейся рассыпаться лестнице.

— Когда каждый проклятый день ты обречённо тащишь на своём горбу свою ношу, то как бы ты ни храбрился, какие бы горы ни готовился свернуть, самый коварный твой противник раз за разом будет травить тебя. Твоя воля — твой щит и меч, они отразят любую напасть, позволят тебе идти вперёд и победить любого врага. Но...

Он остановился, поставив ногу на следующую ступень, но так и не сделал шаг. Он облокотился о стену, положив ладонь руки на лицо, и коротко, горько рассмеялся.

— Самый твой главный противник, с которым приходится сражаться каждый день, которому нельзя проигрывать и победить его нельзя... Это ты сам. Твои сомнения. Твой страх. И когда всю жизнь ты ведёшь изматывающий бой, то от пены и пота глаза перестают видеть путь. И вот ты уже бредёшь во тьме, считая, что у тебя нет другого пути...

Шафран, стоявшая на несколько ступеней ниже, отвела взгляд. Дэви утёр лицо.

— Не нужно думать, Шафран, что люди слабы и сами жаждут этой тьмы... просто... мы привыкаем. И та боль, против которой мы готовы были биться до конца, очень скоро может стать терпимой, а затем и вовсе родной. Погружаясь в этот терновник допущений, в этот затхлый подвал смирения, ты забываешь... забываешь даже то, о чём поклялся помнить! О чём думал, что никогда не забудешь! — Дэви с силой ударил кулаком люк на вершину. Старая древесина лопнула, а петли вырвало. Он тяжело задышал и, выпрямившись, помедлил с подъёмом. — И когда ты обнаруживаешь, что твоя путеводная звезда остыла в твоих ладонях жалким углём, ты прижимаешь его к груди с чувством разъедающей благодарности за те крохи, которые у тебя остались...

Дэви выбрался на вершину башни. Крыши здесь давно не было, на высоте ветер хлестал, завывая, между простенками, зубцы которых были единственной преградой от полёта вниз. Дэви окинул взором город. Ком подступал к его горлу.

— ...И ты дрожишь и боишься! Не за себя, а за те угли, что в любой момент могут рассыпаться в пепел. В этом мареве. Ты и готов бы вновь поднять оружие, кинуться в самый жуткий бой, но ты боишься. И готовишься, что в этом проклятом мареве протечёт вся твоя никчёмная жизнь.

Его глаза вспыхнули изумрудным пламенем. Примотав плащ стражника к древку, он с размаху воткнул копьё в деревянный пол. На трущобы обрушился прибрежный бриз. Плащ с вышитыми серебряными нитями мечом и щитом затрепетал на ветру. Ему пришлось повисить голос почти до крика, чтобы Шафран, не ставшая подниматься на вершину и стоявшая у прохода, могла его слышать.

— Но правда в том, что достаточно одного лишь знака, даже призрачного или

надуманного, его будет достаточно, чтобы люди обратили взор в небеса! Чтобы они перехватили лямку груза своих воспоминаний и поднялись на ноги! Пусть их кожа почувствует дуновение ветра, пусть они помнят, что они ещё живы и что наши пылкие сердца могут замолкнуть, но никогда не погаснут. Они могут тлеть, обратившись в уголи, но достаточно лишь одного маленького дуновения, чтобы пламя вспыхнуло вновь! Нужно лишь не дать ему погаснуть. Кому про это знать, как не нам?

На башне в одиночестве стоял Дэви. Рядом с ним на ветру танцевал плащ. Сейчас, казалось, только он мог слышать трепетание ткани и шелест ветра. Но все, для кого отблеск серебра в свете заходящих солнц сулил приход следующего дня, отчётливо слышали в своём сердце эту же песнь ветра.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net